

РЮРИКОВИЧУ

ЯРОПОЛК І
СВЯТОСЛАВИЧ

РЮРИКОВИЧИ

**ЯРОПОЛК I
СВЯТОСЛАВИЧ
945-980**

**Москва
АРМАДА
1997**

ЯРОСЛАВИЧИ

**ЯРОПОЛК І
СВЯТОСЛАВИЧ**

Владислав Бахревский

ЯРОПОЛК

РОМАН

**Москва
АРМАДА
1997**

УДК 82-311.6(02)
ББҮ 84 (2Рос=Рус)6-44я5
Я 76

Составитель серии

Е. В. Леонова

Оформление серии

В. И. Харламов

ISBN 5-7632-0552-9

© Бахревский В. А., 1997

© Сост., художественное оформ-
ление, АРМАДА, 1997

Из энциклопедического словаря
Брокгауза и Ефрона.
Т. XLIA. СПб., 1904

Ярополк I Святославич — князь, сын Святослава Игоревича, брат Владимира Святого (945—980). Отправившись в поход на дунайских болгар, Святослав посадил Ярополка в Киев. Вскоре после смерти Святослава начались междоусобия между его сыновьями. По словам летописца, брат Ярослава, Олег Древлянский, на охоте убил Люта, сына воеводы Свенельда, главного соперника Ярополка; Ярополк, мстя за это убийство по настоянию Свенельда, начал войну против брата и разбил Олега, причем последний был убит. Затем Ярополк послал своих посадников в Новгород, откуда бежал за море испуганный гибелью Олега Владимир. Ярополк стал единовластно княжить на Руси.

В 980 г. Владимир возвратился с наемным варяжским войском и пошел на Ярополка, дорогой овладел г. Полоцком за то, что дочь полоцкого князя Рогволода, Рогнеда, предпочла ему Ярополка, силой женился на Рогнеде; затем, при содействии изменника боярина Блуда, Владимир овладел Киевом.

Ярополк послушался коварного совета Блуда, бежал из Киева и затворился в г. Родне, при устье реки Роси. Осажденный Владимиром, мучимый голодом (откуда надолго сохранилась поговорка: «Беда как на Родне»), Ярополк вступил в переговоры. Доверяя мирным предложениям брата и совету изменника Блуда, он пошел в ставку Владимира, но у входа в нее был предательски убит двумя варягами, спрятанными в засаде (980).

Владислав Бахревский

ЯРОПОЛК

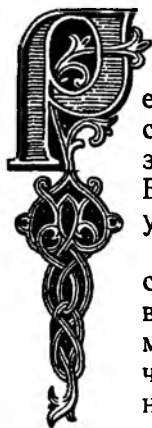
РОМАН

ДЕТСТВО БАЯНА

Пролог

ека, переполненная водою, как любовью, не-
сла весеннюю дань солнцу. Травы, еще не
забывшие гнет сугробов, тянулись неистово.
Вишневые рощи в оврагах вскипали благо-
уханным половодьем.

Одоловший за ночь всех супротивников,
соловей гремел победной трелью. Да и смолк
вдруг, озадаченный хрустальным, с искорка-
ми, голосом, будто пустили солнечного зай-
чика. Зайчик этот, совсем зайчишка, кинулся
не в чашобу, а сразу в небеса, стремясь до-
стигнуть самого солнца.

Волхвы переглянулись.

— Се голос отрока.

— Не отроковицы ли?

— Отрока, — сказал Благомир. — Да вот он!

На кургане, подняв руки к солнцу, стоял тоненький,
будто стебелек, мальчик. Пел, ликуя, ибо пришла пора
ликовать: весна.

— Он — наш! — сказал Благомир и поправил на челе
золотой обруч верховного волхва.

Семейное сокровище

На зеленом долу зеленая гора, на горе боры, на борах на кудрявых небо опочило. От края до края ни единой хмари — морщинки, ни единого пятнышка — птицы коршуна.

Под ярым солнцем трава парная, тропа горячая, ласковая. По лугам — ужом, на гору — стрелой, перед бором — запинаячись. Да и нет ее! Заглохла.

Повернулся отрок к матушке. У матушки глаза добрые, смелые.

— Тропа хранит от зверя, да уводит от сокровенного. Дальше пойдем по нехоженому.

Поклонилась бору, и сынок поклонился. Расступились перед ними деревья, будто дверь отворилась. Под узорчатым пологом — безмолвие. Ни единый лист не шушукнется, не шелохнется, трава как на страже стоит. Деревья друг за друга хоронятся, а сами — глядят! Кто пришел?

Зашумели вершины, давай мести небо. Великий гул поднялся, затрубили боры, будто тур с туром грудь в грудь сошлись.

Заметалось сердечко у дитяти, потянулся рукой к материнской юбке.

— Страшно, что ли? — улыбнулась матушка.

Опустил глаза.

— Это не буря, сынок. Радуетя батюшка лес нашему приходу.

Заплела косицу на ракитовом кусте. Погладила сына по кудряшкам.

— Ложись под ракиту. Послушай, что бор сказывает. Погляжу пойду.

Делать нечего, лег.

— Закрой глаза, — попросила матушка. — Слушай.

И был шум с одного края земли до другого края. Был посвист крыльев, уж таких крыльев, каких нет у птиц, разве что у туч грозových. Рокотали рокоты, будто струны гуслей, и слышал он речи, ладные, мудрые, льющисея потоком, кто говорит, где — не понятно. Ни единого слова не мог различить.

У детской обиды слезы близехонько, но вдруг пал вихрь с неба на землю, ударил дерево о дерево, и почудилось — зовут:

— Бааа-ян! Бааа-ян!

— Мама! — вскрикнул отрок. — Кто меня кличет?

Вскочил на ноги — уж такая в бору тишина: крот в норе повернулся, а его слышно.

Матушка рядом, к дубу щекой припала.

Кинулся к родной:

— Кто кликал-то меня?

— Судьба.

Незнакомое слово хлестнуло по сердцу, как прутик. Поостерегся спросить, что оно такое — судьба.

Ухватила матушка сына за руку, повела в дебри дремучие. Торопится, а руки не отпускает. Выбрались к свету, к ручью, а тут — гарь. Лес сожгли для будущего поля, но пожарища уж и не видно. Поросла гарь кипреем.

— Смотри, сынок! — шепнула матушка.

Вошла, как в пламя, в заросли кипрея.

Медленно, медленно поднялись над розовыми цветами белые руки, еще медленнее сошлись. Как в светильнике затрепетал в материнских ладонях розовый огонек.

— Иди сюда! — услышал он и в тот же миг увидел — лису.

Опершись передними лапами о дерево, лиса тянула мордочку, подглядывала.

— Матушка! — прошептал Баян.

— Я вижу, сынок. Звери всегда приходят посмотреть.

— А что это?

— Душа кипрея.

— Тебе не горячо?!

— Ласково. Хочешь подержать?

Огонь и впрямь не жег. Трепетал, как бабочка крыльями.

— Матушка, а кипрей-то увядает! — увидел Баян. — Можно, я верну ему душу?

— Верни.

— Я не дотянусь.

— Сам преклонится пред тобою.

Пчелы облепили цветок, будто он источал особый зовущий нектар.

Получилось. И в тот же миг сверкнула молния, треснул над головою гром, посыпался крупный окатный жемчуг из жемчужной, неведомо откуда взявшейся тучки.

Они шли домой, а за ними, прячась среди деревьев, бежала рыжая лиса.

— Матушка, а что можно сделать с душою цветка?

— Не знаю. Бабушка научила меня брать душу, а что с нею делать — обещала открыть, когда я вырасту... Говаривала: тайны нашей семьи сокровенные, за семью замками, за семью дверями.

— Бабушку убила стрела Перуна?

— Молния, сынок. В нашем роду старые люди сгорают живыми.

Спрятанные слезы

Возвращались из дубравы лугами, обходя старицы.

Ложились в голубые потоки колокольчиков, слушали дивные звоны цветов. Не всякое ухо уловит, как звенят, еще меньше люди понимают — о чем.

Пробирались под зонтиками пряных цветущих кубышек, по траве-мураве, по влажному, по медовому золоту куриной слепоты выходили опять же к старицам.

Глядели на изумрудные косы водорослей, дышали чистым, как снег, теплым, как солнце, запахом белых лилий.

Лягушки дремали в разогретой воде. Наслаждались молчанием. Лишь изредка в сладостном забытьи вскурлыкивала иная по оплошке, но тишины не нарушала.

Беззвучные темно-синие, с темно-синими крыльями стрекозы летали над сочно-зелеными листьями аира. Прятались, как за деревьями, среди камышинок утята. Притворялась корягой выпь.

В небе плавал орел, и так было хорошо в напоенной светом, в родной степи, как бывает после зимы и долгого разлива.

— Матушка, почему ты не поешь? — спросил отрок.
Слезы так и покатались из материнских глаз.

— Матушка! Матушка! — испугался Баян.

— Да ты хоть помнишь, как зовут меня?!

Опустилась на землю, плакала горько, будто сама ребенок.

— Матушка! — бегал вокруг Баян, не понимая, что стряслось, и не умея помочь.

Бросился на землю рядом, гладил мать по мокрой щеке, заглядывал в глаза.

— Ты — Власта! Власта!

Мать стянула с головы платок, вытерла лицо.

— А как батюшку твоего звали? Какой ты земли, какого рода-племени?

— Мой батюшка Знич. Мы из рода Зничей. Земля моя — древлянская, а племя наше — славных людей.

Обняла матушка сына, обмерла на краткое мгновение.

— Сладость ты моя горькая! Забирают тебя, сынок. У доброго человека будешь жить, ума набираться. Три года не велено мне тебя видеть. Три года впереди, три злых судьбины.

— Матушка! Ни к кому я не пойду. Хочешь, я в дубраве спрячусь, в кипрее?

Засмеялась Власта:

— Милый ты мой! Прости глупые слезы. Нам нужно радоваться, а не плакать. Тебя берет в науку великий жрец Сварога. Сам Благомир!

Вскочила на ноги, легкая, быстрая. Взяла Баяна за руки, закружила и, кружась, бежала по лугу. И он летел над землею, и полыхало в глазах синим, алым, белым.

Оба рухнули в траву. Она хохотала, показывая на колючие великаны в алых шапках.

— Чуть-чуть не забежали! Какие будяки! Вот уж было бы нам! Запомни, сынок. Этот колючий красавец — дивный лекарь. Заболят глаза — засуши корзинку от цветов, отвари и промойвай. Ясными будут. Отвар пить можно, от кашля, от чирьев. — И спохватилась: — Пошли покажу тебе хоть пару добрых трав. Вот, смотри! Воробьиное просо. Листья к ожогам прикладывают. Баянушка, а ведь это — царь-трава. Как стрелы небесные, осеняемые гро-

мом, гонят в преисподню темную злую силу, так и царь-трава. Листочки нарывы лечат. Главное запомни: сия травка — спасение от укуса змей, от ядовитых пауков, от всей прочей гадости.— Засмеялась.— Лысым утешение. Хорошо полечить — волосы отрастут.

Замолчала, окидывая растерянным взглядом цветущие луга.

— Сколько здесь добрых сильных травок... Ничего, сынок. Вернешься через три года — обучу всему. Царь-траву запомнил?

— Запомнил, матушка!

— А про цветочные корзинки чертополоха?

— Какого чертополоха?

— Колючего. Будяка.

— Запомнил. Глаза лечит, чирьи. Воробьиное просо от ожогов.

— Молодец! Ты будешь добрым учеником Благомира.

Сердце у Баяна сжалось, прильнул к матери. Она вдруг легко поднялась, понесла его на руках, как малого дитя, песню запела, уж такую дивную песню: полились у Баяна слезы ручьем.

Не заметил, как украдкой матушка собрала несколько его слезинок в кожаный, с наперсток, бурдючок.

А сама пела, пела, будто заклинала:

Куличок-ходочок ходил за море,
А за морем жизнь диво дивное.
Чудо чудное, а уж вежливое.
У жар-птицы пир, птицы Фенюшки,
Да скучлив сидит добрый молодец,
Заскучал кулик по родной земле,
Ай по матушке, да муравушке.
И пошел он прочь из чужих краев.
По горам идет, как по облаку.
Ему в ноги дол, он и по долу,
Он и по морю, будто посуху.

— Матушка, поставь меня! — попросил отрок.

Захлебнулась Власта воздухом, отняла сына от самой себя. Поставила на землю.

— Матушка, я не слышал такой песни.

— Впервой напелось.

— Откуда же слова-то взялись?

Засмеялась Власта, развела руки, показывая сыну весь белый свет, и опять задохнулась воздухом.

— Вот уж и домой пришли.

Зеленые ветлы, толпившиеся над рекой, скрывали от недобрых взглядов селение.

Власта положила руки на плечи Баяна, повернула лицом к степи, к борам на горе, к огромному небу.

— Смотри! Вот она — твоя земля. Люби и помни. Нет крепче крепости.— Повернула сына к себе:— Никогда не лги матери и учителю. Никогда не говори правды врагу.

Чудесный плащ Благомира

Власта и Баян подходили к тыну, когда из ворот выехала дюжина всадников. Двое направили коней к идущим по тропинке. Один всадник был в белых одеждах, с белой бородой, другой одет воином.

— Здравствуй, Власта! — приветствовал старец женщину.— Жди сына через три года в день Купалы.

Воин наклонился с седла, поднял Баяна, посадил перед собой.

— Я ему на дорогу одежонку приготовила, еду! — птицей захлопотала Власта.

— Все у него будет, одежда и еда. Не тужи, женщина. С тобою бог! — Всадники тронули лошадей, и Баян не смог даже послать матушке прощального взгляда: заслоняла расшитая бляхами кожаная рубашка ратника.

Скакали к реке. Руки у воина были словно железные. Сидел Баян как в тисках. Воин ни слова не сказал.

У реки всадники остановились, ожидая Благомира.

Старец подъехал последним. Отстегнул плащ. Кинул на воду. По плащу, как по мосту, переехали на другой берег реки. Один из воинов спешился, принес плащ. Баян видел: плащ мокрый. Его водрузили на пику, сушили на ветру.

В седле как в зыбке. Долгая скачка укачала отрока, заснул. Пробудился от того, что кони встали, кто-то взял его на руки, понес...

Сладко пахло сеном, трубили тритоны... Баяну было хорошо, но хотелось заплакать, и когда по щеке покатилась непрошенная гостья, пришла Власта, склонилась, улыбнулась.

— Мама, ну сядь же ты ко мне! — попросил Баян и открыл глаза: на него смотрело солнце.

Он лежал на круглой копешке сена. Под головой седло, покрыт ласковой лисьей шубой.

Сполз на землю.

Тишина. Безлюдье. Поляна в дубраве. Огромный терем с острой, много больше самого терема крышей, с крутогрудыми коньками с двух сторон. В стене дюжина бойниц, длинных, узких.

Баян забежал за угол дома, облегчился. Здесь стена была глухая.

Пошел вокруг терема — ворота. Приоткрыты.

Вошел. Конюшня! Лошадьми пахнет. Солнце било во все двенадцать бойниц, прямо в глаза, пришлось зажмуриться.

Но это и впрямь была конюшня. Справа и слева от ворот — стойла. Кони как снег. Шесть и шесть. Белый конь — конь бога и сам бог. Баян упал ниц.

Кони смотрели на него, и он, набравшись смелости, подошел ближе. У третьего от стены на лбу была едва приметная розовая звездочка. Баян сделал к нему шаг, и конь склонил голову, словно позволяя погладить себя. Баян, переполненный тоской по матушке, подбежал, прижался щекою к шелковой шее, гладил, перебирал кольца серебряной гривы. Конь дышал тепло, а нос у него был холодный. Ткнулся в плечо, пощекотал ключицу.

Баян зачерпнул ладонями овса из яслей, поднес коню, и тот подношение принял. Желая быть справедливым, отрок обошел всех коней, подавая им овес из рук.

Кони были сыты, но только один из двенадцати не принял простецкого дара.

Видеть столько священных коней — диво дивное! Сердце у Баяна стучало радостно, но и тревожно. Почему никого нет? Он вышел из конюшни, перебежал поляну.

За деревьями, на другой поляне, стояли избы, но людей не было. В ноги легла ему веселая тропинка, побежал.

Тропинка привела к озеру. К синему пятнышку среди зеленого леса. Подошел ближе — мурашки на спине вскочили. Не озеро — провал. У самого берега глубина страшная.

Свет пронзал толщу воды, дно мерцало, как драгоценный камень, но уж из такой пропасти!

Баян сел на берегу. Засмотрелся на это дивное мерцание.

— Куличок-ходочок ходил за море, — спел он тихонечко матушкину песенку. — А за морем жизнь — диво дивное...

И еще раз спел. И вдруг увидел зверька. Зверек смотрел на него из травы. Золотистый, гибкий.

— Ласка! — догадался Баян.

Зверек не уходил, словно ждал песенки. Он спел ему, что пришло на ум.

Белый конь из ладоней моих
пригубил серебро овса,
Дивная тайна на дне,
водой прозрачной прикрыта.
И пришел теперь ты,
именем — ласка, повадкой — хищник.
Что ты хочешь узнать от меня,
отданного в ученье?

Зверек припал к земле, исчез.

Только теперь Баян увидел: на другом берегу у воды сидит Благомир, смотрит на воду.

Баян вскочил. Поклонился. И тоже посмотрел на воду. Жрец улыбнулся.

— Это я хотел увидеть то неведомое, что открылось твоим глазам. Пошли, Баян. Солнце зовет на обед.

В большой избе от стены до стены — стол. У стены сидели старцы, спиной к двери мужи во цвете лет, в конце стола четверо отроков.

— Будь среди нас меньшей, а большим тебя дедушка Род да лета поставят, — сказал Благомир, усаживая Баяна на край скамьи.

А место уж так мало — никак не прилепишься.

— Принесите пенек! — приказал Благомир.

Пенек поставили у стены. И сел Баян против жреца. Пропели благодарение Сварогу, поставили еду Роду и сами взялись за хлеб да ложки.

Деревянные глубокие блюда приходились одно на четверых. Для отроков стало теперь на пятерых. Трем ученикам было лет по двенадцати, а сидевшему на краю, может, и девяти еще не исполнилось, да все равно старше. Баяну неделю назад на семилетье подарила матушка расшитую васильками рубашку. По вороту васильки, по рукавам, подолу.

До блюда было далековато, потянулся Баян в свой черед — не достал. Старший из отроков улыбнулся, подвинул блюдо.

«Что жрецы-то едят?» — подумалось Баяну.

Крапивные щи! Такие же, как матушка вчера сварила. Вкусные.

— Яйцо вылавливай! — шепнул Баяну сосед.

Раз черпнул — не далось. И другой раз не далось.

— К краю прижимай! — посоветовал доброхот.

Попалось.

Щи выхлебали. Принесли каждому кружку квасу да по два пирога. Один с мясом, другой медовый.

Поели, восславили Сварога и Рода. Баян хотел с ребятами пойти, но один из воинов повел его за собою через рощу. Вышли в луга. Воин показал на стог, на лестницу.

— Забирайся наверх. Поспи. Потом погуляй. Как солнце над лесом станет, приходи ужинать.

К ребятам хотелось, но что поделаешь.

На стогу высоко! Солнышко близко. Речку видно под косогором, дали, потонувшие в лучах. Лег Баян, раскинув ноги и руки.

— Весь я твой, Сварог, внук дедушки Рода.

Может, и не надо было так-то говорить: солнце в облако ушло. Облако — кудрявый баран. Идет по небу потихонечку, а за ним ярочки, уж такие светлые — смотреть больно.

«Небо-то все равно что лужок», — подумал Баян.

Пригляделся. Так оно и есть — лужок. Травы синие, шелковые. Овцы траву щиплют, по всему лужку разбрелись.

«Уж не звезды ли это?»

Призадумался, но не додумал загадку: по небу летел плащ Благомира.

Баян глаза протер: не облако — плащ, тот самый, по которому речку переехали. Летит сам по себе. Дивное дело!

Вдруг то ли рокот дальнего грома, то ли бревна сложенные раскатали? А вроде бы и гусли? Да и впрямь гусли. И гуслиар вот он! Борода по земле течет, как туман. Сам белая гора. Поет славу. Князю ли с княгиней, пращурам, а может, сеятелю да хлебушку — не разобрать ни единого слова.

Рокоты не рокочут уже — громыхают, со струн молнии спархивают.

Видит Баян, старец серебряного края гуслей не касается. Одряхла рука, не достает звончатых струночек. Вот и дернул сам за серебряные. Струночки-то легонькие, шелковые. Пошли по ним переливы, перегуды, а последняя струна уж так звенит, как душа щемит.

Не на ту ли жаль прилетели, встали на небе перед другом две птицы. Лики у них девичьи, на головах кокошники, узоры окатным жемчугом выложены. Крылья огромные, как знамена, цветом то ли до синевы черны, то ли дбчерна сини. Одна птица поет — избы горят, по лесам, по вершинам огонь валом валит, с бора на бор переметывается. Другая поет — вода из рек, из озер столбами ходит. Хороши песенки! И, не ведая, что ему делать, как земле помочь, самому спастись — запел Баян птицам наперекор. Голосочек все равно что паутинка средь небес, но опал огонь, осела вода. Не стало птиц.

Старец поклонился вдруг отроку, подает гусли.

— Теперь тебе петь, мои песни кончились.

А гусли до небес, колки за облаками.

— Не удержу! — испугался Баян.

— Русь — не трусь! — улыбнулся старик.

Взял Баян гусли и — проснулся.

Орел парит, в лесу иволга надрывается, предупреждает.

Съехал Баян со стога, о лестнице забыв, о землю стукнулся. И пятки больно, и пить хочется, а солнце еще высоко. Пошел к реке.

Поле прямехонько в небо упирается, а потом плавно вниз. Река что-то уж очень далеко, змейкой.

А Баяну весело, ноги бежать просятся. Побежал, да все скорей, скорей! Ветер рубаху рвет, в грудь упирается, будто не пускает. Хохочет Баян, пуще летит — да и стал на самом краю пропасти. Дедушка Род длань на плечо ему положил.

Утес как белая стена. Дорога внизу. По дороге телега пылит. Лошадь с муравья.

Отступил Баян от края на шаг, на другой. Ноги подгибаются, как у телят новорожденного.

Хотел сесть, не сел. Хотел обратно бежать, не побегал.

На утесы смотреть страшно, а не смотреть — стыдно. Чего теперь трусить? Худшее миновало.

Поднял глаза — Каменный конь. Белый как снег. Голова да грудь из горы выступили. Подошел ближе к краю — копыто увидел. Тоже гору пробило. Копыто над жертвенником. Святилище.

Может, и смотреть на это нельзя. Пошел скорее наверх, к стогу.

Постоял возле лестницы. Куда себя девать? Поглядел на рощу. Побежал к деревьям, как к родне. Залез на клен. Сел в ветвях, как птица, затаился. Посидел, посидел, сорвал листик, черенок пососал. И заплакал, рта не разжимая, чтоб даже дереву не выдать пережитого страха.

Пришел Баян на ужин вовремя. Смотрит, над его пеньком, на стене — плащ Благомира висит. Слетал куда надо было и вернулся.

Три испытания

После трапезы Баяна окружили жрецы. Сначала везли в телеге, потом вели через лес, поваленный буреломом. Вышли на поляну. Ни избы, ни хлева, один колодец с журавлем.

— Много ли страха в тебе, отрок? — спросили жрецы.

— Не ведаю, — пролепетал Баян, холодея.

— Не расти, как трава, расти, как человек. Измерь — немереное, неведомое — изведай.

На Баяна надели шубу, шапку, а то, что ноги босы, — не посмотрели. Подвели к бадье:

— Садись.

Кое-как втиснулся, в тот же миг без напутствия, без единого слова бадью стали опускать в черную пропасть колодца.

Зажмурился Баян, затаил дыхание. Да как не дышать, когда бадья все ниже, ниже — не скоро стукнулась о воду. Стукнувшись, качнулась туда-сюда, того гляди, черпнет и потонет. Не потонула. Закружилась. Смотрит Баян вокруг себя, но такая тьма, будто глаза закрыты. Вверх поглядеть ну никак нельзя — шапка упадет. Да что шапка, бадья опрокинется. Опустил Баян руку вниз — вода на две ладони от края. Тихохонько нужно сидеть.

Вспомнил страшный, наполовину мертвый, погубленный вихрем лес. Вспомнил поляну с колодцем посреди: мурашки на спине закопошились.

«А чего мне про поляну-то думать! — подсказал сам себе Баян. — Буду матушку вспоминать».

Но встала перед глазами иная картина. Единственная в памяти, где был отец. От матушки знал: отец кормщик на стругах. Кормщика провожай да жди. Всего и осталось: подкинул батюшка его уж так высоко, что душа в пятки ушла, а хорошо несказанно. Прижал отец головку его к виску своему, а там что-то стучит, бьется, теплое, ласковое... Вот и все. Пять лет минуло — нет как нет. Может, парус ветры разодрали? Разнесли в щепу весла крутые волны, выела соленая вода днище у струга? Может, батюшка давно уж среди мертвых,

среди тьмы и сам тьма? Холодно ногам стало. Как льдышки.

«А спю-ка я песенку тьме-тьмущей, может, перестанет меня пугать?» — подумал Баян.

Запел одними губами, без голоса:

—Тьма ты тьма, сама себе князь!

Тьма ты тьма, никем не рожденная.

Ни матушки у тебя, ни батюшки,

Ни брата, ни сестры. Обними меня, будь мне названной родней. Ведь и я здесь один, без батюшки, без матушки, ни брата у меня, ни сестры. Говорят о тебе, темушка, несусветное. Ночь-то, говорят, темна, лошадь-то, говорят, черна, еду, еду, говорят, да пощупаю, тут ли лошадь-то? И другое говорят о тебе, уважаючи. Махнула-де птица крылом, белый свет покрыла одним пером. То перышко шелковое. Ты погладь меня, а я засну. Твоего покоя ради буду крепко спать. Твоих тайн слухом слухменым мне да не улавливать, глазами глядючи не выглядывать, быстрым умом не выведывать.

Стянул шапку с головы. Осторожно, не качнув бадьи, пропихнул вниз, на ноги надел. Голову воротом прикрыл. Потеплело.

О ребятах вдруг вспомнил. Тоже ведь небось сидели в колодце.

Вспомнил, как у матушки под бочком ласково, вспомнил, как ходили в лес, в кипрей...

А тропинка луговая вот она! Побежал матушку догонять. Долом, бором, вышел наконец к гари, заросшей кипреем, а уж темно, ночь. Глаз поколи. Тут вспомнил он заветное, сложил ладони, как матушка складывала, снял огонек с цветка. И уж так светло стало — увидел матушку.

— Вот для чего сия тайна! — сказал он Власте, подавая огонь ей в ладонях. — Возьми! Возьми!

— Чего взять-то? — спрашивали жрецы, улыбаясь.

Проснулся, ладони в горсть сложены.

— Вылезай! — сказали ему. — Ишь, ловкий, как в гнезде устроился. Знаешь теперь, какой он, батюшка страх?

— Не знаю, — признался Баян. — Я просил у тьмы послать мне скорый сон.

Переглянулись жрецы, но ничего не сказали. Привезли в свою рощу, дали суму с зерном.

— Ступай птиц покорми до обеда.

— Так ведь лето, — сказал Баян.

На него посмотрели со строгостью.

Делать нечего, пошел кормить сытых.

Добрел до хрустального озера, сел на берегу, насыпал зерна себе на плечи. Может, сядет какая птичка, другом станет?

Птицы на зерно не позарились, но опять явилась ласка. Глазки блестят, уж такая любопытная.

Смотрит Баян то на ласку, то на драгоценный кристалл на дне озера. Совсем забыл о колодце, о суме с зерном. То об отце подумает, то вспомнит матушку. А потом заслонил все думы старец гусяр. Загудели в ушах, зазвенели дивные стройные звоны. Так бы и запел, да знать бы о чем.

Прибежал отрок, учивший, как яйцо выловить из блюда. Крикнул, близко не подходя:

— Обедать!

Тотчас и скрылся.

Взял Баян суму, залез на дуб, края сумы развернул, поставил между сучьями: берите, кто голоден.

На обед была молочная тюря, да пшенная каша с молоком, да блины со сметаной.

Уж так накормили, вздохнуть тяжело. Отвели жрецы Баяна в амбар с зерном. Показали на солому в углу.

— Поспи. Да хорошенько. Ночью тебе в сторожах стоять.

У Баяна от сытости глаза без уговоров сами собой слипались. Заснул, не донесши голову до снопа.

Снилось Баяну огромное поле и жатва. Жнецов множество, а жнива не убывает. Поют жнецы, но не может Баян слов разобрать. Поискал серп, чтоб помочь работе — не нашел, хотел подпеть, но без слов не пение будет — мычание.

— Где гусли мои?! — закричал Баян в сердцах и проснулся.

Над ним стоял Благомир.

— Пора!

Поднялся Баян, глаза протер. Темно. До вечера проспал.

Через темную поляну повел Благомир отрока не к жилищу, а туда, где еще темнее — к лесу.

«В ночное ведет лошадей сторожить!» — обрадовался Баян.

Но Благомир остановился перед дубравой.

Жрец был в плаще, а плащ-то — крылья.

— Смотри, не испугайся! — предупредил Благомир.

Взял отрока под мышки, и воздух так и ударил в лицо, в глаза.

«Летим!» — ужаснулся Баян, а все уже кончилось. Они стояли на вершине дерева. Под ногами твердо, гладко.

— Будешь стоять до рассвета, до последней звезды. Как погаснет — тут и работе твоей конец.

— А кого я стеречь должен? — осмелился спросить Баян.

— Звезды.

— Звезды?!

— Нехитрое дело. Ярочки послушные. Сделают свой круг по небесным лугам — и на покой.

— А как же мне их пасти? — засомневался Баян.

— Смотри да примечай, какая какой дорогой по небу хаживает. Не забудь посчитать, сколько ярочек за ночь сверзится. Да поможет тебе дедушка Род.

Благомир положил руку на плечо отрока, постоял еще немножко и пошел по кудрявым, по темным вершинам деревьев, будто это была твердая дорога.

Повернулся, поманил:

— Если одному боязно, догоняй.

— Я постою, — ответил Баян.

— А ты шагни, шагни!

— Нет, я постою.

Засмеялся Благомир, ушел, пропал среди темени, а смех еще долго был слышен.

Остался Баян один со звездами. Пощупал ногой место своего дозора — ступни в три туда и сюда. Повернуться

можно, можно и посидеть. Звезды помаргивали, разглядывая своего пастушка. Иные, чтоб не заскучал, огнями переливались. Млечный Путь искрил. Может, и под конскими копытами. А кто по той дороге скачет ночь напролет, с земли не видно. Уж очень высоко.

Постоял, постоял Баян — ноги не чужие. Изловчился, сел. Дух перевел. Сидя на звезды удобнее смотреть... Они и впрямь как овечки: стояли здесь, а уже вон где!

Про звезды Баян спрашивал матушку. Говорила, что все горячие, горящие — души славных богатырей да воинов. Млечный Путь — волосы из бороды Сварога. Ребята иное про Млечный Путь сказывали. Коровы-де заплутали, забрели на небо, подоить их было некому, вот и нароняли молока.

Вдруг снова хохот. Вздрогнул Баян, но тотчас и сообразил — филин тешится.

Спыхватился: не упала ли где ярочка небесная? Нет, не падают. Хорошая пастьба, покойная.

На земле тоже покойно.

Примостил руки за спиной, закинул голову, удобнее стало на небо смотреть.

— О Сварог! — вырвалось само собою.

Звезды клубились, как пена. Какие это ярочки? Океан-море! С волнами, со струями.

И вдруг подумал: если коровы-то на небо, заплутав, забрели, может, и батюшка, плывя ночью по морю, наехал на небо? Плывет теперь в струге среди пучин звездных?!

Стал искать батюшкин струг. И обьяло душу красотой. Не стало тьмы. Светят звезды, еще как светят! Слова сами собой посыпались, будто зерна из поспевшего колоса:

— Сорок сороков, а по сорок сороков еще сорок! Полно ты, небо, звездами, как лукошко ягодами. Съел я лукошко ягод — насластился досыта, а на звезды глядеть голода не убыло. Их сорок сороков, а по сорок сороков еще сорок! Прости, Сварог, — голоден выхожу из-за твоего стола, буду ждать весь день застолья нового.

Такой словесный хоровод потянулся — ни конца ему, ни края. Поглядел на Большой Звездный Ковш, а небо его уж опрокинуло. Тьма выплеснулась, небеса пеплом подернулись, выпекается в золе пирог дивный, несказанный.

Когда пришли жрецы, Баян стоял как тростиночка и, подняв руку, прощался с последней, с самой радостной, с утренней звездой.

— Сколько звезд упало? — спросили пастушка.

— Ни единой.

— Может, ты проспал?

— Ни единой! — гордо повторил Баян.

Его отвели спать в чулан, а после обеда посадили на бережку ручья, дали удочки, наказав ловить рыбу на голый крючок. Дело было пустое, но Баян исполнил повеление. Смотрел на бегущую воду, на песчинки на дне, не глядел только на поплавок. А рыбка возьми да поймайся.

На ночь Баяна положили в конюшне, но не там, где стояли белые священные кони. Это была обычная конюшня, и лошади здесь были обычные, гнедые, буланные, саврасые. Баян, прежде чем лечь, погладил каждую лошадку, словечко доброе сказал. Спалось ему сладко, но выспаться не дали, подняли до зари.

Дали белую неношеную рубашку, такие же порты. Поглядели — впору ли. Вывели в луга. Здесь стояла могучая лошадь, запряженная в плуг. Плуг горел, как солнце.

«Уж не золотой ли?» — изумился Баян.

— Сей плуг — золотой! — сказал Благомир. — Сокровище и завет пращуров наших. Вспаши, отрок, борозду. Начнешь, как только край солнца покажется, кончишь, когда последняя капля в землю просочится. Вот тебе каравай хлеба, соль, луковица да горшок молока.

— А для лошади? — спросил Баян.

Жрец улыбнулся:

— Для лошади в поле стоит торба овса да бочонок воды.

Посмотрел Баян на золотой плуг, испугался.

— Мне сил не хватит, чтоб в землю его погрузить.

— Плуг острей меча... Какая выйдет пахота, таков ты сам, такова судьба твоя.

Жрецы подняли плуг, вонзили в землю, показали Баяну, как надо с ним управляться.

За сохой Баян ходил на своем поле. Дедушке помогал. Но плуг, да еще золотой — видел впервые. И ведь не поле надо было взрезать, а матерую землю, не ведавшую орудий землепашцев.

Велес ли был милостив, дедушка ли Род пособил, но плуг — чудо из чудес — земельку резал без натуги. Да и лошадь была — Микуле Селяниновичу в пору на такой пахать.

Баян, однако, не жадничал. Десяток саженов прошел, остановил буланого. Конь еще и не разогрелся, но растратить силы можно скорехонько. Налегать же на плуг, держать его в руках — не на звезды смотреть. Глазницы потом залило.

Конь на частые остановки сначала фыркал, но потом, отдыхая, благодарно обнюхал своего пахаря. Не торопились, а ушли далеко.

В полдень Баян накормил коня, напоил и сам хлебца отщипнул да молочка похлебал.

Склонилось солнце, только до захода еще пахать и пахать, а конь уж спотыкается. Надрал Баян клеверу охапку, отдал коню хлеб, отдал ему соль, молоком попотчевал. Сам подкрепился луковицей. Горько, а все ведь пища.

Изнемогал Баян, налегая на плуг, уходила земля из-под ног могучего коня, копыта проскальзывали, немочь прогибала спину, опали сытые бока.

Солнце уже как ягода малина. Низехонько. А сколько надо напахать, чего ради — неведомо. Дал Баян еще одну передышку изнемогшему коню. Сам навалился на плужок, сил нет пот отереть с глаз.

Смотрит, еще один пахарь орет, небесный. Был тот пахарь облаком, и конь его был облако, и плуг. Орали они саму, знать, Вселенную.

Поднял небесный пахарь длань, приставил к очам, поглядел на отрока нахмурясь.

— Гей! — крикнул Баян коню.— Гей! Поднатужимся. Солнце уже земли коснулось.

И пошел конь, пошел, засвистела трава разорванная, захрустели корни, будто кости, задышал пласт перевернутый.

— Гей! Гей! Коняшка! Скоком скачи да на солнце, гляди, не наедай!

И тянули, тянули борозду до последней искры на краю земли.

А как погасла, так и стали.

Упасть на траву и то мочи нет. Дышит конь боками, а с боков — пена.

На борозду Баян даже не поглядел. Не повернул головы, трудом утомленный.

Тут и жрецы пожаловали. Подивились Баяновой борозде. За край небес увел.

— Потемнела твоя белая рубаха,— сказал Благомир отроку.— То тебе не упрек — душа белее стала. Ныне открылось нам: ты, Баян, внук Велеса. Велесовым премудростям будешь учиться.

Спал в ту ночь Баян вместе с ребятами. Но даже словечком с ними не перекинулся. Лег — и заснул. Наработался.

Сила слова

Утром отроков посадили за ступы, толочь сушеные ягоды.

Жрецы все были на давилъне, выжимали сок из трав, цветов, грибов. Готовилось снадобье для браги Сварога, поить жертвенного коня, жрецов и самого бога.

— Ах ты, бражка, бражка божья! — весело пели ребята, постукивая пестами, и Баян, подхватывая слова, подпевал им.

Мы готовим тебя, бражка,
Чтоб в бочонках ты бродила,
Чтобы дух в носок шибал.

— Чтобы дух в носок шибал! — веселился Баян, перелядываясь с ребятами.

Стало слышно — жрецы тоже поют. Ребята примолкли, запоминая песню.

Не грохым-грохым, не миганьцем,
Быстрой мыслию, кряжной мышцею
Ты взыграй, взъярись, бражка пенная!
Ты столкни с земли и с небес спихни
Супротивников бога белого, света светлого!
Будь врагам его мутным омутом,
А дружине его — озарением.

В наступившей тишине скрипел жернов, мерно стучали огромные песты об огромные ступы. Были еще какие-то звуки: жрецы, наверное, хороводы водили, притопывая. Пение иное пошло.

Будь же ты густее меда, браженька,
Сокровенных соков будь забористей.
Пусть поющий, выпив кружку, — не шатается,
Но получит дар священный — голос вещего.
Пусть медовым духом дышит,
Хмель же пусть язык распустит,
Пусть горчат слова польнью,
Заплетаются пусть ноги,
Даже речь бессвязной станет —
Лишь бы совесть не плутала,
Не согнуло б ложью правду,
Не состарилась душа бы,
Но младенцем оставалась.

Работали весь день, не обедая. Спать легли без ужина. И этак три дня.

Баян наконец узнал, как зовут ребят, чему обучаются. Трое старших — Любим, Лучезар, Любомысл — работали в кузнице, знали с огнем, железо ковали. Погодок, ласковый сосед по столу, именем Горазд, привыкал к золотому делу, к тайнописи.

— А меня куда приставят? — спросил ребят Баян.

— Коли ты внук Велеса, к священным коням, — сказал Любим.

— К жертвеннику! — возразил Любомысл.

— Не гадайте, — осадил товарищей Любим. — Что скажет Благомир, тому и быть.

Пока брага бродила в дубовых бочках, набирая силу, ребята жили беспечно. Им позволили ходить на реку, в лес по грибы, в луга за сладкой клубникой.

«Почему матушке нельзя здесь жить?» — вздыхал про себя Баян.

Однажды утром собрались ребята в Вишневый лог. Тот лог длиною в двадцать верст, и все двадцать верст — вишневая роща.

— Хорошее у тебя лукошко, — сказал Благомир Баяну. — Не мало, не велико, для нашего дела впору. Вы, ребята, ступайте, а у нас с тобою, Баян, будет иной сбор.

Ребята поклонились верховному жрецу, побежали с горы вниз, в пойму, а Баян пошел, куда повели, в дубраву. Посмотрел Благомир на огорченное личико, улыбнулся:

— Скажи мне, сколько слов говоришь ты за день?

Баян покраснел.

— Не знаю.

— Никто того не знает, — успокоил отрока велимудрый жрец. — Но много или мало?

Баян призадумался.

— Вслух — не много, а про себя много!

— Про себя много! — поразовался ответу старец. —

А как ты думаешь, велика ли сила слова?

Баян нахмурился.

— Если складно говорить — велика.

Глаза Благомира стали вдруг колючими.

— Да в чем же сила складных слов? О каких словах баешь, о прибаутках, что ли?

Отрок потупил голову.

— Ты говори, говори, мне лепо тебя слушать! — ободрил Благомир.

— Не знаю я ничего, — сдерживая слезы, пролепетал Баян.

Жрец не торопил, но ответа ждал.

— Когда праздники бывают... Одни запоют, а другие в пляс...

Благомир просиял.

— Знать не знаешь, а догадка твоя многого стоит.—
И вдруг охнул: — Волк!

Баян кинулся к старцу, прижался.

Благомир обнял мальчонку, приласкал.

— Напугал я тебя. Ты уж помилуй меня. Видишь — слово пострашнее волка. А можно ведь иначе сказать: в о л к! Не страшно?

— Не страшно.

— А хотелось взять дубину и бежать бить серого?

— Хотелось.

— Вот и запомни: слово может все.

— Все? — повторил Баян, но от жреца не укрылось сомнение и вопрос в голосе.

Они шли все дальше и дальше, лес стоял тесно, было сумрачно.

— Смотри! — показал жрец на дерево.

— Сова, — прошептал Баян.

— Филин.

Глаза у Благомира расширились, сказал он что-то непонятное, свистящим шепотом, но филин рухнул с дерева, как мешок, и только уж на земле забился, побежал, топорща крылья, налетая на кусты, спотыкаясь о коренья.

— Вот оно слово-то, — сказал жрец. — Не только человек, но птица и зверь ему послушны.

Они вышли к каменной гряде. Благомир протиснулся в узкую щель. Пещера! Чернее, чем в колодце. Жрец взял отрока за руку и по ступеням вел куда-то вниз. Наконец земля под ногами стала ровная.

Жрец высек огонь, запалил факел. Сводов пещеры не видно.

— Я покажу тебе силу слова, — сказал Благомир и погасил факел.

Грянула такая тьма — глаз поколи. Первые слова заклинания жрец сказал шепотом, может, в них-то и таился ключ могущества. Слова росли, голос крепчал. Своды гудели — кружило эхо. Уже Благомир умолк, а слова, не находя неба, бились о стены и не могли угаснуть. Вдруг жрец закричал пронзительно, словно ударил копьём:

— Алаатырь!

В то же мгновение с противоположной стены посыпались с грохотом камня, и узкий луч света пронзил тьму пещеры.

Благомир положил руку на плечо отрока.

— Вот оно слово! Сильнее меча и тарана. Видишь?

— Вижу,— прошептал Баян.

Они поднялись по ступеням вверх, вышли на свет.

— О пещере никому не рассказывай.— Благомир был бледен, бисер пота покрывал его виски и лоб.

Сел на камень. Посмотрел на Баяна, а у того в глазах уж такой восторг, что даже дрожит весь.

— Садись,— сказал Благомир.— Камни теплые... Я много чего знаю. Одно от учителя моего перенял, другое от людей, а есть, и не мало, что сам нашел в словесном море-океане.

Помолчал, трогая осторожно цветок колокольчика.

— Ишь какой! Кому-то и он звенит.

Сердце у Баяна стучало, и чуткий жрец слышал, как оно стучит.

— Ищу я ныне заветное слово... Много бед у народа нашего впереди. Быть ему в великой славе, но и бедствия ожидают его сокрушительные. Все переживет, перетерпит... На то они и волхвы, чтоб знать да беречь. Вот и хочу поставить сокровенное слово на небесах. Будет как стена,— улыбнулся.— Помогай старику слова собирать.

— А как?! — вырвалось у Баяна.

Благомир показал на осу, ползавшую по камню:

— Поймай!

Баян изловчился, накрыл осу да и вскрикнул, затряс ужаленной рукой. Благомир засмеялся. Притянул мальчонку к себе, подул на его ладошку, пошептал, поплевал на стороны: боль прошла.

— Вот тебе урок. Поищи слова, чтоб отваживали ос от избы, от человека, от дупел с медом.

— А где же их искать? — испугался Баян.

— Повсюду... Лукошко у тебя пусто?

— Пусто.

— Вот как будет полнехонько отборными словами, так все само собой и получится, слово к слову прилепится.

На обратной дороге Благомир пел немудреные заговоры.

— По полям, по долам, по зеленым лугам да по желтым пескам, по быстрым рекам ходил я, волхв именем Благомир, ходил, глядел, слова собирал. Как желты пески пересыпаются, реки быстрые переливаются, как с зеленой травы росы скатываются, так и с меня, с волхва, с Благомира, страх мой скатился бы. С буйной головы, с ретивого сердца, с ясных очей, с кровяных печеней и со всего тела белого.

Поманил Баяна подойти, положил руку на плечо.

— Складно пою?

— Складно.

— Спрашивай, коли чего спросить хочется.

— Про что заговор?

— От испуга.

— Неужто ты, волхв Благомир, чего боишься?

— Кому много открыто, у того страхов великое множество,— вздохнул старец.— Предчувствия томят... Ты слушай да учись ладу в словах.

И опять запел:

— Выйду я, волхв Благомир, во чистое поле, стану лицом ко дню, хребтом к ночи. Акиры и Оры и како идут цари, царицы, короли, королицы, князи, княгини, народы и роды да не думают зла и лиха, а видят меня, волхва Благомира — да сердцами-то возвеселятся, возрадуются. Как не поворотить колесницу небесную, пресветлую, вспять, так и слова моего не поворотить. Во веки веков.

И опять подозвал Баяна:

— Чтоб с пустым лукошком не являться, собирай грибы... Смотри, боровички какие стоят!

Баян рад, что дело ему указали. Собирает крепыши, да все невеликие попадаются, плоховато лукошко полнится.

— Погляди-ка в тех молоденьких дубках,— показал Благомир.— Там место влажное, а землю поутру парило.

Кинулся Баян в дубки, а там — чудо!
Стоит гриб — сам в аршин и шапка в аршин.
— Ох ты! Ох ты! — закричал Баян, призывая Благомира.

Волхв подошел, посмотрел, удивился:
— Таких молодцов я, пожалуй, не видывал. Твое счастье.

Нес Баян гриб на плече.

Всяк пришел на этот боровик поглядеть. А ребята, черногубые от вишни, еще и позавидовали товарищу:

— Ты хоть мал, да удал. Тебе сам царь грибов дался!

Баян не смотрел в глаза товарищам: показаны ему были дивные чудеса, а рассказать про то нельзя. Заповедано.

Диво огня

Баяна определили в подпаски. В стаде было сорок коров. Пастухов двое. Один пастух учил подпаска играть на гусях, другой на рожке. Рожок — берестяной ремень, вырезанный из ровнехонького молодого дерева. Захотелось поиграть, коров взбодрить, зверей пугнуть — свил бересту в дудочку, оставил гудок, полую палочку из бузины, с прорезью: дуй — загудит. Но чтобы играть, гласы выводить — без ученья, без премудростей не обойдешься.

В пойме пригляд за коровами невелик. Разве что овода в солнцек досадят. Тогда стадо перегоняли к воде, в тень ивняка. Полудничать.

Коров в это время доили, а пастухи обедали, вздремывали. Баян же получал полную волю. Уходил от людей подальше, садился возле осиных норок, пел, что в голову придет.

— Ой вы, осы язвящие! Вы не жгите меня, меня жжет огонь и крапива жжет! Не ходите в мою избу, в дымную, ходите в свою, в золотую да в медовую, заждались вас детки-куклешечки, они криком кричат, медку хотят.

Осы, любопытствуя, вились возле отрока, на голову ему садились. Не жалили, но и прочь не летели от немелых заклинаний.

Однажды пастух-гусяр укололся о сухую траву. За-
ругался:

— Ох ты, закручень трава, осиная страсть! Спалил
бы тебя, да ос тревожить не хочу.

Баян присмотрелся к травке, а слова уже тут как тут:

— Беру, беру закручень-траву! Беру в бору закручень-
траву! На зеленом лугу сожгу, сожгу. Разбегайся, раз-
летайся, осиный народ.

Но осиному народу не было дела до мальчишьях при-
бауток.

Пришло ненастье, Баян простудился, и ему было ве-
лено пойти со старшими ребятами в кузню, возле огня
погреться.

Ворота в кузне — настужь, а жарко. Огонь в огромной
печи трубит, как лось. А кузнецы знай подкидывают в
ярый зев пни да плахи. Потом взялись мехами пламя
раздуть, запели, огню угождая:

Как царь багрян, рода дивного,
Как солнце яр, как жизнь пригож,
Как коровье молоко, белехонек.
А норовом зверь, пожиратель дубов.
Размечи, огонь, золотые свои власы.
Загуди, затруби рыжей бурейю.
Порезвись, как дитя неразумное,
А натешившись, послужи ты нам, тебя кормящим.
Кто носит дрова, в поту, в дыму, от сажки чернехонек.
Кто служит тебе от зари до зари и ночь напролет.
Распусти своих птиц, раскидай головни,
Не дай никому повязать себя!
А нам послужи, ковалям-кузнецам,
Песнопевцам служи, златословию,
Будь доступен нам да еще певцам,
Как родитель доступен детушкам.

Подошли кузнецы к печи, поклонились огню, за дело
взялись. Чего-то несут, чего-то оттаскивают.

Расступились вдруг от печи, первый кузнец грохнул
по печи молотом, и из жерла — солнце полилось. Такая
ярь — потемнело в глазах у Баяна.

Оттеснили его в сторону.

Пока проморгался, молотки по наковальне пошли по-
стукивать. Искры сыплются, как звезды. А кузнецы с

двух сторон — хватать да хватать. Зазвенело в ушах. При-
смотрелся Баян — меч куют кузнецы.

Подошел Любим, лицо черное, а зубы блестят.

— Жарко у нас?

— Жарко.

— Хорош огонь?

— Диво.

— Пошли подышим, дождик кончился.

Сели под навесом, на дрова.

— Что это? — спросил Баян, показывая на пепельный шар на стропилах.

— Осиное гнездо. Ты не бойся! Если сам к ним не сунешься, они не трогают.

— А что внутри домика?

— Соты. Осиная матка. Видел пчелиные маточники?

— Не видел.

— С палец бывают. Мой отец бортник.

В ту ночь снился Баяну яропламенный меч.

На Любима, Лучезара, Любомысла смотрел он с той поры как на чародеев.

Про выпеченное в печи солнце пробовал на гусях рассказывать, но красота живого огня была краше, в рожок трубил о своем восторге, но не смел словами волхвовать. Знал: нет у него слов, достойных дива, подрасти нужно. На смирение осы не мог верного слова сыскать.

Белый жеребенок

Вдруг жизнь переменялась. Жрецы день-деньской пели славословия Жертвенному коню. Все мальчишки оказались дивноголосыми, а у Баяна горлышко было птичье, серебро позлащенное.

— Нас всех сюда за голос взяли, — сказал Баяну Горазд.

— Я не пел Благомиру.

— Другие волхвы тебя, знать, слышали. Сварог любит чистоголосых.

В день праздника тихое место святилища наполнилось народом. Люди приходили селениями, занимали места на склоне горы перед Белым Каменным конем.

Кое-где в склоне были пробиты ступени, а внизу так даже каменные сиденья для особо почетных гостей.

Восславить Сварога приехал молодой князь Святослав со старшим сыном Ярополком. Святославу было двадцать лет, а Ярополку — шесть. Правительница, княгиня Ольга, крестившаяся в Царьграде, — идолов и волхвов не жаловала, называла бесами. Не бывала она здесь вот уже десять лет.

С князем приехало сорок гридней. У каждого меч, лук, копье. Но все без доспехов, даже без щитов. Рубахи на всех праздничные, конями на груди расшиты.

Святослав в плечах матерый, станом юноша, одет как все, только шапка на нем белая как снег и опушена белым, горностайкой. Князь снял с седла Ярополка, поставил на землю и, весело улыбаясь, поманил к себе Баяна с Гораздом.

— Ребята, вот вам друг! Покажите-ка ему тайны ваши сокровенные. Побегайте всласть!

Отроки поклонились князю и княжичу, а с места сдвинуться не смели.

Святослав подтолкнул сына к отрокам, но Ярополк уперся, стал красным. Мгновение затянулось, и Баян, страдая, тоже запунцовел. Пустился бежать. Горазд кинулся за ним, за Гораздом княжич.

Остановились у конюшни, где держали священных коней. Ворота были заперты.

Посмотрели друг на друга.

— Батюшка привел в дар белую кобылу с жеребенком, — выдал секрет Ярополк.

— А твоему отцу подарят меч. Я сам к ножнам серебряных коньков приваривал, — похвастал Горазд. — Гривы да копыта золотые, и зубы золотые, и языки.

Княжич, как и его отец, был в круглой атласной шапке, опущенной белым горностаем. Кафтанчик тоже белый, с серебряными пуговицами. Рубашка уж такая белая, аж сияет, по вороту жемчугом шита.

— Мы бы тебя в кузню повели, — сказал Горазд, — да в таком белом кафтане туда нельзя.

— Я в кузне у себя на дворе был, — сказал княжич.

— Хочешь, на озеро пойдем? — предложил Баян. — Уж такое глубокое! А на дне свет.

— На озеро — нельзя! — Ярополк аж ногой топнул. — Меня к воде не пускают без гридней.

— Горазд! Горазд! — услышались торопливые оклики.

— Я тут! — откликнулся отрок.

— Тебя в златокузню зовут! — крикнул запыхавшийся Любим.

Баян и княжич остались одни.

— Хочешь, я тебе такую покажу тайну, какой даже волхв Благомир не видывал? — спросил Баян.

— Покажи.

— А в лес тебе можно?

— Если не больно далеко.

— А мы не далеко. Видишь, кипрей растет?

Побежали. Остановились перед цветами, обступившими молодые дубки. Баян осмотрелся, не следит ли кто.

Приказал княжичу:

— Замри!

И снял с цветка язычок розового пламени.

— Хочешь поддержать?

Княжич молча протянул ладони.

Баян бережно передал огонек. Ярополк смотрел то на чудо, то на удивительного отрока.

— Давай!

Баян забрал душу кипрея, вернул тотчас воспрянувшему цветку.

— Ты, княжич, про это никому не говори!

— И бабушке нельзя?

— Ни единому человеку.

— Не скажу.

— Поклянись.

— Клянусь белым конем Сварога.

Баян перевел дух.

— Ты волхвом будешь? — спросил Ярополк.

— Не знаю. Меня учат на гусях играть да слова искать.

— Слова?

— Не простые. Заветные.

— А-а! — сказал княжич и посмотрел на отрока с завистью.

— А ты князем будешь? — спросил Баян.

— Буду, если не убьют.

— Кто?! — изумился Баян.

— Злые люди. На князей охотятся, как на красного зверя.— Ярополк смерил отрока взглядом с ног до головы.— Если будет божье изволение на княжеский стол мне сесть, я тебя к себе возьму.

— А зачем?

— Я буду княжить, а ты будешь советы давать. Тебе сколько лет?

— Восьмой год пошел.

— А мне шесть, ты почти на два года меня умнее.

— Иные старые, да глупей молодых.

— Нет! — решительно взмахнул рукой княжич.— Моя бабушка на сорок лет старше моего батюшки и на сорок лет мудрее... Ты об этом тоже никому не говори. Ни единому человеку.

— Дать клятву?

— Не надо. Ты знай да молчи.

— Ладно,— согласился Баян.

Вдруг разом затрубили туры рога, призывая народ и волхвов прийти и поклониться Сварогу и Роду.

— Бежим! — Баян взял княжича за руку, и они помчались к Белому Каменному коню.

Ярополка забрали гридни, а Баяна увели с собой волхвы одеваться в священное платье.

Под гуды рогов жрецы, в пурпурных мантиях, в пурпурных чеботах, с пурпурными повязками на головах, спустились с горы к жертвеннику, а другие стали на вершине, над конем.

Рога смолкли. В наступившем безмолвии, будто вытолкнув золотую песчинку, пробился из недр земли родник. Родник журчит тихонько, и голос тоже сначала оробел от своей одинокости.

— Свет денницы явился Белому коню! И окунул он морду в ясли и ел свет дней, как зерна пшеницы. Колыбель света — море Востока.

— Дивно! — ободрил Благомир Баяна.

Отрок набрал воздуху перед вторым стихом, и теперь его голос, трепеща, полетел золотым солнечным зайчиком к солнцу:

— Свет звезд ночных явился тебе, скачущий по временам, как сеновал, что позади тебя. Колыбель ночи — в Западном море. Почуяв себя конем, ты помчал на себе богов. Почуяв себя жеребцом — ты понес на себе небо и пращуров наших. Почуяв себя лошадью — ты позволил людям положить на себя седло. Море — твоя колыбель, небо — твой отец, твоя мощь, земля — твоя мать, твоя опора.

Волхвы, стоявшие на горе, опустили огромное пурпурное полотнище, покрыв скалу до земли.

Будто во чреве земли пробудились вещие голоса. Низко, величаво зарокотал хор волхвов.

— Заря — голова жертвенного коня, солнце — его глаз, ветер — его дыхание, его раскрытая пасть — огонь. Год — тело жертвенного коня, времена года — его сердце, дни и ночи — его ноги, небо — его спина, земля — его брюхо, страны света — его бока, облака — его жвачка, реки — его жилы, печень и легкие — горы, леса и травы — его грива и хвост. Когда он оскалит пасть — сверкает молния, когда он дрожит — грохочет гром, когда он испускает мочу — льется дождь, когда он ржет — мы пробуждаемся к жизни.

Жрецы на вершине горы расступились. Раздался нарастающий топот, нутро земли загудело. По вершине горы мчался белый, сияющий на солнце конь.

Край скалы все ближе, ближе, и все яростнее скок! И было видно снизу — подковы золотые.

Баян узнал: это был конь, который ласкался к нему.

Тоненький крик взметнулся в небеса, но было поздно. В то же мгновение конь прынул в небо. Грива на нем стала дыбом, хвост потянулся, как перистое облачко. Дивный скакун не закувыркался в воздухе, он летел, может и не ведая, сколь жестоко примет его тяжкая земля.

Гора скрыла падение. Удара тоже не слышали. Запел хор. Медноголосие волхвов посеребрили альты отроков, и алмазными просверками вспыхивали дисканты Баяна

и Горазда. Звуки удесятерялись скалами, и людям чудилось — поют земля и небо:

— В жертву жертве жертвой воздали Сварог и Род по обряду первых жертводаяний. И стала жертва владычить над Сварогом и Родом и дивно расплодилась.

В это время по долине погнали табуны коней, стада коров, овец и коз бесчисленно.

— Любо! — крикнул князь Святослав.

— Любо! Любо! — подхватил народ, радуясь обилию скота.

Волхвы выждали и снова запели:

— Как Сварог и Род свершали жертву пред единым богом, перед жившими прежде них, бессмертные бессмертным с бессмертной мыслью, так и мы да будем жить на вышнем небе, да вострепещут наши сердца на восходе солнца.

К жертвеннику подвели золотого коня, Баян такого и не видел. Коня закололи. Текла кровь по желобу вокруг жертвенника, запылал огонь.

Благомир с верховными жрецами осмотрел внутренности коня, и только потом расчлененную конскую тушу отдали пламени.

— Скажи нам, волхв, что ожидает нас? — спросил Святослав Благомира.

Любое слово в священном месте, сказанное даже шепотом, звучало явственно.

Благомир встал перед народом. Волхвы сняли с него пурпурный плащ, облачили в белый. Сняли пурпурные чеботы, надели белые. На голову возложили золотой обруч с двумя вздыбившимися конями.

Благомир поднялся на белый, торчащий, как палец, камень. Воздел к небесам руки. Концы плаща, прикрепленные к запястьям золотыми браслетами, стали как крылья.

— Доля волхва Сварога говорить истину.

— Говори! — крикнул Святослав.

— Впереди, князь, у тебя великие войны и великая слава... Но то впереди. Уже у самого горизонта клубится тьма. Туча закроет небо, а дождь не прольется, ибо в

ноздрях моих запах дыма, в ушах — плач плененных, в сердце — боль по зарезанным.

— Кто враг? Кто?! — закричал Святослав.

— Хазары, хазары! — зашумел народ.

— Хазары, — сказал Благомир.

Святослав вскочил со своего места, взбежал на камень, потеснив Благомира.

— Я клянусь вам, русичи! Сварогом, Родом, жертвенным огнем! Как только княгиня Ольга, моя мудрая мать, отдаст мне узду власти, я пойду на Хазарию. Хазария станет — пепелищем.

— Когда ждать хазар-то?! — кричали встревоженные люди.

— Не завтра. Перезимуете с миром, — сказал Благомир.

Вдруг загрохотал камнепад. Может быть, это падали камни с душ: не завтра беда, и ладно.

Пир во славу Сварога, в память Рода и пращуров устроили на лугу возле кургана, малоприметного от древности. Потешить народ вышли отроки-селяне. Рубились деревянными мечами. Самого лучшего, победившего всех, князь Святослав взял в свою дружину.

Гусяр-пастух, учивший Баяна игре, спел, славя народ, про оратая:

Оратай-то орет да посвистывает,
У оратого сошка поскрипывает.
У оратого сошка красна дерева,
А омешики серебряные,
А присошечек красна золота...

У княжеского гусяра иные были песни: о битвах пращуров, о седой старине, о временах незапамятных. Пел о море Восточном, о соленом, жить бы там поживать — вода не пришлась по вкусу боевым коням. Пел о дивном Белом царстве, о чародеях-витязях. Не мечами рубились, не копьями сшибали с коней. Разили словом. Слово было мечом, и слово было щитом. Слово вздымало бурю, и слово бурю укрощало. Пел гусяр о могучих князьях, покоривших все земли, все царства. Щеки у

Святослава пылали, вздыхал он, обремененный жаждой испытать дедовские походы.

Поднимал князь чашу во славу славных людей. Их кровь в сердце стучит, зовет изведать, что там, за далью-то. Славные люди по земле хаживали, как по избе. Другую чашу пил Святослав за дедушку Рода, в уделе которого не было ни углов, ни межей. Третью — за здоровье дружинишки хороброй.

Благомир шепнул Баяну:

— Смотри и помни. Поднимает князь чаши полные, да не пьет досуха, губы мочит в пене. Се князь — не пропьет ума, не остудит сердца — питьем.

Княжич Ярополк под долгие сказания гуслиаров, под звоны и рокоты струн прикорнул, положив голову на кулачок. Все проспал.

Подносили князю заговоренный меч, острый, будто жало пчелы. Волхвы, показывая совершенство оружия, рассекли надвое железный шлем, а потом девичью косу.

Святослав отдал волхвов белой кобылицей с белым жеребенком. Да сверх того поднес саадак, полный серебряных гривен.

Провожая, волхвы подали князю ковш священной браги. Но и теперь Святослав не пожадничал, пригубил дивный напиток и отдал дружине, чтоб каждый испил. Ярополк не проснулся. Сладок сон в детстве, неодолим.

Сердце богатыря

Белую кобылу с белым жеребенком пустили пастись со стадом коров, чтоб привыкли к новому месту.

Жеребенок скакал, приглашая побегать, но Баян помнил, как сиганул со скалы белый конь. Быть другом коню — счастье, да только верная дружба умысла не терпит.

На радость Баяну, приставили к стаду и Горазда. У Горазда была черная доска и кусок мела. Когда жеребенок подходил к матери, Горазд быстрыми легкими линиями делал рисунок.

— Княгиня Ольга прислала серебряную чашу. Наказала, чтоб на чаше были многие звери, но ежели волки,

так чтоб волчицы со щенятами, а ежели кабаны, так кабанихи с поросятами... Мне дают лошадей вырезать.

— Княгиня Ольга с девичьих лет мудрой прозвана, — сказал пастух-гуслиар. — Жили — не тужили, да сын-то у нее в совершенные лета входит...

Стадо паслось в ложбинке. Трава здесь была сочная. Коровы на сторону не смотрели. Солнце не жарило, скрывшись за грядой белых кудрявых облаков.

— Побегайте, ребятки! — разрешил пастух детям.

Баян и Горазд тотчас и помчались к дальнему, к высокому кургану. Влететь на вершину духа им хватило, а на вершине повалились. И услышал Баян — стучит! Внутри кургана: тук да тук, тук да тук.

— Ты слышишь? — спросил он товарища. — Стучит!

— Стучит, — согласился Горазд. — Сердце твое стучит.

— В кургане, внутри!

Горазд приложил ухо к земле.

— Нет, это кровь стучит.

— Невера ты, невера! — припал Баян к земле, дыхание затаил: тук-тук-тук.

— Ну и чего? — спросил Горазд.

— Стучит! Стучит! А кто в этом кургане?

— Богатырь. Волхвы говорят: приходил на нашу землю с несметным войском персидский царь Дарий. Богатырь как выехал из-за края-то земли! Конь головой облаков касается, а богатырь-то уж за облаками. Бежал Дарий без оглядки.

— А богатырь?

— Богатырь пожил-пожил да помер.

— А может, он еще проснется? — Баян опять прижался к земле.

Горазд рядом лег, согласился:

— Вроде и впрямь стучит.

— Может, раскопать курган-то? — предложил Баян.

Горазд руками на него замахал:

— Нельзя! Богатырь только глубже уйдет... Вечный сон нельзя тревожить. Вот если придут несметные полчища, тогда богатырь сам воспрянет.

— А я не хочу в земле лежать, — сказал Баян. — Когда жизнь моя кончится, я хочу сидеть на высоком кургане, петь славу богатырям да на гуслях играть.

— Ты ведь невидимым станешь.

— Пусть невидимым. Кто-нибудь да углядит, услышит... Дали бы мне Сварог с дедушкой Родом такую судьбу. Времена, как барашки, паслись бы вокруг кургана, а я бы пел да пел да гусельками звоны раскатывал.

Потянуло ветром, ковыль у кургана заходил волнами.

— А чего бы ты хотел? — спросил Баян Горазда.

— Я бы хотел такие фигуры резать, чтоб они двигались, как живые. Чтоб человек, вырезанный на чаше, и глядел бы, и сказать бы мог... Но такое и дедушка Род не делает.

— А зачем тебе, чтоб вырезанные-то говорили? Пусть молчат! А кто посмотрит, тот бы и узнал, что словами не сказано, а сказано — молчаньем.

— Молчаньем?! — удивился Горазд.

Из белого облака посыпался вдруг серебряный дождик, будто овес из переметной сумы. Дождь кропил стадо, а на кургане было сухо.

— Если нас вымочит, все сбудется! — загадал Баян.

— Давай попросим дедушку Рода про себя! — шепнул Горазд, тут его и щелкнуло каплей в лоб.

Вышло солнце, и стало видно: сверкающие нити летят не из облака — со светила.

Отроки пустились в пляс. И Баян даже пятками слышал: стучит! Стучит богатырское сердце.

Хождение за вещим словом

Стадо выгоняют рано. Привык Баян до солнышка подниматься.

Выбежал он из избы, прихватя кнут да кошель с едой, а на крыльце Благомир сидит.

— Кошель пригодится, кнут оставь.

Одет волхв по-дорожному, сума через плечо. Посох в руках.

Пошли ходко, лесом. Баян, чтоб поспевать, поскакивал, попрыгивая. Да ведь и холодно, тень в лесу густая, земля студеная.

Выбрались наконец из лесу, а солнце уж поднялось. Светлынь в лугах несказанная. Трава в росе как в парче. Ветерки порхают теплые, духмяные.

— Не проголодался? — спросил Благомир. — Потерпи. Видишь, как мокро. Обвеемся, тогда и отдохнем, хлеба-соли поедим.

В лесу волхв шагал принахмурившись, а тут руки раскинул, развеселился:

— Ой, простор — поднебесье пресветлое! Посвети ты мне в сердце, прогони тьму с полутьмою! Отвори душу мне, словно оконце, отпусти слова, как птиц, Дажбогу святоярому послужить. Погляди, Дажбог, и ты на внучат своих, на Русь, светоносицу, на народ свой русский, в тебя, Дажбог, прямодушный да светлокудрий.

Поглядел на Баяна, на восторженное личико его.

— Видишь, как легко слова-то с языка порхают на просторе! Никогда себя не сдерживай славу богам петь. — Улыбнулся. — Ты слушать слушай, а как твое-то сердечко встрепенется, всколыхнется — тоже пой! На меня не гляди. Мы теперь как две птицы. Таких птиц нет, чтоб одна пела, а другая помалкивала... Силой слово не гони из себя, а коли полетит, не держи в клетке души, чтоб не разбилось в кровь. Для заветного не жалко крышу снять — лишь бы явилось на белый свет.

Дорог в степи не было. Шли в просторы неведомые, синей дымкой по горизонту сокрытые от зорких погладов. Благомир сказал, вздохнув:

— Скоро! Страх берет, как скоро понадобится земле нашей милой вещее слово, а его нет. Где оно? Где? — Волхв вскинул руки к небу, развел по сторонам. — От моего дедушки я слышал о богине Вяч. Она-то и есть слово. Дивная из дивных! Поклониться бы ей, да где она? Ее обитель в лоне океана и на звездах. Она покоится на белых вершинах гор и в этой вот траве. Всякому народу дает она свой язык, всякому зверю свой голос.

Сильный порыв ветра, неожиданный в тишине и покое, поднял над головою волхва серебряную бурю, и стал волхв сам как буря.

— Это она, Баян! — крикнул Благомир, светясь радостью.— Это великая Вяч! Она тишина, но она и ветер. Она — любовь, но все обиды человеческие тоже от нее, от презирающей всякую душевную нечистоту.

Они шли и шли. И оказались над ложбиной. По дну ложбины журчал ручей.

— Трава высохла,— сказал Благомир, подавая отроку лубяной короб.— Принеси водицы. Хлебушка поедим.

Наклонясь над ручьем, отрок увидел змею. Змея встрепенулась и пропала из глаз. Была — и нет.

— Змея! — крикнул Баян, опасливо глядя на воду.— Она в воде сидела.

— Ручей не весь выпила? — спросил Благомир.— Чего-нибудь осталось?

— Осталось!

— Ну так черпай.

Волхв успел разложить на траве белый плат, на нем круглый хлеб, яйца, горку лущеных орехов.

Возблагодарил за пищу Сварога, положил на угол плата кусок хлеба и яйцо — Роду и пращурам.

Ложбина уходила в зеленый простор, было видно, как у горизонта она теряет берега, сливается с гладью степи.

— Словно кто борозду пропахал,— сказал Баян.

— Борозда и есть,— сказал волхв.

Баян тотчас вспомнил небесного пахаря, но услышал неожиданное:

— Эту борозду оставил лед.

— Лед?

— В былые времена земля не знала зимы, но Чернобог хотел породниться с Белобогом. Хотел дочь свою, Марену — смерть, за него отдать. Белобог не пожелал такой жены, не взял Марену в свой пресветлый дом. Чернобог обиделся, столкнул гостя в колодец, колодец завалил горой. Черно стало на земле. Холод объял мир. Видишь камень? И там, далеко. Гор нет, а камни откуда-то взялись. Камни эти священные. Они принесены льдами с Рипейских гор.

Баян приложил руку к глазам, чтоб разглядеть Рипейские горы, но волхв улыбнулся:

— Святая гряда — на краю земли, там, где камень Алатырь.

Баян отвел руку от глаз и указывал в степь, не зная, как назвать увиденное.

— Да ведь это сам батюшка тур с семейством! — изумился волхв Благомир.

По другой стороне ложбины шел, лоснясь и светясь золотыми боками, огромный бык. Могущество его было столь неоспоримо на всю эту неоглядную степь, что казалось — небо над ним выше. Бык остановился, чуть повернул голову на коров и телят, щипавших уж больно сладкую траву. Поворачивая голову, тур увидел людей и коротко рывкнул.

— Сиди спокойно! — услышал Баян быстрый шепот Благомира.

Тур смерил ленивым взором ложбину, отделявшую его от врагов, и отвернулся. Рога на полнеба, могучее тело покойно, а хвост с черной густой кистью так и клещет по бокам.

Коровы и телята паслись беззаботно, тур стоял, ждал, пока его семейство съест вкусную траву, и пошел наконец, ни разу не оглянувшись. К большой воде повел стадо, на водопой.

— Любимец Дажбога! — с восторгом сказал Благомир. — Дивный зверь. Когда Дажбог родился и погнал лед из стран полуденных в полунощные страны, а льды были высотой до облаков, снега от них оставалось на земле много. Тогда Дажбог и родил туров. Они шли за льдами, поедая снег.

Баян посмотрел на облако.

— Неужто было столько льда? Уж и бело же было!

— Земля сверкала ярче алмаза. — Благомир катнул отроку яичко. — Ешь. Наш путь нынче долог. Белая земля, Баян, для богов, зеленая для людей, ибо она живая. Куда ни посмотри — звери, птицы, пчелы, муравьи, но слова, Баян, у людей.

— Еще осы, — сказал отрок.

— Осы? — удивился волхв.

— Ты сказал про пчел, про муравьев, про ос не помянул. Не придумал я заговор на ос. По-всякому говорил. Не слушают.

— Вещее слово дается тому, кто его ищет. Не отступает. Смотри.

Благомир опустил голову, руки. Все в нем стало ослабленно. Казалось, его колышет, как траву. И тут все суслики, какие только были в степи, выскочили из нор и засвистали друг перед дружкой.

Благомир посмотрел на Баяна, улыбнулся:

— А ведь я им шепнул всего два слова. Но искал я эти два слова всю мою жизнь.

Рыбари

• Солнце, пригорюнясь, клонилось к горизонту, когда Благомир и Баян пришли на реку. Поднялись на взгорье, а в распадке, скрытая от глаз, огороженная частоколом — весь. Крыши тростниковые, почти на земле лежат.

Женщины, расположась на лугу, вязали огромную сеть.

Благомира узнали, обрадовались. Баяна приласкали. Всей деревней повели гостей в капище, в деревянную избу, где передний угол был выкрашен красной краскою. Рыбари поклонялись Роду и реке. Для Рода большой сноп с колосьями. Для матушки — три корчаги с молоком да круглый высокий камень, а на том кругу, на золотом деревянном ложе, устланном цветами, возлежала огромная, золотисто-песчаного цвета, живая змея.

Вместе с волхвом и Баяном в капище вошло четверо дев.

Поставили на стол все три корчаги, круглый хлеб, блюдо с печенью налима, блюдо с солеными молоками, с икрой, пук зеленого лука, пук дикого чеснока да низкую корчагу с белыми лилиями. Для глаз.

Девы сняли крышки с корчаг, налили молока Роду, Благомиру, Баяну, нарезали хлеба. Посолили ломти крупной солью. Первый кусок опять Роду.

Молоко холодное, хлеб душистый, соль соленая. Вдруг Баяну померещилось, будто над корчагой мелькнула змеиная головка. Глянул на Благомира, тот пил молоко, одобрительно кивая волхвам.

— Дивная сладость и радость! — сказал он, осушив кружку до дна. — Что было во мне черного, стало от молочка вашего белым.

И тут из корчаг поползли на стол златоголовые ужи. Баян обмер, но Благомир радостно взял одного, посадил себе на правое плечо, другого на левое. Ужи свернулись кольцами, головы подняли, глаза сверкают, язычки трепещут.

Благомир показал Баяну на блюдо с печенью.

— Ешь да чесночком прикусывай. Зело вкусно!

Когда гости насытились, волхвы поклонились Благомиру:

— Дозволь покормить оберега матушки-реки?

— Покормите, — позволил жрец Сварога.

Самая юная дева стала посреди избы, а другие волхвы пошли вокруг нее, тихонечко, почти шепотом, припевая:

— На море, на океане ждет тебя, дева-кормилица, белгорюч камень Алатырь, никем не ведомый. Под тем камнем сокрыта сила могучая, и силы той конца нет. Накорми кормящая кормящего, да приблизится день и час, и выберет сокрытая сила того, кого ждем во избавители от грядущего плена. Да будет племя славных живым, как пламя, да придет ожидаемый в оный день, в оный час, не раньше, не позже, а когда надобно.

Напевая, девы снимали с волхвы-кормилицы одежды и, снявши все, натирали ей тело снадобьем. Змей воспрянул, сполз с золотого ложа на пол и принялся обвивать деву и обвил, устроив голову на плече. Волхвы принесли три мыши, и одну змей позвал, и мышь пошла и пропала в змеиной утробе.

— Ах! Ах! — говорили волхвы сокрушенно. — Рыбаки большую рыбу не поймают. Не ту мышку съел.

Как в воду глядели. Прибежали в весь дети с реки, сообщили женщинам: рыба сом порвала сеть и ушла в омут.

Матушка реченька пожаловала рыбарей другой удачей. Малые невода пришли тяжелые.

Ради великого гостя рыбаари затеяли на берегу реки общую ушицу. Варили в большом котле, чтоб всем хватило, чтоб всяк наелся досыта. Самую вкусную рыбу пекли в золе, завернув в тесто.

Старые и малые пришли к кострам глядеть, как улетают искры в темные, в звездные небеса. Принесли к костру раненого. Рыба сом съездила хвостом беднягу в бок, ребра поломала.

У Благомира пальцы чуткие, все изъяны ущупал. Сломанные косточки поправил, смазал болезные места снадобьем, наложил липовый луб. Сделав дело, повелел всем умыться, умыть болящего.

Принесли воды с реки, умылись всей весью. Спросил Благомир:

— Кто знает заговор от болезни?

— Лучше Волюшки никого нет! — решили рыбаари, и, к удивлению Баяна, к больному подошла девочка, ровесница.

Опустилась на колени, говорила быстрым шепотком, но слова выговаривала ясно:

— Встану по солнышку, умоюсь росою, утрюсь туманом, пойду за околицу во луга, на восточную сторону. Там стоит-гудит батюшко океан-море. В том море под горячим камнем — рыба белуга, железные зубы, каменные скулы. Как она пожирает морскую тину, так бы пожрала болезнь внучка Рода Всеведа. Ключ в море, а замок в небе. Как ключа не нахаживати и замка не открывати, так бы и у внучка Рода Всеведа скорбям не отрыживати. Век по веку, отныне и довеку будь мои слова крепки и лепки и назад не отпадки.

Больному стало от целебных мазей, от тепла костра много легче, пригубил ушицы.

Хлебали вкусное варево молча, любуясь огнем.

Ожидая, когда пироги поспеют, принесли гусельки. Пели о матушке реке, о волхве-щуке, кому придет в сеть, тот целый год хозяин рыбы.

Вдруг Благомир попросил передать гусельки Баяну. Обдало отрока жаром и холодом, но волхв сказал:

— Спой такую песню, чтоб завтра была рыбакам удача.

— Как же я смею?..— прошептал Баян, но волхв за-
сверкал глазами и ударил посохом оземь:

— Пой!

Заиграл Баян, как в беспамятстве, нестройно взгуд-
нули струны, но самая тоненькая подала верный голосок,
сердце защемило, и вот уж зажурчали звоны-вздохи.
Пришло время слова, а слово-то неведомое, никем не
сказанное. За первым-то второе стоит... Кинулась душа,
как искорка, в пучину тайны, запел Баян:

— Ай возьму-ка я ключики да золотые! Отопру моря,
отомкну озера, отпущу на волю реки подземные! За-
звеню ключиками, забрякаю, выгоню рыбу из-под тины,
из-под камня горючего. Слово мое — яркий огонь. Не
пугается пусть рыбонька ни стуканья, ни бульканья, ни
луча моего огненного! Пусть бежит на него, как на крас-
ное солнышко.

Голос Баяна летел много выше искр. Все умолкло,
слушая, даже река не плескала.

Благомир, изумившись стройности, ладу, восторгу,
возложил руку на голову отрока. Рыбари почтили певца
первым пирогом.

Укладываясь спать, волхв сказал своему ученику:

— Слово любит тебя, Баян! Радуйся! Да хранит Сва-
рог чистоту твоих помыслов.

Весь поднялась на заре. Рыбари снова изготовились
к охоте на огромного сома. Злодей утащил теленка, со-
жрал стадо гусей. Никто уже не купался в реке, боясь
пагубы.

За омутом поставили новую двойную сеть, все лодки
вышли на реку, все женщины стали по берегам. И как
только солнце взошло, поднялся великий шум. Всякая
трещотка трещала, всякое било било. А уж свист такой
стоял — траву срезало. С лодок ухали в воду камни. И
сом побежал прочь от неистовых людей. Сеть его не
испугала — мало, что ли, разорил всяческого рыболовец-
кого снаряда на своем веку, но сеть оказалась хитрой.
Не упрячилась, не натягивалась до струнного звона —
пускала в себя, опутывала.

Тащили рыбу всей весью.

Когда голова показалась из воды, ужаснулись: с дверь. Такой и быка съест.

Уже на лугу, далеко от берега, собрав силы, заплясал сомище последнюю свою пляску. Летели трава, песок, камни. Да где же рыбе до воды дорыться! Смирился сом. Дал убить себя.

Того Баян уже не увидел. Благомир покинул рыбарей неприметно, когда все они торжествовали победу.

Медовый сбор

Борода волхва летела по ветру. Резкие порывы подгоняли путников. Идти было весело, легко, но Баян с тревогой поглядывал за спину: туча накатывала черная.

Они шли к лесу. Припуститься бы во весь дух, но Благомир, хоть и шагал размашисто, поспешания или беспокойства не выказывал.

Угрожающая чернота растаяла, небо затянуло серым, и из этого серого, не страшного, хлынул поток. Где восход, где закат? Ни неба, ни земли — один дождь, и больше ничего не осталось.

— Пои землю, Сварожья влага! Наполняй сокровенные жилы токами вод! — весело кричал Благомир сквозь шум ливня.

Они добрались наконец до леса. Деревья черные. Сумрачно, холодно. Баяну хотелось плакать, и он заплакал, слез все равно не видно было.

Лес недолго томил путников безысходностью. Вдруг расступился, и они очутились в деревеньке.

Приютит странников первый же дом. Благомира и мокрого узнали, возрадовались его приходу, как добровестию.

Тотчас затопили печь. Волхву и отроку дали сухое платье, напоили горячим липовым взваром с медом.

Столько меда Баян еще не видывал. Поставили деревянное огромное блюдо с ломтями сотов, полную медом корчагу, благоухающую, как цветущий вишневым лог.

Наносили горшков, больших и махоньких, и во всяком был свой особый мед.

Семейство тоже удивило Баяна. Изба без окон, свет давала печь. Полешки горят неровно. Огонь то одно лицо выхватит, то другое. Разглядел трех стариков, трех мужиков, трех баб, все бабы на сносях, трех малых ребят.

— Легко ли живется дедушке дубу? — спросил Благомир, поклонясь дубовому суку в красном углу.

— Пчелки песенки поют батюшке! — сказал один из стариков радостно.

Глаза у старика были как барвинки. Синие, веселые. И у других двух стариков тоже барвинки. И у мужиков, и у баб, и у ребяток.

— Всей бы земле нашей такие семейства! — сказал Благомир, еще раз кланяясь красному углу. — Се — Добромысл, а мужи — его сыновья, детишки — внучата. А се — Доброслав, батюшка Добромысла. Глава же всему посеvu — Радим... Ты, Радимушка, не ровесник ли батюшке дубу?

Старец, опиравшийся на посох, засмеялся. А зубы-то все целехоньки!

— Экое скажешь! Под нашим дубом сам дедушка Род сиживал, пчелок слушал.

Добромысл подвинул Баяну горшочек с луковицу.

— Этот мед не едят, но отвеживают. От земляных пчелок. А берут они свой взятки, по нашему размышлению, с самого солнышка.

Старик струганой палочкой подцепил каплю, подал отроку. Капля засверкала, будто росинка.

— Видишь? — Добромысл и сам любовался медовой искоркой. — Поглядел, в рот клади... Чем пахнет?

Все смотрели на Баяна, и он вспыхнул до ушей.

— Ну что, не упомнишь?

— Пахнет... настом, — брякнул Баян и, совсем смутясь, прошептал: — Грозою пахнет.

— Так оно и есть! — радостно воскликнул Добромысл. — Экие у тебя ученики, Благомир!

— В нашем народе всяк человек смекалист, — сказал волхв, но похвала бортника была ему приятна.

«А где же бабушки? — подумал Баян.— Неужто все ушли к Роду?»

— Бабушки наши в лесной избе,— сказал вдруг Добромysl,— травки собирают... Коли после дождя тепла не убудет, травки большую силу наберут.

— А дождик не унимается,— вздохнул Доброслав.— Мокро будет в лесу.

— Утро вечера мудренее. Ляжем-ка спать да наспим солнышко,— объявил свою волю Радим.— Гости с дороги уморились.

Благомира и Баяна положили на печи.

Волхву приснилось в ту ночь, будто у него из ног выросли корни, вошли в землю, и стал он — вечным деревом, с вершиной, полной певчих птиц. А Баяну мама приснилась, ласковая Власта. Грела его, положила себе под бочок, и так было хорошо, так пахло мамой, что всю-то ночь он улыбался.

Утром небо сияло, и, пропев Сварогу славу, бортники-мужи отправились в леса добывать из дупел мед, а деды и Благомир с Баяном пошли поклониться батюшке дубу.

Весь бортников была невелика — полдюжины изб. Но каждая изба как терем. Крыши тесовые. Дворы крытые. За дворами огороды, за огородами — лес. Липы, дубы, явор кое-где.

Воздух гудел, звенел. Баян не мог понять, что это. Добромysl показал ему на дупла. Все деревья были с дуплами, и над каждым — какое-то мелькание.

— Пчелки трудятся, мед носят. Чуешь, какой дух?

— Сколько у вас деревьев-то медвяных? — спросил Благомир.

— Не считано,— сказал Добромysl.— Посчитаешь — сглазишь, без счету живем.

Медвяный бор был не густ и совсем не велик. Деревья скоро расступились. Вышли на поле, засеянное гречихой. Здесь, в ложбине, посреди земли и неба стоял батюшка дуб.

Не велик был дуб, но тяжел. Земля под ним прогнулась. Проломил бы насквозь твердь — корни держали. Во все стороны раскинул. Могучие корни. Сам крижист,

толст непомерно. Вершина зеленая, но кучная, не разбрелась по небу. Два дупла в дубе, как два глаза.

— Глядит! — сказал Благомир.

— Глядит, — согласился Радим.

— Запах дивный!

— Как же без запаха? Внутрях-то у батюшки медку бочек сорок! — Добромysl подставил ладонь ветру и понюхал пальцы.

— Хе! Сорок! — засмеялся Радим. — Здесь сама земля медом напоена. У батюшки дуба мед никогда не брали.

Подошли ближе, сели на длинную древнюю скамью, струганную из целого ствола.

— А куда птицы подевались?! — удивился Благомир.

— Хе! — высоким голосом откликнулся Радим.

Доброслав, протерев глаза, окинул быстрым взором небо.

— Вон куда смотри! — указал отцу Добромysl.

Темная птица, тяжело взмахивая крыльями, летела со стороны леса.

— Орел! — узнал Благомир.

— Орел, — улыбнулся Радим. — Кушанье деткам не сет.

— Собака, что ли, у него?! — удивился волхв.

— Должно быть, волчонок.

— Волчонок?!

— Наши орлы своих деток волчатами откармливают, — сказал Добромysl.

Орел сделал круг над дубом, посмотрел на гостей, признал за своих, сел на дерево, и густая крона скрыла его от глаз.

— Не станем мешать великой птице! — Волхв поднялся, поклонился дубу, а Баяну разрешил: — Поди коснись кореньев. Да будет милостив к тебе батюшка.

Когда возвращались в весь, увидели ребят на пригорке. На гостей глядели. Среди детишек стоял на задних лапах — медвежонок. Ребята — ладошки к глазам, чтоб лучше видеть, и медвежонок лапу к морде.

— Медведь-то не озорник? — спросил Благомир старцев.

— Ручной. Матушка его липы с дуплами ломать взяла. Убили неистовую, а медвежонок в избе живет, у Дубыни. Добрый мишка, такой же ребяенок.

Благомир положил руку на плечо Баяну:

— Ступай поиграй! Мы пойдем помолимся. А ты — поиграй, порезвись.

Ребята глядели на робко подходившего волхвенка разиня рта.

— Здравствуйте! — Баян поклонился ребятам в пояс.

Ребята молчали, изумившись еще более. Медвежонок, урча, пошел, пошел да и обнял гостя. Закряхтел, напирал упрямо, сисясь.

— Ты покорись ему! Покорись! — ожили ребята.

— Как покориться-то? — не понял Баян.

— Поддайся! Пусть он тебя поборет.

Медвежонок уже взрыкивал, сердясь. Баян подогнул колени, повалился. Победитель, ликуя, опять-таки рыкнул и благодарно лизнул Баяна в лицо.

Ребята обступили гостя. Иные трогали. Пригожая девочка сказала:

— Ты волхв? А меня зовут Синеглазка.

Личико у нее было ласковое. Ладошки она заранее сложила у подбородка, готовая ахнуть на всякое слово пришельца.

— Меня в учебу взяли, — сказал Баян. — Мы слова ищем.

— Ахти! Слова! — изумилась Синеглазка. — Кличут-то, спрашиваю, как?

— Баян.

Ребята почтительно примолкли. Но Синеглазка сказала:

— Пойдемте с горки кататься-валяться.

— Пойдемте, — согласился Баян.

Все обрадовались, побежали. Медвежонок впереди. Он, всех поваливший, почитал себя вожаком.

Взбежать на горку было не просто. Горка крутая, трава скользкая. Баян зашпатыкался, но Синеглазка схватила его за руку, потащила вверх:

— Гляди, как мы ходим-то!

Баян тотчас и сообразил, в чем хитрость: ребята ноги ставили по-гусиному. Попробовал — получилось.

Взбежавшие на гору, приплясывая, пели:

Мы возьмем-ка в грудь ветра буйного,
Покатаемся, поваляемся.
Слезай, страх, со спины
Не носить нам тебя,
Не твои мы угоднички.

Один за другим дитяти ложились наземь, катились с горы перевертышем, а медвежонок — кубарем.

— Давай в другую сторону покатаемся! — предложила гостю Синеглазка.

Другая сторона была пологая, но катанье здесь зато долгое.

— Давай,— согласился Баян.

Легли, перевернулись на бок, покатались, покатались... Небо, земля, небо, земля и синие глаза между землей и небом.

Далеко укатились. Лежали. Так и плыло все: небо плыло, земля плыла.

— Хорошо? — спросила Синеглазка.

— Хорошо.

— Вот у нас какая горка-то! У вас такая есть?

— Такой нет,— сказал Баян и вспомнил, как летел с белой горы белый конь. Сердце сжалось.

Синеглазка вдруг вскрикнула:

— Смотри! Ах, злодейка! Ах ты — волк полосатый!

Баян поднялся.

— Кого ты ругаешь?

— Оса пчелку убила. Работницу. Смотри, да у них здесь, у злыдней,— целое гнездо. Ну да будет же вам на орехи!

Синеглазка вскочила, закружилась на одной ноге, приговаривая:

— Оса, мать всем осам,— ты мне не мать. Осатки-детки, всем детям детки,— вы мне дети. Беру я закручень-траву, сушу на сыром бору, жгу на зеленом лугу. Остяки, летите на дым! Оса, беги в сырой бор! Слово — замок, ключ — язык!

Рухнула в траву. Сидела, закрыв глаза. Подняла одно веко.

— Улетают! Улетают!

Баян так и ахнул про себя.

— Ты сама придумала заговор?

— Да кто ж заговоры придумывает? — удивилась девочка. — Меня бабушка научила отваживать ос. Мы — бортники, мы — пчелок храним. Они — кормилицы наши.

— Научи заговору.

— А ты меня замуж возьмешь?

Баян покраснел.

— Мы же еще ребята.

— Хе! — сказала девочка. — Это мы сегодня ребята, а завтра будем жених и невеста.

Раз вздохнула, другой.

— Ты, если не хочешь взять, понарошке скажи. Заговоры чужим нельзя передавать.

— Я тебя и по правде возьму, — сказал Баян, не поднимая глаз на девочку.

— Ой! — обрадовалась Синеглазка. — А ты мне с первого погляда полюбился... Смотри! Я тебе верю. Ну, коли ты мой, а я твоя — слушай. Наш заговор крепкий.

И опять ойкнула.

— Ты чего? — спросил Баян. — Оса, что ли, тяпнула?

— Я придумала. Нам надо присушить друг друга, чтоб было крепко, чтоб на весь наш век! Согласен ли?

— Согласен.

— Давай вместе говорить. Сначала я скажу, потом ты. Я на тебя словечко наведу, а ты на меня. Только глаза закрой. Закрыл?

— Закрыл.

— Ну тогда слушай и повторяй. Смотри, чтоб слово в слово... Пойду я, внучка дедушки Рода Всеведа Синеглазка, во чистое поле, в восточную сторону.

— Пойду я, внук дедушки Рода... — вторил Баян девочке.

— На восточной стороне, — пела, ликуя, заговорщица, — есть бел-белехонек шатер-шатрище. Во том шатре-шатрище сидит храбр Вихорь Ветрович. У храбра у Ви-

хоря Ветровича есть двенадцать братцев, двенадцать рассыльщиков. Пошли мои слова, храбр Вихорь Ветрович, внуку дедушки Рода Баяну...

— Внучке дедушки Рода Всеведа Синеглазке...

— Где бы эти слова не захватили внука дедушки Рода Баяна, в пути ли, дороге, сидящего ли, спящего, да ударили б его в рот, в живот и в горячую кровь!

Баян слушал да по-своему заговор переиначивал:

— Не могла бы без меня она жить, ни быть. Ни день дневать, ни ночь ночевать, ни час часовать. Слово мое бело, как бел-горюч камень Алатырь. Кто из моря воду всю выпьет, кто из земли всю траву выщиплет, и тому мой заговор не превозмочь, силу могучую не увлечь.

Девочка замолчала. Молчал и Баян. Глаза не открывал. Вдруг услышал на лице своем быстрое дыхание.

— Не открывай глаза! Не открывай. Поцелуемся для крепости! А когда отвернемся друг от дружки, тогда уж открывай.

Он почувствовал запах земляники, губы коснулись его щеки, и он тоже чмокнул губами, попал в бровку.

Сидели спиной друг к другу.

— Теперь повернемся? — спросил он.

— Да уж повернемся, — согласилась девочка, но глаз не поднимала. — Слушай теперь осиный заговор. Повторяй.

Баян повторил.

— Запомнил? Без меня скажи.

Баян сказал. Девочка кивнула головой:

— Правильно запомнил.

Вскочила, побежала. Он побежал за ней. Она остановилась, сказала строго:

— Пусть никто ничего не приметит. Но ты — помни.

И снова припустилась на гору.

Погост княгини Ольги

Шли по набитой, по наезженной дороге. Баян пропел волхву заговор на ос.

— Искал и нашел, — сказал Благомир одобрительно.

— Но ведь не сам придумал.

— Придумаешь, когда день придет. Ты радуйся — заветное слово само тебя нашло.

Баян долго молчал, но в сердце у него копошилось, свивая гнездо, сомнение. Не утерпел, сказал:

— Мы пошли слова искать, да что-то не ищем.

Благомир остановился. Повел руками в одну сторону, в другую.

— Се — мир!

Показал на небо, на землю, положил ладони Баяну на плечи, себе на грудь.

— Се, друг мой, — Вселенная...

Грустным стало лицо у всесильного, у великого волхва.

— Я много лет потратил, пытая себя одиночеством, но одиночество одарило меня всего одной истиной: слово — жизнь, оно живет в народе... Наше с тобой полюдые никому не приметное. Мы берем дань незримую. Один человек о жизни своей расскажет, другой поделится плодами труда своего, кто-то и заплачет... Нам, сборщикам сей дани, — все дорого. Высокое слово и низкое. Ты и руганью не пренебрегай. Сам не скверни уста, но о скверне, чернящей язык, тоже ведай. — Волхв улыбнулся, погладил отрока по голове. — Ты все понял?

— Все, — сказал Баян, опуская глаза.

— Не лукавь. Тебе нейдет спросить, а где же оно — вещее слово? Что тебе ответить? Все родники в море сходятся, все вещие слова гуляют себе на воле среди словес человеческих. Хорошо живется княжеским гридням, вкусно едят, в цветном платье ходят. Но воли своей у них нет, чужой служат, еще и с радостью. Слову служба нелегко дается... Служит верно, но своей волей не идет. — Волхв улыбнулся ласково: — Не устал? Не оттопал ноги?

— Не оттопал, — просиял в ответ Баян.

Они поднялись на косогор и увидели на другом его крыле башенку с куполом. На куполе сияло позлащенное перекрестье.

— Погост, — сказал Благомир. — Не дремлет княгиня Ольга. Метит землю Русскую крестами.

— Крестами? — спросил Баян.

— Видишь, на куполе? Золотом блестит? Это крест... Башенка — церковь. Возле церкви застава. Землю нашу от врага бережет.

— Воины! — обрадовался Баян, готовый бегом бежать к погосту, но волхв головой покачал:

— Мы сюда не пойдем! Здесь нам не обрадуются.

Дрожащей рукой оперся на плечо Баяна. Повел прочь. Когда спустились с косогора, Благомир совсем ослабел. Лег, чтоб сил набраться.

— Травы сухой собрать? Костер запалить? — встревожился Баян.

— Не надо... Видишь лес впереди? За лесом пахари живут. У пахарей заночуем.

Благомир закрыл глаза. Чтобы дать ему покой, Баян отошел подальше, а ноги сами собой привели его на холм. Строений погоста было не видно, но крест сиял. Второе солнышко.

Что это за диво такое — крест? Вон как волхва-то напугал.

Солнце ушло в облако, золотое сияние померкло.

— Баян! — окликнул отрока волхв.— Пошли, пошли! Дорога не близкая.

Бодрился Благомир, а ноги плохо слушались. Через версту снова сели отдохнуть.

— Сам не пойму,— признался волхв.— Мне ведь не противен крест. Един Бог! Един! Но Сварог — свет, а Христос всего лишь распятый... Боюсь я, Баян! Всю землю нашу крестами уставят,— посмотрел пристально.— Матушка тебе о Христе не сказывала?

— Не сказывала. Не видел я крестов.

— Век бы их не видеть, не ведать. Но уж коль мы ведуны, надо заранее знать, куда молния ударит! — Волхв лег в траву, дышал прерывисто: о трудном приходилось говорить.— За морем, Баян, есть великое царство Византия. В том царстве стоит, красуется на весь белый свет Царьград. Церквей в Царьграде — как деревьев в лесу. Ибо всякий человек поклоняется в том царстве распятому на кресте. Имя распятому Иисус Христос. Ходил он, говорят, по земле Иудейской, учил любить всякого человека, как самого себя. Учил обиды

терпеть. Коль ударит кто тебя по щеке, другую щеку подставь. Один из учеников предал его. Поцелуем указал лютым врагам учителя. Схватили Христа, привели на высокую гору, а было это в городе иудеев — Иерусалиме, и на той горе Голгофе предали невинного позорной смерти, прибили за руки, за ноги к кресту.

— Невинного? Чистого? — вырвалось у Баяна.

— Это Христос учил любить даже гонителей своих, люди живут по иной заповеди: не делай доброго — не будет худого. Так и вышло. Самому доброму досталась самая горькая доля... Все, кто верит во Христа, говорят: «Он, рожденный женщиной, был Сыном Всевышнего Бога Отца». Распятый, он три дня пребывал в смерти, а потом воскрес, возшел на небо и правит миром со Своим Отцом и с Духом Святым... Княгинюшка наша прельстилась в Византии блеском золота в храмах, отступилась от Сварога, от Рода. Приняла от греков крест, привезла одетых в черное монахов... — Благомир вздохнул. — В Киеве волхвы при княжеском дворе ныне не угодны. Ты, Баян, подумай, а я посплю.

И заснул.

У косарей

Заночевали Благомир и Баян под явором. Баян набрал сучков и сухих трав для костра, но огня зажигать не стали.

— На звезды поглядим, — сказал волхв. — Сколько длится мой век, столько и гляжу на ярочек небесных. Ах, Баян, тот из людей счастлив, кто владеет дивным даром Сварога, кто пьет красоту как воду, ковшами, но не может утолить жажды.

Звезды, не перечая гаснущему вечеру, выныривали из небесного омута — жданные да нечаянные.

— Как кувшинки всплывают, — сказал волхв. — Нет-нет — и вдруг вот она, скромница. А сама — Прекраса Премудровна.

Благомир дал отроку хлеба ломоть, меду, сам лукошницу, посоля, съел.

— Батюшка мой любил в ночном хлеба с луком да с солью покушать...— Указал на небо:— Ковш видишь?

— Вижу.

— А другой, малый?

— Вижу.

— Теперь высмотри звездную тропку между ковшами. Зришь?

— Зрю! — обрадовался Баян.

— Открою тебе тайну тайн. Последняя звезда в малом ковше есть Кол-звезда. Небо к сему колышку привязано. Намертво, да не навечно. Всякая звезда имеет свой путь, Кол-звезда стоит как вкопанная. На Северную страну указывает, на Беловодье, на Рипейские горы... А вот тебе и тайна. Зришь звездочку между ковшами?

— Бледнехонькую?

— Ярочка и впрямь бледнехонька. Но в давние времена, когда землю покрывали сверкающие белизною льды,— центром мира была она, ныне тихая, а в те давние времена пылала такими звездными пламенами — днем, при солнце не гасла.— Волхв замолчал, и Баян молчал. Ему было стыдно за свое сердце, уж так громко стучало.

— Это — половина тайны,— сказал Благомир,— а другая половина в том, что через многие тысячи лет придут времена, и повернется небо, и опять засияет эта тихая росинка, и небо покорится ей и будет ходить вокруг нее. Когда придешь в лета седовласой мудрости, Баян, передай тайну дивных наших пращуров умноглазому отроку. Ты ведаешь, кто пращурь-то наши были?

— Скифы! Мне матушка о скифах сказывала.

— Скифы — наши дедушки. Великомудрые греки поныне зовут Русскую землю Скуфь, а нас с тобой — скифами. Мы, Баян, от корня ариев!

— Ариев?

— Арий — значит благородный. Хозяин колесниц. Наследник сокровенного знания.

— Скифом быть хуже? — упавшим голосом спросил Баян.

Благомир засмеялся.

— Молодец, Баян. Никому не уступай имени дедовского. Ты — скиф, повелитель просторов. Земля скифов

от великого Восточного моря и моря Индийского до Истра, от страны вечного снега, от Рипейских гор до самого Нила египетского. Се — Скифия! Но никогда не гордись попусту. Скифы не хвастали первородством перед другими народами. Зело древние, а называли себя — молодым племенем.

— Как же мы стали русскими?

— Промыслом Сварога. Скифы — не муравьи, в муравейники не сбивались. Родит отец трех сыновей, вот и три племени. Один в лесах живет, другой в степи, третий морем кормится. Кровь одна, а века прошумят крыльями, встретятся правнуки единого прадеда да и не поймут друг друга. Один говорит: се — солнце, а другой говорит: се — офтоб, се — шамс, гюн. Один говорит: се — небо, а другой: се — тенгри.

Замолчал Благомир. Баян пождал, пождал, что еще скажет, и услышал покойное дыхание: уснул.

Лег и Баян.

Явор огромный, в иной роще нет столько листьев, как на этом яворе, но ни единый листок не шелохнулся, оберегая сон старого и малого.

Утром в лесу они встретили олениху с двумя оленятами. Олениха поклонилась волхву, а резвые детки ее подбежали к Благомиру.

— Погладь олешек, — сказал волхв ученику.

Баян погладил, почесал одному и другому шейку: олени, лошади, коровы любят такую ласку.

— Знакомая моя, — сказал волхв об оленихе. — Было время, набирался я силы в лесу. Нашел олешка еле живого: ногу сломал. Вот тебе и урок: на доброе зверь памятлив. Но и другое знай: человек за самый щедрый твой дар, за верную службу, даже за спасение от гибели может отплатить черной неблагодарностью. Но не сделаешь добра, отвернешься от страждущего — сам станешь черным. Нет у доброго человека выбора. Твори добро, не ожидая ни похвалы, ни награды.

— Не заторно ли ждать злое? — спросил Баян.

— Твори добро без оглядки.

Вошли в розовое, в пылающее озеро кипрея. Возликовало сердце Баяна. Маму вспомнил, ласку пламени в

ладонях. Ярополк встал перед глазами. Мелькнула, как ядовитая змея, быстрая мысль: «Не предал ли семейной тайны я, недостойный, показав диво кипрея княжичу?»

— Вот и выбрались! — воскликнул в то же мгновение Благомир, выходя из кипрея на простор.

И увидел Баян — они на той самой горе, куда приводила его матушка.

Кинулся глазами по голубым далям, ища свою родную весь.

Волхв, обняв его за плечи, сказал тихонько, ласково:

— Потерпи. Разлука наполнит твое сердце — любовью. Без любви слова неживые, как прошлогодние листья. Потерпи — ради вешего всемогущего слова.

Они пошли с горы в другую сторону, и Баян ни разу не оглянулся. Трепетало сердце, билось в тоске, как бьет птица крыльями над выпавшим из гнезда птенцом, — не оглянулся.

Они шли лугом, по синим да по голубым цветам. Спустились в пойму. Здесь трава была скошена, и люди вдали копошились муравьишками: ставили огромный стог. На небо надвигалась из-за реки лохматая, как бродячий пес, туча.

— Не успеют! — ахнул Баян, прибавляя шаг: вспомнилось, как дома спасали от дождя высохшее сено.

Волхв тоже прибавил шаг. Стало видно: люди мечутся неистово, но гром уже погромыхивал.

— Не успеют! — простонал Баян.

— А мы с тобой на что? — волхв грозно сдвинул седые брови и сам сделался тучею.

Ударил посохом оземь, вскинул руки к небу, одежда на нем заплескалась, словно его объял сильный ветер.

— Гей, орлица! — закричал волхв зычным голосом. — Твое гнездо не здесь! Лети туда, где птенцы ждут тебя не дождутся. Дождь-косохлест — ты нынче не про нас. Стой, говорю! Не то пресветлый ярый Дажбог иссушит тебя досуха.

Туча будто споткнулась о преграду, на дыбы взмыла, громоздя облако на облако. И покатилась вся эта громада краем неба. Было видно: стеной дождь стоит, да река ему, как застава неодолимая.

— Ступай! Ступай! — ласково говорил волхв туче. — На молодых пролейся. Молодым дождичек — на счастье.

Люди глядели то на тучу, то на волхва с отроком. И когда путники подошли к незавершенному стогу, все дружно поклонились своему заступнику.

«А ведь когда мы шли под дождем, Благомир и не подумал развеять тучи», — вспомнилось Баяну.

— Завершайте стог, потом поговорим, — сказал Благомир людям, — а нам водицы дайте попить.

— Квасу откушайте! — поклонились женщины.

Квас был с анисом, крепкий. В нос ударял.

— Хорош? — спрашивали женщины, улыбаясь от року.

— Хорош.

Вдруг раздался пронзительный истошный крик.

— Зорюшка никак не разродится, — заохали женщины. — С утра кричит. И работать не работала.

— Пошли поможем, коль по силам будет, — сказал Благомир Баяну.

— Ему-то, дитю, зачем на такое глядеть? — изумились и даже испугались женщины.

— Се — мой ученик, будущий помощник ваш. Для волхвов — нет ничего в человеке тайного, нет и стыдного.

Зорюшка была бледна, как первый снег, до голубизны. Благомир осмотрел роженицу, ощупал плод. Достал из котомки снадобья, дал Баяну смешать три лекарства в серебряной ступке. Напоил болезную. Вздохнув, шепнул Баяну:

— Делать нечего, надо тучу назад звать.

Отошел от стога. Ударил посохом в землю. И снова трепетала на волхве одежда, как от бури.

Туча, укатившаяся на край неба, заворочалась, двинулась к реке. Полетели быстрые облака над косарями. И пришел черный, как пропасть, небесный вихрь. Сверкнула молния, разразив небо, и уж так грянуло — оглодели все, наземь попадали, но закричал ребенок.

Пошел дождь, ласковый, теплый. И не было среди людей досады — не закончили общего дела. Была радость — разродилась Зорюшка.

— Сено-то высушим,— говорили косари.— Уголок всего не успели завершить... Солнце-то! Солнце!

Солнце сияло сквозь дождь. И радуга встала над лугом, над людьми с их стогом, над новорожденным, дивная, близкая.

К волхву подошли женщины:

— Зорюшка спрашивает, как ей сына назвать?

Благомир показал на Баяна:

— Родился верный друг сему отроку. У него и спросите.

Женщины поклонились Баяну:

— Как назвать дитятю?

Баян поглядел на Благомира, но тот глаза веками прикрыл.

— Он ведь громом спасенный,— сказал отрок в отчаянье.— Не знаю. Громом назовите. Громушкой. Громогласом.

— Эко! — удивились женщины.— А все равно, будь по-твоему. Хорошо ведь — Громоглас, Громушка. Имечко-то по судьбе.

Княгиня Ольга и внуки

— Да куда же мы с тобой пришли? — удивился Благомир, оглядываясь по сторонам.

Они стояли на поляне, перед глубоким озером, перед лесом, по вершинам которого хаживал волхв, но это было незнакомое место. На берегу озера стояла высокая, будто колодец в небо, будто перст указующий, церковь. Крест выше леса. Чуть в стороне, за тыном, три избы. Люди в черном посыпали белым песком дорожку, прямую, как стрела, от тына до паперти. Паперть — широкий помост перед узкой дверью в храм.

— Наши! — обрадовался Баян, указывая на волхвов, глядевших на черных людей из-за деревьев.— Покричать нашим?

— Подойдем,— сказал волхв.

Их обступили, стали рассказывать:

— За неделю черные-то управились. Три веси согнали с топорами. Княгиню ждут.

Вдруг торопко затрезвонило, осушая волхвам сердца, вислошное било.

— Княгине трезвонят, — сказал Благомир. — Пожаловала.

Из-за леса на поляну выходила вереница людей, одетых в парчовые ризы, с хоругвями, с крестами, с какими-то изображениями в позлащенных, в серебряных, осыпанных драгоценными камнями окладах.

— Это — иконы, — сказал Благомир. — Своих хранителей христиане рисуют красками. Украшают, как только могут. Не жалеют ни серебра, ни золота.

— Вон она, Ольга-то!

— Княгиня! Княгиня! — шептались волхвы.

— Пешком ведь идет!

— Княгиня — христианка, — сказал Благомир. — Христиане между собой все равны, братья и сестры. Богу своему угождает.

С иконой, крестом выступили из церкви семеро монахов. Все в черном. Высокие, торжественные. Оба шествия встретились возле рощи, где стояли волхвы.

Киевские златоризые священники расступились, и княгиня Ольга с двумя внуками предстала чернецам.

— Ярополк! — обрадовался Баян.

— А другой — Олег, — шепнул ему Горазд. — Мы для Олега запыны на платье делали. Вишь, как сияют! Наши запыны-то!

Монахи поклонились княгине до земли, запели:

— «Воспойте Господу песнь новую; воспойте Господу вся земля!»

Люди, пришедшие с княгиней, подхватили песнь, голоса слились в единый сладкозвучный величавый глас.

— «Пойте Господу, благословляйте имя Его, благовестуйте со дня на день спасение Его!» — пел крестный ход, и волхвы в том ликующем пении слышали грозный призыв оставить тьму ради света.

— «Возвещайте в народах славу Его, во всех племенах чудеса Его! Ибо велик Господь и достохвален, страшен Он паче всех богов. Ибо все боги народов — идолы, а Господь небеса сотворил».

Сказал Благомир своим:

— Они ждут от нас смирения, так смиримся! Преклоним колена перед крестом. Пусть утешит их ложь, ибо нет правды в человеке, который меняет богов ради покоя своего и бережения жизни своей.

Все волхвы опустили на колени, поклонились княгине и ее шествию. Баян разглядел: на иконах лики все большеглазые.

Крестный ход двинулся к церкви. Княгиня Ольга шла, держа внуков за руки. Ярополк увидел Баяна, махнул ему, подзывая. Благомир приказал тихонько:

— Подойди.

Баян подбежал к княжичу.

— Се — мой друг! — Ярополк потянул бабушку за руку, показывая ей ученика волхвов.

Княгиня Ольга, погруженная в молитву, подняла на Баяна глаза.

Все знали — она старая. Да только ни единой морщинки не увидел волхвенок на белом, как зима, лице великой правительницы. В глазах Ольги тоже стояла зима — лед сверкающий. Упала душа у Баяна, как птичка, схваченная за крылья морозом.

— Можно, он пойдет с нами? — Ярополк снова дернул бабушку за руку.

— Вы с братцем тоже ведь нехристи, батюшки вашего ради, — сказала Ольга и вдруг улыбнулась Баяну: — Единый Бог милосерден. Иди к Нему, Он примет тебя.

В храме поместилось не много народу: княгиня с внуками, ближние люди княжьего двора, монахи, киевский владыка.

Началось освящение храма. Перед иконами зажгли свечи, кадили. Запах ладана волновал сердце радостной близостью к великой сокровенной тайне.

Монахи пели, княгиня пела, все, кто был в храме, — пели.

Ярополк показал Баяну на икону Спаса Нерукотворного:

— Се — Исус! Бог. А это Его Мать. Богородица.

— А кто в шурах? — шепотом спросил Баян.

— Ихний человек. Святой, — и показал головой на дверь.

Баян не понял.

— Пошли на озеро,— шепнул Ярополк.— Меня теперь пускают. Отец велел пускать. Куда хочу, туда иду.

Княгиня Ольга увидела, что старший внук собирается улизнуть, глянула строго, но только перекрестилась, поклонилась своему Богу до земли.

Ярополк и Баян вышли из церкви.

Перед храмом тоже служили.

— Пошли подальше! — сказал Ярополк.— Весь день поют, поют...

— Хочешь к белому коню? Я ведь тоже только пришел.

Мы с Благомиром за словом ходили.

— За словом?! — удивился Ярополк.— Бабушкин Бог тоже Слово. Она сама мне говорила.

— Мы искали вещее слово.

Они вышли к белым скалам. Смотрели на реку, полыхавшую солнцем.

— Ты хотел бы птицей быть? — спросил Баян.

— Я хочу быть князем.

— А зачем?

Ярополк удивился, посмотрел на Баяна, но ответить не умел.

— А ты кем хочешь быть? Волхвом?

— Я хочу петь славу пращурам.

— А зачем? — съехидничал Ярополк.

— Чтоб люди помнили. Чтоб ариев помнили, чтоб скифов помнили. Богатырей.

— Я хочу быть князем,— сказал Ярополк, сдвинув брови.— Как князь скажет, так и будет... Скоро мой отец сядет на киевский стол. Он греков не любит... Он ихний Царьград себе возьмет.

— Мне Благомир говорил, земля наших пращуров была от Восточного моря до Истра, от холодного моря до теплого.

— На такой большой земле как править? — строго спросил Ярополк.— Я буду в Киеве сидеть. Чужого не возьму, а уж своего никому не дам.

— А если льды придут из полнощной страны? Арии от тех льдов в Индию ушли. Арии всех покорили. У них

были колесницы. Если льды придут, ты поведешь нас в Индию?

— Льды не придут, придут хазары, а у бабушки тысяцкий — старик.

Ярополк нахмурился. Баяну захотелось утешить друга, вспомнил, как в родной веси ребята ходили на руках. Он и встал на руки.

— Ты так умеешь? — спросил, почесывая пятку пяткой.

— Скоморохи мои так ходят.

— А ты пробовал?

Ярополк отвернулся.

— Давай научу.

Стал показывать, что да как.

У княжича раз не получилось, другой не получилось — и вдруг встал.

— Княжич! — прибежал слуга. — Княгиня зовет!

Ярополк стоял на руках, и ему очень нравилось, что он не хуже Баяна, не хуже скоморохов.

— Княжич! — ахнул слуга. — Кровь бы в голову не ударила.

Ярополк вернулся на ноги. Сиял.

— Княжич! Княгиня гневается.

— Возьми на память. Придешь в Киев — покажи страже. Пустят.

Ярополк рванул с кафтана запону, дал Баяну. На слугу зыркнул сердитыми глазами.

— Смотри! Никому не говори.

Услада и любовь

Поскучнел богатый, счастливый Киев-град. Бояре да купцы оделись холопами. Холопы — смердами.

Посконно было на княжеском дворе. Княгиня Ольга да комнатные ее люди узорчатые платья спрятали, достали из сундуков ношеное, обветшавшее.

Однако ж у воинов и одежды были изрядные, и оружие новехонькое, богато убранное. Что ни воин — богатырь.

Посол великой Хазарии бедности Киева не поверил. Сын тудуна, надзиравшего за сбором налогов в казну

кагана, Иоанн Ашин с детства приготавливался к будущей своей службе. Знал, сколь хитра и премудра княгиня Ольга.

Он был крещен, получил христианское имя.

Молился Иоанн Христу, но служил могуществу рода Ашинов и боготворил кровное родство с гуннами. Однако то была половина крови, другая половина, материнская, вязала хазарского посла со всей киевской землей. Его мать была русская.

Хитрость княгини Ольги изумила, но не рассердила посла. Он прибыл взять дань и затребовать новую.

Тысяцкий Георгий Вышатич водил Иоанна глядеть на товары, входящие в роспись дани. Ярый воск от новоройных пчел. Ярая пшеница. Ярая — смотреть больно — соль. Связки кунных шкурок, бочки меда, бочонки меда ставленого, пьянящего, обильнопенного. Полотно из льна, все отменное, все по договору. Пенька чесаная, чистая. Одного овса только было приготовлено мало.

Иоанн вскинул удивленно глаза, а тысяцкий развел руками:

— Не уродился овес. Мы ягод сушеных изготовили взамен. Здесь, в мешках, вишня. Здесь груши.

— А где славянская ягода?

— Костяника? Вот, два бочонка.

— Ягоды коней не накормят, — сказал посол, но не отверг предложенного.

— Сам видишь — даем отборное. Себе оставляем, что поплоше.

Посол самодовольно улыбнулся:

— Обилие — удел великих царств.

Погордился, а в душе кошка когтями заскребла: Хазария жила былой славой, могущество кагана тает, как весенний снег.

Перед княгиней Ольгой посол Иоанн выказал всю нарочитую дурь хазарского высокомерия.

Вошел со своими людьми быстро, шапки не снял, не поклонился, сел на лавку. Заговорил первым:

— Мы довольны данью. Все товары, собранные тобой, княгиня, для великого кагана, — превосходны. Но Русь не дает моему повелителю ни золота, ни серебра. И сия

скудость для богоподобного кагана Иосифа и для царствующего кендер-кагана Арпада — великое поношение и обида... Мне велено сказать тебе, княгине руссов. дай вместо золота и серебра — тысячу синеглазых, златокудрых дев. Не дашь — придем и возьмем, но уже не тысячу, а сколько пожелают наши воины. Волка разумнее накормить, нежели пустить голодным в овин.

Княгиня молчала.

Светлица, где стояло княжеское золотое место, была высока, просторна, напоена светом и запахом солнца.

Ольга сидела возле пустующего трона в деревянном креслице. На ней был венец великой княгини. Платье по вороту шито жемчугом, на шее золотая гривна. На руках всего один перстень, пускавший белые слепящие стрелы лучей.

Небогатый наряд, а вот ножки у княгини были обуты в красные сафьяновые чеботы. В таких византийские василевсы — багрянородные — хаживают.

Положа руку на подлокотник княжеского места, княгиня, чуть сдвинув брови, взглядывалась в лицо посла. Молчание подзатянулось, и посол крикнул с досадой:

— Всем ведомо, ты — мудрая! Вот и будь мудрой.

Княгиня поднялась, повернулась к послу спиной, лицом к образу Богоматери на стене за тронем, поклонилась до земли, осенила себя крестным знамением. Потом снова обернулась к послу, сказала тихо, но так, что воздух зазвенел:

— Снял бы ты шапку, христианин, перед иконой.

Иоанн вспыхнул, но шапку снял. Княгиня стояла, молчала.

Иоанн поднялся.

— Ну вот, — сказала княгиня. — Почтили мы с тобой высокое место великого князя Киевского, теперь и поговорим... На русских дев хазары разохотились... Верно, русские девы красны, как солнце, белы, как лебеди... Да ведь это вы, хазары, — рабы своего великого кагана. У нас на Руси люди вольные. Война — не женское дело. В походы я не хожу. Нет у меня рабынь, людьми не торгую. Так что смилуйся, не могу исполнить волю ка-

гана... Впрочем, одна рабыня у меня есть, дареная. Возьми ее вместо тысячи.

Княгиня взглядом позвала к себе деву, стоявшую среди служанок. Дева показалася Иоанну дивом. Как горлица совершенная.

— Берешь? — спросила княгиня. — Усладой зовут.

— Беру! — вырвалось у посла. — Для моего кендеркагана беру... Но мы желаем тысячу.

— Вот тебе десять турьих рогов, исцеляющих от тысячи болезней. Дев твой хан пусть возьмет в землях, где люди до того любят рабов, что и сами себя продают в рабство... Служанку мою получишь при отбытии. Мне надо приданое собрать для нее.

Посол глянул на своих людей. Развернули мягкую соболью шубу.

— Это тебе, княгиня Ольга.

Поставили на середину светлицы большой короб с изюмом.

— Это твоим девам из наших садов.

Княгиня головой указала послу на икону. Поклонился.

Ушли хазары, громко топая, переговариваясь между собой. Хозяева...

В это же самое время на половине молодого князя Святослава шел веселый, нарочито шумный пир. Князь угощал своего кунака, гузского илька Юнуса, племянника ябгу, правителя гузских племен.

Заветы старины у гузов свои. Сыновья верховного правителя ябгу власти не наследуют. Честь племянникам.

Ильк у гузов — то же, что у руссов князь. Юнус и Святослав ждали заветного часа быть у народов своих первыми. Пока же их удел тешиться охотой.

Юнус привез в подарок кунаку соколов. Сначала с соколами устроили ловитвы, душу радовали высоким летом бойцовых птиц, беспощадным, разящим ударом живой пращи, падающей с неба на жертву. Потом ездили на вепрей. Тут уже не поглядки, сам не плошай. Вепрь зверь яростный, клыки в пол-аршина, бьет, как таран. Быстр, увертлив.

Огромный зверь ссадил князя с коня. Если бы не копье Юнуса, было бы худо. В душе Святослав радовался,

что охота выдалась опасная и что не он, хозяин леса, спасал гостя — гость выручал хозяина.

Когда хмельной мед побратал гридней князя и аскеров илька, Святослав и Юнус незаметно удалились в спальные покои.

Пышная, под шелковым балдахином, постель стояла в углу. На ковре подушки, рысья шуба. Святослав, хохотнув, ткнул в сторону постели:

— Облако! А я тут сплю,— топнул по ковру.— Твердо, да нельзя упасть.

Возлегли на ковер, но Святослав тотчас поднялся, принес два меча, короткий и подлиннее.

— Этому,— показал на короткий,— мир покорился от Восточного моря до Персии, до Истра... Египет от него золотом откупался. Се меч — скифов. А се — сарматов. На ладонь всего длиннее, да за ним правда. Сарматы побили скифов, ради пастбищ, ради славы. А по крови-то родня... И ныне, верю, есть сокровенное в воинском деле. Будешь знать — победишь сильнейшего.

— Хочешь, скажу заветное? — глаза у Юнуса смеялись.

— Хочу!

— Заветное да сокровенное оружие против сильнейшего и многолюдного — священная дружба. Одно дерево, пусть и очень большое, не лес. Но ты лес, когда окружен кунаками. Срубить одно дерево — дело не хитрое, а вот на лес ни топоров не хватит, ни мечей.

У Святослава глаза горели, но румянец схлынул со щек.

— Хочешь напоить коней из великой реки?

— Над великой рекой зеленый простор не мерян, коньям привольная пастьба,— вздохнул Юнус.

— Тебе отдаю! Корми легконогих своих.

Юнус засмеялся:

— Я бы взял, да хазары не согласятся.

— На хазар воздвигнем нашу дружбу. Пусть ищут на земле иных глупцов, кто бы кормил их. Моя матушка щедра потчевать кагана да его алхазар. Как только придет день моей воли, поскачу на Белую Вежу, выкрашу белых в алое, собственной их кровью выкрашу! За все обиды

русские, за твои обиды, кунак. Ты для них, верующих Иегове, — раб и язычник.

— Мой бог Тенгри-хан. Он — небо и свет. Мне без него нельзя, как без солнца.

— Ну, а мой бог само солнце. Мой бог — прародитель людей дедушка Род. Он с твоим богом живет в согласии. Для него небо и свет — жизнь.

— Да будет наше куначество священным, — сказал Юнус. — Сольем кровь, разделим соединенное надвое.

И взяли они чашу, сделали надрезы на левых руках, слили кровь в кубок с вином. Выпили священный напиток дружбы, как пили когда-то скифы.

Вернулись к пирующим просветленные. А на пиру веселье угасло: желваки играют на лицах гридней.

— Эй, кто вас подменил?! — закричал Святослав, поднимая кубок во здравие гузов и руссов.

— Посол кагана требует от княгини особую дань: тысячу русских дев! — сказал богатырь Чудина.

— И что же княгиня?

— Подарила вместо тысячи рабыню свою.

— Усладу!

— Верно, князь. Усладу. Но посол грозил взять дев силой, коли не дадут ему, что требует, со смирением.

Потемнело лицо у Святослава, Юнус ударил его рукою по плечу и сказал:

— Что печалуешься, князь? Собака брешет на весь мир, а покажи ей палку — она и хвост поджала. Ты радуйся славе русских дев. Русские жены как заря. Я и сам приехал к тебе с тайной надеждой просить в жены дочь Свенельда.

Пришла пора воеводе Свенельду, великому витязю, побледнеть.

— Моя дочь просватана, — сказал воевода.

— Горе мне! — крикнул Юнус, швыряя кубок на пол.

Встал Святослав, поднес Юнусу свой кубок. Спросил:

— Видел ли ты, брат мой, дочь Свенельда?

— Нет, не видел... И не увижу, несчастный, обойденный! — воскликнул ильк гузов.

— Тогда беда не велика. Ты влюблен в молву. Молва — манок, сеть сердцу, но она всего лишь звук, речь

цветная. Поставить перед тобой сорок дев, может, и не Свенельдову дочь полюбили бы глаза твои. Молва красна, а живая дева пугливая, как олениха, — что тебе цветок папоротника. В крови у нее огонь... Пей! Пусть дочь Свенельда будет счастлива. Твое счастье тебя не обойдет.

Юнус выпил кубок, но гнев сверкал в его глазах, яростно упирался он взглядом в пространство.

Вдруг вскочил на ноги один из гридней, то был юный Блуд.

— Дозволь, князь, говорить.

— Говори, — ударил кулаком по столу захмелевший, помрачневший Святослав.

— А говорить-то мне нечего. Дозволь сестру мою привести, показать твоему гостю. Мой род в Киеве не последний.

Поглядел Святослав на Юнуса, тот в стол пялится, молчит.

— Приведи сестру. Пусть чашу поднесет властелину степей. — Зверем зыркнул на Блуда: смотри, мол, коли сестра твоя не больно хороша. Однако спросил: — Как сестру зовут?

— Любовь! — ответил Блуд гордо.

Не зря, не зря погордился.

Юнус будто еж пыхтел, пока не явилась перед ним юная дева с чашею меда. Тут уже деваться было некуда. Поднял глаза, а перед ним — солнце. Зажмурился, ослеп храбрец из храбрецов, да еще струсил вдруг. Перед таким дивом показался он себе куском глины, кинутым рядом с огненным яхонтом. Маловат показался титул илька, чтоб солнцем-то владеть.

Святослав и Ольга

Княгиня ждала сына в палате, где утром принимала посла кагана. Она сидела на деревянном креслице, рядом с великолепным, долгие годы пустующим великокняжеским местом. Дремала, опустив голову на грудь, и Святослав, уже приготовивший злые слова, замер на пороге, смущенный. Он вдруг увидел: великая, всеильная, пре-

мудрая Ольга — маленькая немощная старица. И тотчас ярость ударила в голову: «Тебе ли здесь сидеть, бабе дряхлой? Ступай к своим чернохвостым, кланяйся, плачь! Твой Бог любит слезы».

Княгиня открыла глаза. Два огромных самоцвета, зелено-синие, холодные, преобразили лицо.

— Я задремала, тебя ожидаючи, князь.

— Мне принесли наконечник стрелы, устроенный поинному. С хитростью. Летит — воет. Коли тысячу стрел пустить, от одного воя побежишь.

— Война у тебя на уме.

— Да ведь я не поп, чтоб о мире вздохать, я — князь. Я и есть война.

— Твой отец, Игорь свет Рюрикович, войною добыл себе — смерть, жене — вдовство, сыну — сиротство, Киеву и всей Руси — опасность разорения, рабства. Чтобы спасти для тебя, наследника, великий стол сей, садилась и я, женщина, на коня... Война — топор, раны наносит быстро, а вот заживают раны всю оставшуюся жизнь. Ты торопишься на княжение, как в поход, уверенный, что побьешь отвагой, удалой силой несмелого врага.

— Ты поучить меня звала?! — дерзко крикнул Святослав.

— А кто же тебя еще поучит? Дикое поле? В поле поздно учиться, да и наука там другая. Князь не тысяцкий. Князь не войной правит — миром.

— Княжеством.

— Землей, сын мой. Пахарями, которые кормят князя и его дружину. Ремесленниками, без которых ни брони не будет, ни меча. Плотниками — как прожить без крыши над головой?..

Святослав засопел, набычил голову.

— Ты садись. Поговорим. Давно ведь не говорили... Место твое, как видишь, тебя ждет, я его не занимаю.

Святослав пыхнул, хватил себя по ляжкам ладонями, но ничего не сказал.

— Через полгода исполнится тебе двадцать один год. Ты получишь жданное. И хоть слова мои тебе как надоедливые мухи, я все же не перестану жужжать. О несмелом враге говорила... Знай, сын мой! Несмелый страш-

нее отчаянного. Несмелый кольцами вьется перед смелым, глядит на смелого, как на солнце, сам с виду пестренький, да на зубах-то у него яд... Ну да ладно. Мне успели донести: ты прилюдно осудил мой дар хазарскому послу. Говорят, тотчас сосватал сестру Блуда за гузского князька. Не дразни хазар, Святослав. Посол правду сказал: они нападают, как волки. Сожрать Русь не смогут, но сколько людей будет убито, сколько в рабство угнано!

— Тебе много нашептывают, но ведь и я кое-что знаю про твои тайности! — Святослав поглядел матери в глаза. — Я ведь знаю: улаживая хазарского посла, ты решила совершить набег на одну из окраин княжества. Тысячу дев отдать тебе прелюдно стыдно, а разорить веси, опустошить целый край, предав людей в тайном сговоре, — не зазорно. Слышал я, твой Бог уши режет грешникам... Кто без ушей-то останется за этакий сговор?

Княгиня Ольга побледнела. Она не ожидала такого. Сын и вправду стал мужем.

Молчала.

— Отдай мне стол! — сказал Святослав. — Я не позволю хазарам опустошать Русскую землю.

— Хазар побить мало. — Ольга глядела на сына, как смотрят ее иконы. — Хазария должна исчезнуть. Но под каганом вся степь, горы, леса. И все племена. Отразить нашествие — много ума не надо. Побьешь бека — получишь во враги самого кагана. Ты меня осудил, а теперь поди и подумай. Вы с гузским князьком кабана заporоли насмерть, по вашим ли силам зверь Итиля, Белой Вежи, Семендера? — Закрыла глаза. — Я боюсь за Русскую землю... Я так долго врачевала и собирала имение наших пращуров после ран, оставленных тебе в наследство твоим отцом.

— Я побью хазар! — топнул ногой Святослав. — Слышишь! Ты — мудрая, но дед мой — князь Рюрик, во мне кровь князя Олега.

Поклонился матери, пошел прочь, но вернулся:

— Мир того не стоит, чтоб за него платить народом. Ушел, хватив дверью.

Ольга перекрестилась на икону.

— Мир — жизнь, мир дорого стоит, — опустилась на колени перед Богородицей. — Почему, Господь, не благословил женщины быть на княженье? Сядет на сие место сын мой — и люди забудут радости покоя и труда. Звенит в ушах моих от будущей гульбы мечей. Голова гудит от конского топота. Плачет сердце о сиротах, о юных вдовах. Господи! Богородица! А ведь этому быть...

На аркане

Осень стояла теплая, сухая. И вдруг за одну ночь пришла зима. Морозная, снежная. А дубы не скинули листву. Стояли черно-золотые на ослепительно белом.

Каждую ночь Баяну снилась мама. Она летала над ним птицей, трепеща крыльями, отгоняла невидимую опасность.

Баяну жилось весело. По утрам волхвы учили его грамоте. Сначала своей, русской, потом греческой, по греческим книгам, приказывая заучивать многие страницы. И еще одному языку учили — хазарскому.

— Не робей перед чужими словесами! — ободрял Благомир Баяна. — Никогда перед чужими не робей. У хазар — сила, у нас — ум. Голова у тебя светлая. Что узнаешь в детстве — то будет называться в старости мудростью.

Во второй половине дня Баян играл на гусях, старец сказитель обучал его песням о славных деяниях пращуров.

Благомир назначил отроку два перерыва между часами учебы. Перед обедом его оставляли в одиночестве. Он мог сидеть дома, мог идти к лошадям или в лес, к деревьям. Вечером ему разрешалось быть с ребятами. Верховодили старшие, но одиночеству он был полный хозяин.

В иные дни Баян отправлялся в храм. Он любил быть здесь между службами. Перед «Спасом в Силах», перед Богородицею горели сияющие лампы.

Стоял, смотрел на Бога княгини Ольги, и Бог смотрел на него. Баян переходил с места на место, укрывался за столпом, украдкой выглядывал: глаза Христа не теряли

его, а поднятая рука благословляла. Персты были соединены как-то очень сложно. Персты длинные, рука не богатырская, но Баяну чудилось, сила исходит от сокровенного знаменья дивная.

И подходил он к Богоматери. Ждал. В лике Матери и Девы он ощущал едва приметную улыбку. Сердце сжималось: а вдруг Она — улыбнется ему. Она ведь так похожа на маму.

Оглянувшись по сторонам — нет ли кого — он, едва раскрывая губы, просил Ее однажды:

— Будь мне здесь матушкой. Моя матушка далеко...

К нему подошел монах:

— Хочешь, я крещу тебя во имя Отца, Сына и Святого Духа?

Баян попятился, попятился и кинулся бежать.

Зима сыпала снега. И, боясь монахов, Баян перестал ходить к Богу и к Богородице. Он ходил теперь в кузницу и в светелку к мастерам, где трудился Горазд.

Горазд чеканил наверхие для турьего рога. Птиц с хищными лапами, с орлими носами. Человечков с луками. Цветы.

Баян тоже пробовал вырезать цветок. Получилось так худо, что он перепугался: испортил всю работу.

— Ничегошеньки не испортил! — сказал Горазд и единым быстрым движением резца превратил Баянову лепицу во вьюнок.

— Тебе Род помогает, когда ты его просишь? — спросил Баян Горазда.

— Я никогда его не просил! Зачем дедушку тревожить? Уж как-нибудь сам управлюсь.— И тоже спросил: — А тебе не скучно слова учить и ничего не делать?

— Не скучно. Слов много. Все разные. По-гречески говорить лепо. И по-хазарски лепо. Если бы узнать все языки, можно с Богом говорить.

— С Родом?

— Нет! — прошептал Баян.

— Со Сварогом?

— Побегу я. Мне на гусях пора играть.

Схватил шапку, шубу. Оделся, выскочив на мороз.

Какие-то люди на конях ездил по краю поляны. Шубы серые, волчьи. Лошади, как звери, косматые.

«Кто это приехал?» Баян загляделся, оступился...

Тропинка узкая — нога провалилась в глубокий снег. Он упал, забарахтался, выбираясь на твердое место. Но едва он поднялся, как что-то просвистело в воздухе, хлестнуло, и он снова повалился в сугроб. Его тотчас дернуло, поволокло, безжалостно стискивая тело до боли.

«Хазары!» — как молния, сверкнуло в голове.

— Хаза-а-а-ры! — крикнул он, но в рот набился снег, и, чтоб не задохнуться, он сжал зубы и губы. И глаза пришлось закрыть, как бы о наст не покорябало.

Аркан обжигал, сознание меркло, зарницы пыхали в голове. То лицо Власты мелькнет, то Ярополка, то самого Бога княгини Ольги. Щемила душа, стонала: «Не успел Благомир вещего слова сыскать, оградить Русь от хазар, от напасти. Не успел...»

ГИБЕЛЬ ХАЗАРИИ

Псалмопевец и каган

тены, потолок, пол, даже двери были увешаны и устланы звериными шкурами. Комната круглая, здесь трем дюжинам человек не будет тесно.

Босыми ногами ласково по мехам ходить. Баян и вдоль стен прошел, трогая шкуры. Наконец сел в дальнем углу на огромную медвежью башку.

Новая жизнь на чужбине для юного волхва задалась удивительней прежней. На дележе рабов он достался — кагану. Дворецкий, сортируя полон, спросил Баяна, что он умеет делать.

Голос удивил царедворца.

Не на тяжкие работы, не на побегушки определили нового раба. Учили еврейскому языку, псалмам царя Давида, игре на псалтири. Кантора, наставлявшего отрока в пении, изумил не столько голос юного раба — его память. Баян знал мелодию и слова псалма с одного прослушивания.

Уже через две недели юного псалмопевца доставили в звериную комнату. Одели царевичем. Рубаха из золотистого атласа, с рубиновой запоной на вороте. Кафтан

из парчи, со стоячим воротом, с алой подкладкой, с опушкой из соболя. Обули в червленые чеботы.

Дворецкий, оглядев Баяна, остался доволен.

— В Царьграде за багрянородного приняли бы!

Псалтирь была позлащенная, струны золотые.

Трепетал Баян, когда вели его в покои кагана. На кагана, когда он выезжает из дворца, и смотреть-то нельзя, народ ниц падает.

— Мне петь, зажмурив глаза? — спросил Баян дворецкого.

Дворецкому понравился разумный вопрос. Улыбнулся:

— Живущим с каганом на одном дворе смотреть на сияющее солнце позволительно... Не позволительно в уныние впадать, ибо, огорчая кагана, мы можем помрачить священный свет греховой своею тьмой.

Минул час — Баяна не звали. И еще час минул. И еще... Утомленный ожиданием, он положил голову на башку медведя и нечаянно заснул.

Ему опять снилась Власта. Она летала над ним, как летает птица над выпавшим из гнезда птенцом. Она кричала ему, кричала! Он открыл глаза и тотчас зажмурился от яркого света.

Свет бил из двери.

— Заснул? — спросил человек, стоявший в тени, на хазарском языке.

Баян понял слово, повторил:

— Заснул.

— Пришла пора псалтири и псалмам.

Отрок взял псалтирь, вскочил на ноги.

Будто в само солнце вошли. Стены сплошь — златотканые ковры. Потолок золотой. Пол из золотых плит. По углам золотые курильницы, светильники тоже все золотые. Огонь горит ровно, без копоти.

На возвышении, у стены, сияющей как жар, белый трон.

Привратник, приведший Баяна в святая святых Хазарского царства, указал на золотой таз и золотой кувшин:

— Освежись после сна.

Баян плеснул воды на ладонь, повозил по лицу, по глазам. Осмелился еще разок плеснуть. Полотенца не видно было.

— Я слушаю тебя! — раздался голос.

Баян повернулся: привратник сидел на троне. Осенило:

«Да это же каган!»

Упал, как учили, на пол.

— Встань! Подойди ближе! Пой.

Баян поднялся, сделал несколько шагов вперед, заиграл. Запел:

— «Господь — свет мой и Спаситель мой, кого убоюся? Господь — крепость жизни моей, от кого утрашуся?»

Голос отрока поднимался с высоты на высоту, и вскоре уже чудилось — не от земли пение, но с неба. Небо глаголет.

Каждое слово как меч, пронзающий неправду.

— «Верую видети благодать Господа на земле живых», — заканчивал псалом Баян, взыгрывая на псалтири.

Лицо кагана омылось слезами. Баян испугался, рука упала со струн, и дрожащий звук сорвался, как стон.

Каган закрыл лицо руками, сидел неподвижно. Столбиком, как сурок, стоял перед ним несчастный Баян. Огорчил-таки, помрачил солнце Хазарии, владычицы земель и народов. Не сносить головы, коли каган — живая икона — потемнеет ликом.

— Ты сегодня ел? — спросил каган, отнимая ладони от лица.

— Нет, — прошептал Баян.

Каган сошел с трона, поманил отрока за собой. Божья комната была, как и звериная, круглая, но крошечная. Низкий, на вершок от пола серебряный стол, занявший чуть не всю комнату, был заставлен яствами.

— Садись, — пригласил каган, — ешь.

Баян опустился возле шелковой подушки, поджал, как учили, ноги под себя. Взял что с краю. Отведал: на птицу похоже.

— Соловей соловью! — изумился каган.

Баян вздрогнул, отложил птичку.

— Ешь. Теперь это всего лишь — пища.

Отрок потянулся к лепешке, стал есть лепешку. Каган улынулся. Подал гостю большой кусок белого птичьего мяса.

— Это дрофа. Ешь. И пей! — подвинул кубок с виноградным соком. — А это вот маслины. Привезены из Греции... Не вкусно? — каган засмеялся. — Тогда отведай смокв. Эти смоквы из Иудеи, из земли обетованной, а эти растут на моей земле. Какие вкуснее?

Баян съел ту и другую, показал на хазарские.

— Ты оценил сладость плода, а в этих иудейских смоквах заключена завораживающая тайна. Пятикнижие. Предание. Вера. — Спыхватился: — Ты по-хазарски знаешь?

— Знаю. Меня волхвы учили.

— Ты жил среди волхвов?

Баян склонил голову, чувствуя, что сказал лишнее, но каган не рассердился, не прогнал. Он был так близко, этот человек, на которого не смели смотреть даже сами хазары.

Голова у него совсем уж побелела, да на высоком лбу ни единой морщины. Руки белые, на перстах ни единого кольца, голос звучный, ясный, а все равно — старик. Глаза потухшие, смотреть в них нехорошо. Голос позовет, а глаза остановят, не подпустят. Темные, но нет в них ни блеска, ни тайны. Мутные сумерки, ненастье, а может, и само несчастье стоит в этих неживых глазах.

Каган, посасывая маслину, сказал с горечью, будто прочитал мысли Баяна:

— Иссохло от печали око мое, обветшало от всех врагов моих... Мне не дадут дожить на царстве до сорокового, до последнего заветного года...

Баян слышал, как дворцовые слуги говорили между собой: «Талисман счастья кагана обветшал. Воинов, ходивших в набег на киевскую землю, погибло вдвое больше, чем привели полона».

— Играй! — сказал каган.

Баян взял псалтирь, играл, едва касаясь струн, и каган кивнул ему благодарно.

Вдруг поднялся, сказал:

— Спать будешь в звериной палате. Я хочу, чтобы утром ты пробудил меня пением семьдесят девятого псалма: «Пастырь Израиля! внемли...»

Слуги кагана

За длинным столом сидели телохранители кагана. Баяну показали его место, но не в конце стола, а в переднем углу, под снопом, возле поставца, на который кладут еду пращурам.

Баян опустил голову: над ним хотели посмеяться. Прошептал:

— Я меньшей среди вас, мое место — у порога.

Седоусый витязь обнял отрока:

— Ты — ученик Благомира, песнопевец и песнотворец. Мы все хотим слышать тебя и видеть тебя. Не сердуй! Нынче голова твоя бела от детских лет твоих, но годы — песок. Станешь бел от старости, а место твое, Баян, будет то же самое, возле пращуров. Ешь, пей, а потом порадуешь сердца наши сказаньицем о дедушках.

Красный от смущения, сел Баян рядом с великими воинами. Здесь были руссы, славяне, чудь — телохранители кагана.

Ели молча. Витязи будто братья кровные: одного роста, головы русы, глаза синие. В плечах — сажень, лица у всех ясные, ни одного хмурого.

Попробовал Баян угадать, кто из богатырского собрания русс, кто славянин, кто чудь. Показалось, у одних — лики потоньше, во взоре поменьше сияния, побольше думы. Другие что лицом, что в кости — пошире. Одни в талии узки, другие, как каменные глыбы, туго набитые силой да мощью.

Еда была воинская: мясо, лук, пшенная каша с маслом. На питье — багряное виноградное вино, на закуску сушеный виноград, сушеные дыни.

Вместе с вином Баяну подали не псалтирь иудейскую — гусли.

Просиял отрок. И все за столом улыбнулись. Тронул Баян струнку тоненькую, такая жаль метнулась птицей над бравой дружиной, все так и замерли.

Побежала рука, легкая, как ветер, быстрая, как белка, сверху вниз, взволновались гусли, а у Баяна в голове лес зашумел, в какой с матушкой, с Властой ласковой, хаживали. Запел про дубраву, про ветер верховой, вещей, про старицу, от реки отмершую, с утятами в камышах, с лягушкой на широком листе мать-и-мачехи... Ждет лягушечка добра молодца. Ведь она, зеленая, не урод пучеглазый — дева дивная, чародейством плененная.

Баян и голосом все вверх, вверх, и глазами вверх, за песенкой, а поглядел на витязей — рука и соскользнула со струн, оборвалась песенка на полуслове. Богатыри плакали.

Выскочил из-за стола седоусый витязь, размахнул руки, ударил ногою об пол, словно постучался к праотцам, орлим взором глянул на Баяна. И тот все понял, заиграл плясовую, грозную.

Поднимались воины с дубовой скамьи, становились в круг, шли по кругу, сплетаясь руками в единое кольцо неразъемное. Топотали ногами, призывая на праздник пращуров, откидывали головы, взывая к небесным силам быть едино с прошлым и с грядущим.

Рокотали струны Баяновых гуселек, раскатывали звонны звенящие. Горячи были те звоны-зовы, никто не усидел, и Баян не усидел. Круг витязей разомкнулся, пустил его на середину. И была пляска долгая, и прибыло в каждом пляшущем сокровенных сил неизмеримо.

Тут-то и вспомнил баян Ярополка. Пляшет ли княжич вот так же со своими воинами? Помнит ли об уведенных в полон?

Тайное крещение

Матери Ярополк не знал. Она дала ему жизнь и оставила белый свет. Отца он теперь видел редко. Князь Святослав возвращался с одной охоты, устраивал пир и вдруг прямо из-за стола отправлялся на новую ловлю. Бабушка говорила:

— Искать ветра в поле.

Жил Ярополк с бабушкой.

Утром великая княгиня молилась в домашней церкви. Церковь устроили возле опочивальни, в чулане. Здесь не было окон, но и тьмы тоже никогда не было. Возле икон горели лампы, а во время службы множество свечей на серебряных круглых подсвечниках. Свечи из ярого воска, высокие. Благоуханный дымок кадила быстро наполнял церковь, дивное пение с обоих клиросов подхватывало душу, и отрок представлял себя на корабле, плывущем по сладкозвучным голосам к горнему жилищу бабушкиного Бога.

Ярополку позволяли смотреть, слушать, но ему нельзя было прикладываться к иконам, подходить к священнику, который кормил бабушку из золотой чаши золотой ложкою. В ложке вино и хлеб, но это была сокровенная пища. Вино — кровь Христа, а хлеб — чудесно превращенный молитвою — тело Христа...

Ярополк смотрел на икону Спаса Нерукотворного и думал сразу обо всем. На этот раз отец поехал сразиться с огромным единорогом, таков был слух, а на самом-то деле в землю буртасов, высмотреть их силу, а главное, дороги. В тайну Ярополка посвятил его дядька — боярин Вышата. Вышата вот уже несколько дней строит снежную крепость. Ярополка во двор не пускали, неделю тому назад у него был жар. Бабушка тоже болеет. Голова у нее седая, как зима, — одни брови черные.

Когда бабушка болеет, у нее тревога за церкви, за иконы, за священников. Князь Святослав верует пращурам да мечу.

Мысли Ярополка кружат на одном месте. Он ненавидит хазар. Хазары убили Благомира и жрецов. Угнали в полон многие тысячи людей, и Баяна тоже. Отец поклялся на мече уничтожить хазар, а царство их превратить в пепел. Пусть ветры выдуют из степей само имя — Хазария...

Ярополку позволялось сидеть в храме. Он изнемог от горьких дум и прикорнул в уголке, на скамейке.

Ему так хотелось, чтобы кто-то приласкал его, как малого младенца. И едва подумал об этом, почувствовал

на голове своей теплой руку. Теплый женский голос сказал ему:

— Радуйся!

Он открыл глаза. И увидел бабушку. Она стояла далеко от него, значит, не она возложила на его голову руку.

— Пошли ко мне! — сказала бабушка, и он пошел, храня в себе дивное тепло приснившихся руки и голоса.

Бабушкина опочивальня была продолжением храма. Стены сплошь покрыты иконами. Горит лампада.

Немая, ласковая служанка Лария, топившая печь, радостно улыбнулась Ярополку. В опочивальне пахло лавандой, березовыми дровами.

— Лария, вода готова? — спросила княгиня.

Служанка поклонилась.

— Приведи отца Хрисогона и за Киндеем сходи! — Охнув, потирая спину, опустилась на скамеечку, поверх которой лежал лисий полог. — Уморилась, старая!

— Нет! — сердито не согласился Ярополк. — Не старая.

Княгиня Ольга улыбнулась, точь-в-точь как Лария.

— Я знаю, ты любишь меня... Остались считанные месяцы, когда твой батюшка взойдет на престол великого Киева. Боюсь: храмы снова запустеют, как это было при князе Олеге, при дедушке твоём князе Игоре... На тебя уповаю. Сохрани имя Христа для Киева, сохрани крест. От креста, от икон, от храмов — благодать и благословение нашей земле... Я прошу тебя, внук мой драгоценный, совершить тайное деяние, о котором будут знать: я, ты, отец Хрисогон да немые слуги, Лария и Киндей. Хочу для тебя вечной жизни.

Пришел священник. Истый грек, черноволосый, с черными глазами, а лицом да руками белей белого.

Лария и Киндей внесли серебряную купель.

Княгиня подала внуку длинную посконную рубаху.

— Зайди за печь, облачись. Ноги же твои пусть будут босы.

Колотилось сердце у Ярополка. Тайна, к которой его приобщали, — исходила от бабушки, от великой княгини Ольги, пред которой даже византийцы благоговеют.

Священник поставил Ярополка лицом к востоку, трижды дунул в лицо, трижды перекрестил чело, грудь и, возложив десницу на голову, прочитал длинную молитву. Тихим светом наполнилась душа Ярополка, когда услышал, как просил за него Бога добрый отец Христогон:

— «Отстави от него ветхую оную прелесть, и исполни его еже в Тя веры, и надежды, и любве: да уразумеет, яко Ты еси един Бог истинный, и Единородный Твой Сын, Господь наш Иисус Христос, и Святыи Твой Дух...»

«Уразумел! Уразумел!» — возликовало сердце Ярополка. Затая дыхание, слушал он, как отец Христогон запрещает злой власти владеть им.

— «Изыди,— приказал священник сатане,— и отступи от запечатанного, новоизбранного воина Христа Бога нашего».

— Я теперь воин Бога? — спросил Ярополк бабушку.

— Ты — оглашенный. Ты приготовлен к святому крещению.

Священник повернул его лицом на запад, к той стране, где пребывает тьма и сатана. Спросил:

— Отрицаеши ли ся сатаны, и всех дел его, и всех ангел его, и всего служения его, и всея гордыни его? — И шепнул: — Говори: «Отрицаюся».

— Отрицаюся,— повторил Ярополк.

Три раза вопрошал священник, и трижды отрекся от сатаны крещаемый.

— Отрекся ли еси сатаны? — спросил отец Христогон еще строже и прибавил: — Говори: «Отрекохся».

— Отрекохся! — весело выкрикнул отрок, и опять отречение было трикратное.

— И дуни и плюни на него! — приказал священник. Ярополк засмеялся.

— И дуни и плюни! — без улыбки, но теплея глазами, повторил Христогон.

Ярополк и дунул и плюнул.

После молитв, трикратного погружения в освященную воду Ярополка облачили в блистающую ризу, в одежду нетления. Рубаха была обыкновенная, белая, но Ярополк почувствовал телом и душой, что белизна его новой одежды нерукотворная.

Отец Хрисогон помазал крестившегося миром, запечатал печатью дара Духа Святого и сказал:

— Иисус Христос пошел на Крест ради нас. Он содеял христиан царями и священниками Богу и Отцу Своему. Отныне ты, отрехшийся от идолов, есть царственный священник.

Восприемники, безмолвные Лария и Кандей, надели на юного христианина золотой крестик на золотой цепочке. Княгиня Ольга сама поднесла внуку короткий меч. На рукояти рубинами был выложен огненно сияющий крест.

— На теле тебе носить святыню нельзя, ибо крещение тайное, — сказала бабушка. — Пусть этот меч — станет тебе крестом. Когда будет плохо, помолишься, и Господь тебя не оставит. Молитвам я тебя сама научу.

И посыпались искры из глаз

Великая княгиня читала с внуком вечную книгу. Каждый день главу из Библии и главу из Евангелия.

— «Адам познал Еву, жену свою; и она зачала, и родила Каина, и сказала: приобрела я человека от Господа. И еще родила брата его, Авеля. И был Абель пастырь овец; а Каин был земледелец». Запомнил? — спросила княгиня Ольга.

— Запомнил. Абель пас овец, а Каин был сеятель.

— Земледелец.

— Каин был земледелец, — повторил Ярополк. — Я знаю, земледельцы — самые любимые у тебя люди.

— Земледельцы кормят народ хлебом, — сказала княгиня Ольга и вздохнула: чтение предстояло трудное.

Так и вышло. Ярополк спросил:

— А почему Господь не призрел на дар Каина? Каин первый принес от плодов земли.

— Не нам судить Всевышнего, — строго возразила княгиня. — Каина погубила гордость. Он говорил с Господом, опустив лицо. Он посмел обидеться на Творца. Добрый Бог Отец не прогневался, Он остерег Каина от

греха, а когда грех случился, защитил. Все знали, что за месть убийце — взыщется семикратно.

— А где город Енох, который построил Каин?

— Неведом.

— А где земля Нод, куда скрылся Каин от Господа?

— Тоже неведомо.

Ярополк затосковал. Ему хотелось на горку. На горке у Вышаты крепость готова. Все ждут его, чтоб под снежками, под глыбами одолеть гору стены и взять белую твердыню.

Покосился на Евангелие. Княгиня увидела во взгляде внука безнадежность и опять вздохнула. Неволить Святым Писанием хорошо ли? Но уж совсем худо — поощрять лень.

Четвертая глава Евангелия от Матфея об искушении Христа. Не хотелось, чтоб рассказ пролетел мимо ушей Ярополка.

— Прочитай сам. Вслух. Два первых стиха. На этом мы сегодня закончим.

Благодарность и смущенье отразились в ясных глазах княжича. Но прочитал он требуемое с восторгом:

— «Тогда Иисус возведен был Духом в пустыню для искушения от диавола. И, постившись сорок дней и сорок ночей, напоследок взалкал», — посмотрел на бабушку, закрыл книгу и вдруг быстро поцеловал ей руку. — Я клянусь тебе! Я никогда не стану таким, как гордый Каин.

Сердце у княгини задрожало и упало.

— Так нельзя говорить, — сказала она побелевшими губами. — Нельзя давать клятв. Кому, кому, а нам нельзя. Княжеские клятвы могут быть ложными. Помни об этом! Клятвы князя — утеха диавола.

— Ну так я не буду клясться! — легко и радостно пообещал Ярополк, торопясь облачиться в теплую одежду, чтобы бежать к Вышате, к двору.

Его встретили кликами:

— Княжич! Княжич!

— Веди, княжич! Вон как лучами-то играет!

Крепость была из хрустального, алмазно сияющего льда. Ворота с башней. Еще две башни по углам. Стены

высотой в полторы сажени. На стенах — крепостное воинство в черных шубах.

Вышата был в доспехах, при мече. Показал Ярополку на его воинство. Все в рыжих шубах, пояса красные, колпаки красные, красные рукавицы.

— Твоя дружина, княжич! Веди, возьми!

Перед Ярополком стояла добрая полусотня готовых к схватке молодцов. Малых ребят было совсем немного.

— Все под гору! И все на гору! — Ярополк указал рукой вниз и вверх.

У подошвы горы обступили княжича. Морды плутовские, ухмыльные: чего им, мужикам, дите прикажет?

— Вверх! Взять! — махнул рукою Ярополк на крепость.

— Крутовато! — говорили старшие, прикидывая дорогу. — Открытое место. Забьют нас снежками, княжич.

— А как на стену-то заберешься? Высоко.

Ярополк яростно топнул ногой:

— От снежков увертывайся! А чтоб на стену взойти — катай снег. За мной!

На гору пошел первым и увяз по пояс. Его тотчас обогнали, торя дорогу. Полез упрямо, досадливо обошел своих помощников, но снова увяз и был рад, когда его обогнали.

Защитники крепости улюлюкали, но снежки берегли, подпуская наступающих ближе.

На середине горы снега было немного.

— Катай комья! — закричал Ярополк, но его или не слышали, или пропускали приказанье мимо ушей.

Схватил здоровенного парня за полу шубы, дернул на себя.

— Комья катай! — В глазах ярость, а похож на котенка.

— Э-геей! — закричал тиун. — Княжич велит комья катать!

Снег мокрый, комья чересчур быстро становились огромными, непосильными. Но за этими снежными глыбами и спасались от снежков из крепости, готовили свои снаряды.

Ярополк оглядел воинство.

— Кто самые меткие? — Голос звенел петушком, тиуны улыбались.

— Мы все меткие!

— Самые меткие! — Ярополк ударил себя кулаком по бедру.

Выступило человек двадцать.

— Все со снежками идите и кидайте так, чтоб защитники головы не могли поднять... Остальные подкатывают комья под стену с двух сторон башни. Как подкатят — забирайтесь все на стену, а защитников — в плен и — кубарем с горы!

— Слава! Слава княжичу! — закричали тиуны, подмигивая друг другу и хохоча.

Кинулись на приступ весело.

Ярополк хоть и чуял насмешку в веселости слуг, в их «Слава, слава», но решительный приступ ему понравился, все делалось, как он велел. Шел вслед за дружиной, ухмылялся: смеетесь, а делаете по моему велению.

Бац! В глазах померкло, и среди тьмы посыпались искры. Ярополк даже нагнулся, чтобы подхватить медленно погасающий огонек...

К нему подбежали, отирали лицо. Спрашивали:

— Ты как, княжич? Не больно?

Ярополк рванулся из рук.

— Вперед! Взять черношубых! Сбросить! С горы, с горы! Сбросить!

И взяли и спустили, кого головой вниз, кого — раскачав за ноги, за руки.

Перед Вышатой Ярополк предстал с шишкой на лбу.

— Как княгине-то покажемся? — покряхтел наставник. — Князю получать раны грех.

Ярополк виновато опустил руки, но в следующий миг глаза его засверкали.

— Взяли ведь крепость-то!

— Взяли, — согласился Вышата. — Но почему ты, князь, не обошел стены? Не посмотрел, где у неприятеля слабое место.

— Я избрал самый трудный путь! И я — взял! — наливаясь обидой, вспыхнул Ярополк.

— Если бы это было под городом греков, тебя, неосторожного, могли поразить пращей. Не знаю, много ли уцелело бы у тебя воинов от такого приступа? Было бы, с кем город брать?

— Было бы! — не согласился Ярополк. — Я напал на башню с двух сторон.

— На ворота. Где больше всего защитников помещается. Снежки, верно, не убивают... Твоих тиунов греки пожгли бы жидким огнем... О сказанном помни! Бился ты смело, сердцем. Но воевать нужно умом, — улыбнулся наконец. — Твой, княжич, ум в твоей крови живет. Ты славно придумал — комья катать. Приступал с отвагою, вон какая шишка! То тебе урок. Безумная отвага — гибельна, но быстрота — это еще одно войско. Трепещущий вождь — умаляет силу дружины вдвое, трепещущая дружина — вдесятеро. — Дотронулся перстом до груди отрока, брови сдвинул непримиримо. — К крепостям нужно приступать, как к невестам царского рода. Доподлинно знать, сколько у нее приданого, много ли славы, а главное, быть женихом желанным. Прежде чем приступать, убедись: твои достоинства ставят так высоко, что твердыня покорится тебе со смирением.

Ярополк слушал, глядя в пространство. Когда Вышата кончил поучение, посмотрел на дядьку в упор:

— Ты похвалил или поругал?

Вышата достал меч из ножен.

— Завтра начнем биться не на деревянных, на железных.

Ярополк просиял.

Урок князя Святослава

Князь Святослав жил торопясь. Денно и ночью учил строить молодую дружину.

В гридни набирали по городам и весям. Коли здоров, юн, имеешь охоту к славе — наш! Могучим предпочтения не было. Святославу нравились ребята жилистые, упористые, кто мог терпеть через не могу. Таких приближал.

Зима кончилась неожиданно. В феврале. Собиралась намести снега, да по ошибке пригнала тучи, полные дождя. За три дня морось съела снег, а на прояснившееся небо солнце явилось такое горячее, весь холод вытянуло из земли, поднялся туманом и растаял.

Тотчас Заднепровье вызолотили одуванчики, и было дико: на дворе лютень, а над полями жаворонки.

Святослав со всем своим войском ушел в степь, на малые реки: воюй от зари до зари, и пропитание вот оно — рыба, птица, зверь.

Князь Святослав на волю, княжич Ярополк — под бабушкин надзор: книги читать. Второго внука Олега великая княгиня оставляла его матери. Третий внук — Владимир — тоже был предоставлен матери. Ключница Малуша, когда-то нежно любимая Ольгой, жила теперь на выселках, под Изборском. Гневаться надо было на сына. Это он взял в жены рабыню, но вся неприязнь пала на голову Малуши. Стоило поохладеть Святославу к новой избраннице, как отправилась она вместе с младенцем с глаз долой.

Ярополк втайне завидовал братьям, особенно Владимиру, изгнаннику. Живет привольно, в Будутино, в бабушкиной веси. Сказывают, на лодках любит по рекам плавать.

Олега, меньшого, чуть не каждый день на охоту возят. Он, правда, только смотрит, как ловят для него зверей. Но ведь по его воле делается, что он хочет.

А тут учат и учат, каждый день учат. Греки учат, бабушка учит, Вышата, печенег Куря. Печенег-то еще смеется всякий раз. «Пешеходом» дразнит. Бойтся Ярополк лошади. Высоты бойтся. Ни разу из седла не выпал, но душа замирает, когда лошадь бежит и земля, твердая, надежная, становится текучей, как вода.

Утром Вышата сказал Ярополку:

— Не прогневай великую княгиню, поучись с усердием. Собирается отпустить тебя и княжича Олега в Дикое поле на княжеские забавы, к отцу.

— Когда выезжать?! — вспыхнул нетерпением Ярополк.

— Как прикажет великая княгиня... Тебе, княжич, пора на урок. Великая княгиня ждет.

Книги не были мучением для Ярополка, но его тянуло под огромное небо степи.

Книгу взял в руки с тоскою в глазах. Открыл последнюю страницу, прикидывая, сколько дней займет чтение. Княгиня Ольга сказала:

— Ты хочешь знать, чем кончаются «Деяния апостолов»? Будь по-твоему. Прочитаем последнюю главу.

Она читала, а он смотрел на нее, и мысли у него были злые.

«Ты старая! — говорил он бабушке глазами. — Ты старая!»

Но бабушка читала и читала. Это был рассказ об апостоле Павле, который спасся — от кого спасся, рассказано в предыдущей главе — и вот оказался на острове Мелит. Был дождь, Павел набрал много хвороста, разжег огонь. Тоже странно. Почему иноплеменники не привели спасшихся в свои дома? И ведь если Павел и его спутники очутились на острове, значит, они плыли на корабле!

Ярополк снова подосадовал на бабушку: ну зачем она позволила читать «Деяния» с конца... И тут на руке Павла повисла вышедшая из костра ехидна, смертельно ядовитая змея.

— Бабушка, не читай! — вскрикнул Ярополк.

— Ты хочешь остаться в неведенье, что было дальше?..

— Ты п о к а не читай.

— У тебя доброе сердце. Тебе страшно за апостола.

Но будь спокоен, Господь хранит верующих в Него.

И верно, змея не ужалила Павла, он стряхнул ее в огонь.

Чтение продолжилось, и наконец бабушка закрыла книгу. А он испугался: ничего не слышал, думая о ехидне, о святости апостола.

— Твои мысли убежали в степь, — сказала бабушка и подозвала комнатного слугу Киндея. — Поспешి собрать княжича в дальнюю дорогу.

Лицо Ярополка залилось краской: он злился, томился, а бабушка желает, чтоб ему было хорошо.

...Братьев везли в крытой повозке. Так распорядилась бабушка. Ярополк хоть и дернул плечом, выказывая недовольство, но втайне был рад. Долго ехать верхом — мучение.

Олег дулся, он хотел показаться перед людьми на коне, но едва выехали со двора, пошел дождь, дождь обернулся ливнем.

В повозке сухо, тепло. Потянуло в сон. Заснули братья скоро и сладко. А ведь Ярополку хотелось поговорить с Олегом, вот только не придумал — о чем.

Олег не пробудился и вечером, когда встали в роще высоких яворов на ночлег. Ярополк сидел у костра с Вышатай, с Курей, с ближними людьми. Поужинали пирогами, взятыми в дорогу. Мужики говорили об охоте, о рыбных реках. Об удивительной весне, о небывалом, чересчур раннем прилете птиц.

— Соловьи в протальник! В первый месяц весны — диво! — сокрушенно покачивал головой Вышата.

Печенег Куря скалил белые зубы и смеялся.

— Конец — старому миру! Печенегам — быть первыми перед великим богом Тенгри.

Никто Куре не возражал. Куря хохотал, куражился, и Ярополку было страшно. Печенег он и есть печенег. Зубы блестят, глаза блестят, лицо веселое, злое. Князь Святослав взял Курю на службу, чтоб научил княжичей на конях скакать. А у Кури наука одна: садись — и стрелой. Лошади в Киеве печенежские, выезженные в степях. В конной дружине половина тысячи. Славяне уж так любят землю, что и сражаются в пешем строю. Надежней, когда своими ногами на своей земле стоишь.

Соловьи пели до зари, но не потревожили княжича Олега. Пробудился уже в пути и тотчас на коня пересел. Пришлось и Ярополку попросить верховую лошадь. В степи дорог нет. Через бурьяны кони идут сторожась, а как ковыли — скачут с ветром вперегонки.

Обедали под открытым небом. Еда была сладкая, княжеская. Но разговоров убыло: впереди встреча с князем Святославом.

Князь хоть и молод, да строг. После обеда княжичей везли в повозке, но верст через десять Вышата предложил Ярополку сесть на коня.

Ярополк вида не подал, но испугался: коли на коня сажают, значит, отец близко. Отец робких наездников не терпит.

Лошадь у Ярополка была смиренная, да в спине слишком широка. Стремена чуть не у самого седла.

Ярополк, боясь сверзиться, всегда левой рукой держался за седло. Куря, глядя на такую посадку, хохотал и так дергал уздой, что и лошадь его скалила зубы.

По веселому мелководью переехали реку, одолели полверсты густого ракитника и очутились перед тремя рядами холмов. На этих холмах шла жаркая битва... Вот только вместо противника — белые, из ошкуренных раки — столбы.

Воины густым строем шли к вершине первого холма. Шагов за сорок от столбов каждый метнул по одной сулице. Эти легкие короткие полукопья-полудротники вонзались в столбы с такою силой, что было слышно, как древки звенят, колеблясь, будто струны.

Воины пробежали вверх еще шагов десять, еще раз метнули по сулице и, оцетинясь длинными копьями, кинулись на вершину.

Троекратный крик победы — и дружина хлынула вниз с холма, чтоб с ходу одолеть другую вершину, сплошь заставленную щитами.

С подошвы второго холма каждый воин пустил по три стрелы, и приступ повторился. Сначала метали сулицы, потом взбегали на вершину, ударами копий поражая щиты.

Третий холм одолевали со щитами и мечами. И там, на третьей вершине, дружину вдруг встретила другая дружина, вооруженная длинными копьями. Копья были тупые, но получивший удар валился с ног, а иной катился под гору. Все, однако, поднимались и снова из последних сил шли, чтобы одолеть холм.

Захваченный зрелищем, Ярополк не увидел отца.

— Ты что на коне крючком сидишь? — сказал князь Святослав, ударяя сына ладонью по спине. — Погляди на

Олега. Что? Хорошо воюю? А теперь покажи, чему тебя научили. На мечях бьешься?

Ярополк мотнул головой.

— К бою!

Княжич выдернул правую ногу из стремени и замер: до земли далеко, а Вышата, такой всегда проворный, не подскочил принять на руки. Пришлось спрыгнуть.

Бился Ярополк со своим же учителем голыми мечами. Нападал свирепо, рубил яростно, сплеча, держа оружие двумя руками. Сталь звенела.

— Дай мне! — князь Святослав взял меч у Вышаты. — Вперед, княжич!

Ярополк подустал, но перед отцом слабости никак нельзя показать. Сек мечом меч, будто это был лютый Змей Горыныч. И вдруг в грудь ему ударило острое.

— А умирать тебя не учили? — отец смотрел грозно, но в глазах была тревога.

Опустил меч. Ярополк дотронулся до груди. Ладонь красная.

— Что же ты без железной рубашки? — Святослав глянул на Вышату. — Перевяжи. Княжич, выше голову! Пусть царапина, полученная от руки отца, станет твоей единственной раной в жизни.

«Он мог убить меня! — с ужасом подумал Ярополк и бешеными глазами поглядел на Вышату. — Почему плохо учил?»

Но сказать вслух ни слова не посмел.

Сны на кулаке

Горели костры. В котлах варился кулеш: еда князя Святослава и его воинов.

Кулеш, сдобренный закатной зарею, был вкусней дворцовых яств. Кулеш запили квасом, побаловались сушеной рыбой. Спать укладывались на земле, под открытым небом.

Ярополк с Олегом прикорнули на медвежьей дохе, укрытые ласковым, лебяжьего пуха одеялом.

Святослав поднял детей:

- Поехали звезды встречать.
- Не разбередить бы рану! — испугался Вышата.
- Хочешь со мной? — спросил князь Ярополка.
- Хочу.
- Вышата, покажи рану.
- Меч рассек мышцу над левым соском.
- Не глубоко, но левой рукой лучше пока не двигать.
- Потерпит.
- От скачки будет кровоточить...
- Ночная езда покойная, — сказал Святослав. — При-

выкай, сын, в седле раны возить, коли боги попустят. Скорей заживают.

С князем и с княжатами поехали бояре Вышата и Блуд, печенег Куря, варяг Икмор — телохранитель Святослава.

Копыта коней обвязали звериными шкурами, чтоб не стучали, не будили уставших воинов. Ехали шагом. Ярополк, боясь нечаянным движением потревожить больное место, сидел в седле прямо, не хуже Олега. Князь приметил это, улыбнулся.

Тяжелая ночная птица низко прошла над рекою, схватила когтями рыбу. Прянула в ту сторону, откуда надвигалась громада ночи. Засвистал соловей, князь недовольно покосился на раakitник, повернул коня в степь.

Ехали по темной земле к светлому немеркнущему небу. Темный курган медленно поднялся из недр и все возрастал, заслоняя небо и свет.

Звуки становились глуше. Когда подъехали наконец к огромному кургану, степь разразилась молчанием.

Стреножили коней. Святослав взял Ярополка и Олега за плечи, чуть подтолкнул — так подкидывают птиц, чтоб летели.

Отроки побежали, упорно, молча, не оскорбляя криками тишину. Рана напомнила Ярополку о себе, но он не остановился и на вершине был первым. А звезду раньше других увидел Куря.

— Око бога Тенгри! — расколдовал Куря молчание.

Святослав указал на золотисто-розовые лучи, вдруг проступившие на небе:

— Я поведу вас всех туда. Там день, а нас уже поглотила тьма ночи.

— Князь, но солнце взойдет раньше над нами,— возразил Вышата.

— Что будет здесь и как будет, я знаю. я не знаю, что и как там.

Варяг Икмор достал из ножен меч, поцеловал лезвие

— Там, князь,— работа моему кормильцу. Много работы.

Куря ударил рукоятью короткого кнута по каблук

— Не заглядывайся на чужое, Икмор! В том краю мои кочевья.

— Нет,— возразил Вышата,— твои кочевья, Куря, ближе к полдню. Твои люди уже спят.

— Мои кочевья будут там, там и там! — Куря тыкал рукою в пространство.

— Печенег! — осадил Курю Святослав.— Ты бы лучше свой долг наконец отдал. Когда пригонят твои печенята тысячу коней?

— Пригнали бы хоть завтра! Да ведь для вас коней нужно объездить, чтоб были смиренными.

— Помолчим! — приказал князь.— Тот, кто спит в кургане, не терпит пустых слов... Звезды взошли — езжайте все в лагерь. Буду спать здесь.

— Я принесу тебе, князь, седло,— поспешил услужить Блуд.

— Зачем,— Святослав показал кулак.— Вот моя подушка. Сожмешь — будет выше, раскроешь пальцы — будет мягко.

Ярополк и Олег подошли к отцу, он их обнял:

— Подъем вместе со всеми. Все, что делают воины, будете и вы делать.

Долгим взглядом посмотрел в лицо Ярополку.

— Болит?

— Течет.

Святослав бережно снял с сына кафтан, рубашку.

— Течет... — Кинул на землю свой плащ.— Ложись, а ты, Олег, помочись на рану. Моча мальчиков целебна.

Рану снова закрыли, перевязали.

— Икмор, заночуй с Ярополком у подошвы кургана. Вы же все поезжайте в лагерь, чтоб не поднялась тревога.

Подобной ночи в жизни Ярополка еще не бывало.

Грозный воин Икмор постелил на земле свой грубый плащ, наломал две охалки полыни — под голову. Расстегнул пояс. Меч положил под правой рукой, боевой топор под левой, расстегнул ворот рубахи.

— Спокойной ночи, княжич! — лег и заснул.

Ярополк тоже снял пояс, положил свой короткий меч под правой рукой, расстегнул ворот, опустил голову на духмяную подушку.

Так много произошло в этот день!

Дружина, волнами льющаяся через вершины холмов, бой с отцом, ранение, ночная езда, курган, Икмор...

На другой стороне кургана ветер шарил по земле, наверное, искал варяга и княжича. Звезды придвинулись, и Ярополку почудилось — это добрый Вышата накрыл его одеялом. Одеялом из сверкающих звезд.

Хотел улыбнуться и не успел, нырнул с головою в сон. Во сне была ночь, степь и курган. Ему сказали: «Вот твоя ноша». Он взял два камня, положил на плечи и понес на вершину показать камни отцу. Сначала обрадовался: «Рана не болит», но с каждым шагом камни становились тяжелее, тяжелее. Они хотели раздавить его, и он выскочил из-под них. Камни грохнулись, проломили землю, и в его руках остались два пояса. Камни были перепоясаны. Он потянул, и проломившая землю ноша поддалась. Но выволок он из ям не камни — два тела. Он не видел тел, но знал — это братья. Он потащил братьев наверх, но одно тело стало таким тяжелым, что пальцы у него разжались, и он выпустил пояс. «Этот мертв», — сказали ему. Тогда он взвалил другое, живое тело на плечи, на шею... Побежал, спотыкаясь, выше и выше. И очутился перед дверьми.

«Мне сил не хватит отворить эти двери», — подумал Ярополк с тоской, но двери отворились сами собой, а за дверьми стояла кромешно черная туча. «А в туче молния», — подумал он, переступая порог. И тут сверкнуло! Две молнии с двух сторон пронзили его. И он даже закричать не смог.

Проснулся... По небу летела звезда. Он проводил ее глазами до горизонта и снова заснул.

Князю Святославу тоже был сон. Ему приснилась огромная птица. Птица закрыла крыльями небо. На земле стало темно. И достал он лук, наложил стрелу на тетиву, но птица сверкнула грозным огненным глазом и полетела прочь. Он же стремглав сбежал с кургана, мечом рассек пути на ногах коня и поскакал за птицей. И догнал! И снова был под сенью ее ужасных звенящих крыльев. Так звенят стрелы, пущенные разом двумя многотысячными войсками. Увидел вдруг: он мчится через сонмы людей, заполонивших землю от одного края до другого. Люди валились под копыта послушно, как снопы, а он не мог найти узды, чтобы остановить коня. И тогда он его пришпорил.

Птица, летевшая над ним, опустилась еще ниже и увенчала ему голову золотой шапкой. Шапка пришлась впору, но голова качнулась от неимоверной тяжести, шея хрустнула и сломалась, как какой-нибудь цветок. Голова упала на землю, покатилась, и Куря, неведомо откуда взявшийся, схватил голову, целовал в мертвые губы и хохотал, хохотал...

Князь переборол сон, проснулся. Из черного пространства золотого Большого Ковша вспыхнула, наливаясь зеленым огнем, неведомая звезда. По зеленому пошло красное, ярое, и вдруг звезда померкла. Еще раз вспыхнула. Еще раз, и на том чудо иссякло.

Святослав потянулся, зевнул, повернулся на правый бок, подложил под голову кулак десницы и заснул.

В ярме

Трава на трех холмах была вытоптана. За ночь пыль не успевала осесть, а на заре уже шли в гору рядами дружины, вздымая к небу черное облако. Хороша была земля на тех холмах, рожать бы ей да рожать, но князь Святослав вел свой род не от пахарей, не от Микулы Селяниновича

— Может, поискать другое место, зеленое? — предложил Вышата князю.

Святослав рассердился.

— Помнишь, какая земля у ромеев? Где не полита водой, там голая. Пусть войско научится биться чихая.

— У ромеев земля крепкая, а здесь ни зги не видно.

— А ежели такое случится в лютую сечу?! — вскричал Святослав. — Если ветер пыль погонит нам в лицо?

— Княжичей бы не затоптали, не обидели, — отступил Вышата.

— Пусть лучше теперь затопчут, чем в князьях вместе с княжеством.

Вышата поник, и Святослав обнял его. Головой приник к голове.

— Се — не робята! Се — князья! Без привычки княжеская ноша задавит. С княжичами варяг. Да вон они, видишь?

Ярополк шел от Икмора по левую руку. Это был третий подряд приступ, и сквозь пыль проходили уже как через стену, осязаемую, хотя и зыбкую.

— Морока! — ворчали воины.

Налетевший ветер вытянул пыль косяками, и вершина со столбами забрезжила совсем уже близко.

— Рази! — слышалась команда.

Ярополк перехватил сулицу левой рукой, торопливо вытер о штаны взмокшую ладонь правой.

Сулицы метали не разом и не как придется, а в очередь с левого фланга. Правый фланг еще только приготавлился к первому броску, а с левого уже метали по второй сулице.

До столбов было сажень двадцать — двадцать пять. У княжичей дротики были полегче, покороче, нежели у воинов, но добросить их до цели было невозможно. Никто этого и не требовал. Метнул без задержки — и славно.

Ярополк трепетал, ожидая свой черед. Когда сосед слева размахнулся, закричал, пустил сулицу всею тяжестью тела, княжич кинулся вперед, заводя руку с дро-

тиком за голову, метнул, что было в нем силы, и, устремясь за своим орудием, не удержался, упал в пуховик перетертой ногами земли.

Снизу вверх метать мудрено. Да только железноклювая птица, пущенная детской рукой, взмыла как положено, клюнула столб в самое подножье, зазвенела, как звенели все прочие птицы-сулицы.

— Я попал! Попал! — закричал Ярополк, бросаясь к Икмору.

— Как ты смел покинуть строй? — сказал ему суровый варяг.

Ярополк обиделся, он чувствовал себя победителем.

Когда войско одолело все три вершины и воины возлегли на берегу реки, чтобы перевести дух, князь Святослав поставил сына, нарушителя строя, перед судом воевод и витязей.

Вышата удивился и вознегодовал:

— Как можно судить отрока за его желание быть ровней мужам? Как можно судить человека за попрание закона, если он не ведал закона? Как можно спрашивать с княжича, вчера покинувшего женскую половину дома? Как можно спрашивать с ребенка, равняя его с мужами славы?

Вышате ответил сам Святослав:

— Стремление отрока походить на витязя отцу отрада. Но вставший в строй, кто бы он ни был, есть звено цепи. Самая прочная цепь перестанет быть цепью, разорвется, уронит свою ношу, если хотя бы одно звено окажется в ней некрепким. Князь да не ведает младенческой неги, ибо он — князь. Если нестроение исходит от князя, как тогда спрашивать с тиунов и даже со смердов? Малые годы, малое знание — не освобождают моего сына, князя, от спроса за деяния.

Ярополк стоял перед грозными великими воинами, совсем крошечный, со взъерошенным хохолком над черным от пыли лбом. Все молчали. Тогда поднялся Икмор:

— Княжич метнул сулицу удивительным образом. Такому метанию нашим воинам следовало бы учиться... За нарушение строя — виновен, за желание поразить вра-

га — достоин награды. Можешь ли ты, княжич, сказать что-то в свое оправдание?

Ярополк вздрогнул, поднял глаза, полные слез. Сказать ничего не смог, но ни единой слезинки не уронил.

Витязи сначала добродушно улыбались, а потом смутились. Святослав сказал:

— Для снисхождения и для прощения у моего сына слишком много причин. Но у каждого виновного слишком много причин — быть понятым, а потому приказываю: наденьте на шею сына моего, княжича Ярополка, воловье ярмо и проведите перед воинами. Пусть воины отпустят ему вину и пусть знают: в строю — все равны. Славу строй делит поровну, а за позор каждый отвечает перед каждым.

Олег расплакался, когда брата увенчали ярмом и провели перед ратниками. Ярополк поклонился каждому воину, и каждый отдал ему поклон.

Святослав сам снял ярмо с сына, бросил в очистительный огонь костра.

Авадон

Земля была сухая. Спали на земле, не подстилая даже плаща. Вышата страдал за Ярополка и еще больше за Олега, но князь Святослав был неумолим.

— Земля мягче любой перины! — говорил он воеводе. — Ветер — лучше любого одеяла. Тучи как бараний тулуп. Нет туч — одевайся звездами.

Дождь пошел ночью. Вышата хотел поставить шатер, но Святослав не позволил. Спящих Ярополка и Олега укрыли сеном, и спалось княжичам еще слаще, чем под звездами. Пыльная взвесь улеглась, воздух очистился, земля, напоенная влагой, благоухала.

Утром князь решил испытать войско на выносливость. Был устроен трехдневный пеший поход в степь и обратно, с малым отдыхом после каждого часа ходьбы, с часовым обедом, с тремя часами сна. Князь шел вместе со всеми, а княжата и пожилые воеводы ехали на лошадях.

Когда войско вернулось в лагерь, холмы опять зеленели.

— Всем отдых! — приказал Святослав.

Дружинники кинулись в реку, терли друг друга зеленым мылким илом, смывали с себя версты, усталость, злость.

А за холмами воинов ожидали нечаянные радости.

На лугу стояли шатры, в шатрах дожидались мужей жены, холостых — гулящие девицы.

Пир был приготовлен на весь мир. Жарили быков, баранов, свиней... Мед, брагу, пиво — доставили в бочках.

Ярополка и Олега отмывали от грязи горячей водой, натерли благовонными маслами, одели в чистое платье. Обоим отец подарил красные сапоги.

«Как на иконах бабушкиных», — подумал Ярополк.

— Привыкайте к царской обуви, — сказал Святослав, усмехнувшись.

Себе подарков князь не приготовил, но Куря расстался. Печенеги пригнали тысячу давно обещанных коней.

От печенежского илька, отца Кури, был особый дар — троица дивных коней. Один серебряный, как зима, другой черный, будто ночь, третий — золотой.

Куря сам подвел коней Святославу:

— Выбирай, князь! Избранник будет тебе другом.

— Рыже-ярый! — указал Святослав на коня, зажатого с двух сторон белым и черным конями.

Куря захохотал:

— Кобылица, князь, для дальних походов! — Подал повод: — Садись! Езжай!

Святослав протянул руку, но кобылица зашипела позмеиному, вытянула, изогнувшись, шею, клацнула зубами. Князь едва руку успел отдернуть.

— Дивного зверя выбрал! — хохотал Куря.

— Необъезженная?!

— Необъезженная... Смири дикую волю, будет слушать тебе, пока жива.

— А на что ты у меня, Куря? Садись, а я посмотрю, как покоряют печенеги свирепых коней.

Куря поклонился:

— Готов послужить тебе, князь, всем сердцем.— Снял пояс с кинжалом, зыркнул глазами на своих: — Плеть с тремя жалами.

Ему подали плеть.

— Отойди, князь, подальше!

Взобрался на черного коня, принял узду рыжего, из-готовился, прыгнул на спину кобылице, и в тот же миг рыже-ярая взвилась, как Змей Горыныч, как медведь из берлоги, как тетерев из-под снега.

Кидаясь из стороны в сторону, пламенея гривой, кобылица закружилась, норовя схватить зубами ненавистного всадника. Стрельнула всеми четырьмя ногами в воздух, опустилась на передние, высоко вскидывая круп, и тотчас на дыбы. И пошла, пошла, колотя передними копытами небо. Скок у кобылицы был зело легкий, долгий. Парила над землею. И была скачка. Будто камень пустили из пращи. И на самом бешеном движении — на четыре ноги, как вкопали. Взмыл Куря птичкой, но не расцепил рук на лебединой шее. Колесом перекрутился и снова на спине.

Завизжала кобылица, как раненная. Кинулась, не взвидя света, в степь смыть с себя обидчика потоками пространства. Не скоро воротились обратно. Но воротились наконец. С лошади падала наземь пена. Куря улыбался.

— Без плетки, князь, объездил. Вот уж зверь! Зубами плетку вырвала и перегрызла. Напои зверя, князь. Запомнит доброе.

Святослав подал кобылице ведро с подогретой медовой водой, забеленной мукою. Осушила, как пьяница.

— Каким именем наречешь? — спросил Куря.

— Именем? Авадон.

— Не помню такого слова...

— Се — дух. Держит ключи от бездны. Губитель.

— Кого же ты собрался погубить, князь?! — вскинул лохматые брови Куря.

Святослав принял у него узду. Отирал лошадь мягкой тряпицей, дал с ладони кус хлеба, густо посыпанный солью. Наконец сказал:

— Губить будем врагов Руси.

Молитва великой княгини

Княгиня Ольга смотрела на княжичей, гневно страдая.

— Что он сделал с вами? Вы черные, как африканские слуги василевса.

Ярополк упрямо молчал, Олег же подбежал к бабушке, ткнулся лицом в ее колени.

— Мы были как воины! — сказал Ярополк.

Великая княгиня вдруг улыбнулась:

— Ярополк! Грозный мой внук! Как же ты похож на вешего Олега...

Лицо у нее стало вдруг жестоким.

— Твой прадед на титулы не покушался. Он почитал себя блюстителем княжеского места, но властью не делился. Нет! Ни в чем!.. Твой дед, князь Игорь, долго ждал. Оттого-то и кинулся за птицей Славой торопясь. Много раз упускал эту дивную певунью. И все же изловил. У тех же неприступных стен Царьграда, что и вещей Олег.

— Я тоже буду вещей! — выкрикнул Олег.

Ярополк зыркнул сердитыми глазами на брата. Княгиня Ольга улыбнулась.

— Вещим нарекают люди... За великие деяния, за справедливость, за мудрость. Ваш прадед клялся на мече, был язычником, но жил праведно. Волхвов не любил, хотя ему многое было открыто. Читал судьбу человека, словно книгу. Я молюсь о нем.— Княгиня поднялась, перекрестила внуков.— Ступайте по своим веселым делам.

— А у тебя дела невеселые? — спросил Ярополк.

— Старым людям веселиться недосуг. Государям тем паче, забота на заботе.

— А ты своему Богу помолись! — предложил Ярополк.

— Нашему, внучек, нашему... Я помолюсь. Да благословит тебя Господь в плаванье по водам.

Олега отвели на женскую половину дома Святослава, к матери, а Ярополк с Вышатою поехали на Днепр. Их ждали струги. Полтысячи стругов должны были через

три дня прийти в условленное место, дожидаться войско Святослава, взять его и вернуться в Киев.

Едва убрали сходни, как бритоголовые, с чупрынами гребцы ударили веслами по воде. Ярополка качнуло, и он припал грудью к борту, чтобы не упасть. Запах великой воды, чистой, как слеза, охватил его тело, его душу. И он сказал себе:

«Не кони — струги! Я буду ходить с Баяном на стругах».

И обратился сердцем к далекому другу-пленнику:

«Баян! Войско моего отца изготовилось. Жди меня. Я приду за тобой!»

Вышата позвал Ярополка на скамью на самом носу струга.

— Давно не хаживала Русь за море. Из этих, — указал на гребцов, — никто еще не изведал морской волны. Великая княгиня Ольга, правда, навевалась в Царьград, но не за добычей. За крестом... Три дюжины стругов было с ней. Крест любит мир. Не продувает?

Накинул на плечи Ярополка волчью шубу, с волчьей башкой вместо воротника.

— Как идут-то красиво! При дедушке твоём, при князе Игоре, на десяти тысячах стругов за море ходили. В море тесно было. Слава, слава Перуну! Хорошие времена грядут.

«Иные времена грядут, — сказала в то же самое мгновение великая княгиня Ольга, опускаясь на колени перед иконой Богоматери Путеводительницы. — Богородица! Благодатная! Пришло время возложить бремя власти на молодые плечи юного сына моего, христианке вверить царство язычнику. Богородица! Заступница! Не оставь князя Святослава, кровь мою. Не оставь Русь! Мы, избранные Тобою, пьем из животворящей чаши святой веры кровь Христову, едим тело Его. Что будет с нами? Богородица! Умоли Господа, Сына Твоего, да не испепелит гневом Русь за отступников, которые объявят вскоре об отпадении от Христа, угождая князю земному. Не Христу, но мечу будут служить... Смилуйся! Отдаю себя воле Божьей, веруя — просветится Русь светом фаворским. По милости Господа, Его Промыслом не исту-

кану из полена, но Живому Единому Богу поклонятся веси и города русские. Как река, идущая в море, так и народ мой потечет ко Господу. Да выбелит Христос черное, да приведет Русь к Своему Кресту, и будь свята во веки веков. Богородица! Верую! По милости Твоей, по Твоему благословию да будет каждый, рожденный на этой земле, наречен Господом Богом православным».

Плакала неудержимыми слезами.

Наплакавшись, затеплила лампаду перед иконой «Спаса в Силах», прочитала молитву об умножении любви:

— «Владыко Человеколюбче, Царю веков и Подателю благих, разрушивший вражды средостения и мир подавший роду человеческому, даруй и ныне мир рабам твоим; вкорени в них страх Твой и друг ко другу любовь утверди; угаси всяку распрю, отыми вся разногласия соблазны. Яко Ты еси мир наш, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков».

Поцеловала край иконы и соскользнула по стене на пол. Но то не было беспамятство. Ей чудилось, она летит, парит, осеняет огромными, отросшими вдруг крыльями землю, Русь.

Поход на стругах

На стругах развернули паруса. Полетели струги, как птицы, как чайки.

Обедали солониной, хлебом с луком, квасом. Насытившись, нежились на солнце. Было бы горячо, да ветер жару прочь гонит. Ласково под сильным дуновением, а оно до того впрок парусу — звенит. Гребцов объял сон. Вышату тоже сморило. А Ярополк не мог сомкнуть глаз.

По левую сторону Днепра — степь без конца. Степь и синее поднебесье, по другую руку — горы, дубравы, вишневые рощи. Волна бьет в днище, струг сердито погуживает.

Опершись спиной о носовой гребень, Ярополк глядел на струги, идущие друг за другом. Пытался представить не полтысячи, а десять тысяч... Как ужаснулись, должно

быть, греки, когда под стены Царьграда явилась такая страсть! Десять тысяч стругов с войском!

Сжимая глаза в щелочки, всматривался — нет ли где какого знака от вещего Олега, от князя Игоря... От Аскольда? Вниз по Днепру хаживают за славою, вверх — за славою и с добычей.

Какая она, слава? Чудо-рыба? Чудо-птица? Или одни только песни?

«А даст ли бабушкин Бог мне, крещеному, быть за морем?»

Ярополк рассматривает лица спящих воинов-гребцов. Смогут ли одолеть хитрых греков? У греков жидкий огонь, у греков непробиваемая броня. Греки воюют верхом на конях... Почему бабушка не любит славы, а любит мир? Плачет, боится завтрашнего дня... «Князь Святослав — война» — так все говорят. Все ждут, когда бабушка отдаст княжеское место сыну...

— Война, — вслух произносит Ярополк.

Закрывает глаза, и вот уже пыль столбами. Надо лезть на холм, и еще раз, и еще, еще... Но это не война. На войне будет кровь, будут убитые. Будут кричать, в кого стрела попала, кого копьем проткнули...

Он видел раненого на охоте. Вепрь распорол клыком ногу тиуну. На земле была черно-красная лужа, и сначала раненый кричал. Потом, когда ему зашивали рану, скрипел зубами, а потом, когда везли, стонал...

С воды поднялись большие белые птицы. Полетели низко над водой, крылья, как весла. Мах, мах, мах!

— Лебеди, — сказал пробудившийся Вышата. — Ты бы подремал, княжич.

Ярополк послушно лег на дно струга, на овчину. Заснул, глаз не успев смежить.

«Лебеди, — говорил он во сне. — Лебеди!»

На ночлег стали возле русла тихой, почти не текущей реки. Ловить рыбу сил у гребцов не было, заварили клецки, похлебали, легли спать. А Ярополк день с ночью перепутал. Выспался. Вышату тоже сон не берет. Предложил воспитаннику:

— Пошли, княжич, поглядим на потаенное. Как земля во тьме бодрствует.

Но тьмы не было. Небо на востоке светилось, как светится белая стена от светильника. Свет небольшой, но покойный, ясный. Точно такой же свет лежал на воде тихой реки.

— Что это? — удивился Ярополк.

Трава на берегу закачалась, зашуршала. Вода стала виться змейками.

— Да это же и есть змеи! — тоже удивился Вышата. — На другой берег поплыли, во тьму. Но темно теперь там, где скоро загорится новая заря.

— Что это? — снова спросил Ярополк.

Голова с крыльями висела совсем близко от них.

— Сова.

Сова метнулась куда-то в сторону и опять повисла совсем рядом. Зеленым кошачьим огнем сверкнули жуткие круглые глаза. Ярополк схватился обеими руками за руку Вышаты.

— Охотница! — спокойно сказал наставник. — Мышей выглядывает.

Сильно плеснуло на реке. Ярополк вздрогнул.

— Щука. — Голос Вышаты был до того спокойный, что все страхи княжича тотчас и растаяли.

— А где же потаенное? — спросил он, и в голосе задрезжали колокольцы комнатного баловня.

— Потанное открывается не всякому, — сказал Вышата строго. — Земля знает, кто любит ее. Кто умеет смотреть... Смотри, еще одна змея плывет. Погляди, какая змеина!

Змея словно услышала, что о ней говорят. Опять два глаза, на этот раз огромных, полыхнули зеленым мертвенным огнем.

— И вон еще! — показал Ярополк на фосфорические огоньки в степи.

— Лисы, — определил Вышата. — У волка тоже так глаза горят, но это — лисы. Видишь, от земли как низко. Лисы.

Ярополк задремал и заснул. Вдруг что-то шлепнуло по воде. И он увидел, как, трепеща по-пчелиному крыльями, плюхнулся на воду рядом с уткой большой, изум-

рудноголовой селезень. И он, и она принялись окунаться с головою, охорашиваться.

— А яиц утка не спешит класть,— сказал Вышата,— хоть и тепло, как летом. Ждет своего времени.

Вдруг в воздухе мелькнуло что-то большое, бесшумное.

Раздался отчаянный плеск. Ярополк успел углядеть распластанные крылья, а утка исчезла. Разиня селезень закричал, взлетел, как пущенный из лука, умчался прочь от страшного места.

— Сип,— сказал Вышата.— Вот у кого надо воевать учиться. Высмотрел издали, напал, унес.

— Пошли спать,— сказал Ярополк, обидевшись на весь белый свет.

— Пошли,— согласился Вышата и легонько обнял своего питомца: ранимое сердечко.

Такое сердце князю обуза.

Снова струги летели на парусах по волнам расходившегося Днепра. Но в полдень ветер сник, паруса увяли, и за дело взялись заскучавшие гребцы. Ярополку показалось: корабль движется еще скорее, чем под парусом.

Вечером увидели трех всадников: то был боярин Блуд с воинами. Лошадей поместили на струг со стойлами, а сам боярин взошел на первую ладью.

— Весть от князя Святослава! — объявил Блуд Вышате.— Идти вам до Священной рощи, к Семи Дубам.

— Еще день пути,— прикинул расстояние Вышата.

— Князь приказал: как придете, пусть струги развернутся и будут готовы к обратному плаванью.

Блуд сел рядом с Ярополком, меч в ножнах положил на колени. Рукоять похожа на хвост ласточки, выложена кроваво-огненными рубинами, ножны сияют зелеными камешками, как глаза ночных зверей и птиц. Через всю рукоять какое-то таинственное иноземное плетение.

— За этим мечом мой отец ходил с твоим дедом, князем Игорем, в Царьград,— сказал Блуд княжичу.— А имя мечу — «Светоносец»! Смотри!

Потянул из ножен, показал греческую надпись, вытравленную, вызолоченную от рукояти вниз до желоба.

— Мне сдается — это второе имя твоего меча,— сказал Вышата, указывая на вязь арабских букв.— Вот оно — первое. Не спрашивал у купцов, что написано?

— Зачем выставлять друга напоказ! — Блуд резко задвинул меч в ножны.— Это я княжича уважил. Пусть знает: «Светоносец» всегда готов прийти на помощь мечу их светлости... Какое имя у твоего?

Ярополк покраснел. У коротенького легкого детского меча имя было птичье.

— «Синица».

— «Синица»?! — весело удивился Блуд.

— Меч княжича мал, да удал,— сказал Вышата.— Волос рассекает. «Синицей» назван неспроста. Когда сечет — свистит.

— Мой тоже носит имя по праву! — рванул из ножен, поднял, и меч на солнце просиял, пуская лучи с лезвия.

— Светоносец,— согласился Вышата.

Ярополк невольно протянул руку к мечу. Блуд дал княжичу подержать древнее свое оружие.

Гребец с белой, как просяная солома, головой крикнул боярину.

— Сияет твой меч не хуже алмаза, это верно. А вот крепок ли, как алмаз.

— Давай кинжал! — вспыхнул Блуд.

Гребец по имени Варяжко достал из ножен кинжал.

Блуд бросил оружие на крепкий носовой настил.

— Не жалко?

Варяжко развел руками — что поделаешь.

Блуд страшно размахнулся, ударил, развалил кинжал надвое.

Гребцы подходили, брали половинки, удивлялись.

— Ведь не сломал. Перерезал!

Ярополк глаз теперь не сводил с ножен, в которых покоился дивный «Светоносец».

А караван стругов сбавил ход. Вечерело. Выбирали место для ночлега.

Снова ели клецки. Шатров не ставили.

В плаванье пустились вместе с зарей. Сначала под парусом, потом на веслах.

Увидели вдруг лодчонку, мчащуюся к берегу. Лодка врезалась в песчаную отмель, и через несколько мгновений двое рыбаков были на конях и галопом уходили в степь.

— Печенег! — Блуд хищно раздувал ноздри.

— Рыбу ловили, — сказал Вышата добродушно. — Вон и сеть стоит.

Подгребли поближе, достали сеть: улов на диво. Решили ухой побаловаться. Пристали к берегу, рыбу в котлы. А сеть опять поставили, чтоб печенег не очень-то обиделись.

После обеда гребли вальяжно, неторопко. До Священной рощи, до Семи Дубов оставались считанные версты. Ветер дул супротивный, но могучий ток воды нес корабли, как задремавших качек. Гребцы ветру даже радовались:

— Пусть разгуляется. Обратная дорога будет легче.

Вещий дед Боровик

Князя Святослава и его дружины еще не было. Боярин Блуд принялся командовать гребцами. Приказал варить кулеш, печь в кострах лепешки с мелко нарезанной солониной, и не только для себя — на всю дружину.

Вышата взял двух коней Блуда, поехал с Ярополком к Семи Дубам.

Эти семь древних великанов росли в двух верстах от Священной рощи.

Навстречу всадникам вышел худенький отрок в огромной шапке.

— Как гриб! — удивился Ярополк.

— Это и есть гриб, дед Боровик.

— Дед?!

Только подъехав ближе, княжич разглядел, что у маленького худенького человечка седая борода.

Дед Боровик был в белой рубахе, а дивная шапка, похожая на шапку гриба, оказалась лубяная.

— Слушай, что он скажет,— быстро прошептал Вышата.— Что скажет, то и будет.

Дед Боровик еще издали поклонился всадникам, показал крошечными своими ручками на деревья.

Спешились, привязали лошадей к столбу.

— К пращурам ступайте, к пращурам! — крикнул дед Боровик, приближаясь.— Выи у вас гордые, да ведь и дубы не простого звания. Се — царь-дубы. Не токмо князю Олегу да князю Аскольду листьями шумели, но и князю Кию и самому скифу Колоксаю, коему дались и огненный плуг, и огненная секира, и чаша яропламенная.

Друг от друга дубы стояли не близко, а кронами соединились в единый шатер.

— Вон на том камешке посиди! — показал Вышата на выступавший из земли плоский белый камень, заросший зеленым нежным мхом.

Ярополк подошел к камню, дотронулся ладонью до мха. Нежный, теплый. Сел. Вышаты не видно. Одного оставил.

«О чем же надо думать? — встревожился Ярополк.— О важном, но о чем? Почему Вышата ничего не сказал...»

И вдруг ахнул: не грех ли у дубов судьбу пытаться, когда крещен, когда знаешь: весь мир — творение Единого Господа Бога.

Поглядел на дубы. Необхватные. Пятеро тиунов не обхватят, а тот, что чуть в стороне — десятеро не обхватят.

Вдруг листья сильно зашумели, словно кто-то схватил дубы, как веник, и встряхнул. Уже в следующее мгновение все было тихо, и Ярополк обомлел. Он прозевал вещий говор листьев.

Беспомощно оглянулся и увидел у ближайшего дуба деда Боровика. Гриб и гриб.

— Не много тебе нашумлено,— сказал дед и покачал шапкой.— Ну, уж сколько есть. Помни, дивный отрок, коли не побережешь брата, брат тебя тоже не бережет...

Ярополк увидел прошлогодний желудь на земле. Темный, тучный...

— Можно взять? — спросил он деда, а Боровика уже не было.

Ярополк сошел с камня, поднял желудь. Тяжелый, в ладони едва помещается.

Выбежал из-под зеленого свода.

— Вышата! Смотри, какой желудь!

Вышата отвязывал лошадей.

— Скорее, княжич! Войско идет.

— А желудь?

— Возьми.

— А где дедушка?

— Дед вещий. Сам знает, где ему быть. Скорее, скорее...

Скакали к реке галопом. Определили князя Святослава. Ярополк сказал Вышате:

— Я Благомира любил. Скорее бы отец шел на хазар.

Там Баян в плену.

Бег по реке

Князь Святослав не пришествовал, прибежал на берег Днепра. Тотчас все пешее войско погрузилось на струги. Конница и табуны пошли берегом. На струги взяли только трех коней, подарок Кури.

Ветер дул попутный, подняли паруса, но гребцы тоже были на веслах. Князь приказал быть в Киеве на другой день в то же время, как отплыли. Корабельщики переглянулись: мыслимо ли за вечер, ночь, день на осевших стругах — на каждый пришлось по шестьдесят человек — да против течения одолеть трехдневный путь?

Святослав сказал:

— Сможете, всем по коню да кафтану да хмельного питья сколько поместится в брюхе, еды с княжеского стола... Не сможете, воротимся и поплывем опять.

— Сил не хватит грести не спавши, не евши, — посмели возразить князю разумные.

— А дружина на что? Грести сменами. Смена через каждую версту. Ночью смена через час.

Святослав устроился с Ярополком в крошечном закутке на носу. Сказал, глядя на парус:

— Ветер попутный! Помогай, Стрибог, помо...

И заснул на полуслове.

Ярополк потянул ноздрями воздух. Отец пропах степью, потом, солнцем. К веслам спешила следующая смена, и Святослав пробудился. Улыбнулся Ярополку:

— Заснул я, что ли?

— Заснул на единый миг.

— А мне этого довольно! — Окликнул гребца: — Варяжко! Изволь, брат. Уступи мне свой черед. Погребу, а ты княжича поучи, как по рекам ходить. Ему бы тоже погрести хорошо, да весла велики.

Варяжко сел на моток веревки...

— Что, княжич, любо на стругах ходить?

— Любо! — сказал Ярополк, поднимаясь.

Струг делал поворот, срезал пространство, прижимаясь к правому высокому берегу.

— От земли близко, но глубина здесь страшная, — объяснил Варяжко. — А на середине мелко. Ходить по рекам мудрено.

— А по морю?

— По морю мудреней мудреного, — улыбнулся Варяжко.

Зубы у него были белые, веселые, и глаза веселые, да с горчинкой.

— Ты хочешь на хазар идти? — спросил Ярополк.

— Я князю за деньги служу. Скажет, пошли на греков, пойду на греков. Скажет, пошли на хазар, пойду на хазар.

— А мы хазар победим?

— Князь Святослав пойдет, когда победа созреет, как яблоко.

— Мой отец — война, — сказал Ярополк.

Варяжко не согласился:

— Твой отец — победа. Бабушка твоя — вещая, отец твой — победа.

Ярополк промолчал. Если отец победа, почему бабушка горюет, уступая княжеское место?

— Что бы ты, свет мой Ярополче, хотел узнать о хождении по рекам и по морям? — спросил Варяжко.

— Про греческий жидкий огонь.

— Э-э! Сия тайна за семью печатями. Я сам не видел, но струг моего отца сгорел от того проклятого огня. Одно знаю, греческий жидкий огонь водой не зальешь...

Молчали. Слушали, как единым дыхом выталкивают из себя воздух гребцы. Потянулась к скамьям новая смежа. Пришел князь.

— Хорошо размялся. Летят струги! Как птицы летят! — широко зевнул, улыбнулся. — Посплю.

Варяжко ушел к своим. Ярополк, чтоб отцу было просторнее, перебрался на носовой настил.

«Зачем отец так спешит? — думал княжич. — Зачем он всегда спешит... Войско у него бегом бегаёт. И сам он, князь, живет, как простой воин».

Вкусно запахло едой: дружинники подкреплялись. Работа предстояла долгая, трудная.

Завечерело. Гребцы начали меняться через полчаса. Отработали — спать. Поспали — за весла. Скорость хода сначала заметно упала, но с наступлением ночи ветер засвистел, паруса надулись пузырями.

Стало холодно. Ярополк нырнул в носовой закуток и, засыпая, малодушно порадовался, что он еще — мал, что ему можно спать вволю.

Сквозь сон слышал — струг подходил к берегу. Кто-то прискакал из Киева, привез отцу весть: великая княгиня собирается встретить сына на берегу Днепра и объявить при всем народе, что она передаст ему власть в день Рождества Богородицы, ибо сей день для Руси и русичей — благословенный.

Святослав сказал Вышате:

— Она хочет украсть у меня лето. Украсть поход. В осеннюю распутицу куда пойдешь... Что думаешь, Вышата?

— Тебя ждут через три дня, а ты будешь в Киеве завтра.

— Пока ветер в паруса, пусть все спят! — приказал Святослав. — Грести начнем на заре. Меняться через версту, через полверсты.

Нет, то было не плаванье. Полтысячи стругов пустились по Днепру вскачь. Шли тремя рядами, друг за дру-

гом, уступая время от времени тяжкую честь рассекать воду первыми.

На весла садились, глядя на князя, и старый Вышата, и тонкокостный Блуд. И кормщики. Один Ярополк не брался за весла, чтобы не помешать бешеному движению.

Каждая смена набрасывалась на весла с яростью, толкали Днепр от себя прочь, будто был он не дивный богатырь, не дорога славы, не кормилец, а какой-нибудь лютый змей. Да ведь чешуей сверкали волны.

Просторы и гордая река покорялись работе, супротивничая. Но покорялись. Ярополк видел, как от каждого гребка берег скачком уходит за спину, да только тотчас является новая пядь земли, новая даль встает зыбким, не убывающим мороком. А люди знай себе хлещут реку веслами, и вода, если глядеть в нее, летит стремглав.

Среди дружины не все воины были двужилыми. Иные струги начали отставать. Князь Святослав переса-дил Блуда на другой струг, приказав собрать обессилевших и привести в Киев чуть позже, но едино, без разброда.

Еще за час до полудня замаячили в синей дымке дивные горы града Киева, а через три часа струги пристали к берегу. Святослав посчитал: триста тридцать три! Стругов сорок были видны в получасе хода. Князь посмотрел на солнце.

— Мы пришли раньше назначенного времени. Будет Стрибог милостив, и остальные поспеют... Теперь в ряды! За мной!

Посольство епископа Адальберта

В изумлении стояли великие послы императора Священной Римской империи Оттона перед престолом грозных руссов, на котором восседала великая княгиня вещая Ольга.

Тронный зал был всего лишь светлицей, просторной комнатой с высоким потолком. Одна стена — семь окон в ряд, другая — поштукатуренная, выбеленная, разрисована нежно-голубыми незабудками, синими ирисами, тон-

кими побегамии виноградной лозы с диковинными фиолетово-розовыми листьями.

Полы были деревянные, выскребанные добела, потолок золотистый, окаймленный деревянной резьбой — крылатыми грифонами, петухами, совами.

Помост, высотой в три ступени, устлан багряным жовром с багряно-темными цветами. Княжеское место — два стула и стол. Стол дубовый, темный.

На столе меч да золотой венец. Один стул княжеского места золоченый. По краю спинки от центра, где солнечный диск из ярого золота, золотые вздыбленные кони. Головы коней венчают подлокотники. Тоже — из отменного, из красного золота.

Возле золоченого стула простое деревянное креслице. На нем-то и сидела великая княгиня руссов.

Посольство было многолюдное, едва вместились в тронный зал. Тотчас и дышать стало нечем от тесноты.

Первым, в рогатой золотой шапке, в золотой ризе, стоял епископ Адалберт.

Прочитал молитву на латинском языке. Говорил тоже латынью. Толмач у него был свой.

— Великий радетель Христова дела благословенный государь кесарь Священной Римской империи Оттон Первый, радуясь христолюбию вашего, — епископ несколько замялся — Ольгу, видимо, надо титуловать светлостью, не королева — княгиня, но решил, что в гостях лучше прибавить, нежели умалить, — вашего величества... прислал нас, верных слуг своих, ради воцарения на Русской земле праведной святой христианской веры... Мы пришли с крестом, дабы осуществить прорицание святого апостола Андрея Первозванного: да просияет над семью холмами киевскими неизреченный свет Господа нашего, да озарит всю землю Русскую, и каждое дыхание будет исполнено благодатного дара Духа Святого. Да явит любовь к этой земле Пресвятая Богородица. По желанию вашего величества для обращения Руси к Христу император Оттон прислал меня, епископа, а со мною пресвитеров и монахов для крещения народа, для научения службам и молениям.

Княгиня Ольга слушала напряженно, глаза строгие, лицо строгое, прекрасное. Простовато живут, но ведь отчего-то вещие и князь Олег, и она, здравствующая княгиня.

А княгиня не знала, что и делать. Послов императору Оттону она отправляла! Крестить Русь, когда остались считанные дни до совершеннолетия князя Святослава, для которого бог — меч, предприятие смертельно опасное.

— Господи! Такая духота! Слуги, откройте окна! Ваше преосвященство, запомывала, совсем запомывала, кто посольство справлял у брата моего, у государя преславного Оттона?

Епископ смешался, оглянулся на своих. Ему подсказали, он повторил:

— Досточтимые витязи Простен, Шихберн, Шибрид...

— Простен! — воскликнула великая княгиня, будто вспомнила. — Шихберн... Варяги.

Варяги взяли моду ради даров являться к государям, исповедующим Христа, с просьбами окрестить. Иные крещены уже по многу раз... Теперь вот что удумали. В послы себя произвели. Всё Шихберн, его затея! Морда-то ведь лисья. Оттон ревностный раб Божий. Крестить варваров почитает за призвание, данное ему свыше... Немалые дары, должно быть, выманили. Шибрида Ольга не помнила. А Шихберн и Простен ходили еще с Игорем на греков. У Простена лицо из гранита тесано. Величавый муж. Шихберн — великан с глазами младенца... Таким верят.

Молчание затягивалось.

Епископ Адальберт нашелся, прочитал молитву к Деве Марии.

— На каком языке ты молишься, преосвященный? — спросила Ольга.

— Народов, исповедующих Иисуса Христа, становится все больше и больше. Язык молитв и славословий Господу и Деве Марии — благороднейшая латынь.

— Выходит, народы, принимающие Христову веру, молятся, не ведая, что говорит их язык.

— Проще выучить латынь, ваше величество, нежели переводить молитвы на множество языков. Слово слову не родня.

— Святейший патриарх Царьграда при моем крещении благословил переложить молитвы с греческого на славянский язык. Когда мы молимся, то знаем о чем. . Славяне и руссы, боюсь, не захотят повторять чужие слова, смысла которых они не знают.

— Великая княгиня! Ты — звала, мы — пришли

— Я не звала вас,— сказала Ольга.

Толмач перевел, послы задвигались, поднялся ропот.

— Простен, Шихберн... запаматовала, как звали третьего, самозванно явились к брату моему, к императору Оттону. Видно, мечи у них, у бездельников, заржавели: обманом добывают свой хлеб. Ложью. Мне ведомо: Шихберн крестился раз семь или восемь ради того, чтобы получить щедрые дары от простодушных государей.

— Я сам крестил витязей! — воскликнул епископ Адальберт.

— Выходит, это девятое для Шихберна принятие таинства...

— Кошунство! Кошунство! — вскричал епископ Адальберт.

— Это — варяги.

— Но что же делать нам?

— Молиться,— сказала княгиня и увидела: ей подает тревожные знаки воевода Претич, под началом которого охрана Киева. Подозвала.

— Явился на стругах князь Святослав,— объявил Претич.— Со всем своим войском.

Даже бровью не повела вещая Ольга. Отпустила воеводу, улыбнулась посольству:

— Господа! Я приняла вас, как христианка — христиан. Вы видите, со мной нет сына моего князя Святослава, нет бояр, чтобы решать дела княжеские... Дорога у вас была далекая. Отдыхайте... Кони ваши будут накормлены, еда и питье ждут вас.

Поднялась. Послам пришлось откланяться. Ушли в тревоге, в недоумении. Епископ Адальберт с порога воротился, подошел к самому помосту, сказал по-русски:

— Я хотел бы, великая княгиня, говорить с тобою с глазу на глаз.

— Разве в делах веры, кроме Таинств Господних, возможны иные тайны?

— У меня есть к вашему величеству государево слово от его императорского величества.

— Я позову твое преосвященство... в срок.

Иным была занята голова великой княгини Ольги.

— Где Свенельд? — спросила она слуг, когда светлица опустела.

— Воевода на своем дворе.

Витязь Свенельд

Не было на Русской земле человека богаче и знаменитее воеводы Свенельда. В юности сей витязь не знал равных в бою. Его меч, как смертоносный луч, поражал врагов. Свенельд проламывал бреши даже в рядах греков, разгребая, словно колкую траву, копья, рвался к шатрам вождей и многих, многих великих, славных взял в плен.

Почин своему огромному богатству воевода Свенельд сделал в княжение Игоря. Сильное племя угличей перестало платить дань киевскому князю. Тогда Игорь повелел Свенельду пойти и взять, и все, что возьмет, — его.

Три года осаждал Свенельд город угличей Пересечен. Многих умучил до смерти. Павший город Свенельд и его дружина ограбили, как подмели. Иные угличи смирились, стали платить дань своему покорителю, но большая часть народа навсегда ушла с Днепра за Днестр. Выходцы из Пересечена поселились в лесах, которые потомки их называют кодрами.

Ходил Свенельд с князем Игорем на Каспийское море, грабил города по реке Куре, побеждая многотысячные войска местных ханов и беев.

Под водительством княгини Ольги, мстившей за смерть Игоря, Свенельд побил древлян, разорил город Искоростень. Походов больше не было, но не раз и не два отражал витязь набеги печенегов и всегда возвращался с войны со славой и — с добычей.

Всего было довольно у грозного воеводы. Богатого царского платья, коней, скота, золота, жемчуга, дивных самоцветов. Княжеская казна — считанная. Казна Свенельда счета не знала. А все же этот обласканный судьбою человек вздыхал и томился. Вздыхал по временам вещего Олега. Томился под женскую руку княгини-христианки. Деяния Ольги чтит за мудрые, для народа благодатные. Соглашался: княгиня Ольга — вещая. Но как тяжело терпеть ради мира посягательства хазар, платить за покой печенегам, принимать, как равных, беев каких-нибудь гузов, буртасов, тех же угличей... Свенельд видел — миром княгиня добилась даже от греков много больше, чем князь Игорь войной. Народ богател. Погосты, поставленные Ольгой по границам, разрастались в города, обзаводились крепкими стенами. Исчезли нищие, голодные. Всяким рукам было дело, а за работу — плата. Все так! Но где она, сласть кликов славы, где пиры побед? В какие края улетела птица Удача? Голодранец мог обогатиться за один день. Воинство превращено в сторожей. Жить горбом — занятие селяниновичей. Что им, лаптям, ведомо о роке? Вещий Олег учил своих витязей творить царство, быть в свойстве с вечностью. Жизнь была бы прожита, когда б не Святослав. Дядькой молодого князя был Асмуд. Ныне Асмуд древен, как замшелый камень. Сидит сиднем, ко всему бесстрастен, но стоит заговорить с ним о Святославе, и глаза, потерявшие цвет, живут, и мысль, как глубокая река среди утесов брэнного времени, то просияет мудрым словом, то разверзнется бездной и веще предречет неотвратимое.

Свенельд завидует Асмуду, сам даже думает о князе осторожно. Душа замирает у воеводы. Сбудется ли новый Олег?

Старших сыновей, их было трое, воевода Свенельд потерял в походах. Первый убит хазарами, другой — угличами, третий сгорел от жидкого греческого огня. Добрая богиня Лада послала воеводе от юной наложницы сына Люта. Наложница стала женой, и отец взялся растить сына, жалея, что Святославу он пригодится не скоро.

Свенельд желал видеть в сыне самого себя, а потому воспитывал со рвением.

Лют был тремя годами старше сына Святослава Ярополка, но если Ярополк читал вместе с бабушкой Святое Писание, то Свенельд приставил к Люту зело ученого грека, жившего при дворе василевса Константина Багрянородного. Грек привез краткий список сочинения василевса, которое тот написал для наставления своего царственного отпрыска Романа. Грек обучил Люта языку, но не смог привить любви к чтению. Свенельд не смирился.

Годы не убавили в могучем витязе охоты к телесным упражнениям. Он приказал выкопать глубокий колодец и каждый день опускал и поднимал в колодец бадью с двумя пятипудовыми гирями. Люту богатырская забава отца была вождеденной. Тогда для него выкопали другой колодец, такой же глубокий, но доставать нужно было воду дубовой бадьей. Сначала сил у Люта хватало на одну-две. Теперь, в свои десять, он таскал по двадцати полнехоньких бадей.

Вот Свенельд и решил соединить два урока. Прочитавши страницу, Лют зарабатывал право достать десять бадей воды или же пустить в цель десять стрел из лука.

В тот день чтение захватило отрока. василевс наставлял сына, как надо беречь самую жгучую тайну греков.

— «Дблжно, чтобы ты проявлял попечение и заботу о жидком огне, выбрасываемом через сифоны,— громко читал Лют, растягивая от напряжения слова.— Если кто-нибудь когда-нибудь дерзнет попросить и его, как многократно просили у нас, ты мог бы возразить и отказать в таких выражениях: «И в этом также Господь через ангела просветил и наставил первого василевса-христианина, святого Константина. Одновременно он получил и великие наказы о сем от того ангела, как мы точно осведомлены отцами и дедами, чтобы он изготовлялся только у христиан и только в том городе, в котором они царствуют,— и никоим образом не в каком ином месте, а также чтобы никакой другой народ не получил его и не был обучен его приготовлению. Поэтому сей великий василевс, наставляя в этом своих преемников, приказал

начертать на престоле церкви Божией проклятия, дабы дерзнувший дать огонь другому народу. .»

Страница кончилась, грек взял у Люта книгу и закрыл.

Лют возмутился.

— Я хочу знать, что сказано дальше!

— Зачем нарушать порядок, который ты сам установил?

— Порядок установил мой отец!

— Блистательный Свенельд утвердил твоё решение.

Ступай подними десять бадей, тогда продолжим.

Лют закусил верхними зубами нижнюю губу и вдруг кинулся на учителя, норовя ударить в лицо. Учитель перехватил руку, заломил, заставив Люта упасть лицом на стол.

— Я прикажу изгнать тебя, собака!

— За что? — спросил учитель, не отпуская руку. —

Я буду только рад, если мы станем читать по три страницы, обсуждая прочитанное

Сильно толкнул от себя мальчишку.

— Я тебя прогоню! — крикнул Лют, замахиваясь.

— Твой отец воин, — спокойно сказал учитель. — Я тоже воин. Оскорбивший меня получит ответ...

Бормоча угрозы, Лют побежал к колодцу.

И тут раздался большой шум. На двор Свенельда явился князь Святослав.

— Как солнце-то тебя вызолотило! — воскликнул воевода, поклонясь молодому князю, и увидел, что и Ярополк здесь. — Здравствуй, месяц ясный! Тоже степью пропах, вольною водою!

Говорил весело, громко, не выказывая удивления, чего ради такая неожиданная честь.

— Пришел похвастать! — сам все объяснил Святослав. — Вчера вечером был у Семи Дубов, и вот он я!..

Свенельд обнял князя:

— Зело!

И вдруг нарочито поник головой:

— Такому быстрому Святославу медлительный Свенельд не годен для службы

— Годен! Еще как годен! — воскликнул Святослав. — Без твоей службы я до старости буду ходить в молодых...

Старый лис, обманувший множество врагов на поле брани, все понял. Он, Свенельд, избран решить не завтра, а уже сегодня судьбу Святослава и Ольги, войны и мира. Томлениям пришел конец, кони оседланы, и удача, как заяц, готова прыгнуть из-под ближайшего куста.

— Пришел спросить тебя,— поспешил Святослав напустить туману,— достойно ли мне с такой дружиной пойти поглядеть берлогу лютого медведя, крепко ли спит?

Свенельд все понял, но игры не испортил.

— С какой стороны собираешься к берлоге подбраться?

— С той, что подальше от степи. Траву бы ненароком не потоптать. Кочевок бы не беспокоить... медвежьих.

— Выходит, к вятичам в гости или к буртасам?

— Вятичи — одна с нами кровь. Поход мой пусть будет им намеком. Ты угадал — хочу к буртасам.

Свенельд поднял веки, опущенные тяжелыми ресницами. Два темных бора обступили два дивной синевы озера. В тех озерах даль запечатлена.

— Слова твои слушать лепо, но под стать ли ты, князь, своим словам?

Подвел Святослава к колодцу. Легко, будто бадья была пустая, принялся крутить ручку барабана.

— Ну-кося! — Святослав принял ручку у Свенельда и понял: сейчас эта ручка вырвется, бешено закрутится и прибьет. Успел схватить другой рукою. Держал, весь в испарине. Набрался духу, потянул ручку от себя вверх, перевалил подъем. Замер, дыша, как вол, вспахавший целину.

Свенельд схватился за ручку.

— Нет! — прохрипел Святослав.

Принялся одолевать круг за кругом. Наконец бадья замаячила среди черного зева колодца.

Слуги вдесятером подхватили бадью, перенесли через сруб, ухнули на землю.

Святослав стоял бледный. Из-за ушей катились дорожки пота.

— В тебе не только есть жар бога Знича. В тебе живет сам Сильный бог,— сказал Свенельд.— Ходи,

князь, на все четыре стороны, всякая сторона тебе поклонится.

Святослав никак не мог отдышаться. На обнаженных по самые плечи руках проступили жилы. Темная жила пересекла лоб. Сказал наконец:

— Отвори дверцу клетки, Свенельд!

Свенельд поклонился, изображая хозяйское радушие.

— Князь, столы накрыты. Отведай моего хлеба.

Святослав и Ольга

Ярополка оставили с Лютом.

Лют был рыжий, как рассерженное солнце. Рыжая голова, рыжие брови. Щеки и те были рыжие. Золотисто-красный пушок торчал пучками из конопушек. Голову Лют задирает гордо, грудь выпячивал — петух и петух.

— А у меня свой колодец, — сказал Лют княжичу. — Я тоже бадья таскаю. Покамест с водой. Будет двенадцать лет, гири буду таскать. Показать?

— Покажи, — согласился Ярополк.

Заглянули в колодец — черным-черно.

Лют одну за другой достал три полнехонькие бадьи.

Воду сливал в деревянный, обмазанный глиной желоб.

— На конюшню идет, — объяснил Лют. — Кони моей водой живы!

Ярополк взялся за ручку.

— Давай и я попробую.

Бадья оказалась тяжелой, шла неровно, глухо билась о стены сруба. Лют захохотал во все горло, увидавши, что воды в бадье половины нет.

Ярополк бросил ручку. И Бог его миловал. Железная ручка просвистела в какой-нибудь пяди от лица. Ярополк присел, отполз в сторону... Услышал, как загудел от удара бадьи колодезный сруб.

— Ты с ума спятил! — закричал на княжича Лют. — Дурак.

Ярополк глянул на воеводского сынка круглыми совиными глазами. Лют опамятовался, поклонился.

— Прости меня, княжич. Я за тебя испугался. Хочешь книжку покажу?

Ярополк презрительно дернул плечом.

— Тайная книжка. В ней учат царством управлять.

— Покажи,— согласился Ярополк.

Лют привел гостя в свои покои. А покои на удивление. Такого и у бабушки в тереме не было. Стены обиты серебристой с голубыми да с лиловыми цветами материей. Стол на бронзовых львиных лапах. Крышка из оникса. Камень чистый, пропускающий в себя свет.

Из позлащенного серебряного ларца Лют достал книгу, в золотых обложках, с розовыми, с голубиное яйцо, самоцветами. Книгой не хвастал, открыл на том самом месте, где грек-учитель остановил чтение... Спросил:

— Сам будешь читать или мне велишь?

Ярополку вопрос понравился.

— Велю тебе читать,— сказал он с удовольствием.

Чтобы не запинаться, Лют прочитал страницу о жидком огне.

— Ты, княжич, хотел бы добыть у греков такой огонь?

В ответ услышал неожиданное:

— Сифоны с жидким огнем у греков захватывали не один раз. Нужен мастер, который знает тайну, как пускать огонь.

— Мастера можно купить!

— Можно и в бою взять, но мастера, которые пускают огонь, не ведают состава жидкости. Не ведают, где ее берут. Она даже на воде горит.

— Надо подослать к грекам человека. Пусть бы им служил, прикидывался верным да и познал бы тайну.

Ярополку понравился рыжий Лют. Спросил:

— Ты на конях любишь скакать?

Лют поморщился.

— Меня учат ездить без седла. До крови задницу набиваю, а седла все равно не дают.

— Я тоже на конях скакать не люблю! — обрадовался Ярополк.— Я люблю струги.

У Люта глаза стали как щелочки.

— Вот станешь князем, пойдем на Царьград. Там всего добудем. И греческий огонь, и тайные книги, и гречанок.

— Гречанок?! — удивился Ярополк. — Зачем?

— В жены! Гречанки самые красивые на белом свете. Ярополку добывать гречанок показалось делом пустым, но, чтоб сделать Люту приятное, согласился:

— Ладно.

— Чего-то шумят! — насторожил рыжие уши Лют. — Пойдем посмотрим?

Посмотреть было на что. В дом Свенельда явилась великая княгиня Ольга с дядькой князя Святослава, с древним Асмудом.

Свенельд и Святослав за братиной кроваво-ярого греческого вина, забыв все на свете, говорили о Хазарии. Прикидывали, возможно ли одолеть силу кагана.

— Еще князь Олег отвадил славян платить дань кагану! — с жаром говорил Свенельд. — И до чего дожили?! Стольный Киев — данник Белой Вежи, Итиля... Ты молод, а решил мудро. Чтоб пересохла большая река, нужно отвести от нее малые реки. Хочешь ударить на буртасов. Зело! Отсечь от Хазарии север — все равно что отрубить ей одну ступню. Пусть хоть дальше не шагает, не богатеет. Твоя дружба с гузами — похвальна. В одиночку воюют глупые гордецы да корыстолюбцы.

Святослав покраснел. Свенельд увидел это и подосадовал на себя: за корыстолюбие поплатился жизнью отец Святослава. Пошел к древлянам за данью с малым числом людей, чтоб не делиться со многими... Поспешил отвлечь князя:

— Греки воюют всегда в союзе с сильными, а то и подавно чужими руками.

— У гузов кони, — сказал Святослав. — Они — мой буйный ветер.

— А дороги к буртасам у тебя проверены? — спросил Свенельд.

— Уже другой год по тем дорогам рыщут мои люди.

— Святослав! — радостно воскликнул воевода.

Князь схватил его за плечи.

— Поможешь ли отворить дверцу клетки?

— Князь — ты озарение моей угасшей жизни!

Обнялись.

И тут появилась Ольга...

Асмуда несли на скрещенных руках двое слуг.

После приветствий, нарочитой радости грянула минута невыносимого молчания. Свенельд не решился перекинуть через эту пропасть соломинку пустого разговора.

— Не ведаю, сказано ли кем: сын, не обойди дом матери твоей! — молвила Ольга с высоты собственного стула.

Этот стул, принесенный телохранителем, поразил более всего. Ольга дотронулась длинными перстами до висков:

— Если пророки этого не говорили, да простит мне Бог — велеречие...

— Матушка! Великая княгиня! — закричал Святослав, негодуя. — Я пришел к Свенельду, чтобы рассказать о моих воинах. О том, сколько мы бегали по степи! Как быстро мы шли вверх по Днепру. Тебе лепо говорить о Распятом, а мой бог — меч.

— Я рада, что ты научился хитрить. Ты желаешь занять место, которое тебе принадлежит по праву. — Ольга поднялась со стула. — Садись! Вот он, походный трон князя Игоря. До твоего совершеннолетия еще месяц, но у тебя иссякло терпение. Садись.

Святослав дико озирался.

— Это не затея змеинохитрой Ольги, сын мой. Это решение христианки Елены. Ты — жаждешь. Утоли свою жажду... Я ни делом, ни помыслом не посягала на твое место. Княжить ты начал в тот день, когда младенцем метнул с коня в древлян копьё, совсем малое, со стрелу, но то копьё было боевое. Ты вырос, не прикоснувшись к детским игрушкам, но дела княжеские тебя тоже не влекли. Княжить — не женское дело, а мне пришлось, чтоб сохранить тебя и нашу землю. Садись же на свое место, взрослый мой сын. Мне давно пора отдохнуть от мирской суеты.

Ольга поклонилась, коснувшись рукой пола. Святослав вышел из-за стола, постоял перед матерью потупя голову, сопя. Сел на отцовский трон.

— Свершилось, — сказала Ольга. — Теперь — ты... А мне дозволь пройти по весям, ловлям, по погостам, которые я поставила. Сама оповещу о твоём восшествии.

Соберу недоимки, погляжу на дело рук моих. Покажу наследство Ярополку. Согласен ли?

— Согласен,— сказал Святослав.

— Тогда послушай, что скажет тебе вещей дядька твой. Асмуд! Асмуд, се — Святослав. Ты узнаешь его?

Старец, величавый, будто курган, белый, как облако, глядел перед собою, но теперь чуть повел глазами и остановил взгляд на воспитаннике. Сказал бесстрастно:

— Знич тебя жарит. Не дай ему запечь себя. Ты — не бык для насыщения брюха.

— Асмуд! — вскочил с креслица быстрый Святослав. Обнял старца. — Ну, чего ты на себя напустил! Помнишь, как скакали с тобой на трех лошадях трое суток? Помнишь?! Ты учил меня кормить лошадей сухим мясом. И они скакали... Ты помнишь?

Асмуд улыбнулся:

— Я хотел утолить твой голод по простору.

— Не утолил, Асмуд! У простора нет предела. Но никто иной, ты пробудил во мне страсть — пройти землю из конца в конец, как ходили по ней прашуры-скифы.

Асмуд закрыл глаза.

— Шумят.

— Кто?

— Птицы шумят.

— Асмуд, здесь нет птиц.

— Как же нет!.. Все орлы, все соколы и воронье тут как тут. Уши ломит от карканья.

— Асмуд, выпей вина. — Святослав схватил со стола чашу.

— Он не пьет вина, — сказала Ольга.

— Это твои птицы, Святослав! — Асмуд повернулся к великой княгине. — Он будет побеждать и побеждать... Будет жив, куда побеждает... А мертвые сраму не имут.

Ольга поднялась:

— Ярополка я заберу с собой. Пусть отдохнет с дороги.

Удалилась. И чувствовал себя Святослав побитой собакой. Клокотал, замышлял... Да ведь Ольга, матушка его родная — вещая.

Клятва на мече

Княгиня Ольга собралась в дальнюю дорогу за единый час. Взяла с собой Ярополка да три сотни воинов.

Вышла из города тремя обозами, через трое ворот — на юг, на север, на восход. Чтобы соединиться в назначенном месте, на дороге, ведущей на запад.

Святослав же пировал со Свенельдом до глубокой ночи.

Пробудился в княжеском тереме, на княжеской, на материнской постели. Кровать просторная, семеро улягутся не толкаясь, балдахин, кисти, позолота. А бокам жестко. Покрутился — жестко! Матушка не тешит пуховиками свое княжеское тело, на кирпичах спать мягче.

Подумал обо всем этом и ахнул. Почему он в кровати матери? Где Ольга?.. Кто раздел, разул? Что с ним? Было о чем спросить себя, но от каждой мысли голова трещала, стены изгибались, потолок волчком кружился.

И вдруг — стошнило.

Прибежали слуги.

— Воды! — прохрипел Святослав.

Напился. Снова стошнило.

Подали квасу. Выпил. Заснул.

Пробудился со страхом, но — потолок стоял на месте, через открытое окно залетал ветерок с Днестра, рекой пахло.

Поднялся. Оделся. Вышел из опочивальни. Стражники глядели на князя понимающе.

— Я этого проклятого вина во всю мою жизнь в рот не возьму, — сказал им Святослав.

К нему уже шли с кувшином воды и с тазом. Умылся. Утерся.

— Платье бы поменять, — предложил спальник.

— Грязное? — спросил князь.

— Дорожное.

— Неси что у тебя есть.

Подали византийские шелка, парчу, бархат.

— Мое несите! Из моего терема! Пока так обойдусь.

Заглянул в тронную светлицу, а там бояре, воеводы, дворцовая челядь. Упали перед князем на колени.

Постоял, посмотрел. Прошел через светлицу. Сел на золотой стул.

Самый родовитый из бояр, Вышата, сказал с поклоном:

— Дозволь, великий князь, к руке твоей подойти?

— Зачем Киеву царьградские порядки? Меч целуйте!

Мечу клянись. Меч кривую совесть быстро лечит.

Церемония получилась долгая, но только после окончания целования меча ему сказали:

— Тебя, князь, народ ждет.

Запламенел щеками от гнева, никого, однако, не прекнул. Пошел из дворца. Дружинники подняли князя на щитах. Понесли через толпу, и он говорил время от времени.

— Послужу вам верой и правдой! И вы мне послужите!

Летели вверх шапки:

— Будь здрав, князь, на многие лета!

Воины принесли Святослава на гору, где стоял идол **Дажбога**, от которого ждали всякого благополучия.

Жрецы вытерли из дерева священный огонь. Князь запалил от того огня факел и осеял огнем воинов, которые прошли перед Дажбогом и князем, и каждый положил на холм свой щит и свой меч, а у кого не было меча — копье, лук, стрелу.

И прошли все горожане, и каждый что-то принес от рукоделия своего, от своего достояния, чтобы получить великое благословение в великий час. Жрецы воскурили **фимиа**m, принесли Дажбогу жертвы. И наконец две дюжины непорочных пшеничноголовых дев, в золотистых, до земли, ферязях, принесли огромный каравай. Поставили перед Дажбогом. Румяная корочка поднялась, лопнула, как яйцо, и жрец, сидевший в каравае, крикнул:

— Видите меня, люди?!

— Не видим! — ответили ему.

— Да пошлет Дажбог урожай видимый-невидимый! **Да** будет княжение князя Святослава свет Игоревича благословенным, долгим! А мы будем счастливы его княжеским счастьем.

Спели люди славу Дажбогу. И тут раздались звуки труб. Через толпу прошли в позлащенных доспехах семеро витязей. Принесли священный меч вещего Олега.

Жрецы пустили огромную змею. Витязи пронзили ее, пригвоздив к священной пяди киевской земли.

Змея вилась вокруг меча, била хвостом, но не могла поколебать оружия.

Жрецы облачили князя в пурпурный плащ, сняли с него простые сапоги, обули в пурпурные, на голову возложили золотой венец и подвели к мечу.

— Вот он я! — обняв десницей рукоять, крикнул молодой князь невидимым богам, пришедшим вкусить щедрого дыма жертвенников. — Имя мое — Святослав, сын Игоря, внук Рюрика! Вот он я, пращур, стою на вашей земле, вашей кровью, вашим потом политой! Клянусь священным мечом вещего князя Олега оборонить города и веси, леса, пашни, пастбища, дальние пределы — от нашествий, от набегов, от всякого врага и посягателя. Клянусь раздвигать рубежи княжества, сколь хватит силы. А коли побегу от врага, да будет тот проклятый день поруганием моему имени. Да рассечет меня священный меч за измену земле и народу на множество частей.

Жрецы принесли три больших корзины с тремя дюжинами петухов. Рыжих, черных, белых. Петухам секли головы и кропили кровью княжеский меч.

Пир устроили на громадном кургане князя Олега. На пиру Святослав улучил наконец минуту и спросил Вышату:

— Где мать моя? Где великая княгиня?

— Ушла по всям, — ответил боярин. — Триема обозами через трое ворот. В какую сторону, теперь только гадать.

— Все-то у нее с премудростью, — проворчал Святослав и предался радостям пира. Хмельного, однако, даже не пригубил.

Пир вышел славный и вещей, увенчанный небывалой силы грозой. Молнии падали прямые, как мечи. От громовых ударов дома подпрыгивали, и добрую половину ночи не было тьмы, ибо свет на облаках не успевал погасать. А потом грянула тишина, и среди этой тишины на весь Киев по-зимнему завывали волки. Но зато и заря полыхала утром от края до края, словно бы восход догнал закат и оба слились в один.

Каково княжить

В первый же день княжеских буден Святославу показали казну. К удивлению, оберегатель сокровищницы Путята Потаенович привел князя не в дворцовые подвалы, а в десятинную церковь. Под этой церковью у княгини Ольги был сделан ход в хранилище, где во льду на случай осады держали запас коровьих и бараньих туш. Дверь в сокровищницу оказалась от стены неразличимой. Путята неприметным образом поколдовал, каменная плита отошла, и они переступили порог холодного подземелья.

— Вот она, твоя пушная казна,— сказал Путята Потаенович, зажигая светильники.

В деревянных ларях лежали собольи шубы, шапки, пологи, шкурки. Куньи меха, бровьные. Много выдры, много белок, горносталя.

— А эти два ларя с черными лисами,— показал оберегатель казны.— Большая редкость. От буртасов привозят.

— От буртасов,— обрадовался Святослав.

В следующей палате стояли греческие амфоры и всякого рода горшки, наполненные серебряными монетами, фибулами, гривнами, браслетами. На полках лежали оправленные в серебро и золото рога туров, дорогое оружие, сосуды, блюда с драгоценными камнями.

Комора была невелика. Сажень на сажень.

Путята Потаенович зорко глядел на молодого князя.

— Меха можно тратить. Не вечны. Но сия палата — только принимает. Отсюда казне хода нет. Всякий князь обязан прибавить. И более всех прибавила твоя матушка, великая благочестивая княгиня Ольга.

Святослав молчал. Ни к чему не притронулся. Ничему не обрадовался. Посмотрел и пошел прочь, изумив оберегателя. Премудрый Путята Потаенович, привыкший к иному, к благоговейному хождению по сокровищнице, даже подосадовал на себя: не показал князю еще одну заветную кладовую. Может, изумрудами да янтарями пронял бы пустоглядящего. Ворчал:

— Пусть сначала принесет, прибавит. Молод все тайны знать.

И, качая головой, призадумался.

Святослав же поспешил в палату для суда, для срочных дел. Князя многие ждали.

Сначала принял простолюдые. Семеро крепких рослых мужей из-под Изборска поднесли князю огромную медвежью шкуру, с башкой, с когтями, дюжину волчьих тулупов, а потом ударили челом:

— Дозволь сжечь часть леса в нашем краю. Промышляли мы охотой, но зверь ушел после больших пожаров. Лес теперь не лес... Хотим хлеб сеять, хлебом кормиться.

— Хлеб сеять хорошо, а жечь попусту лес — плохо, — сказал Святослав. — Добрые деревья срубите, поставьте себе крепкие большие избы, чтоб жили не теснясь, а уж остальное жгите.

Изборцы поклонились, а князь распорядился дать им хлеба на дорогу и, ради радости своего восшествия, подарил каждому по рубахе и портам. Отпуская, наказал:

— Кому из сыновей ваших меч дороже сохи, отпустите ко мне на службу.

Следующим просителям нужны были какие-то озера для ловли рыбы... Княгиня Ольга отписала эти озера на себя, но никто никогда рыбу в тех озерах так и не лавливал.

— Берите! — разрешил Святослав, забыв обложить рыбаков хоть малой данью.

Очередным просителям князь позволил ставить на неведомой ему реке три мельницы. Оказалось: река бобровая. Мельничные запруды оставят бобров на мелководье. Святослав хоть и пожалел звериный народец, но решения отменить не захотел.

Конца делам не предвиделось. Заросшие бородами иудеи принесли сундук серебра, просили дозволения провозить по Днепру рабов-христиан.

Святослав деньги взял. Христианами были хазары, греки, болгары, жалеть их не приходилось. Чужие.

Судебные дела совсем замучили князя. Дикие убийства, кровавые драки: одни луг не поделили, этот лошадь угнал, тот зарезал у соседа свинью.

Явились на суд два клана, истреблявшие друг друга из-за кровной мести.

— Да будет так! — решил Святослав. — Беру на три года из обоих семейств всех взрослых мужчин в свое войско. Семьям дам хлеб из моих житниц.

День кончился при светильниках, а назавтра то же самое. Кому-то нужны покосы, кто-то оголодал. Эти от мора прибежали к соседям, и стало тесно, где-то ни единого дождя не выпало, села горят. В бурю рыбаки утонули в Днепре. Лихоимцы все сено увезли у вдовы...

На пятый день княжения Святослав взъярился:

— Где вещая Ольга? Скачите, ищите и найдите! Пусть идет в Киев. Княжить идет! На ее стул я не сядил. Мне своего довольно.

Все было готово к походу, но на кого оставить Киев, княжество? Премудрая Ольга снова поучила его. Но учила и жизнь. Приехал из земли буртасов соглядатай варяг Истр. Над его вестями как было не призадуматься?

Буртасы ходят под хазарами, выставляют кагану десять тысяч всадников. А это значит, для своей обороны могут посадить в седло не меньше двадцати тысяч. Лошадей, правда, держат не все, у кого лошадь, тот богатый.

Святослав сердито побряхывал: поспешать с походом, может, и на погибель свою. Летняя сухая погода — раздолье коннице. Только оглядывайся, с любой стороны могут ударить. Осенью надо идти на буртасов. По раскисшей от дождей земле ходить трудно, но зато и у лошадей прыти убавится. Когда лошади вязнут, торжествует пеший.

Обстоятельный Истр многое углядел. Летом буртасы уходят в степь со стадами. Живут вроссыпь. Возвращаются в избы со всеми своими богатствами и припасами в конце лета. И вскоре многие мужчины уходят в боры добывать пушного зверя. Буртасские шубы из черных лис носят цари Хорасана, Испании, Магриба...

«Можно будет зело обрадовать Путятю Потаеновича», — думал Святослав, усмехаясь.

Истр встревожился: не собирается ли князь закидать буртасов шапками? Припугнул:

— Народ не хлипкий. Иные охотники ходят на медведя в одиночку. В снегу спят... Телом многие дородные. Свиной держат. А женщины у них на верблюдах ездят. Вер-

блюд у буртасов больше, чем лошадей. Одежды у них верблюжьи да звериные. Никаких морозов не страшатся.

— Велика ли слава бить немощного? — усмехнулся князь. — Буртасы по мне.

Посмотрел на Истра весело:

— А у тебя душа не робкая?

— Я — варяг, — насупился Истр.

— Быть воином — еще не смелость. Отважишься ли снова пойти к буртасам, к их князю, и так сказать: «Святослав хочет идти на тебя».

— Прикажи, князь!

— Неделю гуляй, потешь себя, как душе твоей угодно, а там и в путь.

Свенельд заволновался, переглянулся с Вышатою, с другими боярами.

— Дозволь слово молвить, великий князь.

— Говори.

Воевода встал, подвигал густыми бровями, изобразил, будто что-то взвешивает на ладонях.

— Святослав! Разве Асмуд не учил тебя, что напасть на врага враспloh — половина победы. Запрутся буртасы в своем городе, что будем делать? Осаждать? Каган того не потерпит.

Святослав уронил голову на плечо, вытянул руки, вытянул ноги, захрапел. Ударил ладонями по гривам золотых коней на подлокотниках:

— Убивать спящих? Я — не печенег. Я — Святослав. Даже самые подлые враги будут предупреждены мною о моем приходе.

— Но ведь тогда к твоим приходам будут готовиться.

— Трепеща.

— Кто нынче знает о Святославе?! — воскликнул в сердцах Свенельд.

— У первого крылья сгорят на огне, второй без огня волдырями покроется, меня ожидаючи.

— Но ведь это лишние потери!

— Честь превыше всего! Честь.

Сидели бояре, думали. Иная пришла жизнь. Долго ждали, дождались...

Хождение по ловищам

Ярополк загоревал, отправляясь с бабушкой. Молитвы заставит учить, книги читать. Сначала страхи его оправдались.

Приезжая в погосты, молились, где был храм — в храме, где была часовня — в часовне. На службах стоять приходилось по многу часов, кланяться, падать на колени. Но чем дальше, земля становилась безлюдней. Пробирались через леса к ловищам, где жили ловчие. Жизнь у Ярополка стала привольной. Ловчие брали княжича проверять силки, поставленные на дичь. Показывали норы зверей.

Часть заготовленных зимой шкур охотники давали Ольге как дань, другую часть она покупала. Расплачивалась справедливо: хлебом, одеждой, оружием. Кто просил денег, давала деньги.

Однажды пришли к реке, веселой на отмелях, тихой, потаенной под сенью леса. Ольга поглядела на Ярополка заговорщицки и шепнула вдруг:

— Давай рыбки половим.

— А чем?! — удивился отрок, у них не было ни удочек, ни сети.

— Руками.

Дружину княгиня отправила лес рубить.

Сгорело от молнии село, княгиня явилась к погорельцам, как сама Божья милость. Приказала построить новое на новом, более пригожем месте.

Ярополк глядел на бабушку разиня рот.

— Руками?!

Ольга засмеялась, сбросила с плеч дорогую ферязь, разулась и вошла в реку.

— Раздевайся, раздевайся! — поманила внука.

Ярополк раздевался, а сам смотрел, как же это бабушка будет рыбу ловить?

Княгиня подбрела к тенистому берегу, завела руки под коренья. Затаилась. Перешла на другое место, на третье. И — плюх, плюх, плюх! В ее руках, хлеща хвостом, бился, извивался — налим. Бабушка шумно выскочила на берег, кинула рыбу в траву.

— Хорррош! Хорош! — завопил в восторге Ярополк. — Ух ты, рыбина! С аршин!

— Корзину неси, — сказала Ольга.

Ярополк принес корзину. Думал — рыбу складывать. Но бабушка пошла с корзиной в реку.

— Видишь, травка на отмели? Я корзину поставлю, а ты рыбу загоняй.

— Матушки вы мои! — ахнул Ярополк, когда бабушка ловко подняла корзину. На плеск и пляска. Попалось два больших окуня, полдюжины красноперок, язишка.

Потом ловили пескарей на мели. Таскали раков из нор.

Сами сложили костер, сами рыбу почистили. Бабушка бросила в уху листья смородины, целый пук трав.

Такой вкусной ухи Ярополк никогда еще не едывал.

За три дня дружина поставила сорок пятистенных срубов вместо былой дюжины избенок. Ольга отделила старших и средних сыновей. Четыре избы отдала молодым семьям. Обновленную весь одарила церковкой и оставила иеромонаха приготовить людей к крещению, крестить и преподать им Слово Божие.

Из лесов княгиня и дружина снова вышли в степь, к ловищам, где инородцы, получившие от Ольги защиту и землю, берегли от истребления туров. Инородцы эти были ассами.

Для великой княгини благодарное племя поставило огромный белый шатер. Пол в шатре выстлали белоснежными кошмами.

Нашелся для княгини стол и стул. Все остальные пировали на полу. Ярополка посадили рядом с ильком.

День был постный, еда мясная, но княгиня угощением не побрезговала, отведала от каждого блюда.

Два певца пели славу вещей царице славян и руссов, а когда трапеза завершилась, старейшины поднесли спасительнице турий рог, оправленный золотом. В тот рог был помещен другой рог, с крышкой, наполненный целебным бальзамом.

Княжичу подарили коня, седло и саблю, с тяжелым, для разящего удара, концом.

Вечером гостей повезли в степь смотреть туров.

С холма вид открывался на все четыре стороны. Петляли змейки речушек, кучерявились островки кустарников, рощ, темными морщинами пересекали землю ровные борозды оврагов, будто кто с сошкой прошел. С великой сошкой, понукая богатырскую Сивку-бурку.

Разглядели стада туров. Золотисто-бурые пятнышки на зеленом.

Ольга поклонилась ильку и старейшинам:

— Спасибо. Бережете дивного зверя.

— Покуда в Киеве есть хозяин — турам приволье, — ответил улыбчивый ильк.

Ольга вздохнула. Ей стали рассказывать, как приходится все время быть настороже. На целебные туры рога ловцов множество.

Ярополк сначала слушал, а потом на облако загляделся. Почудилось: не туча грозовая катится краем неба — то человек в шлеме на коне. Голову дрема клонит. Щит за спиной, хвост у коня по ветру летит. Грива тоже полощется.

«Уж не Святогор ли?» — подумал Ярополк, поглядывая на взрослых.

Все были заняты беседой, каждый хотел что-то сказать великой княгине.

— Не видят, — прошептал Ярополк. — Одному мне показался.

Утром простились с оберегателями туров, поехали к ловищам, где добывали выдр и бобров.

Здесь один из ловчих пригласил великую княгиню и княжича есть медвежью голову. Медведь повадился драть коров, пришлось убить безобразника.

Медвежью голову поставили на широкий, с хороший стол, пенек. Вокруг пенька усадили великую княгиню, княжича, остальные места заняли сам охотник и его сыновья. Угощение раздавал глава семейства. Это он убил огромного зверя.

Первый кусок — княгине, последний — самому младшему — Ярополку. Начали с языка, кончили мозгами.

К искусно снятым медвежьему носу и губам пристроили ремешок. Сначала «маску» примерил охотник, потом его сыновья. Каждый из них, нарядившись медведем, и

ревел по-медвежьи. Предложить маску великой княгине охотник не осмелился, но она сама протянула руку, а надевши на себя нос и губы, посвистала бурундуком, изумив охотничью семью знанием обряда.

Ярополк тоже медведем нарядился, тоже порычал, поревел.

Охотничья семья провожала Ольгу как родную. Хозяйка поднесла кошель с целебными травами, хозяин — медвежьей желчь, а младшая девочка кузовок с костяникой.

У Ярополка даже слезы закапали: так его тронула любовь лесных людей к его мудрой бабушке. Но не отъехали они от ловища и трех верст, вышел к ним из леса волхв с бородой до земли.

— Отступница! — закричал волхв и ударил в землю высоким трезубцем с головами хоря, змеи и совы. — Ты отреклась от заветов пращуров, от богов чистого огня и чистой воды, ты поклонилась, безумная, чужеземному Богу.

— Да благословит тебя Творец неба и земли, дня и ночи, всего видимого и невидимого, — отвечала Ольга, осеняя себя и внука крестным знамением. — Да смилостивится над тобою Господь мой Иисус Христос.

— Отступница! Отступница! Отступница! Я проклинаю день, когда тебя зачали родители твои.

— Да благословит Господь носящего меня, грешную! — воскликнула Ольга, отдавая земной поклон неистовому волхву.

— Ты прельстилась золотом храмов мерзких византийцев! — Волхв поднял и сломал трезубец над своей головой. — Знай! Твой всемогущий Бог не спасет хитроглазых греков от гибели. Истребятся их золоченые храмы, их слава будет лежать в пыли под ногами пришлых... Ты свечи жжешь перед Распятым, но вымоли хотя бы лишней год жизни своим внукам. Их дни сочтены.

— Господи! — Из глаз Ольги полились слезы. — Господи! Смилуйся над ложнопророчествующим! Не ведает, что говорит его язык.

Стражники окружили волхва, но княгиня решительно повела рукой:

— Не прикасайтесь к язычнику! Он, бедный, держит душу в потемках. Прячется от людей, от света. Да простит его Господь, ибо от рождения не знает правды. Пробудись, старче, от сна заблуждения! Пробудись — и прозреешь.

— Я прозрею, а ты — никогда! — Волхв бросил под колеса повозки остатки трезубца. — На тебя надежды, княжич! Прими.

Подошел, положил в руки Ярополка витой тяжелый рог канувшего в небытие единорога. Поклонился до земли. Отпрянул. Скрылся за деревьями.

Ольга отирала глаза, а слезы лились да лились.

— Почему ты его не убила? — сердито спросил Ярополк.

— Ты говоришь как язычник! — И замахала руками на воинов: — Не видели, как слезы капают? Езжайте! Езжайте! Дорога лечит от печалей.

Братья

В Будутино, в родовом имени Ольги, княжил сын рабыни Малуши Владимир Святославич. Княжил так, будто в Киеве сидел. А было тому правителю почти уже пять лет.

Каждый день Владимира сажали на высокий позлащенный дубовый стул, и Малушины тиуны докладывали ему о делах, а княжич, взглядывая на дядьку своего, на уя Добрыню, принимал решения. Добрыня улыбнется, Владимир — просияет. Добрыня нахмурится, Владимир скажет: «Нет! Не так!» — и решит дело иначе. А если опять промахнется, то думать будет долго, что-то обязательно придумает, но воли своей уже не объявит: «По мне надо вот как сделать, да вы сами думайте».

Малуша боялась, как бы об этих играх в Киеве не узнали, но Добрыня стоял на своем:

— Пусть знают. Пусть Ярополка да Олега тоже приучают к делам.

Иной раз уй предлагал племяннику вопросы зело мудреные.

— Вот собрали смерды урожай и стали думать, как быть с твоей княжеской долей,— говорил Добрыня, поглаживая усы.— Если ты возьмешь свою долю сполна, хлеба смердам на весь год не хватит. Уже в сечень станут голодать, пойдут побираться, а то и к твоему двору прибегут, сначала просить, а потом с дубьем да с огнем. Заберешь ли ты у смердов свой хлеб или пожалеешь бедных?

Владимир знал: спешить с ответом не следует. Чего бы лучше, если все будут сыты, довольны. Но вопрос уя с подвохом.

Владимир молчал, не зная, как угодить Добрыне. Тот помог племяннику:

— О чем ты думаешь, княжич?

Владимир поскреб ноготками золоченые подлокотники.

— Думаю, хорошо, когда все сыты.

— Верно, хорошо,— согласился Добрыня.— С е г о д н я хорошо, когда хлеб не кончился.

— Сегодня? — переспросил Владимир.

Блеснула мысль: сегодня хорошо, а завтра? Завтра — это весна. Если смерды съедят весь хлеб, нечем будет засеять поля — беда выйдет пострашнее.

— Князю надо взять свою долю сполна,— сказал Владимир.— Чтоб запас был. На семена... А то еще осада может случиться...

— Ладно,— согласился Добрыня.— О семенах, о весне ты не забыл. О черном дне тоже помнишь... Ну, скажем, черный день — вот он! Дождей весной не случилось, хлеб солнце сожгло. Один колос вырос, а десять нет. И пойдут по твоей земле, княже, нищие, голодные. А у тебя житницы полным-полны. Откроешь ли ты их для своего народа? Перемрут — не скоро новых работников народят. Великий князь потому и велик, что людей у него много. Народу. Так откроешь житницы-то свои?

Владимир снова почуял ловушку, сунул палец в рот, покусывал.

— Не открою!

— Так ведь помирать будут.

— Я дам хлеба, но помалу... Пусть кору едят, лебеду...

- Почему же ты народ досыта не накормишь?
— Два года плохих — жди третьего, самого худого.

Сам так говорил.

— Говорил, а ты запомнил. Добре! Ну, вот грянул третий год кручины. Люди голубей съели, собак, кошек тоже съели, крысами не побрезговали... И пожалуют в твой город купцы, привезут хлеб, станут торговать уж так дорого, что люди самих себя будут продавать, лишь бы от смерти спастись... А у тебя хлеба много...

— Я открою житницы! — крикнул Владимир.

— А по сколько за хлеб возьмешь?

— Ни по сколько! Даром! Чтоб не умер народ, чтоб не убыл.

— Молодец! Заодно и купцов, захотевших на беде нажиться, на ум наставишь. Прогорят как миленькие.

...О приходе великой княгини Добрыня узнал всего за день. Золоченый стул спрятали.

Встречали Ольгу за околицей. Поднесли хлеб да соль, путь к родному дому устлали новехонькими дорожками.

Здесь, на околице Будутино, Ярополк и Владимир, братья по отцу, увидели друг друга в первый раз.

Владимир — в красных сапожках, в колом стоящей золотой парчовой ферязи, в собольей шапке с золотым пером, с перстнями на каждом пальце — выглядел василевским, явившимся в русскую глушь из парфироносного Царьграда. А вот прибывший из стольного Киева Ярополк, наследник княжеского венца, даже принаряженный ради торжества, выглядел деревня деревней. В серой однорядке, с красным кантом по вороту, по рукавам, в суконной шапке, тоже серой, под стать однорядке, в темных чунях... Из всей одежды — ферязь была цветной, нежно-розовой, с розовыми прозрачными луговицами.

— Багрянородный, да и только, — засмеялась Ольга, разглядывая Владимира.

Поискала глазами Малушу.

Широкий Добрыня заслонял собою половину родни, но Малуша, скромница, умница, стояла не впереди народа, а с народом, среди деревенских баб. Никаких соборей для такой стати не надобно: белоснежная одно-

рядка с серебряным шитьем и нежно-розовое платье с розовой драгоценной запоной. Покосилась Ольга на Ярополка: любимый внук одет как любимая рабыня. И тут увидела: на груди у Малуши — крест, подарок василевса Константина.

Потеплело сердце: не таит христианка своей веры, а ведь живет среди язычников.

Ольга подошла к Владимиру, нагнулась, поцеловала в румяную щеку.

— Глаза-то у тебя древлянские!

Владимир смотрел на бабушку в упор, сунул палец в рот. Бабушка улыбнулась, засмеялась, и внук просиял — карими, с солнцем на донышке.

Ольга быстро глянула на Малушу, а у той по лицу слеза катится.

«Ишь, чего вздумала! В себе надо слезы держать. Народ смотрит!» — взглядом, как в былые времена, покорила ключницу.

Народ и впрямь глазел и ждал.

Ольга взяла Ярополка за руку, взяла крошечную, в перстнях, ручку Владимира — соединила братьев.

Тут уж не только Малуша — вся весь не сдержала радостных слез: великая княгиня жалуется рабыниного внука, признает за родню.

Добрыня поклонился Ольге истово и простодушно, а княгиня Добрыню похвалила:

— Вижу, не худо живет народ. Спасибо за радение.

— Малуша о достоянии твоём хлопочет, — сказал Добрыня правду. — Я — внука твоего ращу. Вот коли он явит тебе свою сметливость да коли похвалишь его за всякое знание, то моя награда.

— День нынче добрый, но уж очень жарко! — сказала Ольга, покосившись на порфиру меньшого своего внука.

И пошла к людям, целовать да здороваться с дальней родней, с соседями, с сельчанами. Ольгина простота утешила народ.

Малуша государыне в ноги повалилась. Ольга подняла дивную свою ключницу. Поцеловала.

— Не твой был грех. Божья воля свершилась. Мой гнев — греховный. В том и каюсь перед тобою.

Хотелось Ольге поплакать с Малушей наедине. Но народ, обрадованный родственной лаской великой односельчанки, позвал драгоценную гостью почтить пир на весь мир.

Погода не хмурилась. Люди вынесли столы на широкую улицу. Поставили снедь, хмельной мед, шипучую брагу, будутинский, настоящий на хмелю да на семидесяти травах квас. Помянули прашуров, спели «Славу» великой княгине, и христианка Ольга никому ни в чем не перечила.

Братья сидели на том пиру рядом.

— Ты, говорят, на лодках плаваешь? — спросил Ярополк.

— Не на лодке, а на струге, — ответил Владимир. — Мы с Добрыней по всей нашей речке проплыли.

— А я по Днепру ходил на стругах. С отцом, с войском.

— У меня тоже есть войско.

— Велико ли?!

— Десять десятков! А воевать пойдут, побьют тысячу.

— Добрые у тебя воины, — согласился Ярополк добродушно. — У нашего отца тридцать тысяч. Он на хазары поход пойдет. У хазар мой друг в плену — Баян. Певец. Он о моих походах будет петь.

— Ты его сначала из плена вызволи! — сказал Владимир.

Ярополк покраснел: перед дитятей расхвастался. Сидеть рядом с братцем стало в тягость, но тут, отдав черед пиру, Добрыня испросил у Ольги позволения и повел Ярополка с Владимиром на реку, на струге кататься. Ярополка сопровождал начальник Ольгиной дружины воевода Претич.

Струг у Владимира был — диво дивное! Так игрушки мастерят. Шесть весел в ряд — всего двенадцать. Крутогрудый, узкий, всего в сажень. Высокий. Гребцы под палубой сидят. Щегол для паруса посреди кораблика. Парус алый, шелковый. На носу — лев. От кормы до носа — летящие журавли.

Взошли княжичи с Добрыней и с Претичем на корабль, ударили гребцы веслами, а товарищ кормщика парус развернул.

Полетел струг не хуже журавля. Тут и вспомнились Ярополку бабушкины слова:

— Хорошенько, внучок, гляди на землю моей веси — то земля, данная нам от Бога. На людей смотри со вниманием — ты зернышко доброго племени. Они — твои, а ты — их. Большого счастья у князей не бывает, если народ чтит сидящего на золотом месте своим. Во все глаза гляди на людей, тебе они такая же родня, как и Владимиру.

Отрок не очень-то знал, как во все-то глаза глядят. Пошурился, потарачился и забыл бабушкин совет.

Владимир будто подслушал мысли старшего брата:

— Здесь все слушаются моего слова!

— Это земля бабушкина, — возразил Ярополк. — Я здешним людям тоже родной.

Владимир глянул исподлобья, отвернулся.

— Твоя матушка из древлянской земли, а мой друг Баян тоже из древлян, — сказал Ярополк, желая угодить брату.

— Нас к древлянам боятся отпустить, — сказал Владимир. — В Киеве сидят одни варяги.

— Варяги — бьются как львы. У меня есть друг. Его Варяжко зовут. Он хороший.

— Моему ую Добрыне нет равных ни на копьях биться, ни на мечях, ни на топорах. Он — богатырь.

Ярополк опять нашел мирные слова:

— Вот ему и надо идти на Хазарию, чтоб никогда уж больше не жгли веси, не уводили наших людей в полон.

— А ты в бабки умеешь играть? — спросил Владимир.

— Умею.

— А у меня бабки в серебро оправлены, а биты тоже в серебре. Как крыло лебединое.

— У меня есть чучело лебеда. С теленка!

— Таких лебедей не бывает.

— Бывает. Я тебе покажу.

— А у меня — чирий! — Владимир победоносно закатал штанину.

Чирий сидел под коленкой.

За детьми, стоявшими под парусом, наблюдали с кормы Добрыня и Претич.

— Посмотри, какие строгие лица у княжичей,— сказал Добрыня.— Совсем малые ребята, а говорят, видно, о княжеских делах.

— Князьями они будут, детьми бы им побыть подольше,— вздохнул Претич и перекрестился.

— Ты христианин? — удивился Добрыня.

— Я служу великой княгине Елене.

— Что за Елена такая?

— Се Ольгино крестное имя.

— Святослав-то небось смеется над вами?

— Святослав смеется,— согласился Претич и показал на берег: — Не нам ли это машут?

— Должно быть, нам.

Добрыня приказал пристать к берегу.

— Не ведаете ли, где великая княгиня Ольга? — спросил гонец.

— Ведаем,— ответил Претич.— Что в Киеве стряслось?

— В Киеве все спокойно. Великий князь Святослав зовет свою матушку великую княгиню Ольгу воротиться в стольный град и править городами да весями по-прежнему.

— Уж не знаю, рада ли тебе будет великая княгиня,— сказал Претич.— Езжай в Будутино.

— Поворачивать? — спросил Добрыня воеводу.

— Поворачивай. Ольга на сборы зело быстрая.

Владимир вдруг шепнул Ярополку:

— Как вы с бабкой уйдете, я снова буду на золотом стуле сидеть.

— Тебе бы только нос кверху драть. Ты думай, как избавить Русь от хазар.

— Много ты чего придумашь! — огрызнулся Владимир.

— Придумаю. Не твой, мой друг в неволе.

Смертельное состязание

Город Итиль готовился к великому событию: к очередному выходу кагана.

Выходы совершались четыре раза в году. Ради торжества и дабы не оскорбить взоров священного повели-

теля, глинобитные ограды домов подновляли, белили, убирали с обочин облезлые юрты, дорогу поливали водой.

Раннее тепло, невероятное по времени цветение изумило народ Хазарии. Многие откочевали в степь, но каган ждал прихода месяца нисана, когда ему разрешено оставить стольный город.

Шествие открывал слон — гордость кагана. Слона привели из Индии. Это был редкий, белый слон. Его налобник, сплошь усыпанный мелкими драгоценными камнями, пламенел ярко-зелено, ярко-огненно, как небесная звезда. В золоченом павильончике сидели самые могучие витязи Хазарии. Их было семеро.

За слоном шествовала тысяча верблюдов. На верблюдах почетные заложники дружественных стран. Заложников, впрочем, было не много, и на верблюдах ехали телохранители и слуги кагана.

За колонной верблюдов бежали скороходы с бурдюками. Эти еще раз поливали землю.

За скороходами выступали факелоносцы. Их было девяносто девять. Они несли очистительный огонь. Потом вели белого коня кагана, в белой сбруе, под белой попоной, в жемчуге и в алмазах. Алмазами были убраны даже копыта священного скакуна.

Наконец дюжина лошадей везла золотую колесницу, устланную самыми прекрасными коврами. В колеснице, под небесно-голубым балдахином, пребывало Счастье великой Хазарии — каган Иосиф.

За колесницей кагана двигалась малая колесница, запряженная тремя лошадьми, а в ней псалмопевец.

И только через милю шло войско: десять тысяч конницы.

Все оставшиеся в Итиле люди вышли из домов, чтобы приветствовать кагана, но перед золотой колесницей падали ниц и могли подняться с земли, когда колесница скрывалась из виду.

Кантор ради шествия научил Баяна двум псалмам Асафы: «Ведом в Иудее Бог; у Израиля велико имя Его...» и «Глас мой к Богу, и я буду взывать...».

Баян пел один псалом, потом играл на псалтири и через некоторое время пел другой.

Когда шествие поравнялось с дворцом первой царствующей жены кагана, Баян вдруг услышал крик радости, голос, который он узнал бы из тысячи голосов:

— Ба-а-а-ян!

— Ма-ма! — крикнул он, озирая коленопреклоненную толпу.

Власта вскочила на ноги, но ее, спасая, перехватили, силой прижали к земле.

— «Ты — Бог, творящий чудеса!» — пел Баян ликующим голосом, и псалтирь радовалась чуду каждой струной, каждым звуком.

Шествие было долгим, в тот день слуги кагана не обедали, зато вечером — пир. Баяну пришлось много петь, на еду он только поглядывал. А потом и забыл про голод: пел песни Власты, матушки своей ненаглядной.

Пир затянулся за полночь. Пошли пляски. Съел Баян холодную перепелку, бедную птаху, попавшуюся в чьи-то хитрые силки, прикорнул в уголке, заснул.

Его разбудил седоусый витязь Догода.

— Приморился?

Баян смотрел невидящими глазами. Ему приснилось, будто идет он с матушкой через кипрей, и объяло его розовым пламенем с головы до ног.

«Се тебе от прашуров», — сказала Власта.

— Баянушка! — погладил отрока по тонкой шее добрый Догода. — Ты и не поел как следует. Поешь да спать ступай. Уж очень ты хорошо пел сегодня.

— Я матушку видел, — сказал Баян.

— Это добрый сон.

— Я наяву матушку видел. Когда мимо царицыного дворца проходили, она позвала меня. Догода! Скажи, как мне с матушкой повидаться?

— Найдем твою матушку.

— Ее зовут Власта.

— Найдем... Тут другая печаль. Как тебя из дворца вывести... Что-нибудь да придумаем.

Пока телохранители кагана искали Власту, чья она рабыня, судьба сама обо всем позаботилась.

Дивного псалмопевца пожелала послушать владычица женского дворца царица Торахан. Она была из рода Ашинов.

У кагана было двадцать пять жен, от каждого подвластного народа по одной. Наложниц не считали. Из добычи кагану выделяли его часть, и если среди рабынь оказывалась красавица, ее помещали в гарем священного правителя.

Торахан была моложе кагана всего на два года, но сохранила красоту и поражала стройностью даже совсем юных жен Иосифа. Не имея возможности править царством, она властвовала над евнухами, над женами кагана и над самим Иосифом.

Торахан прислала Баяну платье, в котором желала его слушать. Голубую салту — очень короткую, выше пояса, куртку; просторные шелковые шаровары, тоже голубые, вишневый широкий кушак, вишневые чеботы, вишневую шапку и нежно-зеленую, как весенняя дымка, шелковую рубашку. Одежду доставил евнух, у которого был наказ обучить псалмопевца древней тюркской песне

Огромного роста, величавый на вид, евнух заговорил высоким детским голосом. Баян не сумел скрыть изумления, и евнух сказал ему:

— Меня лишили мужского достоинства в детстве, чтобы сохранить мой голос. Твой голос тоже необходимо сохранить.

Баян не очень-то понял евнуха. А тот был в восторге: слова песни и мелодию отрок запомнил с одного прослушивания, пел по-соловьи.

В царицын дворец, а это был целый город за высокими стенами, юного псалмопевца повезли после полуденного отдыха.

Торахан, пообедав жеребенком, перегрузила желудок. Ей приснилась гора, которая сошла с места, перекочевала в Белую Вежу, на ханское стойбище, и всех задавила.

Проснувшись, царица велела подать «Гадательную книгу». Первый раз выпало доброе пророчество:

Что за юрта посреди степей?
Что за дымник, что за дым над ней?
Как она красива и легка!

Прочные веревки и шесты
Крепко держат юрту на земле.

Второй раз — худое:

Два быка в одном ярме.
Им и двинуться нельзя
И не сдвинуться нельзя .

Торахан погадала в третий раз. И сказала ей книга:

В трясину угодив, верблюд старался есть
Траву вокруг себя, потом пришла лиса —
И стала есть верблюда самого ..

И это — очень плохо, говорят

Царица огорчилась, приказала привести шаманку Серехан. Шаманка перечитала пророчества в «Гадательной книге», дважды выслушала рассказ о приснившейся горе, задумалась, попросила позволения приготовиться к волхвованию.

В это время привезли Баяна.

Настроение у Торахан было самое дурное. Усмехнулась зловеще:

— Подайте мне эту птичку!

И принялась скрести ногтями по кожаной рукояти древнего китайского зеркала.

Баян не ведал о царицыных печалях, он привык к тому, что все его любят.

Палата, где Торахан забавлялась и принимала гостей, подавляла убранством. Прежде всего — стеной огня. Возле этой стены лежал череп величиной с юрту. Это был древний допотопный зверь, а может, и рыба. По сторонам черепа стояли бивни, чудовищно могучие, от пола до потолка. Над черепом и по всей стене горело множество светильников.

— Мои звезды, — говорила Торахан. — Моя ночь.

Противоположная полуденная стена представляла собою «ливень света». Сказочной красоты драпировки, унизанные мелкими драгоценными камешками, блистали, меняя цвет.

На беломраморном возвышении в семь ступеней изумляло легкостью, совершенством форм белоснежное, с тонкой золотой каймою, ложе.

Восточная беломраморная стена была сплошь из окон. Западную занимала сиренево-золотистая фреска шествия царицы Торахан на белом слоне в сопровождении покорных Хазарии князей, ханов, ильков.

Пол царственного зала был набран из камня, белого, прозрачного.

Во время пиров пол застилали коврами, но пиры были редкостью. Торахан умела считать и беречь казну.

Баян, войдя в зал, пораженный белизной, блеском, сиянием, устремил глаза к потолку. Здесь один потолок был черный, из мореного резного дуба. Но что там — чешуйчатые рыбы или змеи, понять сразу не удавалось.

— Подойди! — услышал Баян резкий голос.

В голосе неприязнь и раздражение.

Держа обеими руками псалтирь и как бы заслоняясь ею, Баян подошел к возвышению.

— Говорят, ты всех поражаешь своим пением, как царь Давид?

Баян только крепче прижал к груди псалтирь.

— Отвечай! — гневно закричала Торахан.

— Я... не знаю.

— Ты до того размягчил сердце кагана, что он души в тебе не чает...

Баян поклонился:

— У повелителя повелителей, у царя царей доброе сердце.

— Ах, доброе! У меня тоже доброе, но попробуй угоди! — Торахан засмеялась. — Пой так, чтоб я заплакала. Не заплачу — берегись!

— Что изволит слушать повелительница повелителей и царица царей?

— Играй и пой что тебе угодно, да помни: твое спасение, твоя жизнь зависят от единой моей слезинки. Хотя бы от единой!

Баян не испугался, но такая пустота засияла в его сердце, что он опустил руки. Царица ждала, высокомерно

приподняв черные тонкие брови. Пауза получилась долгая: челядь возмущенно зашушукалась.

Баян тронул струны. Объявил:

— «Плачевная песнь, которую Давид воспел Господу по делу Хуса из племени Вениаминова».

Заиграл, наполняя зал звуками, запел тихо, равнодушный к тому, что его ждет.

— «Господи, Боже мой! На Тебя уповаю; спаси меня от всех гонителей моих и избавь меня; да не исторгнет он, подобно льву, души моей, терзая, когда нет избавляющего и спасающего...»

И тут загорелось сердце у Баяна, понял — о себе молит Бога. Полетел голос птиц, а стены каменные, больно бьют по крыльям, огнем жгут:

— «Господи, Боже мой! Если я что сделал, если есть неправда в руках моих, если я платил злом тому, кто был со мною в мире, — я, который спасал даже того, кто без причины стал моим врагом, — то пусть враг преследует душу мою и настигнет, пусть втопчет в землю жизнь мою и славу мою повергнет в прах...»

Торахан слушала, как хищная птица, подняв и повернув голову. Профиль у нее был красоты дивной, грозной.

Голос отрока, не знающий предела, чистый, светлый, поразил царицу, но она ненавидела иудеев, ненавидела их веру. Прослушав несколько псалмов, ударила в бубен.

— Довольно! Мои глаза остались сухими... — Снова ударила в бубен. — Эй! Слуги! На конюшню его. Дайте сто плетей! Возможно, меня тронут предсмертные клики...

Баян выронил псалтирь. Тотчас поднял ее, но один из евнухов вырвал инструмент, другой схватил отрока за шею, толкнул. И тут произошло неожиданное. Евнухипевцы дружно повалились перед царицей на колени, умоляя пощадить дивного певца.

— Отдай его нам! — кричали они тонкими голосами. — Он — наш! Такой голос надо сберечь. Сей голос — совершенство!

Торахан сделала знак, от Баяна отошли.

— Приведите его мать!

Дверь тотчас отворилась, и в зал вошла... Власта. Она вскрикнула, но евнухи обступили ее.

Царица объявила приговор:

— Даю тебе, псалмопевец, три попытки. Пой что тебе угодно, но знай: это твое прощание с матерью. Это, может быть, три последние в твоей жизни... песни.

Баян ударил по струнам, чтоб больше ничего не слышать... Три последние песни... Прощание с матерью... С жизнью...

Колыхнулись перед глазами заросли розово-пламенного кипрея. Запел:

Куличок-ходочок ходил за море,
А за морем жизнь диво дивное...

Власта разгребла прочь от себя жирных евнухов, слушала сына и смотрела, смотрела...

Коротка была песенка. Ах коротка! И тогда сломал Баян строй звуков. Забурлили струны, забубнили, ударили по ушам взвизгами, но запел он нежное, тихое, что в голову пришло:

Ох, одуванчик, одуванчик!
Зачем ты спешил пробиться к солнцу,
Когда на земле лежал снег?
Зачем пустил резные свои листики,
Когда омывали землю холодные ручьи?
Зачем, одуванчик, душа моя!
Расцвел золотой головой
Раньше всех на лугу?
Пришло время цветения,
А ты растерял свою красоту по пушинке.
Я последняя пушинка, и несет меня,
И бьет меня, и крутит меня!
Да вот уж некуда больше лететь...

Не поднимая глаз, Баян трогал струны. Звуки умирали на полувздохе, на полувзлете... Вдруг вспомнил песню, которую разучивал с евнухом...

Последняя так последняя!

Будто сокол взмыл — так взыграла псалтирь.

Будто земля задрожала под копытами мчащегося табуна. Запел Баян:

С вами, жены, — горе мне! — разлучился я.
С вами, дети, сыновья, разлучился я.
Сто родичей моих бились против ста
Диких яростных быков — горе! — умер я.
Скот четвероногий был — не считал его,
Восьминогий скот имел — не считал его.
Горя в жизни я не знал, а оно пришло —
Нет ни солнца для меня, ни луны.
Умер я — о, горе мне! — вашей жертвой стал.
От родни, колчана, стрел и от табунов
Отделился — от всего эля моего.
Отделившись от всего, я о всем скорблю.

— Она плачет! Она плачет! — закричала Власта.
И псалтирь снова выпала из рук Баяна.

Шаманка

Царица не пожелала отпустить певца. Для него принесли тув, посадили на первой ступеньке.

— Он — мое счастье, — объявила Торахан.

Пришла очередь шаманки.

Ей надлежало силой заклятий смыть темное пятно с лица судьбы Торахан.

Шаманка явилась в небесно-голубом платье — цвет древних голубых тюрок.

Руки обвиты живыми змеями. На голове шляпа-корзина, а в шляпе пестрая, как судьба, курица.

Принесли два толстых столба, поставили торчком. Водрузили на столбы жаровни. От благовонного дыма палата подернулась голубизною, словно ушла под воду.

Серехан ударила в бубен, стала ходить вокруг столбов, поднималась к ложу царицы, била в бубен над ее головою, востово вилась по-змеиному, и змеи вились на ее руках.

Серехан тяжело дышала, зрачки расширились. Двигаясь как во сне, она сняла с пояса тонкий, как змеиное жало, нож, сняла шляпу-гнездо, пустила курицу на пол, бросила горсть зерен. Курица, будто на дворе, принялась клевать, тихонько кудахча. Шаманка, ощупывая пространными руками, взяла из жаровни горсть пылающих углей, поднесла к курице и дунула на нее дымом. Курица оцепенела.

Серехан, словно угли не жгли ей руку, не торопясь подошла к столбу, стряхнула на жаровню угли. Вернулась к курице и вдруг резко, злобно наступила ей на шею. Раздался хруст. Баян вскрикнул. Курица распростерлась бездыханная, но шаманка зажгла от двух жаровен две свечи и подпалила курице крылья. Бедная пеструшка очнулась от смерти, кинулась бежать по просторной палате, забилась под голову зверя.

Тело Торахан затрепетало, начались корчи, но шаманка, не обращая на царицу внимания, нашла курицу, проткнула ей ножом горло и пригвоздила к столбу.

Жаровни были сняты, поставлены возле ложа. Шаманка подержала над огнем пятку правой ноги, поставила на голову Торахан, потом подержала над огнем левую пятку и левой пяткой встала на голову царицы. Изнемогая, дотащилась до столба, выдернула нож, и курица принялась ходить и клевать зерна. Серехан посадила ее на гнездо. И сама опустилась рядом. Вздремнула, но тотчас очнулась, согнала курицу с гнезда, гнездо перевернула... На пол высыпались разбитые яйца и живые, только что вылупившиеся цыплята.

Шаманка страшно закричала, схватила обеими руками горящие угли, сыпала на курицу, на цыплят. Курица помчалась, полетела к ужасной голове, а за нею полетели... желтенькие цыплята.

— Все! — сказала Серехан, срывая с рук змей.— Великая царица, ты спасена!

Торахан выглядела здоровой, веселой. Столбы, жаровни, курицу с цыплятами унесли, пол вытерли.

— Душа моя излечилась,— сказала Торахан.— Я это чувствую. Вот кто бы тело избавил от свербенья.

— Дозволь посмотреть на твою болезнь,— сказала Власта из толпы придворных.

Тотчас двое служанок закрыли царицу занавесью. Власта осмотрела больную. У Торахан на руках и на ногах были застарелые лишай.

— Это от какого-то зверя,— определила Власта.— За одно лечение избавлю от зуда, за шесть — пропадут. Но чтобы болезнь не повторилась, нужно двенадцать пользований.

— Лечи! — согласилась Торахан.

— Надобно собрать травы, изготовить снадобье.

— Так собирай, изготовляй!

— Но я — рабыня твоего повара.

— То — в прошлом. Повару за тебя заплачено.

Занавес убрали, и Торахан вспомнила о Баяне.

— Испытание твое было жестоким, но тебя хранит Бог. Я решила дать тебе в награду дом и рабыню, чтоб смотрела за домом. Твоей рабыней будет она.

И показала на Власту.

— Матушка?! — изумился Баян, но к нему подошли евнухи:

— Дозволенное время видеть повелительницу повелителей истекло.

Его тотчас повели смотреть дом, стоявший возле стены царицыного города. Дом был совсем крошечный, но с садом. Евнухи ввели хозяина в светелку и оставили.

Ни лавок, ни стола... Кошма на полу. Баян сел, не зная, что и думать.

И тут вошла Власта.

— Мама! — выдохнул Баян и припал к ее ногам.

Им не дали и слова сказать. Явились служанки, расстелили достархан. Подали горячий каймак, плов из курицы и тыквы. Сказали улыбаясь:

— От великой царицы ее любимая еда, с тайною.

Баян вдруг понял: нестерпимо хочется пить. Потянулся налить каймаку, но матушка опередила, наполнила пиалу.

Каймак был вкусный, приятно горчил.

— Плов я не хочу, — поморщился Баян. — С тыквой.

— Ты поешь. Плов с тыквой — любимое кушанье у хазар.

— Не хочу, — Баян замотал головой.

— А я поем, — сказала Власта, и голос у нее дрожал. — Я — голодна.

— Но ты была рабыней повара!

— Наш повар похваляется, что его рабы самые голодные в Хазарии.

Власта горсточки брала крошечные, но рука так и мелькала.

— Никогда такого плова не ела,— говорила она.— Ешь, а то мне стыдно. Я не могу остановиться...

Баян взял горсточку плова и почувствовал что-то тяжелое.

— Ты что?! — забеспокоилась Власта.

— Камень! — Баян сплюнул в ладонь.

— Бирюза! — сказала Власта.— Это тебе от Торахан.

Она поднесла шаманке блюдо, где жемчуга было больше, чем риса.

— Торахан — злая,— прошептал Баян.— Она — злая.

Слезы текли неудержимо, обильно.

— Баян, сыночек!

— Ты — ешь,— сказал он.— Ты ешь, а я поплачу.

Дай мне поплакать. Я последний раз плакал, когда меня увозил Благомир.

И плакал, плакал. Смеялся через слезы и опять плакал. А Власта ела, мешая плов со своими слезами.

Судьба!

А поговорить им не пришлось. Явились посланцы от кагана: Баян был нужен во дворце владыки мира.

Пастушья ночь

Великий город Итиль стал как муравейник. Всполошились в одночасье и Ханбалык, и Сарашен, и город царицы, и город кагана. Пришло время летней кочевки.

Радовались хазары: кочевка для них праздник жизни, радовались остающиеся в городе — можно будет своей волей пожить. Радовались животные — их ожидали травы, травы, травы. Радовались рабы. В степи работой не уморят.

В пути каган ночевал и отдыхал в шатрах. Шатры ставили заранее. Один для обеда и для полуденного сна, другой для ночевки.

Рядом с каганом оставались только телохранители, постельники, повара, музыканты да Баян.

В первое утро каган Иосиф, послушав восемнадцатый псалом, радостно пропел строку:

— «День дню передает речь, и ночь ночи открывает знание...» Как мудро, как прекрасно! А про солнце-то, про солнце! «Оно выходит, как жених из брачного чертога своего, радуется, как исполин, пробежать поприще: от края небес исход его, и шествие его до края их, и ничто не укрыто от теплоты его». Пошли, мой псалмопевец, поглядим на это дивное хождение.

Шатер кагана стоял в изумрудном урочище. По широкой впадине бежало несколько ручьев, щедро поивших землю. Над урочищем, как ресницы, стояли сосны с обеих сторон. Паслись табуны коней, резвились ласковые жеребята...

В урочище стояли три дня. Потом откочевали в степь. Цвели огромные колючки, степь была серебристой от полыни. Трава кололась, но кони и овцы находили ее съедобной.

— Сегодня ночью я буду пастухом,— сказал каган Баяну.— Не хочешь ли стать моим подпаском?

— Хочу, повелитель!

Отара была на водопое, когда Иосиф и Баян, одетые в высокие сапоги, в серые длинные рубахи до щиколоток, приехали к чабанам.

Баян сделал для себя открытие: овцы совсем не бестолковые, как о них говорят.

Они подходили к длинному корыту строго в очередь. Воду подавали из колодца колесом, которое вращали кони с завязанными глазами.

Напившись, животные, влача огромные курдюки, возвращались к отаре и стояли, как воины, ожидая приказа. Это был настоящий строй.

Чабаны нагрузили двух верблюдов дровами, водой, сами сели на осликов и уехали в степь.

Иосиф и Баян остались с овцами наедине.

Огромное солнце замерло над землей, чтоб посмотреть напоследок, какой путь одолело за день, что совершилось хорошо, а что так и не успело произойти...

Последняя чреда овец напилась, и отара, никем не погоняемая, но ведомая умным козлом, тронулась в путь. Тотчас поднялись собаки. Строгая колонна отары, выйдя

на пастбище, рассыпалась вольно, но разбредаться поодиночке собаки овцам не позволяли.

У Иосифа в руках был высокий посох, а у Баяна — дудочка из ивы, чабаны подарили.

Иосиф время от времени останавливался, опираясь на посох, и озирает небо и землю. Потом вдохновенно шагнул, догоняя отару, высокий, седовласый. Лицо, посеребренное вечерним светом, было такое прекрасное, такое вечное!

Еще засветло перебрали мелкий, но широкий ручей.

Иосиф остановился на середине.

— В стране обетованной, Ханаанской, есть хрустальная река Иордан, — сказал он, положив руку на плечо Баяна. — Я никогда не был в благословенной Богом земле, но, как этот вот ручей, ясно вижу пресветлые струи Иордана. Вижу священников с ковчегом завета посредине реки, вижу стену воды, вставшую до города Адама, и другую часть воды, ушедшую из-под ног евреев в Соленое море. Это чудо Господь Бог совершил, возвеличивая Иисуса Навина.

Каган замолчал, слушая, как журчит вода, обегая сапоги. Указал посохом звезду на волне:

— Как дитя в зыбке... Ах, псалмопевец! Я столько лет ношу имя кагана... Столько царств и народов целовали пол перед моим престолом, но ни единого чуда не явил мне Саваоф. Ни единого... Отвергнут? А может быть, почтен?.. Посмотри на воду. Течет... Бежит... Так вот и жизнь... Солнце взошло, солнце зашло. Порадовала первая звезда, и вот уж звезд — как зерен пшеницы в житнице.

На берег реки выскочила огромная собака. Пришла пастухов подогнать.

— Теперь нам надо быть ближе к овцам, — сказал Иосиф. — Совсем уже темно... Ты поиграй!

Баяну не приходилось играть на дудках. Чабаны показали ему, куда дуть, как дырочки зажимать, и вся учеба.

Первая песенка получилась робкая, звуки шепелявили, походили на шепоты, но Иосиф похвалил:

— Тоскливо до сладости...

Шли молча.

— Пресветлый, премогучий! — пробормотал Баян, тыча рукою во тьму.

Светящиеся брызги застыли над землей.

— Светлячки! — сказал каган. — Это светлячки на ку-
стах.

Подул ветер. По светлячкам прошел трепет. Принесло удивительный запах.

— Ты чувствуешь? — спросил каган. — Это запах моей земли.

И засмеялся.

— Моей?! Поиграй еще...

Баяну удалось вывести высокую переливчатую мелодию. Каган сказал:

— Тоска с искорками... Бог остановил на небе солнце над Гаваоном и луну над долиной Аиалонскою ради Иисуса Навина, чтобы евреи могли сполна отомстить своим врагам... Увы! Мне нужно больше. Мне нужно, чтобы Господь остановил время, чтобы никогда не истек сороковой год правления моего... Играй!

Баян дул в дудочку, овцы хрустели травой. Тьма на земле сгущалась. Забегали собаки, но ни одна из них так и не залаяла.

— Зверя чуют, — сказал Иосиф.

— А там! Там! — Баян показал на побагровевший край неба.

— Да, что-то горит... Наверное, чабаны костер зажгли... Хорошо ли тебе, псалмопевец?

— Несказанно, повелитель!

— Несказанно, — согласился Иосиф. — Такой вот жизнью жили древние евреи. Такой вот немудрящей жизнью жил праотец Авраам. Бог дал ему бытия — сто семьдесят пять лет. И все эти годы Авраам ходил за своими стадами и жил в шатрах. Как же проста, как праведна была эта жизнь, если Бог был его гостем, ел и пил за его столом в образе трех ангелов! Ах, псалмопевец, тебе не понять, какое это счастье — родиться иудеем. Слава тебе, Саваоф, я от матери иудейки, я — обрезан. Сыграй веселое, псалмопевец. Жаль, что мы не взяли твою псалтирь. Ты играй, петь буду я.

Сначала Иосиф только тянул единый звук:

— О-о-о-о!

И был тот звук, как вой волка. Но когда растеклась душа по земле и объяла необъятное, пришли слова наконец, древние слова древнего царя:

— «Скажи мне, ты, которого любит душа моя, где пасешь ты? Где отдыхаешь в полдень? К чему мне быть скиталицею возле стад товарищей твоих?»

Голос певца сипел, хрипел — вороний карк, а не пение, но в этом безобразии было что-то притягательное. Отвечал на вопросы любимой Иосиф проникновенно:

— «Если ты не знаешь этого, прекраснейшая из женщин, то иди себе по следам овец и паси козлят твоих подле шатров пастушеских. Кобылице моей в колеснице фараоновой я уподобил тебя, возлюбленная моя».

И опять мучительное «О-о-о-о!» металось по степи, пока собраны были воедино слова заветные, завораживающие:

— «Прекрасны ланиты твои под подвесками, шея твоя в ожерельях, золотые подвески мы сделаем тебе с серебряными блестками. Доколе царь был за столом своим, народ мой издавал благовоние свое».

Пожар на краю неба обернулся луной. Красная, как родовая завязь в желтке, луна повисла над землей, огромная, как солнце, а света от нее было меньше, чем от свечи.

Собаки вдруг забрехали, кинулись в ночь, но тотчас вернулись.

— А ведь это волк! — сказал Иосиф.

У Баяна заглодало между лопатками.

Они увидели волка совсем недалеко от себя, на гребне холма. Луна уже поднялась. Появились тени, серебрилась паутина. Волк стоял неподвижно, как полководец, решивший посмотреть на свое войско.

Собаки умолкли. Они кишками чуяли — это великий волк, великое мгновение безмолвной встречи царей.

— Сыграй ему! — прошептал Иосиф.

Баян приложил к губам дудочку. Пронзительный звук, как стрела, вонзился в тишину. Волк поднял морду. И застыл. Не ответил.

Скоро впереди затрепетал огонек костра. Овцы прибавили шагу. Они насытились и теперь спешили к огню, чтобы под его защитой постоять, подремать. Костра было два. В одном жгли сухую колючку. Огонь этого костра был яркий, белый. Другой костер уже погас, мерцал розовым жаром.

Пастухи постелили кошму. Усадили кагана, показали место, где мог сесть Баян. Подали кумыс, а сами принялись разгребать жар и достали из-под золы огромную лепешку. Положили на польнь, чтоб остыла, обмели, принесли на подносе на кошму, нарезали длинными узкими полосками.

Лепешка была с молодой бараниной, с травами. Баян съел кусок и облизал пальцы. Ему дали другой.

— Еда? — спросил Иосиф, улыбаясь.

— Еда!

— Маленькие радости кочевой жизни... — улыбнулся чабанам. — Бог дает?

— Бог дает! — сказали дружно чабаны.

Каган запил еду кумысом, отвалился, порыгивая, показывая, что сыт и доволен, а Баяну сказал:

— Мои предки — люди шатров и воли. Ты слышал, как я пел песни царя Соломона. Что может быть слаще стенаний возлюбленного и возлюбленной? Было ли под солнцем, под луной что-либо более жгучее, чем страсть евреек? А сама жизнь этих опоенных свободой людей? Сорок два года водил Бог евреев по пустыне, чтоб умерли все, кто помнил рабство! И умерли! Есть ли где ярость, равная ярости евреев? Иисус Навин торжествовал победу над пятью царями: иерусалимским, хевронским, иармуфским, лахисским, еглонским, приказал воинам пройти ногами по шеям покоренных владык, чтоб насладился властью каждый, кто добывал победу, и только потом этих царей убили и повесили на пяти деревьях.

Померк второй костер, луна встала за облако, и на небе проступили три белые полосы. Полосы двигались, слились, и опять их стало три.

— Знамение, — сказал Иосиф. — О чем и с кем беседуют небеса?

— Знамена для царей,— сказал Баян.

— И для народов. Но о чем, о чем?! — И, вскинув руки, вдруг запел: — «Пришел я в сад мой, сестра моя, невеста; набрал мирры моей с ароматами моими, поел сотов моих с медом моим. Ешьте, друзья, пейте и насыщайтесь, возлюбленные!» Живи, пока не истекли дни твои! Живи! Ах, псалмопевец! Я не завидую детскому пушку на щеках твоих! Я прожил мою жизнь. Никому ее не повторить. Никому не дано! Как никто не повторит твоей жизни, псалмопевец. Я счастлив, что рожден евреем, ибо нет другого народа, кто был бы так возвеличен у Бога за веру и так унижен за отступничество. В пламени огня на терновом кусту Бог явился Моисею и говорил с ним! И сказанное — завет моему народу. Ах, псалмопевец! Тебе даже во сне не приснится неистовство, каким наделен мой народ. Имея от Бога дивную благодать, евреи водрузили на холмах идолы Ваала и предались подлой похоти. Все это истинно! Но ведь Илия, избивший жрецов Ваала и вознесшийся за подвиги на небеса в пылающей колеснице,— иудей!

Иосиф выплеснул остатки кумыса в костер.

— Се — Богу! — Посмотрел, приблизив лицо, в глаза Баяна: — Тебе захотелось родиться иудеем?

Баян кивнул головой, но сказал без печали в голосе:

— Но я уже родился. Я родился — славянином.

И бросил в костер колючку бесогона.

— Подремлем,— предложил каган.

Они валялись на одной кошме, их обдувал один ветер, но сон, короткий, тонкий, увидел каган и вскочил на ноги. Стоял, озирался...

— Приснилось,— сказал он наконец.

— Страшное?

— Ангельский чин.

— Ангелы, которые приходили к Аврааму?

— Ангел был один. Стоял вот здесь, за кострищем.

Я спросил его: «Ты — кто?» А он ответил: «Я — Аваддон». А ведь Аваддон — ангел-губитель.

Каган опустил на кошму и вдруг приказал:

— Лошадей! Отвезите меня в Белую Вежу.

Дележ добычи

Белая Вежа — город глинобитных домов и юрт... Загоны для скота, амбары для товаров, базары... Дворцы кагана, его старшей жены, кендер-кагана. И юрты, юрты. И шатры!

Общей стены не было, но были стены вокруг слобод, вокруг царского и царицына дворцов.

Баяна в Белой Веже оставили почти в одиночестве, но не забывали присылать к нему равви. Равви читал и толковал псалмопевцу «Пятикнижие пророка Моисея».

Однажды равви сказал:

— Гонят полон. Уроки наши откладываются до конца торгов.

О полоне говорила вся Белая Вежа. Полон ждали как манну небесную. Рабы — работники, рабыни — услада, а когда рабов множество, то это еще большой торг, большие деньги.

Нагнетая страсти, кендер-каган Арпад полон привел в город ночью. Ночью рабов выкупали в реке, а самых ценных — в банях.

Утром заиграли трубы, объявив изумленному народу, что полон в городе, смотрины и торг начинаются!

Кендер-каган Арпад наказал вятичей: неполно выплатили дань. Арпад прошел правым берегом Оки, забирая в полон молодых мужчин и женщин, отроков, отроковиц и еще ремесленников. Этим брали подряд, старых и малых, лишь бы кузнец, шорник, плотник.

Первыми смотрели рабов евнухи кагана Иосифа. Для гарема была взята только одна совсем юная дева с едва-едва набухшей грудкой, два резчика по дереву и семеро могучих, громадного роста, мужей пополнить дворцовую стражу.

Вторыми выбирали рабов, платя за них воинам, — алхазары. Алхазары — белые хазары — несли самую престижную службу. Были сборщиками налогов, дани, десятины с товаров, начальниками всяческих государственных канцелярий, наместниками всех девяти климатов Хазарии. Белые хазары отличались от черных хазар, карахазар, не только цветом лица и волос, богатством,

знатностью, но и кровью. Карахазары были тюрки, алхазары — иудеи.

Баян отправился на базар с витязем Догодой и еще с десятью воинами дворцовой стражи. Воинов направили смотреть за порядком, пресекать бесчинства.

Алхазары взирали на рабов и рабынь с величавой небрежностью. Но товар был очень хорош. Возле иных дев собиралось по несколько человек. Изумлялись достоинствам, щеголяли друг перед другом верностью глаза, находя малоприметные изъяны.

Более всего тонких ценителей привлекали мальчики и несозревшие девочки. Мальчиков можно было перепродать восточным купцам для гаремов. Гаремы мальчиков были достоянием самых богатых и самых утонченных вельмож и купцов. Девочек алхазары оставляли себе иногда ради спора. Знатоки красоты любили предсказывать, как цветы раскроются из едва-едва намеченного буточа.

Смотрины кончились. Вот тут-то Баян и увидел, много ли стоит важная осанка и красота лица.

Наметив приглянувшегося раба, рабыню или ребенка, алхазары сначала приценились к тому и к другому, не выдавая своего желания. Наспорившись о цене богатыря, указывали на красавицу деву. Опять шел спор до ругани. Наконец, изнемогши, алхазар снова вяло говорил о богатыре и, махнув рукой, тыкал в отрока и тотчас платил половину запрошенного. Снова вспыхивала перебранка, и наконец купля совершалась за три четверти умеренного запроса.

Иные покупатели для совета подзывали своих жен. Советчицы совести не ведали. Могли схватить раба за мошонку и, таская туда-сюда, кричать на торговца:

— Ты хочешь за него как за быка, а он — теля недоношенный!

Тихонечко, да только всему торжищу было слышно, как девочка, совсем ребенок, жаловалась матери:

— Мама! Мама! Они за срам меня хватают. Мама! Мама!

Мать была на соседнем помосте.

— Терпи, дочка! — отзывалась мать. — Ты уж терпи!

У Баяна глаза засверкали, дернул Догоду за руку
— Они — наши Они — славяне.

— Вот и надо было стоять за себя.— Догода отер пот со лба.— Стоять, говорю, за себя надо! В бою.

— Мама! Мама! — снова закричала девочка.

Дебелый алхазар купил ее, и слуги сначала повели кричащую отроковицу, потом поволокли, но хозяин рассердился, отлупил слуг, и тогда девочку подняли и понесли.

А перед Баяном так и встала Синеглазка. Головой затряс. Глянул на Догоду, на его могучих воинов — ненавидя.

Воины насупились, отворачивались от Баяна, а Догода вдруг сказал:

— Нечего тебе очами-то крутить. Смотри да запоминай. Наше время придет.

Тут на торжище пустили карахазар и немного погодя всех охочих до торга людей: мусульман, христиан, манихеев, диких кочевников, поклоняющихся кто Тенгри, а кто детородному члену...

Догоде и его десятку пришлось окружить помост, где продавали девицу — Золотая Коса. Уж очень большая, очень скандальная толпа торговалась с воином, получившим на дележе эту пышногрудую, пышнозадую и ахти престоликую деву. Но коса! Коса!

Золотистая, толстая, ровная коса сбегала по белому как снег телу и лежала у ног на куске кошмы, сложенная тремя широкими кольцами. К деве приценились алхазары, но воин сказанул такую цену, что его подняли на смех, а «товар» перестали замечать. Да вот глупые карахазары уловку умных не поддержали. Охотников до Золотой Косы все пребывало: гузы, персы, болгары.

Воин, продававший Золотую Косу, был в летах преклонных. Он знал: набег на вятичей — его последний большой поход, потому и просил дорого за рабыню.

Вдруг явился на торг известный боспорский торговец иудей Фарнак. Не задумавшись ни на малое мгновение, отсчитал серебром сполна просимые воином деньги и, сделавшись хозяином товара, тотчас повысил цену вдвое.

Хорезмийские купцы-мусульмане решили купить деву в складчину, в подарок эмиру Мамуну. Пока собирали деньги, рыжий кипчак Сонкор предложил Фарнаку на треть больше, чем собирались заплатить хорезмийцы.

Наблюдавший за торгом Дукака, сотник у черных хазар, не стал искушать свое счастье, назвал тройную цену и вонзил меч перед Золотой Косой.

— Моя!

— Что шумишь? — сказал хитроумный купец Фарнак. — Давай деньги, забирай товар.

Дукака послал своего сына, и тот принес деньги, три волчьих шубы и всю дорогую посуду, какая нашлась в доме. Оказалось — мало. Над карахазаром стали смеяться алхазары. И Дукака сам пошел домой. Привел трех дочерей, юных и нежных.

— Довольно будет с тебя? — спросил Фарнака.

Фарнак подумал и вернул Дукаке одну шубу.

Продавать родных детей у черных хазар — за обычай, но чтоб разорить дом и семью ради рабыни — то было диво. Но Дукака не горевал:

— Мой дом — шатер. Жены родят девок, овцы родят ягнят, меч добудет казну.

Накинул на плечи Золотой Косы волчью шубу и увел с торжища. А конца ему не было.

На другой день пригнали полон печенеги: угров, болгар, но более всего полян, древлян, угличей, волянн...

Продавали дикарски. Хватали рабынь за груди:

— Во какие!

Раздвигали лапами влагалища:

— Кому — маленькая? Кому — большая?

Навзрыд расплакался Баян. Ведь так же вот ругались над его матушкой. Ведь над всем славянским именем ругаются.

— Догода! — шепнул Баян старому витязю. — Догода! Кто же защитит славян от волков? Сварог, где ты! Порази наших врагов! Защити землю матушки моей!

Ночью сон не шел. Баян вспомнил огромные глаза Спаса в Ольгиной церкви. Взмолился:

— Бог! Помоги славянам! Помоги Русской земле!

Голова без сна уж такая тяжелая — шея не держит, но заснуть не дает тупая, безнадежная мысль: «С какой стороны? Когда явится спаситель Русской земли?»

Синеглазка смотрела на него с укором... А потом Благомир пришел, сел в изголовье, а сказать — ничего не сказал.

Крест над Купалой

Все мирские дела князь Святослав забросил: придет Ольга — сделает лучше, чем он. Готовил войско к походу. Скликал охочих до славы людей со всех русских земель. Смотрел, чтоб воеводы всякого воина учили на совесть: копьём колоть, мечом рубить, щитом закрываться. Чтоб не хуже гридней знали все хитрости и уловки. В делах забыл дни считать. Грянул на него праздник Купалы — самой короткой ночи, самого долгого дня — неожиданной радостью.

В великокняжеском звании Святослав встречал купальские тайности впервые. Подумал-подумал и еще затемно в платье простолюдина закатился на днепровские берега, Купалу славить.

В Купалу имен не спрашивают.

Мужики и бабы по лесам аукаются, купальские веники ломают: ветку из смородины — для духмяности, из калины, из рябины — чтоб был разлапистый, липовая с листьями ласковыми, прилипчивыми, ивовая — чтоб ожгло так ожгло, дубовая — тяжелая — пар нагонять.

Незамужние девы с утра, по холодку, искали в лугах да в рощах двенадцать заветных трав, чтоб навеяли ночью честный сон про суженого-ряженого.

Девчатки да ребятки — поросль быстроногая — в горелки носились, как стрижи, кричали, верещали тоже по-стрижиному:

Гори-гори ясно, чтобы не погасло!

Держал свой путь Святослав в вишневый ложок и не ошибся. Травы здесь росли колкие, зеленым-зелены — баловни утренних рос. Раздвинул Святослав тяжелые от

ягод ветки, а на траве-мураве не белая лебедь, на жемчужной на росе — не белорыбица да и не русалка. Какая русалка, когда вместо хвоста — ножки белые, пятки розовые. Девица по травке покатывалась, отрясала на высокую грудь жемчуга с пахучего донника.

Знал Святослав, чего искал в вишневом логу, а дух все равно захватило. Дух-то и у девицы ягоды на груди вспузырил. Застонала от ужаса, от стыда, от потаенного ожидания.

Ой, роса купальская, пьяная, жгучая! Кропил Купала двоих как единое, осыпал жемчугами-алмазами, и был тот грех — не в грех, Купале дань.

Расставаясь, умылись росой, брызнули друг другу в глаза и разошлись. Святослав поспешил в лес бродить по папоротникам.

Подстеречь расцветший цветок ходил он раз в жизни, перед тем как Ярополку родиться. Просидел ночь напролет — не зацвел папоротник. Сказка есть сказка, но любил Святослав это дивное растение. А еще любил на мхах лежать, на небо глядеть.

Забрел он на ловище к охотнику. Охотник князя узнал, попотчевал бобровым хвостом.

— Нежити, что ли, боишься? — спросил Святослав, удивляясь обилию крапивы и колючего шиповника и у дверей, и на окнах, на крыльце, на трубе.

— Как не бояться? Купала.

— Купала, — согласился князь, зевая. — Где бы мне поспать, чтоб ни ведьмы, ни мухи не тревожили.

— Хочешь, на сеновал ступай, хочешь, в баню.

Святослав пошел на сеновал и так заспался, что охотник его поднял:

— Солнце садится: нехорошо спать на закате.

Напился Святослав квасу на дорожку, принял липовый посошок.

— Впереди себя палку ставь, — посоветовал лесной человек. — На Купалу у медянок глаза открываются. Весь год смиреннее да безобиднее нет, чем медянка, а на Купалу жалят до смерти.

Обменялся князь с охотником шапками и пошел через лес к Днепру, где уже были изготовлены купальские костры. Медянок не встретилось, ни ведьм, ни русалок.

Веселая тропинка вывела к ниве, уже и Днепр был виден, но пришлось отступить в лес. Хозяин катался по краю своего поля, задабривая Купалу и духов земли, мял малую пшеницу, чтоб не помяло большую.

Святослав хотел уж было выйти из укрытия, но вдруг увидел скачущих через хлеба двух всадников. Крестьянина схватили, погнали, осыпая плетьюми, к странному шествию.

Чтобы лучше видеть, князь забрался на дерево. Сотни две христиан, сотня варягов. Кресты, деревянная, раскрашенная статуя Богородицы, повозка с Распятием. В повозке — епископ Адальберт! К нему-то и притащили крестьянина. Суд епископа был коротким: бедного язычника подняли на помост, устроенный на другой повозке, привязали к столбу. Стегали розгами.

«Вон как они к Христу приучают!» Святослав быстро спустился на землю.

...До княжеского двора — далеко. Постоял, подумал и пошел, обходя христианских ревнителей, к Днепру.

Появлению Адальберта на поле не удивился. Епископ родом чех, чешское имя его Войтех, знает обычаи.

Заря раскалила тучи как угли. Огонь клубился по краю неба, и навстречу этому небесному огню тянулись белыми высокими языками купальские костры. В огонь клали не что попадя, а такое дерево, такие травы, чтоб горели не чадя, светлыми пламенами.

Люди еще только стекались к кострам. Женщины несли рубахи больных, бросали в огонь, сжигая болезни и напасти.

Визжа, как стрижи, девицы гонялись за подругами и парнями, опрокидывая на сухих новичков корчаги, а то и бадьи с водой.

А заря все тишала, полоса небесного кострища становилась уже, океан синевы, вздымаясь с востока, густел. Одинокие птицы летели к свету.

Святослав получил нежданный шлепок водою в спину, охнул, оглянулся — утренняя дева.

— Теперь ты как все. Пошли! — взяла за руку, повела в круг играющих в горелки.

Стояла впереди, гордая избранником, спиной откидывалась, припадая к его груди. Тело горячее, головка хлебными колосьями пахнет.

«Дурак! — подумал Святослав о епископе Адальberte — Гнать его надо, пока люди не обиделись».

У костров бабы и степенные мужики запели купальские песни.

В небе прыдали летучие мыши. Ночь обступала костры. Самые смелые прыгали через само пламя.

— Бежим сиганем! — потянула дева Святослава.

Разогналась, взлетела над костром, покрыв широкой рубахой, как трубою, красный язык огня.

Святослав раззадорился, да, прыгая, наступил сапогом на сучок, нога скользнула, и он чуть было не упал в огонь. Взъярился.

Отошел, чтобы разбежаться. Парни ему подсказали.

— Сапоги бы снял.

Стянул сапоги. Махнул так, что пятками на искры наступил.

А между тем старики приготовили к священнодействию огромное колесо, обмотали берестой обод и спицы, обвязали соломой. Зажгли, разогнали, пустили с раската.

Колесо, набирая скорость, покатилося по долгому пологому склону к воде. Все скорее, скорее, превращаясь в огненный шар, в солнце.

Вдогонку за большим колесом с гор по всему Днепру покатались обычные тележные колеса. Иные достигали реки, плыли по течению, пылая горючей берестой.

— Самая ярая ночь! — шепнула дева Святославу.— Будь и ты яр и светел, как батюшка огонь. Будь мне Купалой!

Вдруг послышалось глухое, как из-под земли, пение. Пришел Адальберт со своими немецкими священниками и монахами, с варягами-христианами.

— Именем Господа Иисуса Христа заклинаю вас! — раздался властный голос епископа. Славянской речью говорил: — Вы тешите игрищами сатану! Вы — одно с мерзкими силами зла и тьмы. Образумьтесь! Поклони-

тес, примите душой Единого Бога Творца, примите свет, и сами станете светом.

Парни и девки не понимали, чего от них хотят. Стояли, загородясь от епископа и его людей костром.

— Ступайте в воду! — епископ поднял крест. — Ступайте все в воду! Я крещу вас.

— Мы и без тебя в воду пойдем, без твоего креста! — откликнулись смелые и, сбрасывая одежды, стали плясать и петь купальские игривые песни.

— Бесовство! — закричал епископ. — Славянское бесовство!

Монахи, вооружась граблями, подступили к костру, принялись разбрасывать головни, топтать и гасить огонь. На людей епископ напустил варягов, вооруженных плетями. Все кинулись в воду и, омывшись, поплыли по течению, чтоб скрыться от крестов и плетей.

Святослав плыл вместе со всеми. Выбрался на берег, и его дева тут как тут. Обняла. Князь хотел оттолкнуть, но ведь Купалой послана. Обидеть бога и ласковую деву — Адальберта утешить. Налюбился князь среди тьмы-заговорщицы. Встретил самую раннюю в году зарю, похвалил с девой Сварога и поспешил в Киев.

Созывать бояр, думать, как быть с послом императора Оттона, не пришлось. Киевляне, возмущенные ночным походом епископа, ворвались в палаты, где он стоял, измолотили колами да цепями монахов, разбросали рясы, скарб, а вот кресты, хоругви, статую Богородицы, распяты — не тронули.

Адальберт спрятался в погребке, в пустой бочке, его не нашли, но убить пообещали.

Епископ не дрогнул. В рогатой шапке, в мантии, явился к Святославу на княжеский двор, потребовал защиты от варваров.

— Я сам — варвар, — сказал Адальберту князь. — Ты напал на людей во время их праздника. Ты вразумлял не крестом, но кнутом. Если я возьмусь защищать тебя, народ и мне задаст на орехи, прогонит из Киева как миленького.

Ночью двор Адальберта загорелся. Пожар погасили быстро, но весь день летели через ограду камни, а то и стрелы.

Епископ послал Святославу двадцать золотых монет, просил дать войско для охраны в пути... Святослав ответил:

— На твое золото, Адальберт, куплю стражу у ворот, чтоб выпустили тебя живым. На коней твоя надежда, мои смерды пешие. Не догонят.

Адальберт бежал, оставив во дворе два креста над могилами убитых киевлянами монахов.

Дальнейшая судьба миссионера была, по христианской мере, счастливой. Был епископом Праги, соратником Болеслава Благочестивого. Чрезмерная ревность Христу оказалась для народа непосильной. Адальберту пришлось бежать из Праги. Служил Богу и королю в Польше, обращая в христианство пруссов. Пруссы насилия над собой не потерпели, убили епископа.

Император Священной Римской империи Оттон III, прославляя христианские труды и подвиги Войтеха-Адальберта, основал в Гнезно архиепископство. Но это для нас — чужая история.

Коней кормить, мечи точить

В каком гнезде, из какого яйца вылупляется черный птенец войны?

Само ли время высиживает или это гнев бсгов? Но ведь не материки сшибаются, не небеса с преисподней. Воюют люди. Бешеная кровь ударяет в головы, и вот уже поле пахнет кровью, и коршуны слетаются отвесть страшных плодов.

Породила войну погрязшая справедливость. Так показалось Каину. И это было уже во втором поколении человечества. Один Адам не познал войны, рожденный в раю, в мире всеобщей справедливости и ненасилия. Он был еще слишком небожителен, чтобы взять дубину и прикончить змея, отмстив за изгнание, за совращение жены. Впрочем, кроме змея, Адаму не с кем было поме-

питься силой: единственный мужчина на земле. Когда же мужчин оказалось двое, война стала неизбежной, и один из двоих оплатил любовь Бога жизнью. Увы! Человечество родилось из войны. Не труд выпестовал мысль — война. Палку человек взял не для того, чтобы сбить яблоко с дерева, но чтобы раскроить череп такому же, как он. Палка — первый всемирный стресс, первое оружие, первая военная хитрость. На палку нашелся камень. Камень привязали к палке.

Труд шевелит мыслями лениво. Война, ужас неминуемой смерти заставляет принимать решения в доли секунды, в доли секунды нужно оценить, где ты, перед кем, за кого Бог, свое оружие, оружие врага...

Жилье человека тоже ведь порождение войны. Жильем его строитель отгородил себя от природы, от мира, а значит — от Бога. Сначала жильем, стенами, потом городом...

Святослав — третий Рюрикович. Дед, воюя, поставил Новгород. Отец хаживал по Черному морю, по Каспию, но тень великого Олега накрыла всю его жизнь. Для Святослава вещий Олег был уже не укором, как для Игоря, но благословением унаследовать славу и мудрость.

Счастьем же Святослава была его мать, вещая Ольга. Она удержала орла в гнезде, покуда не отросли крылья, покуда клюв и когти не отвердели. Что такое победа и слава, сей орел помнил с трех лет, со времен войны с древлянами, а память детства — золотое знание.

Святослав получил власть, достигнув возраста, когда, горюясь на войну за скорейшей победой, уже держат про запас мыслишку, что ведь можно и битым быть...

Асмуд и Свенельд преподали молодому князю науку простую, но безошибочно: одолеть неумелого врага без шлема, без брони — баранье молодчество. Идти на грозного, ни в чем его не превосходя — желать себе смерти. Судьей Святославу была его мать. Потому и готовил поход с такой основательностью, что даже Свенельд удивлялся. Юный князь позвал в поход гузов и не пренебрег помощью двоедушных печенегов.

Первый на зов явился ильк Юнус, шурина боярина Блуда. Привел десять тысяч конницы. У каждого конника запасная лошадь. Войско обошло Киев стороной и переправилось через Днепр кормить коней перед дальней дорогой. Сам Юнус приехал с женой в Киев и остановился в доме шурина боярина Блуда.

Святослав задал пиры. Юнус походу радовался, но у него были сомнения:

— У буртасов добычу возьмем богатую. Одну ябгу и его жен в шубы из черных лис! Но пустят ли нас хазары через свою страну? Хазары с буртасами в дружбе...

— Мы пойдем не реками, на стругах, а через земли вятичей,— открыл Святослав кровному другу свой тайный замысел.— Буртасы и хазары нас будут на Волге ждать, а мы придем из леса.

Через неделю после Юнуса пришел Куря с печенегами, привел пять тысяч ханской конницы и тысячу своей. Пригнал для Святослава тридцать тысяч коней.

Печенегов отправили на Ирпень, на привольные заливные луга.

А Ольги все не было.

— Ярополка бы оставил вместо себя, так и его увезла! — жаловался Святослав Свенельду.— Разве что поручить Киев Олегу?

Свенельд улыбался и молчал, но у Святослава за словом — дело. Тотчас поднялся и пошел поглядеть, чем Олег занят.

Княжич был на дворе с богатырем Чудиной. Посреди двора Чудина врыл столб, и Олег, наскაკивая, крича, как воробей, рубил этот столб боевым топором. Шея тоненькая, ручки тоненькие, но жилистый. Топорик от столба не отскакивает, кромсает.

«Со Свенельдом оставить, так и Олег сгодился бы,— думал Святослав.— Но Ярополка нельзя обойти. Случись что — распри не миновать. Да и Свенельд на войне нужнее...»

— Дай-ка мне топорик! — попросил Святослав у Олега.

Княжич подбежал к отцу, глаза блестят, на верхней губе пот.

До столба шагов двадцать.

— Смотри! — топорик вонзился в столб на высоте человеческой головы.— Чудина, дай твой!

Богатырь подал князю свой топор.

— Тяжелехонек! Попробую.

Размахнулся со всего плеча. Топор вошел в дерево глубоко, точно над топориком Олега.

— Еще есть топоры?

Третий впился в столб над топором Чудины! Четвертый, пятый — и все в линию.

— Вот как научишься топоры метать, в поход возьми,— пообещал Святослав Олегу.

И услышал, как Чудина сказал гридням:

— Вам бы тоже поучиться у князя топоры метать. Ярила! Второй Ярила!

Святослав не подал вида, что слышит богатыря. Ярилой его звали дворцовые гридни. За глаза.

Княгиня Ольга родила Святослава, когда князю Игорю было под семьдесят. Вот и говаривали: зачала Ольга Святослава в Ярилину неделю. Ярила похлеще Купалы. Недаром поют:

Волочился Ярила по всему свету.

Полю жито родил, людям детей плодил.

Где он ногою, там жито копною,

Куда он взглянет, там дитё агукает.

Ярила сын Сварога, но был во времена князя Игоря гридень, богатырь Ярила.

Не судил Святослав ни матушку свою: мать — судьба, ни гридней за пустомельство. Ярила — прозвище не обидное. Жар в крови — дело не худое, в голову бы не бросался. Князю голова нужна холодная.

...Землю ласкали ветры-тиховеи, когда княгиня Ольга пришла в Киев с обоими внуками, с Ярополком и Владимиром, с Малушей, с Добрыней.

С матерью разговор у Святослава был не простой, долгий.

— Мне — ходить во чисто поле, — сказал великий князь великой княгине, — а тебе — сидеть в Киеве, казну собирать для внуков. Ты мир блюди, а мне оставь войну.

— Почему ты идешь на буртасов?

— Да потому, что, когда отец был молод, буртасы половину войска его избили, а он не отомстил за русскую кровь, и ты не отомстила.

— Неужели тебе не страшны хазары?

— Побью буртасов, побью болгар, тогда можно в Итиль за белужьим клеем наведаться, в Семендер за сладким хазарским изюмом.

Ольга перекрестилась.

— Храни тебя Господь! Я много бы тебе сказала, но ты уже все решил... сам.

— Сам! — глаза у Святослава были жестокие.

— Я помолюсь о тебе.

— Я сам о себе помолюсь. Перуну.

Ольга снова перекрестилась.

— Святослав! Багрянородные василевсы потому и правят половиной мира, что их благословляет единый, истинный Господь Бог. Умоляю тебя, крестись!

Святослав покачал головой:

— Матушка, я — воин. Я — ровня каждому из моих дружинников. Не хочу, чтобы они смеялись надо мной. Мой бог — меч.

— А где епископ Адальберт? Куда ты его девал?

— Что же ты его с собой не взяла? На Купалу людей сек розгами, да он и с твоими христианами не ужился. Мне говорили: крестил не так. У вас-то окунают в воду, а он — обливал... Народ прогнал Адальберта. За Владимира тебе кланяюсь. Хоть братьев будет знать.

И пошел от матери князь Святослав со всею дружиной к идолу Перуну — серебряная голова, золотые усы.

Резали петухов, кропили кровью мечи, закаляли в священном огне.

Утром, без проводов, без шума, дружина князя Святослава и все его войско переправились через Днепр.

В Киеве с Ольгой, с княжичами остался воевода Претич.

В церквах молились о воинстве: о язычниках, о сыновьях.

Карачаровский сидень

Посреди земли, у небес посредине, над Окой-рекой, на высоком месте, на раменье, стоит, соломою шуршит тменитое село Карачарово.

С той горы, с той вотчины простосердечного племени муромы на погляд в одну только сторону полжизни мало, много чего небывалого, невиданного за Карачаровом нестари не водится.

Над светлыню Оки-реки, на зеленом бережку, на журавушке горевал свое горе, свеся ноги бесчувственные, печальник Илья.

Было Илье тридцать лет и три года. Рос он в младенчестве не по дням — по часам, а как пришло время на ножки встать, так ведь и встал, а ножки и подломись, не удержали дородного дитяту. Вот и сидел сиднем с младенческой поры, не ведая, как осушить материнские слезы, как развеять батюшкину кручину, а про свое горемычество уж и полдумы-то не думал.

Сидит Илья, дню Божьему радуется, и сам никому не помеха. Вокруг воробьи в мураве пасутся, пчелки мельтешат, а бабочки-то и на голову сядут, и на усы.

Набежит на солнышко тучка — ветер прохладой обдует, солнце выглянет — тоже благодать, тепло парное, духмяное. Сосновый бор смолой дышит, река — кувшинками, пескарями.

Ковыряет Илья шильцем туесок, узор ведет по краю, а сам вдаль глядит. Уж так на краю-то синё, что и твердь как зыбь, как текучая вода, как воздух переменчивый.

Батюшка сказывал: принес-де Илью дитятей на бережок, а Илья от заречья во весь день глаз не отвел. Все ручкою показывал на черту зубчатую, где муромские леса с небом сошлись.

Ох, погляды, погляды, услада неверная!

Шли тут из леса ребята малые. Увидели Илью на бережку, подбежали, отсыпали ему по горсточке, по другой черники да малины, а соседка, подросточек, Купавушка, принесла Илье одолень-цветок. Говорит, опустя глазки:

— Над омутом рвала, над русалочьим.

Взял Илья цветок, порадовался:

— Баско! Бел, как невинная душа, а на донышке будто жар.

— Ты цветок на грудь положи! — просит Купава. — Может, одолеет одолень твою беду.

Улыбнулся Илья:

— Сделаю, как велишь. Да только ведовство, Купавушка, не про меня. Я крещеный. От Сварога да от Мокоши отрекся еще сызмальства. У меня имя крестное. Одна печаль — не умею молиться. Научить было некому. Калики перехожие меня крестили. Говорили батюшке с матушкой: Бог-де бедного не оставит, вернет крепость ногам, силу рукам. Тридцать лет с той поры минуло, а для меня всякий день как первый — жду и верую.

— Люди говорят: оттого и беда с тобой приключилась, что калики-то прохожие окунали тебя в воду, крестом заклятую.

— Коли крест свят, так вода от креста не заклятая, а святая. Ты, Купавушка, сердитых слов не говори о моем Боге. Долго я терпел, теперь уж, знать, поменьше терпеть осталось. Эй! Слезку-то утри!

— Пушай катится! Мне два годочка было, когда пожалела я тебя впервой, а этим летом мне уж двенадцать, а тебя батюшка все на горбу таскает.

— Ничего! — сказал Илья. — Вот туесок затеял. Приходи завтра, я на нем одолень-траву выдавлю. Будет память, как по мне заскучаешь.

— Заскучаю — приду да погляжу. Куда ты, Илья, денешься?

— Может, с печки на лавку, а может, и за дальние леса, за синие моря.

Улыбнулась Купава:

— Выдумщик ты, Илья! Побегу, матушка заждалась. Корову пора доить...

— Да уж полдень,— согласился Илья.

Стал он ждать батюшку с матушкой. Старое поле истощилось, изродилось. Вот и ходили на дальний пал дубья да колоды корчевать, земельку выравнивать. Много ли двое стариков наработают? А делать нечего. Одного сына Бог дал, и тот сидень.

Нажарило Илью полуденное солнце. А как спала жара, накрыло Карачарово серое облако, сыпануло дождем. Сидит Илья, отряхает воду с бороды, с бровей.

Бабы да мужики в хозяйских делах, а для малых ребят, для стариков Илья неподъемный. Да и привычны к сидению горемыки, хоть и под грозою. Грозу-то он еще и любит. Не велит батюшке уносить себя под крышу.

На этот раз без молний обошлось, без грома. Небо радугой побаловало. А ждать батюшку пришлось Илье до вечера. Наломался батюшка за день, едва до дома дошел, а делать нечего, надо сына с бережка забирать.

В сердцах сказал:

— Ну, чего нынче-то высидел?

— Узор на туеске выдавил.

— Такие ручищи, а силы едва на шило хватает.

— Прости меня, батюшка,— поклонился Илья.

— Тебе ли виниться, голубю! — опустил старик перед сыном на колени, обхватил Илья батюшку за шею, а тот говорит: — Нет, погоди! Не отошел я еще от пней да колод. Ты, Илюша, завтра дома посиди. Нам с матерью дубье таскать неохватное, неподъемное.

Сидели-сидели, молчали-молчали, Илья и говорит:

— Прибил бы ты меня, батюшка. Я бы не закричал, потерпел бы в последний раз.

Вскочил старик на ноги, взвалил Илью, как мешок, до порога донес, и дух вон.

Увидала матушка, что на муже лица нет, помогла занести безножье-безручье родимое в избушку. Сели вечером. Говорит старик старухе:

— Прожили мы с тобою жизнь, большого греха за собою не ведая. Знать, за малые терпим. Малых грехов — как мух. От них не отмахнешься.

— На чужое не зарились, с бедными делились! Разве что батюшки наши, матушки содеяли неотмолимое.

— На прашуров не кивай! — урезонил жену старик. — Правдой черное отбеливай! За седьмое ведь колено в ответе, а то и за двенадцатое!

Илья слил остатки тюри в ложку, скушал и опять за туесок. Ковыряет шильцем, улыбается про себя. Загляделась матушка на сына. До чего ж пригожий мужик, а счастья — нет!

А Илья вдруг и говорит:

— Ах, матушка! Мы уж тем грешны, что не в радость нам солнышко, небеса пресветлые, земля зеленая... Бог день ото дня не меньше нам дает — больше.

— О чем ты, Илюша? — всполошилась матушка.

— Сам не знаю. Сказалось, а к чему, про что... Слово — птица: пролетела, и нет ее.

Спал Илья на лавке под окном. Всю ночь напролет чвирикал у него в головах сверчок. Без передыху. Тру да тру! Тру да тру! Батюшка с матушкой, корчуя пал, намаялись, что им сверчок. Сомкнул Илья глаза — уж светать стало, открыл: ни батюшки, ни матушки. Кринка молока на столе, кус хлеба, щепоть соли.

Под лавкой ведро поганое, рядом бадья с колодезной водой.

Умылся Илья, хлебнул молочка, а хлеба не захотелось.

Достал с груди одолень-цветок, примеривается, с чего начинать. Пусто в сердце. Уж так пусто, как в брошенной избе, как в печи сто лет нетопленной, когда и копать-то пахнет нежитью.

На лето с окошка бычий пузырь сняли. Светло, прохладно. Слышит Илья — сорока летит, стрекочет.

— К радости, что ли?

Но где уж торопыге толком рассказать, что видела: летит, трещит как очумелая.

Горихвостка мелькнула, под хвостом огонь рыжий.

— И ты с новостями? — спросил Илья птаху, но горихвостку известия уж так жгут — порхает с дерева на дерево, от избы к избе.

Воробей прилетел. Чвирик — чвирик — чвирик. Все рассказал, да уж так быстро, хоть сызнава начинай.

Позевал Илья, позевал, взялся-таки за туесок. Ковыряет шильцем бересту, на одолень-цветок поглядывает.

Вдруг палкой в ворота застучали, посошком сухеньким, всполошно застучали.

Вздрогнул Илья — кто же это?

Слышит, его зовут, по имени, по прозвищу:

— Ай же ты, Илья Муромец, крестьянский сын, отворяй каликам переходим ворота кленовые, пусти на широкий двор на травке в тенечке полежать, от дороги остыть.

— Ох, Господи! Калики переходие! — закричал в окошко Илья. — Не могу отворить ворота. Сиднем сижу вот уж тридцать лет. Не имею в ногах хожденьца. И ползти не могу: в руках владеньца тоже нет!

Засмеялись калики переходие:

— Не ленись, Илья! Вставай на резвы ноги, отворяй ворота, зови в избу за дубовый стол.

Принахмурился Илья, чего попусту насмешничать, хотел с лавки на пол брякнуться. Да и на тебе! Стоят ноги, пол под собой чуют. Пошел, так идут!

Илья к двери, по сеням, с крыльца, через двор! Взясся за дубовый засов — держат руки. Туда-сюда двинул — отворил ворота. А за воротами слепцы друг за дружкой стоят, как гуси.

Взял Илья первого за руку, повел в избу. Перекрестились слепцы лицом к красному углу, положили поклоны усердные.

Возрадовался Илья:

— Ах, отцы, калики переходие! Я с детства крещен, а как молиться, не знаю. Сторона наша дальняя, темная, люди дубам да медведям кланяются.

Научили калики Илью персты складывать, крестом себя осенять.

— А слова-то какие говорить? — спрашивает Илья.

— Говори просто, — учили калики, — Господи, помилуй мя, грешного. Господь услышит, коли скажешь веруя.

Поклонился Илья каликам за учение. А на стол поглядел: кус хлеба, луковица да кринка молока отпитая.

Говорят калики:

— Поди, Илья, принеси из погреба корчагу с медвяным питьецом, а коли есть что из еды, прихватывай...

Дорога у нас была далекая. Губы у нас запеклись от жара, силенка порастрыслась на колдобинах. Медведь дорогу в Карачарово прокладывал...

Пошел Илья во двор, спустился в погреб. Взял корчагу с медом правой рукой, на корчагу поставил лукошко с яйцами, левой подцепил бочонок с солеными груздями да полоть копченого окорока.

Принес, поставил на стол.

— Пейте, гости, тридцать лет жданные, ешьте. А коли помыться хотите, баню пойду затоплю.

— Ты с нами побудь, — говорит ему старший из старцев. — Ты коль не голоден, так жаждой не хуже нас томим. Выпей-ка!

И поднес ковш медвяного питьеца.

Такой пыл грудь ожег, такой знич — осушил Илья ковш единым духом, а капли в окошко вытряхнул.

— Каково тебе, детинушка? — спрашивает старший из старцев. — Чуешь ли силу в себе?

Шевельнул Илья плечами, а руки как два быка.

— Господи помилуй! Березу, пожалуй, с корнем вырву. Как репку!

— То, Илья, даже не полсилы. Вот тебе еще ковшик, да гляди, ни капли не урони ни на пол, ни на землю.

Подает другой ковш.

Пил Илья, как цедил, языком по донышку провел для верности.

— Все! — и тряхнул пустым ковшом.

Старейший среди калик спрашивает:

— Ну, скажи, Илья, какую теперь силу в себе чувствуешь?

— Могу дуб с корнем вырвать, могу по избе на плечо поставить.

— Полсилы есть, — сказал старик. — Зачерпну-ка я тебе еще ковшик.

Илья уж напился, выпил с передыхом.

— Теперь какова твоя сила?

— Есть маленько! — говорит Илья. — Возьму луну на одну руку, солнце на другую, а землю на спину.

Испугались калики. Еще ковш подают.

— Да мне уже немоготу! — говорит Илья.

— Нет, Илюша, ты хоть пригуби. Остальное мы допьем.

Подул Илья на пену, пригубил питье.

Калики спрашивают:

— Скажи, Илья. Вот коли бы к Земле колечко прикрутить, повернул бы ты Земелюшку на ребрышко?

— Ну, где уж! Пить не пил, пригубил, а силы наполовину убыло.

— Того, что осталось, тебе на жизнь хватит, — сказал старший старец. — Будешь ты, Илья, великим богатырем. Смерть тебе в бою не писана. Заказано тебе драться со Святогором, его, могучего, и земля-то через силу носит. Не ходи биться с Самсоном-богатырем, у него на голове семь власов ангельских. Не спорь, не перечь Микуле Селяниновичу, рода его не обижай. Не ходи еще на Вольгу Вещего, он хитер-мудрен, у него в башне не соколы, а муроки. Служи, Илья, правде-истине, молись Творцу. Да будет Господь с тобою.

Тут калики онучи перемотали, лапоточками пристукнули, поклонились хозяину:

— Прощай, Илья Муромец. За хлеб-соль спасибо! Нам пора, да и тебе в дорогу собираться надо. Путь у тебя дальний. Ищи коня по себе. Но знай: чем паршивей, тем могучнее, чем незавиднее, тем краше, а лучше бы всего добыть жеребенка полудохлого.

Еще раз поклонились и пошли друг за другом по-гусиному. Из избы, за ворота, к высокому берегу, где Илья сиживал. А ведь слепые, в воду не попадали бы.

— Господи, помилуй! — взмолился Илья.

Побежал следом, а калики идут себе, и тропа их все выше, выше, над рекой над Окой, над поймой, и дубрава для них как трава.

Поглядел Илья на руки, на ноги: человек.

— Господи, помилуй!

А тут Купавушка на гору с реки воду несет на коромысле. Нагнулся Илья, взял подросточка вместе с ведрами, поставил на высокий берег.

— Батюшки! — ахнула Купавушка. — Ты ли это, безножный, безручный? Откуда что взялось?

— Бог дал.

Заплакала девица милая, вода в ведрах всколыхнулась, заплескалась. А Илья вежливо поднял пальчиком с плеч отрочих тяжелое коромысло и держал, пока слезки не просохли. Говорит Купава Илье:

— Не могла помочь тебе в большой беде, может, хоть теперь на что сгожусь?

— А ведь сгодишься! — смекнул Илья — Велено мне коня добыть самого невидного, паршивого, а сыщется дохленький жеребенок, так совсем хорошо!

— Батюшки! — удивилась Купава.— А ведь жеребеночек, дохлятинка, у нас в хлеву стоит. Батюшка хотел его в лес отвести зверям на съеденье, так я беднягу у батюшки выплакала.

Поспешила Купава домой, привела жеребенка, а на дворе у Ильи — петух. Петух вроде тот же, что всегда, а ростом с теленка. Шпоры, как рога бычьи, алый гребень с лопух, а хвостом хоть улицу подметай. Сидят перья не хуже радуги.

— Вон какое дело, Купавушка! — говорит Илья, на петуха глядя.— Вытряхнул я, знать, капельку-то из окошка на зернушко.

— Какую капельку? — спрашивает соседка.

— Да это так! — а сам жеребенка поглаживает — Не напоить ли нам дохлятинку из ковшика?

Вошел в избу, там рожь из щели в полу до потолка.

Удивился, обрадовался. Набрал в ковш воды, вынес, напоил жеребенка.

Тут косточки жеребячьи захрустели, раздались, и вот уже не жеребенок, колеблемый ветром, перед Ильей да Купавой — дородный конь, богатырю пара.

Поклонился Илья Купаве:

— Под шкурой дохлятинки диво таилось Твоей заботой да любовью, Купавушка, вспоенное, вскормленное. Проси от меня, что твоей душе угодно. Коль по силе, тотчас исполню.

— На мое прошеньице силы не надобно,— сказала Купава.— Поцелуй меня, да не так, как братья сестер целуют. Я хоть и мала, поцелуй меня, как невесту, чтоб на всю жизнь сладость осталась.

Пригорюнился Илья:

— Ай ты, милая! Подождал бы я, чтоб ты вошла в возраст, женой бы назвал. Да назначен мне путь за синие дали, а уж написано ли на роду домой воротиться — про то не знаю.

Приподнял Илья Купаву с земли, поцеловал в уста румяные, не расцветшие. Зарделась Купава, припала головой к голове Ильи, и стучала жилка у нее на виске о жилку на виске богатыря. А уж сколько так простояли?

Первым богатырь-петух спохватился, захлопал крыльями — ворота с петель так и сдуло. Крикнул ку-ка-ре-ку — солома на крыше дыбом поднялась.

Пришлось Илье рукава засучить. Старую солому с крыши снял, новую положил. Батюшка давно собирался крышу перекрыть, да рук не хватало.

Проводы

Отец и мать Ильи с корчевания не вернулись в тот вечер. В шалаше заночевали.

Подождал-подождал Илья родителей, вывел коня из хлева, надел крестьянскую узду, сел охляп.

Наказал коню:

— Ты, Сивушка, довези меня до батюшки, до матушки.

Тут сивый да бурый гривой тряхнул, хвостом хлестнул, взвился под небеса резвее птицы, головою чуть было месяц не сшиб. Глазом не успел моргнуть — вот он шалаш, вот он черный пал, дубовье да колодые.

Отпустил Илья Сивку в кипрее да в сон-траве пастись, рубаху скинул, чтоб сажей да угольем не запачкать. Давай дубы выдирать, в речку Непрю покидывать, чтоб несла в матушку Оку. На матушке Оке городов много, дубы будут в радость.

Семизвездный ковш опрокинулся, когда с дубами покончил Илья. Принялся дубки выдергивать, земельку с корней отряхивать, пеньки в овражек складывать. Из пеньков-то дегтю можно нагнать.

Ох, крепко деревья за землю держатся, не то что человек. Последний пенек метнул Илья в овраг, когда

уж светало. Поспешил заровнять землю, ямы от пеньков засыпать. Сосна ему вместо бороны, елка вместо веника.

Уложил земельку ровнехонько. Тут как раз и заря зарумянилась. Батюшка в шалаше заворочался, последний сон досматривал.

Сел Илья на Сивку, один скок — и в Карачарове. Задал коняжке зерна белоярого, сам в избу да на лавку. Уморился ведь.

Никогда с устатку не спал, а после доброй работы, когда она впрок пошла, слаще сна не бывает.

И снится сон Илье. Зеленым-зелена широкая земля. Посреди земли лежит богатырь. Пригляделся Илья, что за диво — себя узнал. Вдруг туча зашла, но ни грома, ни молний, жужжит-зудит мушиный гуд, всю землю мухами покрыло, богатыря облепили с головы до ног.

— Чего же это я сплю-то? — рассердился Илья и глаза открыл.

Встал с лавки, мухи гудят. Отворил дверь, дунул — всех и вынесло.

— Господи, помилуй!

Поспешил Илья на зады, дров нарубить, баню истопить для батюшки, для матушки. С черной работы возвращаются. Да ведь и сам в уголье да пепле.

А старики на пале-то проснулись, из шалаша вышли, что за ужас: ни дуба, ни пня, ни колодины, ни колдобины — поле! Паши да сей. Стоят, глядят, слова не могут вымолвить.

— Коли не сплю, пойдём-ка отсюда по-здоровому, — говорит старик, да и припустились со старухой бегом.

Вот и Карачарово, изба родная. Встал старик как столб, глаза протирает. Говорит старухе:

— Погляди-ка на крышу, вроде солома побелела, вроде как новая.

— Да ведь новая и есть, — говорит старуха.

— А когда же это я перекрывал-то? Не помнишь ли?

— Не помню, — отвечает старуха.

Подошли поближе, а на изгороди, пригнув слегу, петух сидит.

— Вроде наш, — говорит старик.

— Да как же не наш?!

— Так с барана.

Старуха и сама видит, что с барана, да уж больно старик-то не в себе. Говорит:

— С барана так с барана. Подрос.

Тут старик за старуху спрятался.

— Слышишь? На задах-то? Дровишки кто-то рубит.

Зашли за сарай, а там Илья, не имеющий в руках владеньица, а в ногах-то хожденьица, кромсает колуном пеньки свилеватые, а ровнехонькие как орешки щелкает.

Увидел Илья батюшку с матушкой, поклонился до земли.

— Господи, помилуй! — говорит. — Был я — немочь, а стал — мочь... Носили вы меня на себе, матушка, батюшка, тридцать лет. Жизни не хватит отплатить за ваше терпение, за ваши слезы, но заповедано мне каликами переходими садиться на коня и во чисто поле ехать. Службу служить великую, богатырскую... Всея моея крестьянской работы — дубье с поля убрал.

Подошли отец с матерью к сыну, взяли его за белые руки, привели в избу, усадили за стол, ставили еду, питье, как перед гостем. И сказал Илье отец напутствие:

— Господь Бог дал тебе, сынок, силу дивную, великую. Непря-река нынче худо течет, тяжелы для нее дубы, какие ты в воду покидал. Таков мой сказ тебе будет: не давай ретивому сердцу волюшки! В нашей ли стороне али в какой другой живи, Илья, поскромнешенько.

Поклонился сын отцу за науку, а сам говорит:

— Дай мне, сидню, благословение в путь-дорогу собираться, богатырскую службу служить.

Поник батюшка седой головой, закручинился:

— Ох, сынишка ты мой, чадо родимое! Мы только взвидели свет с матерью, а ты уж и прощаешься.

— Горько мне, батюшка! — говорит Илья. — Да уж так судьба велит. Ты прости меня за все дни, за все годы горемычные, но один-то нынешний день — ведь равен тридцати годам.

Обнял старик Илью:

— А ведь равен, чадушко! Равен. Благословляю тебя и дорогу твою прямоезжую, но проси и у матери благословение.

Поклонился Илья матушке:

— Не кори меня, родимая. Состарила тебя моя черная немочь раньше сроку-времени. Но даст тебе Бог, матушка, долгих лет, а мне бы послал радовать тебя доброй славою в дальних краях. Благослови меня, грешного.

Сказала матушка, утирая глаза:

— Был ты сидень, да весь наш. Стал богатырь — всем пригодился. А напутствие мое немудреное: не кровавь меча, не сироти малых детушек, не бесчести молодых жен... На добрые дела не ленись, за труд не считай. Вот и весь мой сказ.

Поговорили о великом да о завтрашнем, а жить нынче надо.

Помылись в бане, повечеряли. Спать легли, друг на друга не нарадуясь.

А поднялся Илья до зари, обулся, оделся, не шумнув, половицей не скрипнув.

Тут и говорит ему матушка:

— Ты, Илюша, в печке-то варенец возьми. С пеночкой варенец — любимое твое кушанье. Да и пирогов-то в сумку насыпь, на дорогу тебе ночью напекла.

Выпил Илья варенцу, в горшок слезу уронил — матушке подарок нечаянный.

Встал Илья на порог, приподнял дверь, чтоб не ухнула, отворяясь. А батюшка говорит ему:

— Плетку на стене возьми. Семижильная. Твой дедушка еще сплел. На службу, говоришь, едешь богатырскую, а ни доспехов у тебя нет, ни оружия.

— Бог ноги-руки дал, а уж такую малость сам добуду. Мой доспех, мое оружие — резвый конь, каликами перехожими загаданный, Купавою-соседушкой вскормленный, вспоенный. Такому коню плетка не надобна.

— А ты возьми все-таки, — говорит отец. — Мало ли?

Взял Илья плетку семижильную, шагнул за порог, притворил дверь, дунуло на родителей — пустотой, да тотчас от печи младенцем запахло.

— Мать! — спрашивает старик. — Что это пахнет-то?

— Да пеленочка,— говорит старуха.— Я вчера пеленку Илюшину нашла, показать ему хотела. Да в суете позабыла. Хорошо сыночком-то пахнет.

Тут старик и сказал, принахмурясь:

— Как его было не пустить? Сколько людей ждут да надеются на спасителя. А он-то, глядишь, и пожалует, Илюша-то наш.

Первых три подвига Ильи

А поехал из того-то села Карачарова богатырь богоданный Илья Муромец на коне своем сиво-буром не скоком, не махом — потихонечку. Не дорогою человеческой, не тропею звериной, поехал прямехонько поглядеть, какковы вблизи дали синие, зубчатые. Рукой хотел дотропнуться до края небес, до края земли.

Вот уж и зорька отыграла, и солнышко поднялось высоко, пустил Илья Сивку рысью, чтоб хоть к полудню на край света поспеть. А край-то ни на пядь не приблизился.

Наехал Илья на ракивов куст, на Двенадцать Живых Ключей. Пустил Сивку на травку, сам водицы испил, пирога поел матушкиного.

Слышит, птаха в кусту кричит, надрывается. Поглядел — желторотый птенец из гнезда вывалился, ворохтается на травинках, крылышки растопырились. Взял Илья птенца на ладонь, подышал на беднягу, к братцам, к сестрам в гнездо положил, в серединочку.

Подумалось Илье: Купавушка за птенца бы порадовалась.

Отдохнул Илья и опять пустился в путь, на край неба поглядывая да прикидывая: ну пусть не на пядь, а на вершок-то хоть приблизился ли?

Ближе к вечеру повстречалась Илье деревенька. Сирота сиротой. Поля кругом широкие, а колос от колоса через ступню. Не то что избы, куры обветшали, крылья висят, головы на бочок. Собаки не брешут, зато слышно, как цыплята пищат.

Илья щец хотел похлебать али уж тюрки, а ему и водицы-то подали с полковника.

— Ты прости нас, Богом забытых,— говорят проезжему.— Жили мы не тужили, но из речки нашей из певуньки вода ушла-утекла. На лодках на другой берег ездили, а погляди-ка, что сделалось? Воробью не выкупаться, и в колодцах сухо.

— Запрудили бы речку-то,— говорит Илья.

— Прудили, да вода уж так медленно прибывает, наберется с лужу, а лужа-то уж и вонючая, не питье — хвороба.

— Куда ж вода подевалась? — спрашивает Илья.

Повинились крестьяне:

— Воду отвел голь перекатная, проклятый побирушка. Повадился каждый день ходить, хлеб даровой есть. Мы его и отвадили... А побирушка-то был не прост. Уронил в руслице белый камушек, а повыше тот камушек леса высокого. Течет теперь наша реченька ни вправо, ни влево — вспять.

— Проведите меня к белому камушку, погляжу каков,— попросил Илья.

Проводили. Поглядел богатырь на камушек. Гора. Откуда только взялся на ровном месте?

Сошел Илья с Сивки, поплевал на ладони, уперся в камушек плечом. Приналег. Подался, стоямя стал. Тут вода в старое руслице, в заветное — валом пошла.

Мужики за водой бегут, как малые дети. Кричат, смеются.

Сел Илья на Сивку, поглядел вослед счастливым, Господом Богом помилованным. Тут и мужики спохватились, о спасителе своем вспомнили. Да Илья плеточкой дедовской маленько стегнул Сивку, Сивка и взвился под облако. Был богатырь — и нет его, как померещился. Но речка-то вот она! Вот он, белый утес лобастый!

Сивка от плетки семижилной уж так скакнул, Илья думал, на само солнце грохнется.

Ан нет! Хоть бы на шаг муравьиный край небес ближе стал.

Опустился Сивка в лесную дебрь, как в погреб. Пришлось Илье деревья рвать-пригибать, дорогу коню проламывать.

При звездах из тесноты дремучей выбрались. Пустил Илья Сивку в луга пастись, сам на стог сена забрался.

Поглядел на Большой Звездный Ковш, на Малый. Позевал, повздыхал и заснул, забыв Господу Богу помолиться.

Черная ночь для черных дел.

Надвинулась на спящего Илью тьмущая тьма. Запрядали летучие мыши, засвистели гадючьим посвистом змеи, повисла над богатырем пустоглазая нежить. Будто пологом закрыло небо, вместо звезд, белых ярочек, девятью кругами загорелись немигучие зеленые кошачьи глаза.

Погребом дохнула нежить на Илью.

— Да будет наш!

Может, свершилось бы худое, но явились на выручку светлые пращурь, разодрали черный полог в клочья, развеяли смертный дых нежити.

А Илья спит, не ведает, какая над ним круговерть.

Одна беда миновала, другая вот она.

Поднялись из преисподни вихри непроглядные. Обступили стожок, склонили гадючьи головы, и воссела на тех гадючьих головах сама тьма. Сказала тьма:

— Да поклонится мне глупая мурома! Да послужит князю мира сего.

Черные когти из черной руки потянулись к богатырю, разодрали грудь, достали сердце, а оно весь луг осветило, будто капелька солнышка.

Застонал князь тьмы, хотел другой рукой сердце накрыть.

Но блеснула молния, пронзила, ослепила черную ночь. То был меч явившегося с небес Михаила Архангела. По когтям рубанул Архангел князя тьмы. Отпали когти от черной руки, погрузилось сердце богатырское в богатырскую грудь. Встал над Ильей Михаил Архангел и сказал князю тьмы:

— Уходи! Се — богатырь святорусский.

Отпрянула черная сила от спящего. Пошли по небу сполохи, письма, игры зловещие, и опять придвинулась к Илье рогатая голова. Переупрямить хотела преисподня небо, но выпорхнул из ракитова куста птенец желторотый. Взмыл в веси звездные, куда и матушка-то его не залетывала, сел князю тьмы на темечко да и клюнул.

Темечко у князя тьмы хуже чирья. Вскрутилась тьма столбом, грянула наземь, в прах рассыпалась.

Тут выпряла наконец зорька ниточку алую на радость белому свету.

Проснулся Илья, смотрит, совсем рядом большое селение Умылся росой, взял Сивку под уздцы, пошел к людям расспросить, куда принес его ретивый конь.

В селении жили вятичи. Жили не тужили, пока не явилась хазарская напасть. Избы хазары не тронули, разорили семьи. Где кормильца увели, где жену с детьми, в иных избах одни старики остались. Повздыхал Илья и так сказал:

— Сделаю я засеку, чтоб не было хода к вам со стороны степи. А вам наказ: посадите боры сосновые да еловые, чтоб забыли сакмы в ваши края двуногие волки. Даст Бог, детишек народите, расплодятся храбрые мужи. Будут вам и работниками, и защитниками.

Выволок Илья из лесу сломанные деревья, чего с Сивкой-то наворочали. Засеку навалил на все сорок верст. Ни проехать ни пройти.

Поклонились богатырю вятичи, поднесли сбрую для Сивки в золоте да в самоцветах.

— Возьми, Илья, крестьянский сын. Хранилась сбруя в нашей веси с незапамятных времен. Был и у нас то ли богатырь, то ли царь — никто уж не помнит. Не обижай, прими. Ты с нас, горемык, за великий труд платы не спрашивал, не рядился.

Взял Илья подношение.

— Не посмел бы я с обобранных, с ограбленных ни серебра спросить, ни горсти муки. А за сбрую благодарствую. Обидел я Сивку ни за что ни про что. Может, и простит мою грубость за сбрую царскую, богатырскую.

Снарядил коня Илья Муромец. Вятичи и говорят ему:

— Что же ты, Илья Муромец, на свое богатырское поприще выехал без оружия, без брони? Не ровен час, наедешь на хазар али на печенегов, пошлют изловить тебя, чтоб не служил русской службы.

Говорит Илья:

— Я из рода крестьянского. У батюшки у моего ни меча, ни рубашки железной. . В поле я выехал промыслом Господним, наказом калик переходжих. Про оружие они мне ничего не сказывали. Бог даст, будет и оружие.

Вятичи все ж не унимаются:

— Ты, Илья, хоть дубиночку выломай. От волка отмахнуться, от разбойников непутевых.

Сказал Илья:

— Будь по-вашему. Вон, гляжу, клен над речкой давно засох. Вырежьте мне добрую палицу по руке.

— Велику ли? — спрашивают вятичи.

— На косую сажень с аршином. Да комель-то смотрите не срежьте. Хороший комелек, увесистый.

Для вятича топор — как третья рука. Соорудили палицу тяжелехонькую, ладную.

Прощался богатырь с добрыми людьми, поехал ни путем, ни дорогой во чисто поле товарищей искать — все один да один.

Ехал, ехал. Вскричал на все четыре стороны громким голосом:

— Ой, где вы, други мои, застава богатырская? В какую сторону коня повернуть? К зорям ли алым, к полуденному ли солнцу али к белой ярочке, звезде Северной?

Не было в тот раз Илье ответа.

Поединщики

Едет Муромец, крестьянский сын, чистым полем. За цветами травы не видно. От незабудок, от колокольчиков земля, как небо, синяя, а небесная синева аж светится. Плывет по небу всего-то одно облако, парит под облаком птица орел.

Едет Илья просторной землей. Сивку по гриве поглаживает, поминает подросточка милого Купавушку.

Глядь, явилось со стороны заката пятнышко. Резво накатывает. Не ярый тур, не волк — человек на коне.

Остановил Илья Сивку, а сердце стучит, друг ли боготаный скачет, поединщик ли чужеземный, пустославный?

Ждал-пождал Илья, и наехал на него великий богатырь. Шлем обвит пышными перьями, на груди зеркало, как жар. Щитом укрывается, копье выставил.

Смутился Илья. Неужто ни с того ни с сего, имени не спрося, в драку кидаться? А полевик мчится, из-под кованых копыт цветы летят вместе с землею. Осерчал Илья, крикнул так, что орел с небес кубарем свалился:

— Стой, сукин сын!

Шарахнулся зверь-конь в сторону, полевик чуть из седла не выпал, а копье свое громадное, железное уронил-таки!

Разговорились наконец.

— Откуда ты взялся, деревенщина? — спрашивает полевик.

— Ты меня ругаешь, — ответил Илья, — а я и есть деревенщина. Из земли Муромской, из села Карачарова. А ты из каких краев?

— Тебе, деревенщине, назвать имя мое достославное, рыцарское — унизительно. Ты и едешь-то охляп. Не велик подвиг деревенщину прибить. А прибью я тебя не копьем, не мечом — плетью засеку, чтоб не таскался по белому свету, не позорил благородного рыцарского поприща.

Тут вдруг и помчался на Илью, плетью помахая.

Делать нечего, тронул пятками Муромец, крестьянский сын, Сивку, поднял палицу да и угодил комлем прямо в лоб гордецу. Грохнулся полевик наземь без памяти.

Схватил Илья чужеземного коня за гриву, подтянул к себе, снял седло, на Сивку пристроил. Копьецо железное согнул вчетверо. И поехал прочь, озадаченный. Не понравилась Илье богатырская спесь.

Сивка под седлом норовисто пошел, скок да скок — до леса доехали.

А из леса на Илью не медведь, не волк — еще один поединщик. Издали закричал:

— Эй, деревенщина! Гоже ли богатырю в крестьянской рубахе по полю езживать. Поучил бы тебя, деревенщину, да на чем биться с тобой — не вижу. Ни копыя, ни меча, а дубьем деревенщина дерется.

Отвечает Илья:

— Верно, ни копыя у меня, ни меча, ни платья церемонного... Но вот был бы перед тобой не лес, а вражье войско, чем бы ты его побил-положил?

Закричал грозный витязь:

— Ты меня еще спрашиваешь, деревенщина? Пострелял бы я чужую рать из тугого лука, прорубил бы просеку во вражьих рядах острым мечом.

— А мне бы и дубины хватило,— сказал Илья.

Вытянул из сырой земли крепкий дуб, раскрутил, метнул.

Повалилась роща, как от бури. Сдуло и витязя с коня. А поднялся на резвые ноги, согнул спину перед крестьянским сыном. Положил руку на сердце:

— Прости меня, богатырь. Почитал я себя за великого воина, да теперь вижу, пустое мое молодчество. Вот тебе мой саадак, тут и лук тугой, и стрелочки, и нож подсадашный. Вот тебе мой меч, на семи огнях закаленный... Гуляй по полю, а мне пора грехи замаливать. Сколько душенек погублено не со зла, не в жестоком бою, в поединках задорных, задиристых.

Сел на коня тот честный человек, прочь ускакал.

— Вот и оружице у меня есть,— сказал Илья и не забыл крестом себя осенить, молитву прочитать: — Господи, помилуй!

А все же призадумался Муромец, крестьянский сын. Ездил он по весям, по дремучему лесу, по чистому полю, нагляделся на горе-злосчастие человеческое, с двумя поединщиками сходил, а товарищей не встретил. Повздыхал Илья: знать, и в богатырском деле без терпенья не обойтись.

Заночевал богатырь на берегу речки-шептуньи. Сквозь дрему слышал: говорит ему реченька что-то важное, то-

ропится до конца досказать, а про что речи, о чем плески — неведомо.

«Неученый ты, Илья, неученый», — покори́л себя богатырь, засыпая.

Утром пошел умыться, коня напоить. Глядь, щука на песке лежит. Гоняла юрких плотвичек да и вымахнула на песок.

Пустил Илья щуку в реку. Ушла рыба на дно омута, а потом поднялась, шлепнула хвостом по воде, попрощалась со спасителем.

Поехал Илья куда глаза глядят. Смотрит — курган. С кургана далеко видно. Может, в какой стороне весь покажется, а то и город.

Подъезжает ближе, а на вершине кургана не орел, не сокол — витязь. Вместо «здравствуй» вздумал насмешничать.

— Эй, деревенщина! — кричит. — Иди ближе, уши надеру. Задавил бы тебя конем, да захромал мой верный товарищ.

— Зачем нам драться-съезжаться? — спрашивает Илья. — Не лучше ли вместе ездить, заставой?

Витязь хохотать:

— Какая из тебя застава, из мужика? Не богатырь ты, самозванец. Ездит на боевом коне — в крестьянской рубахе, в портах из мешковины, в чеботах растоптанных.

Покачал Илья головой. Говорит:

— До чего сердитый народ в чистом поле. Все бы вам корить человека встречного. Ни привета, ни поклона ученого, степенного.

Сошел витязь с кургана, достал меч из ножен.

— Язык у тебя как мельница. Пора укоротить. Вон коршуны-то летают, накормлю их нынче досыта.

А сам все ближе, ближе. Что тут поделаешь? Вытянул Илья меч, понянчил на руке, в сторону кинул. Взял палицу кленовую. Не махал, не грозил. Прищурился, прицелился, тюкнул по мечу витязя, меч — пополам. Хрустнул, как ледок молодой.

— Бросай свою дубину, мужик! — закричал витязь. — Я тебе уши голыми руками надеру.

Говорит Илья:

— Грубые у тебя слова. Я, верно, рода крестьянского, но не драли меня за уши ни батюшка, ни матушка. А грубых слов в избе под соломою за весь мой век я не слышивал.

Витязь перчатки скинул, руки растопырил, медведем прет.

Схватились. Илья никогда еще не боролся. Приноравливается, а добрый молодец грудью налегает, руками поясницу жмет, ломает.

Повел плечами Илья, набрал воздуху в грудь, поднатужился, схватил поединщика под мышки, оторвал от земли, крутанул разок да и положил на зеленую траву. А поединщик не унимается, изловчился, ногой Илье под коленки стукнул. Илья — хлоп! Да прямо на витязя. А у того нож. Успел Муромец, крестьянский сын, отвести подлую руку. Вырвал нож, выбросил.

— Ах ты, сукин сын! — говорит в сердцах. — Ты меня крестьянством позоришь, а сам хуже змеи, тать проклятая!

Вытряхнул недоброго молодца из доспехов, сорвал кафтан бархатный.

— Рубашка ему нехороша крестьянская! — кричит Илья. — А сам бабьими шелками себя тешит.

Разорвал трескучий шелк надвое, тут пыл да пых и сошли. Глядит Илья на груди белые, девичьи, не знает, куда глаза девать.

— Ах ты, дубина-деревенщина! — шепчет девица. — Ах ты, медведь! Отпусти меня, пока глаза твои бесстыжие не выдрала.

Нахмурился Илья Муромец, сдернул шишак с головы поленицы, просыпал на землю волосы золотые, говорит:

— Тебе ли, белой лебеди, драться с волками степными? Тебе ли душу чернить злыми убийствами? Садись на своего коня захромавшего, езжай к отцу, к матери, попроси у них прощеньице. Пусть просватают тебя за человека доброго. Такими грудями младенцев кормить, а не под мечи да под копыя подставлять.

Отдал Илья девице кафтан бархатный, а оружие, щит, доспехи себе оставил. Да еще и пригрозил вослед:

— Гляди! Попадешься еще разок во чистом поле, лозой выдеру.

Отъехала поленица от кургана подальше, кричит:

— Эй ты, деревенщина! Побил бы меня на мечях, замуж за тебя пошла бы. Я ведь боярышня, дочь воеводы Свенельда. А ты меня, мужик, дубьем одолел да ломотьем. Гляди, не показывайся в Киеве. Уморю тебя, мужика, в сырой темнице, крысам скормлю.

Улыбнулся Илья, поклонился:

— Возьми, боярышня, мой платок, утерочку. Над тобой над простоволосой народ потешаться будет в славном Киеве. Без убруса опозоришь и батюшку, и матушку.

— Ах мужик ты, мужик! — закричала дочка Свенельда, воеводы великого. — У тебя ухватки звериные, слова твои все — сиволапые. Неуч ты дремучая, непролазная!

Ударилась с коня оземь, обернулась ласковой горлицей, полетела прочь, а конь следом побежал.

Микула Селянинович

Опять задумался Илья Муромец. Силу Бог ему дал, а ученье от человека. Поискать бы доброго, знающего учителя, но где? Во чистом поле встретил трех поединщиков и ни единой веси.

Ехал, ехал Илья, вдруг слышит: на лошадку кто-то покрикивает, сам побряхтывает, соха скрипит, омешики свистят, непаханую землю сеятель поднимает.

Поглядел Илья туда-сюда: не видно пахаря. На голос поехал. Не скоро глаза признаки усмотрели. И ведь не работника, а работу дивную, небывалую.

Земля сама собой пучится, вздымается валом, будто червь великий твердь ворошит или сам Змей Горыныч нору роет. Вал ахти какой! Повыше леса.

Правит Илья ближе. По мечу рукой похлопал, ладони вытер досуха, приноровился к палице да и перемахнул через вал.

Смотрит: лошадка и лошадка, пахарь как пахарь, соха не велика, а вот борозда вздымается уж не хуже волны морской, будто Святогор пашет.

Сошел Илья с коня, поклонился пахарю:

— Здравствуй, добрый человек. Бог помочь. Экая дивная у тебя пахота.

— Здравствуй! — отвечает работник. — Прежде чем пытаться о деле, имя свое скажи.

— Зовут меня Илья, прозвище Муромец. Еду я по чистому полю не первый день, но никто еще не спросил меня, как звать-величать.

— Не слыхал о тебе. Молва, знать, не дошла, — говорит пахарь. — Слава, она всегда впереди. А меня зовут Микула Селянинович. Хочу отгородить наши веси от степи немирной хоть валом, что ли. Уж очень много охотников набежать, ограбить, в полон увести.

— Доброе дело, — говорит Илья.

— Доброе-то доброе... Да лошадка моя выдохлась, и во мне силы вдвое убыло. Низкий вал получается. Взял бы ты, Илья, лопату да земельку с борозды кидал бы наверх.

Обрадовался Илья:

— Я товарища давно ищу... Хоть и не держал никогда лопаты в руках, а дело, видно, не больно хитрое.

Пошел Илья следом за Микулой Селяниновичем. Он уж кидал, кидал земельку на гребень-то, кидал, кидал да взмолился:

— Стой, Микула Селянинович! На руках-то у меня кровавые мозоли от лопаты. Я — рода крестьянского, да ведь сиднем сидел ровно тридцать лет.

— Руки у тебя белые, — говорит Микула Селянинович. — Бери соху, я лопатой покидаю.

Взялся Илья за соху, налег, нукнул, а лошадка стоит. Махнул на упряму плеткой семижилной — лошадь прытью, только омешки-то поверху заскребли. Траву сшибают, а земли и не касаются. Бежит Илья за несносной кобылой, остановить не может.

— Не по плечу, знать, богатырям доля пахаря, — сказал Микула Селянинович.

Повел лошадку назад, поставил соху в борозду, шевельнул вожжой — ни ворожбы, ни чуда, но взгорил пласт выше леса стоячего. Говорит Микула Селянинович:

— Ты посиди, Илья, отдохни. Скоро дочка обед принесет.

Муромцу стыдно без дела. Взялся за лопату, а руки огнем горят. Поупрямился, поупрямился, да не надолго хватило.

Решил из лука пострелять. Наложил стрелочку на тетиву, прицелился в березку, пустил — мимо. Взял другую стрелу — опять мимо. Достал третью стрелу, тянул-тянул — тетиву порвал.

Пригорюнился. Смотрит, со стороны деревеньки по тропинке торопко девочка-малявочка поспешает. В одной руке корзина, в другой туесок, сумка холщовая через плечо.

Подошла к Илье, поклонилась. Поглядела на солнышко, поглядела, где батюшка. Говорит, головкою покачав:
— Время-то обеденное!

Поставила в траву туесок, корзину, сняла сумку. Поглядела туда-сюда: камень в стороне громоздится, плоский, как стол. Взяла и придвинула. Постелила скатерть поверх, из сумы хлеб достала, корчагу с квасом, лук, соль, из корзины горшок с кашей, а в туеске была у нее ягода смородина.

Тут как раз и Микула Селянинович пришел.

— Голубушку,— говорит,— пустил пастись. Тоже ведь уморилась.

Сели за каменный стол. Говорит богатырь:

— Ты работал, ты и поешь, Микула Селянинович. Я хлебушек пожую.

Засмеялся пахарь:

— Не смотри, Илья, что горшок мал. И мы досыта наедемся, и Любаше останется. Она еще и птичек накормит.

Верно, мал горшок, а вместительный. Наелись так, хоть отдувайся, смородинкой себя побаловали.

Говорит Илья:

— Микула Селянинович, твой конь устал, может, Сивку впрячь?

— Нет,— говорит пахарь.— Голубка, лошадь моя, к пахоте привычна. Твой Сивка, вижу, великий конь, но крестьянской работы не осилит. Да и сам ты, Илья,

Ступай с Любашей в деревеньку, а чтоб не маяться бездельем, налови в речке рыбешки на ушицу. Хочу я соседей позвать ради гостя богоданного. Хлебушек новый еще не поспел, скотина жирок нагуливает. Рыбка была бы кстати.

Деревенька Микулы Селяниновича стояла за рощей на берегу реки. Супруга пахаря дала гостю невод, лодку, а матушка его Забава Дунаевна напутствовала:

— Ступай, ловец, на речку, поймай рыбку с овечку.

— С мизинец хоть бы поймать, — засмеялся Илья. — Се — первая моя ловля.

Выгреб лодку на середину реки, приноровился, закинул невод, поднял: пусто. Закинул другой раз, ждал-пождал, а невод опять пришел пустехонек. Смутился Илья. Ладно, с крестьянской работой не совладал, а уж рыбку-то неводом поймать — нехитрое, немудреное дело.

Вспомнил о щуке, посетовал:

— Хоть бы ты, матерая да свирепая, загнала б в мой невод рыбью мелочишку.

Направил лодку в омуток, где воду крутило. Потянул — тяжело. Другой раз потянул — тяжело! Тут Илья разохотился. Рванул невод что было мочи, завалил в лодку, а улов в лодке не помещается: сома ухватил пудов на двадцать!

Вся деревня сбежалась глядеть на богатырь-рыбу да на Илью Муромца. Приходили старики, головами качали:

— Постарше нас будет рыбка-то! Еще наши деды говорили: живет-де в речке сом-баярин. Он и есть! Усы аршинные.

Илья в пылу ловли забыл про кровавые мозоли, а на руки поглядел — сплошная рана.

Матушка Микулы Селяниновича Забава Дунаевна всполошилась, собралась скорехонько, говорит домашним:

— Пойду за сильными травами. Не разболелся бы сударь-богатырь.

Забава Дунаевна на ночь глядя в лес, а Микула Селянинович на порог. Наломался, наработался, но прежде чем в дом, сначала Голубке, лошадке, засыпал в ясли

ярого пшена. Уж такая работа выдалась, одному Свято-гору по силе.

А в деревеньке праздник. Мужички сомятины нажарили, ушицы из раков наварили, с репой, со смородиным листом, с чебрецом, с черемшою...

К ушице бражка молодая, мед ставленный, седой от пены.

Расселись на лужку, на зеленой травке, за овином. Место тихое, несуетное.

Ели, пили, разговоры вели: о житье-бытье, о молодом князе Святославе Игоревиче, о его матушке, вешей Ольге, незапамятные времена поминали.

О себе рассказали, а потом гостя спрашивали, из каких краев, какого рода-племени. Слушали Илью, головами качали:

— Не перевелись чудеса на Русской земле! Неспроста наградил тебя Господь богатырской силой. Мы ведь тоже христиане. Была у нас великая княгиня. Окунались мы в воду трикратно. Принимали священные дары от Ольгиних златоризых греков. Богу молимся, да, знать, плохо. Мало что переменялось. Грабят нас хазары, красных девок уводят, на добрых молодцев охотятся, как на зверей. Наловят — и на торжище.

Один дедок сказал:

— Мы живем в здешнем краю искони. Бог, расселяя людей, нашему роду даровал землю ровную, но дремучую. Это нынче мы к свету привыкли, а в незапамятные времена жили в темном лесу. Кормились охотой, бортничали, грибы-ягоды собирали.

— А я-то думал, мы испокон веку — пахари, — сказал Микула Селянинович.

— Давненько пашем, — согласился старик. — Мой прадедушка жег леса под рожь. А кто первым хлеб сеял — неведомо. Одно скажу — когда род наш жил в лесу, о врагах помину не было. Это на чужой хлеб разевают рты.

— Уж больно много охотников, — согласились мужики.

— Вот и послал нам Бог богатыря Илью Муромца, — сказал Микула Селянинович.

Поговорили мужички, попиروвали, разошлись. Заря догорает, дальние боры почернели, а Забавы Дунаевны нет и нет... Илье Муромцу беспокойно, ради его болячек пошла старушка в лес. Микула Селянинович тоже спать не ложится, то на крыльцо выйдет, а то и за ворота. Послал дочку, Любашу, за печным жаром. Вынесла девочка-малявочка целый противень горящих угольков. Поднялась на бережок, сыпанула жар на угасшую зарю. Заря и пыхнула, будто кто раздул поникшее кострище.

Удивился Илья, но помалкивает. Хотел уж было Сивку седлать, а Микула Селянинович говорит ему:

— Мою матушку искать в лесу, как иголку в сене. Давай-ка вот что с тобой сделаем.

Повел Илью на реку, на мельницу. Возле мельницы лежал огромный жернов. Говорит Микула Селянинович:

— Наши пращуры были неровня нам, сыром. Погляди, какой жерновок оставили. Без дела лежит. Силенок не хватает на место поставить.

Подошел Илья к жернову, надавил ногой, земля и всколыхнулась. Тут богатырь разохотился, ухватил жернов руками, уперся грудью, двинул... Да вместе с берегом! По земле трещина пошла.

Но Илья уж не унимается. Поднял жернов на попа, покатил, сам кричит:

— Микула Селянинович! Показывай, куда катить?

И ведь сделалось древнее дело. Встал жернов на свое место.

Открыл Микула Селянинович затвор, пустил воду, заработала мельница.

И смололи они не зерно, а белую гору. Посыпали дороги, тропинки, чтоб Забаве Дунаевне и во тьме было видно, куда идти.

Вернулась матушка Микулы Селяниновича в самую темень, до восхода месяца. Принесла спрык-траву, корень любиста, подорожник с перекрестка древних потерянных дорог.

Подорожником уврачевала руки Ильи Муромца, а спрык-траву отдала сыну.

В полночь Микула Селянинович вышел за околицу, брызнул соком спрык-травы на все четыре стороны.

И встали на небесах пращурь, столпы народа. На северной стороне — Гиперборей, на полуденной — скиф, на восходе — Арий, на заходе — вещий Олег.

Поклонился Микула Селянинович пращурам, повинился:

— Не грозит нам, потомкам вашим, злая погибель от мора, от голода. Земля родит, и женщины наши плодородны. Но откройте тайну: почему Бог дал великую силу немощному сидельцу Илье из земли Мурома? Не пришло ли время великой напасти? И прошу я вас, пращуров, укажите добрых учителей крестьянскому сыну. Дубиной да силушкой врага, искусного в чародействе, не одолеешь.

Первым говорил младший из пращуров, вещий Олег:

— Добыл я Киев для рода Рюриковичей на семьсот лет... Хазарию конем топтал, да не всю вытоптал. Но век ее в Голубиной книге сочтен. Видимая Хазария умрет так скоро, что ты трех урожаев не успеешь собрать. Невидимая сгинет через двадцать пять сороков лет с сороком.

Стал меркнуть образ, и закричал Микула Селянинович:

— Пресветлый пращур, скажи, где богатырю Илье учителя себе поискать. Прост Илья, а биться придется не с одними поленицами. На него тьмы ополчаются, с чародеями, с магами.

— Об Илье спроси пращуров, какие постарей меня!

Как из бездны пришел голос, затрепетали листья деревьев, взъерошились травы, мокрой стала земля от скатившейся росы.

Поклонился Микула Селянинович праотцу скифов, великому Колаксаю. Величав был царь-солнце. На голове, на белых власах, золотой обруч, на шее золотая гривна. В одной руке чаша, пышущая огнем, в другой — золотая огненная секира.

— Зачем звал? — спросил суровый скиф.

На колени опустился Микула Селянинович:

— О пращур! Не прогневайся. Научи уму-разуму потомка немудреного. Объявился богатырь. То не диво, не бедна русская сторона могучими молодцами, но дана

великая сила расслабленному в одиночасье. Знать, грядет великая беда. Может, за горами уже стоит, не за морями. А богатырь Илья совсем не учен. Силой силу одолеет, а от чародейства, от козней преисподни защититься ему нечем. Одной простоты, чай, мало.

Посмотрел Колаксай в чашу златокипящую, сказал:

— У детей твоих, у внуков, у правнуков жизнь будет славная. Царству Русскому год от года расти да силой наливаться. Далеко беда неминуемая. Ни детей твоих не тронет, ни внуков... Беде быть, но возродится к борению, в славе и могуществе, Великая Скуфь. Однако ж под стать моей — уже не бывать. Я, Микула Селянинович, владел тремя океанами: Восточным, Южным, Северным. Владел землями от Индии до Истра, от Ледовитого моря до Черного, где одни пески и нечем кормить кобылиц. Бог дает и Бог берет. Ныне отобрал, но завтра коробов да повозок будет втрое. А всего и надобно — ходить путями Господними, жить по заповедям... Семикратно возродится Великая Скуфь, и каждая новая будет богаче прежней и многолюдней. А про твоего богатыря ничего не вижу. В дальние дали глаза мои устремлены.

Сказал, и померкло небо полудня! Растаял образ царя-солнца.

Поклонился Микула Селянинович праотцу Арию:

— Дивный пращур! Твоя кровь течет в наших жилах, а ведают о тебе, о далеком, разве что жрецы Перуна. Скажи мне слово свое жемчужное, окатное.

Арий был в белых, как туман, одеждах, лик его туманился.

— Мир покорился моим колесницам. Ибо колесо — образ солнца, — молвил Арий. — Поклоняющийся колесу будет процветать, подобно земле, богатой солнцем. Вами утрачены земли обильные, солнечные. Утрачено великое наследие ариев. Мы шли за льдами, чтобы возделывать землю, возвращая ее к жизни. И пока мы терпели холод ради блага планеты, наши исконные земли захватили иные племена. Убогие разумом, они не думали о вечности, они хотели наслаждаться тем, что у них было. Вот тогда мы и взошли на колесницы, чтобы вновь обрести драгоценную прародину.

Образ трепетал, растекался на ветрах, и Микула Селянинович не утерпел:

— Белый прашур! Скажи мне хоть единое слово о богатыре...

Поник головою мудрый Арий.

— Потомок! Истреби в себе суету! — Слова были горькие, но Арий улыбнулся: — Довольно тебе, Микула Селянинович, быть пахарем, будь Сеятелем. От меня в твоей крови — жажда вечности. Что бы ни творилось в свете — не отрекайся от себя! О русичи, младое племя, вот вам завет: служите вечности, и вечность послужит вам... И вот мой оракул: талисман бессмертья русского народа — Слово. Упаси вас Боже отступить от Слова, променять Слово на словеса... Ваш дар — дивная речь.

И словно буря ударила по глади волн, всколебало небесное видение, унесло.

Исчез Арий, но засияли, заходили сполохи над седой главой исполина Гиперборея.

Распростерся на земле Микула Селянинович пред образом праотца праотцев и услышал:

— Встань! Негоже моему потомку быть рабом даже прашурам. Одному Богу служите рабски. Служите, не помня о себе.

Лицо Гиперборея светилось, как луна, а очи были такими синими, что даже ночь не могла хоть сколько притемнить их.

Микула Селянинович поднялся.

— Ты спрашиваешь об Илье Муромце? Доля его добрая. Будет он дедушкой всем русским богатырям, покуда мир стоит. Поучиться ему надобно в западной стороне. Все будете глядеть на Запад, хотя счастье ваше там, где солнце всходит. У Святогора пусть Илья Муромец богатырской науке поучится... А тебе скажу: за силой, за мудростью ходить бы вам под Полярную звезду. Все дивные кладези, все несказанное в Гиперборее. Как небо ходит вокруг неприметной звездочки Севера, так твоему народу быть для всех иных племен крепким стержнем. Много сыщется охотников истребить русское племя, племя скифов, племя ариев, племя гипербореев. Помни, на земле война — муравьиная, на небесах — миры расши-

баются о мирах и пепелища от вселенных есть тьма. Но мы на небесах за вас — стеной стоим. Бог даст — не рассыпемся, не развеемся, тогда и вы — устоите.

Заиграли сполохи веселей, звончей да все ярче, ярче. Микула Селянинович и не заметил утренней зари. А зорька — что ни миг — сарафаны меняла, этот уж такой розовый, а новые еще розовее.

Хан Басурман

Провожая, поднесли сельчане Илье Муромцу три пирога: один с репой, другой со смородиной, третий с сомятиной.

— За что такая честь заезжему? — спросил Илья, а ему так ответили:

— Сома ты сам поймал, всю весь накормил досыта. Да ведь и Микуле Селяниновичу подсобил. Вон какой вал взгромоздили.

— Вал велик, да моего труда с гулькин нос.

— Нам твою работу делать бы да делать, — сказали люди. — Верст пять навалил.

Дочка Микулы Селяниновича Любаша подарила Илье туесок со смородиной, а Забава Дунаевна корень любист и так напутствовала:

— Да будут к тебе, богатырю, ластиться князья да великие люди, но их любовь корыстна. Из народа ты пришел и народу послужи.

Микула Селянинович провожал богатыря на своей лошадке. Въехали на вал, поглядели: от одного горизонта до другого — конца нет.

— Ай да ты, Микула Селянинович! — ахнул Илья. — Это не по полю туда-сюда ездить. Таких пахарей, как ты, в целом свете не сыщешь.

— Ездить по полю тоже дело, — сказал Микула Селянинович. — Сеятель сеет, хлеб убирает, а гумно да амбары очищают заезжие молодцы. Без князя да без богатырей сеятелю нет жизни... А теперь слушай меня. Звал я пращуров нынешней ночью, и сказано мне было: пусть Илья Муромец едет к Святогору за богатырской

наукой. И еще было сказано: послужили бы русские люди самой вечности, тогда и вечность послужит нашему с тобой роду-племени.

— Бог даст, послужим! — согласился в простоте Илья.

Поклонились они друг другу, ладные да могучие русские люди, обнялись, и поехал богатырь Святогора искать, а сеятель глядел вослед да доброго пути желал.

Пошел Сивка махом, и осталась позади немудреная родная жизнь.

Ехал Илья день — съел один пирог, ехал другой — съел второй пирог, ехал третий день. Повечерял последним, третьим пирогом. А как пришла ночь, увидел костры за тремя белыми туманами.

Рано поутру надел Илья железную рубашку, навесил куяк на спину, на грудь — зеркало, попробовал, как меч в ножнах ходит, взвесил на руке палицу с тяжелым комлем.

Сивка под Ильей норовисто пошел, передние ноги скидывает, глазом косит, ноздрями пышет: знать, не пир впереди, а побоище.

Наехал Илья на кочевку Басурман-хана. На высоких шестах полог от дождя да от солнца, под пологом, высотой с коня, пространное ложе. На том ложе хан Басурман и сорок дев-невольниц. Вокруг ложа с четырех сторон на кошмах сто батыров, при каждом две девы, две невольницы.

Подъехал Илья ближе и не знает, куда глаза девать. Батыры с невольницами сочетаются скотским образом, потешают своего повелителя. А хан Басурман тоже молодчество скотское рад показать прилюдно. Ставил он своих дев на позорище и ходил от одной к другой, будто ярый бык. Тут приперло его, и батыры поднесли таз к ложу. Хан Басурман справил нужду без зазрения совести.

Закричал Илья Муромец страшным голосом:

— Ай да что же это за позорище! А позорище-то всему Чистому Полю, всему роду людскому!

Удивился хан Басурман:

— Чего глотку дерешь, надрываешься? Вот тебе дюжина самых изрядных дев, покажи нам, как ты с ними справишься.

Замахнулся Илья кленовой палицей:

— Ах ты, ханское ханище! Я не зверь, не скот. Не по мне, русаку, звериные да скотские повадки. Выходите на честный бой! Али вы только с бабами воины?!

Отвечает хан Басурман:

— Мы побили боярина русского с его гриднями, с его смердами, его веси пограбили, увели полон — тыщу душ... Где тебе, одинокому колосу, с серпом управиться? Я с моими батырами сжал твоё поле.

Смеялись батыры над Ильей, русских дев, паскудники, насиловали.

Загорелось ретивое сердце богатырское. Пустил Илья Муромец палицу в басурмановых слуг. Сколько снес голов, сколько пришиб до смерти, не считал. Наехал на ложе поганое, уж так тряхнул: улетел хан Басурман, как таракашка, а где упал — никто не искал.

Батыры прыснули во все стороны по-мышинному. Не хотели угоститься кленовой палицей в другой раз.

Сказал Илья невольницам:

— Собирайтесь, снаряжайтесь! Домой пошли!

Встреча Илья Муромца с Ярополком

По десяти витязей в ряд, а всего было сто рядов, ехала по чистому полю хоробрая дружина. Впереди дружины шестеро молодых бояр, а во главе воинства на красном коне княжич Ярополк.

Великая княгиня Ольга вновь правила Киевом, покуда великий князь Святослав за славой по бранным полям рыщет.

Сторожевую службу вещая Ольга возложила на Ярополка да на боярина Претича.

Боярин охранял всю Русскую землю, а Ярополк — стольный град Киев. Дадена ему была тысяча воинов. Ездил княжич с этой тысячей дозором вокруг Киева. Первое слово в дружине было его, а второе — боярина Блуда.

У Ярополка личико суровое, брови сдвинуты, правой рукой на меч опирается.

Хоть и приходилось дружине рядами ездить, Ярополк был ей люб. Народ, завидев своих защитников, радовался, выходил глядеть. Броня грозная, кони могучие, воины — богатыри. Сами себе гридни нравились.

Не давал княжич дружине поблажки в часы службы, но зато водил на Днепр, коней купать. Раздевались воины до наготы, въезжали в воду, купались вместе с конями, сколько душе было угодно. Но Ярополк и на реке беззаботным не был. Полсотни держал на конях при оружии, хоть об опасности помину не было.

Любил Ярополк молодецкие игры в поле: скачки, стрельбу из луков, рубку на деревянных мечях. Всякий день после дозора для дружины резали быка, подавали пенную чашу меда. А победителям ристалищ Ярополк давал награды: кому барана, кому меру пшеницы или бочонок пива, рубаху, чеботы, а то и коня.

У Блуда лицо всегда веселое. Всякому слову княжича уж так рад, будто умнее и сказать было нельзя. Ярополк на восторги Блуда хмурился, но если не слышал похвал, скучнел.

В погожий день ехал Ярополк с дружиной в чистом поле. Ехал, вздыхал: никто не набегаёт, ни чужие, ни свои лихие люди.

Вдруг облако пыли. Прискакали дозорные. Говорят Ярополку, а на Блуда поглядывают:

— Богатырь едет, а с ним и арбы, и верблюды.

— А сколько войска с богатырем? — спросил Ярополк.

Повинились дозорные.

— Прости, княжич! Дождей две недели нет. Такая пыль, не разглядели.

— Две недели, говорите, дождей не было! — закричал Ярополк. — Пыль большая? Неделю вам на конюшне сидеть, навоз убирать. А другую неделю будете подсолнухи стеречь от воробьев.

Дружине гроза Ярополка по душе пришлась, поделом наказание. А Блуд взревновал. Мальчишка не позволяет ему, боярину во цвете лет, выказать свой здравый ум, выучку полководца.

— Приготовить луки! — скомандовал Блуд.

Ярополк удивился, повернул коня к дружине, спрашивает:

— Зачем нам грозить неведомым воинам? Лучше покажем, что нас много. Рассыпьте по полю полумесяцем.

Голосочек у княжича звонкий, рукой взмахивает по-мальчишески, но дружина приказ его исполнила.

Выждал Ярополк малое время и велел опять построиться по-прежнему, в десять рядов.

Блуд тут как тут, с советом:

— Тебе, княжич, вперед ехать нельзя. Зайди за дружину.

Ярополк на пыль показывает:

— Это не войско идет. Это обоз. Не от кого мне прятаться.

И верно. Разглядели богатыря, а в арбах за ним все женщины да женщины. Увидал богатырь дружину, остановил обоз, поехал спросить, с кем Бог свел.

Говорит Блуд Ярополку:

— Дозволь, княжич, мне вести речи с неведомым человеком.

— Говори, — согласился Ярополк.

А богатырь уж вот он. Остановил коня за сорок шагов, поклонился вежливо. Еще проехал немного, опять поклонился. Сказал:

— Зовут меня Илья Муромец. Рода я русского. Отбил полон у хана Басурмана. Еду к Киеву, полон охраняю, чтоб не перехватили в чистом поле степняки беспокойные.

— Кому ты служишь? — спросил боярин Блуд. — Сколько у тебя людей?

— Сколько в полоне народу, не считал, — ответил Илья Муромец. — Да и народ-то больно сарафанистый.

— Сколько мечей в твоей дружине, спрашиваю? — рассердился Блуд.

— Один. Один езжу.

— Несуразное говоришь! Как это ты в одиночку хана Басурмана побил? У хана одних батыров четыре сотни.

— Да вроде много было, — согласился Илья. — Я дубину метнул — иных побил, иные разбежались.

— Что за сказки?! — распалился Блуд, но Ярополк сказал:

— Свидетели у богатыря, у Ильи Муромца, в арбах сидят. Коли не веришь, поезжай спроси.

Поклонился тут Ярополк богатырю:

— За избавление русских женщин от позора, от плена спасибо! Зовут меня Ярополк. Я — сын великого князя Святослава, берегу Киев от лихих людей. Не пойдешь ли в мою дружину? Будешь всем нам за старшего брата.

Поклонился Илья княжичу:

— Молод я в старших братьях хаживать. Неучен я, неискусен в ратном деле. Поучиться еду, мир поглядеть, ума-разума поднабраться. Отпусти меня, княжич, на все четыре стороны. Вот познаю науки молодецкие, погляжу на белый свет, сам приеду на службу проситься.

— Будь по-твоему, — сказал Ярополк и подарил Илье свой шатер походный.

Взмолился богатырь:

— Помилуй меня, деревенщину! Тебе шатер — для княжеских пиров, а мне — обуза в дороге. Вот не укажут ли твои витязи дорогу к Святогору? Лучше награды для меня нет.

Расспросил Ярополк дружину, и сказал один седоусый лучник:

— Мне в молодости богатырь Святогор тетиву на лук натянул. Поезжай на закат. В иные дни видно, как езживает старый богатырь по краю земли, задевает шапкою облака.

Поклонился Илья князю и дружине с благодарностью.

А Ярополк говорит:

— Не могу я тебя отпустить без награды... Возьми, Илья, рукавицы. Мне они велики, а тебе впору. Мне эти рукавицы бабушка в дозор дала. Добрая вещь, но тебе они в чистом поле нужнее.

Подумал Илья, подумал и принял рукавицу на левую руку. Сказал на прощанье княжичу:

— Приеду на службу, заставой от твоих врагов стоять, тогда уж и вторую возьму.

Разъехались наконец. В чистом поле натянул богатырь рукавицу на шуйцу, поглядел: диво так уж диво!

Дальняя даль до того к глазам приблизилась, хоть рукой потрогай.

Обрадовался Илья:

— С такой рукавичкой я Святогора высмотрю.

Первый гром над Хазарией

Каган Хазарии возвращался с кочевки в стольный Итиль. Въезд в город не был столь пышным, как весенний исход в Белую Вежу. Обошлось без слона, без псалмов, даже без колесницы. Каган Иосиф из Белой Вежи не прошеествовал, но промчался. Это не было бегством, но только потому, что никто за ним не гнался.

Баян ехал в обозе кагана, вместе с Догодой. Догода подвернул на охоте ногу: тура загоняли. Целительные рога лечили кагана от старческой немочи.

— На целый месяц кочевку сократили, — качал головой Догода. — Белые хазары еще раньше в Итиль сбежали.

Белые хазары удивили Баяна. Всегда высокомерные, нижняя губа отвисает, взглядывают из-под век, и так взглядывают, словно перед ними пустое место. И вдруг эти же самые люди сделались суетливыми, руки дрожат, глаза бегают. Каждому встречному-поперечному улыбаются. Зело напугал Святослав всемогущих властителей жизни.

Князя ждали на Волге, а он прошел через земли вятичей, поразил обидчиков своего отца буртасов. Как ярая молния, города и селения пожег, людей побил.

— Со времен вещего Олега такого с Хазарией не приключалось, — говорил Догода, но печали в его голосе не было. — Свиристый нынче князь в Киеве, все равно что Аттила.

— Я видел Святослава, — сказал Баян. — У него лицо веселое... — И, подумав, добавил твердо: — У него доброе лицо!

— Святослав мстит за кровь Игорева войска, — сказал витязь Позвизд. — Буртасы десять тысяч русских воинов зарезали. Притворились друзьями, а ночью на спящих

напали. Святослав грозитя подрубить древо племени бургасов под самый корень, чтоб и помину о них не было.

Баян закрыл глаза и ясно, как наяву, увидел белого коня, летящего с белой скалы. Вспомнил Благомира, пенные чаши Святослава, великий праздник родных по крови людей. Благомир любил Святослава. Может, перед смертью своей нашел всесильное слово? Может, это слово и помогает теперь русичам?

— Князь Святослав ходит как барс, неслышно, — сказал Догода, — а силой он превосходит ярого тура. Хазары хотели на русичей с двух сторон ударить, чтоб земля бургасов стала для них могилой, со стороны Хазарии хотели ударить и со стороны Булгарии, но Святослав опередил. Он сам напал на болгар. Булгары разбегаются от него по лесам, а многие ушли на левый берег Итиля.

Обоз медленно втягивался в город. Пошли сады окраин. Здесь жили вольные хорезмийцы да рабы из Дагестана.

— Догода! Догода! Что это? — испугался Баян.

Возле глинобитной стены, ограждавшей двор богатого купца, лежали в запекшейся кровавой луже двое убитых.

— На кагана посмели глаза поднять, — объяснил Догода. — А может, спины разогнули раньше времени, каган еще виден был.

— Но мы-то смотрим на кагана!

— Мы — свита.

Баян похолодел: Власта, матушка, ведь на ноги поднялась, когда услышала, что это он, Баян, псалмы поет.

Уж так захотелось к матери, до слез. Но из дворца никого никуда в тот день не пустили.

А на другой день и подавно.

К великому кагану Иосифу пожаловал кенден-каган Арпад. Иосиф был священным талисманом Хазарии, а войско повиновалось Арпаду, его власть не знала ограничений. Одного не мог переступить Арпад — закона праотцев.

Арпад страшно торопился, но он обязан был дотошно исполнить священные ритуалы.

В тронную, в круглую палату кагана Иосифа он вошел, как и предписано было, босиком, с беременем дров в руках.

Войдя в палату, Арпад сложил дрова на огромный бронзовый поднос, за которым свободно уселось бы двенадцать человек. Зажег дрова, очистился огнем от скверны дел и от скверны мыслей.

Арпад носил титул кендер-кагана, исполняя должность кагана-бека. Иосиф не спешил возвести Арпада в царское достоинство, но это не помешало Арпаду присвоить себе все полномочия и все привилегии бека. Титул джавшыгира кендер-каган пожаловал своему младшему брату, и каган Иосиф должен был смиренно признать это пожалование.

Единственно, что не позволял себе Арпад, — садиться на троне кагана по правую от него руку. Это место принадлежало беку. Арпад сажился на трон слева от Иосифа, хотя для кендер-кагана трон Хазарии был слишком высоким местом.

На этот раз Арпад сел от Иосифа по правую руку, пахнувший дровами, дымом, потом лошади.

— Дозволь говорить, — сказал Арпад обязательную фразу, но не стал ждать позволения. — Сегодня, блистательный и совершенный во всех совершенствах, ты объявишь о возведении меня, Арпада, в каган-беки. Хазария не может более оставаться без бека. Князь Святослав избил бургасов и осаждает город Булгар. Вятичи на помощь булгарам не идут. Они боятся Руси, они — одна кровь славянам.

— А ведомо ли тебе, Арпад, кого сама русь боится? — спросил Иосиф.

Арпад презрительно пожал плечами: Иосиф все умничает.

— Русь — это и есть Святослав. Он очень молод, но за его плечами мудрый Свенельд. Дружина Святослава обучена не хуже византийского войска, но он пришел не один. Он привел гузов и печенегов.

Иосиф улыбнулся:

— К чему тогда твои тревоги? Пусть те, кто пришли со Святославом, погубят его.

Арпад молчал. Он был из белых хазар, но лицом безобразен. Лоб темный, щеки лоснятся от жира, во впадинах над верхней и под нижней губами — постоянно сыро от пота, глаза навывкате, уши огромные, оттопыренные.

Посмотрел на Иосифа, лягушачий рот его растянулся, и только потом он улыбнулся.

— Я угадал твою пресветлую волю, каган. Я уже исполнил ее. К печенегу Куре тайным обычаем я отправил твоего великого посла Иоанна Ашина. Святослава надо лишить конницы. За это ничего не жалко отдать.

— А что ты обещаешь печенегу? Какой залог послан тобою?

— Золото!

— Да, золото,— согласился Иосиф.— Но — сколько?

— Я отправил сто монет, обещая пятьсот.

— О великий Бог! — воскликнул Иосиф, бледнея.— Это чрезмерно! Чрезмерно!

Ярость расплющила отвратительное лицо Арпада. Взревел безобразнее осла:

— Русичей надо остановить! Если мы их не остановим, они сделают с нами то же, что с буртасами. Им есть за что мстить тебе, великому кагану.

— Им есть за что мстить кагану,— согласился Иосиф,— хотя приказов я не отдаю, но — пятьсот монет!

— Ты их дашь мне нынче. Все пятьсот. Сотню я взял из войсковой казны.

— Когда ты собираешься в поход? — спросил Иосиф.

— Я уже отправил десять тысяч конницы, надо спасти город Булгар, пока он стоит... Не будет Булгара, Итиль тоже канет в Лету.

— Не пугай меня. Святослав не посмеет даже помыслить об Итиле.

— Не посмеет, если я обрублю ему руки! И ноги! — снова по-ослиному взревел Арпад.

Он тотчас удалился из круглой палаты в звериную, чтобы там получить нужное ему золото.

Посещение кендер-кагана, превратившегося в каган-бека, испугало Иосифа.

Теперь он думал только об одном: заканчивается сороковой год его царствия. Закон предков неумолим: каган должен умереть, ибо он счастье народа. За сорок лет счастье вычерпывают до самого дна.

Иосиф потерял все желания. Он пробуждался, его одевали, он молился, ел. И, оставшись наконец один, сидел на своем троне, никому не нужный, почитаемый, как Бог, и ненавидимый, как сатана. Он ничего не мог, ни великого, ни малого — ходячий истукан. И такой же пустой, такой же ничтожный. Он только существует, а ему желают смерти, его проклинаят за алчность алхазар, за жестокость карахазар... Пришло время, когда могут вдруг явиться и убить... Плох он или хорош, счастлив или неудачлив. Убьют за титул. Титул — звук, но его не снимешь, как платье.

Иосиф не желал даже псалмов. Он словно переел перепелиных яиц, его подташнивало, и не от какой-либо болезни — от самого себя.

Жизнь во дворце кагана остановилась. Баяну позволили побыть в городе, в собственном доме.

Власта не могла наглядеться на сыночка. Взялась головку ему расчесать, пощелкать вошек — но какие вошки у псалмопевца кагана...

— Ухоженный ты в царских-то чертогах! — сказала Власта огорченно. — Ни вошек, ни гнид, а вошки — к богатству.

— Может, где и есть, да тебе не показались, — успокоил матушку Баян. — Мне кошелек денег дали.

Кошелек был тугой, полнехонький.

— Себе оставь! — замахала руками матушка. — Ко мне добрые люди лечиться ходят. И деньги дают, и подарки. Иные помногу. Знают, что я царицу от болезни избавила.

— Зачем мне деньги! — сказал Баян. — Во дворце кормят, одевают. Лошадей дают.

Власта призадумалась.

— Благомирово благословение на тебе. Не забывай дивного старца.

— Как я могу забыть Благомира! Благомир во мне, как само слово. Догода меня молчуном зовет, а я все

равно молчу. Помню: Благомир пустых побасенок не терпел. Он так говорил: слово сильнее молнии, лепо ли разбрасывать молнии без надобности?

Власта спохватилась:

— Давай пополдничаем, а то ко мне скоро певец из царицыного дворца придет. Самый толстенный евнух. Уж так толст, как две коровы на сносях. А голосок — тоньше паутины.

Подала матушка на стол корчагу сливок да пирог с изюмом. Смотрела, как ест Баян, свой кусок слезами мочила.

На милой родине сливки не пили, не пробовали, изюма не видывали, но были бы крылья, улетела — не оглянувшись ни разу.

Вскочила, принесла мед, а в меду яблоки. Да такие, что светятся. Зернышки все видны.

— Вот еще какая еда завелась. Алхазары сладко едят.

— Как бы не загорчили у них яства да сладкие вина, — сказал Баян.

Матушка с испугом посмотрела на дверь:

— Не говори так! Не подслушал бы кто. Они ведь посылают под дверьми слушать.

Баян положил в рот настоящее на меду яблоко.

— Вкусно? — спросила Власта.

— Вкусно! — согласился Баян.

Матушка придвинулась, зашептала на ухо:

— Я слышала на базаре... Князь-то Святослав буртасов всех побил, порезал, за болгар взялся. Говорят, жесток, хуже волка.

— У хазар из трех слов — два лживых, а из сорока все сорок, — сказал Баян, махнул рукою и сладко зевнул. — Ну их!

— Поспи! — улыбнулась Власта. — Тебя ведь спозаранок во дворце поднимают.

— Спозаранок, — кивнул Баян.

— Поспи. Я тебе в темной постелю, чтоб солнышко не тревожило.

Баяну в чуланчике было так хорошо, так покойно. Анисом пахло, детством. Последнее, что он чувствовал, засыпая, — матушкина рука на голове, родная.

Пока Баян спал, к Власте пришел толстенный певец-евнух. Евнуха изнурял кашель, у него шла горлом кровь. Власта взялась отпаивать больного кумысом да козьим молоком. Сначала евнух лечился у знахарки по приказу царицы Торахан, не веря дикарскому врачеванию. Но ему стало лучше. Он снова мог петь, припадки слабости посещали его все реже и реже.

Теперь евнух смотрел на Власту как на спасительницу. Он принес ей в подарок свечу и небольшую икону Богородицы на кипарисовой доске. Власта удивилась:

— Целительно пахнет.

Евнух сказал:

— Эта икона называется Путеводительница. Да будут твои пути и пути твоего сына благословенны... Я прошу тебя — крестись. Ты лечишь, не прибегая к ворожбе, тем, что дано человеку от Бога, молоком, травами. Твоя сила целительницы удесятерится. Верующие в Христа ходят в свете, в любви.

Власта подала евноху кринку с кумысом:

— Выпей все, до последней капли!

Сама взяла икону, смотрела на Богородицу, на Бога Сына. Спросила:

— Если христиане ходят в свете, в любви, почему они тебя покалечили, крещеного?

Евнух возвел руки горе:

— Я бы мог сказать тебе очень много, но скажу одно. Меня всю жизнь кормит, поит, дает богатство мое несчастье. Я пострадал ради красоты, ради того, чтобы изумлять великих мира сего чистотой и великолепием голоса... Не суди о Боге по дурным поступкам людей, женщина. Веруй, и Бог тебя не оставит.

Власта слушала евноху, а сама приготовила жаровню и окурила больного можжевельником и наростами на деревьях. С собой она дала ему молоко от козы, которую кормила целебными сильными травами.

Прощаясь, евнух сказал Власте:

— Я умирал, а ты вернула меня к жизни. Я простился с моим голосом, единственной моей радостью, а он звучит как прежде и много сильнее. О женщина! Я хотел бы отплатить тебе добром.

Власта поклонилась евноху:

— Ты щедро платишь за лечение. На твои деньги я могу жить и содержать дом. Мне большего не надо.

Евнух одобрительно качал головой.

— Я знаю,— сказал он,— нет воинов свирепее, чем руссы. Но нет и добрее вашего племени. Вы живете сердцем.

Евнух забрал приготовленное для него молоко, сел в повозку и уехал.

А Баян спал, сладко почмокивая и вздыхая.

Утром он пробудился от счастья. Открыл глаза и увидел на столе тяжелые багряно-алые кисти рябины.

Рябина на подоконниках, по углам комнаты, гирляндою над дверью и возле... подушки! Кисть рябины, кисть калины.

— Проснулся! — обрадовалась матушка.— А к нам праздник пришел. Горькой рябины отведай, сладкой калиной заешь! — Поднесла Баяну рдяную кисть.— Где рубинам, где лалам до лесной нашей багряницы!

Баян взял ртом несколько ягод, надкусил. Зажмурился.

Власта засмеялась.

— Калинушкой заешь, калинушкой! Да еще медком.— Подала кусок светящихся на солнце сотов.— Скусно?

— Скусно.

У Баяна от нежности к матушке сердце остановилось: как дома, как в той, в другой жизни.

— Поднимайся, умывайся, да скорехонько! Пока никто к нам не пожаловал. Устроим похороны комарам да мухам по нашему обычаю, по-древлянскому.

Баян выскочил из постели, озирая горницу глазами охотника. Мух в доме Власты — как вошек в голове, ну хоть бы одна!

— Пойдем в хлев,— предложила Власта.— Медку с собой прихватим. Не утерпят, налетят.

— А где возьмем комаров?

— Комары давно уже убрались подобра-поздорову. Да и мух бы не было, но теплынь стоит летняя, дожди по сю пору парные. Дивный год! Небывалый. Весна зимой!

началась, лето по осени не кончается. Ни одного холодного тумана за весь ревун-заревник.

В хлеву у Власты стояли козы. Все черные, желтоглазые.

— Сколько их у тебя? — спросил Баян.

— Как и надобно — семеро. От семерых молоко беру. Каждая коза свою травку ест. Я тебя этой тайне научу.

Повеселили друг друга, ловя мух. По горсти, однако, наловили. Власта приготовила две большие репы. Разрезала ровнехонько, сердцевину выскребла. Медку налили в репки, посадили мух, крышками с репкиными хвостиками накрыли, пошли к похоронам снаряжаться.

Власта надела черный плат, темное платье, черные чеботы. А Баяну и менять ничего не надо: дворцовая одежда черная, с серебряными позументами. Но похороны-то потешные: ради забавы надел на голову горшок. Из дощечек смастерил трещалку, и пошли они с Властой, повеся на груди, на тесемках — репы с мухами, в сад. Власта завела похоронную песню, а Баян трещоткой трещал.

Власта пела:

Баньку таракан срубил,
Таракан воду наносил,
Клопики дровишек,
На растопку шишек.
Муха пару подавала,
Блошка венчиком хлестала,
Вошка парилася,
Да ударилася
Ненароком
Правым боком,
Ухайдакалася.

Могилу вырыли под рябиной. Опустили репы, и Власта сказала:

— Мухи вы, мухи, комаровы подруги, пора совесть знать, под землей лежать.

Баян добавил:

— Муха муху ешь, а последняя саму себя съешь!

Закопали репы, постояли над могилкой с постными лицами.

— Пошли поминки справлять! — сказала Власта, развеселясь глазами. — Я пирог испекла с калиной.

Баян даже ойкнул:

— Матушка! Мы как дома.

Вздохнула Власта. И Баян вздохнул. И вдруг засмеялся:

— Святослав хазар как мух похоронит. А буртасы не хуже комаров — первыми в землю полегли.

Золотая серьга

Печенег Куря пересыпал с ладони на ладонь золото хазарского кагана. Монеты отягощали руки, светились маняще, желанно.

— А сколько еще мне даст великий каган Иосиф? — спросил Куря, и глаза его сверкнули.

— Здесь пятьдесят монет, а дадено будет — пять сотен.

— Пять сотен, — тоненько пропел Куря, рассыпая золото перед собою.

— Это если ты отрубишь Святославу голову.

— Пять сотен! — Куря зашелся звонким детским смехом, повалился навзничь, выставив пятерню и шевеля пальцами.

Каган-бек Арпад отправил к предводителю печенегов своего лучшего посла Иоанна Ашина. Иоанн попивал кумыс да улыбался. Шелнул что-то своему слуге. Тот быстро вышел из шатра. Куря проследил за ним долгим взглядом, сунул подушку под бок и, потягиваясь, позевывая, удивительно похожий на рысь, сказал капризно и обидчиво:

— Почему ты не привез изюму? Семендерский изюм — любимое из моих лакомств.

— Твои желанья, хан, я исполняю даже раньше, чем ты о них подумаешь.

В шатер вошла Услава. Будто светлый день явился среди ночи. В руках Услава держала поднос с изюмом, уложенным в виде горы Арарат.

Куря обомлел, но только на мгновение.

— Я хочу эту! — он указал на Усладу.

— Каган-бек Арпад дарит тебе, Куря, самую прекрасную из своих наложниц, — поклонился печенегу ласковый Иоанн Ашин и прибавил: — На Святослава ударят одновременно с трех сторон. Булгары выйдут из города, ты — нападешь с левой руки, а войско Арпада — с правой. Святослав кинется к реке, а на реке его будут ждать наши корабли.

Куря съел горсть изюму и опять завалился на бок.

— Дай еще!

— Изюму?!

— Золота.

— Но тебе пожаловано щедро! За такие деньги можно и двух князей прибить.

— Я еще хочу. — Куря стукнул пяткой по ковру.

— Будь по-твоему, — согласился посол.

Тотчас отправил слугу, и слуга принес мешочек с десятью монетами. Куря высыпал золото себе на голову.

— Еще! — сказал он. — Еще!

— Но это невозможно! — возмутился Иоанн.

— Возможно. — Куря сощурил глаза, смеялся тихонько, поглаживая левой рукой горло, живот...

«Неужели он знает, сколько дадено Арпадом денег?» — удивился Иоанн и подумал о слугах: «Кто передает тайны, кто?»

Куре сказал:

— Хорошо, я дам тебе еще, но как ты докажешь свою преданность кагану?

— Головой! — Куря улыбался. — Если я не сумею убить Святослава, Святослав убьет меня... Давай золото, давай! Я буду посыпать им русскую рабыню.

Слуга посла принес еще сорок монет.

Куря посмотрел на золото и отвернулся. Смотрел в одну точку. Тоска была на его лице. Крутил правой рукой золотую серьгу. Молчал, и в шатре было тихо. Лишь бурчали животы у печенежской знати, переевшей вкусной хазарской еды.

Иоанн сделал знак. Его слуга достал из сумы запечатанную амфору. Сломал печать, откупорил. По шатру

разлилось благоухание сладкого вина, настоящего на лепестках роз.

Чаша была наполнена, Иоанн отпил первым, передал Курю. Куря хлебнул и распахнул глаза.

— Сколько у вас всего, чтоб заманить! — хлебнул, хлебнул и передал чашу своему главному аскеру.

Лицо Кури стало загадочным. Ему открылось вдруг: он может брать с этих хитроумных апокрисиариев много, очень много! И ему дадут! Он нужен Святославу. Необходим беку Хазарии Арпаду. Без него пропадет хан булгар, а вожди семи мадьярских племен потеряют опору жизни и будут метаться в поисках сильного господина. Он, печенег, самый нужный союзник василевса Византии.

— Давай пятьсот, пятьсот! И я буду твоим другом, — веселился Куря, подгребая к себе золотые монеты.

Иоанн поклонился нижайше:

— Ты перепутал, Куря. Не ты покупаешь Хазарию. Это Хазария одаривает тебя за верную службу... Видишь? — Посол показал на опустевшую чашу. — Сейчас ее наполнят, и она снова одарит тебя и твоих людей сладостью и весельем.

Слуга наполнил сосуд до краев, и посол снова отпил первым.

— Мои жены ходят в лохмотьях! — рассердился Куря. — Моя одежда истлела от ветхости! Пусть пришлют для моих жен паволок да прандий! А мне — парчи.

— Будут паволоки, прандии, будет харерия для твоих жен, будет парча — тебе, будет даже корица и шафран к твоим блюдам.

— И перец! — потребовал Куря.

— И перец, и кардамон, и даже мускус, но сначала ты исполнишь эту совсем малую службу великому кагану.

Курю вдруг прошиб озноб.

— Малую! — он хохотнул. И хохотал, хохотал... До икоты.

Икается тому, кого поминают недобром.

...Князь Святослав ни единого слова о Куре вслух не сказал, а зубами заскрипел.

Князю показали большое селение болгар, в котором побывали печенеги. На широкой зеленой лужайке перед мечетью из голов детей были выложены колдовские знаки. Дерево с тремя конскими головами. Дерево уходило в пепелище, где сожгли трупы.

В живых в этой веси не нашли ни старого, ни малого. Над женщинами перед смертью ругались, мужчин убивали мученически.

— Куря! Зверь кровожадный! Уж не хочет ли он оставить русское имя русского князя перед белым светом? — мрачно сказал Свенельд.

Святослав еще раз скрипнул зубами, но промолчал.

— Почему печенеги не берут болгар в полон? — бледный как полотно, удивился Вышата.

— Полон у Кури чрезмерно велик, — объяснил Свенельд, — а ведь его кормить надо.

— Я заберу у него половину, — сказал Святослав. — А то и две трети, чтоб кровь не лил. Хуже волка!

Кровавый пир печенегов поразил молодого князя, но война — это война. Ее не убыло.

Не желая вязнуть в длительной осаде стольного Булгара, Святослав неожиданно для Арпада увел войско. Пропал на время и объявился на Каме. Разорял города и поселения местного народа, отмстив буртасам за их давнее предательство, за пролитую кровь воинов отца. Святослав с болгарамии не был жесток, но от своей цели не отказался. Он хотел подорвать силы болгар, а заодно и Хазарии.

О посольстве хазарского царя к печенегам Святослав узнал от... Иоанна Ашина. Ашины ненавидели Арпада и белых хазар. Иудеи, захватив власть, вели Хазарию к гибели. Их презрение к истинным хазарам не знало пределов. Они привыкли брать лучшее, смеялись над древними родами от тюркского корня. Даже Ашинов, создавших Хазарию, отстранили от больших государственных дел. Служить себе позволяли, но делились крохами и никогда не забывали выставить своих заслуг, своего превосходства.

Святослав позвал на совет илька Юнуса, варяга Икмора и воеводу Свенельда. Предательство Кури не испугало князя — огорчило:

— Я думал вместе с печенегами, с гузами совершить великие дела. Потрясти Вселенную, перевернуть мир, поделить между сильными. Куря — предал самого себя! Отныне он забыт мною. Он еще жив, пересыпает с ладони на ладонь нечестивое золото хазар, но его уже нет.

Икмор сказал:

— Мы явились сюда, быстрые, как молния. Буртасы уничтожены, болгары потрясены, а гром еще только-только раскатывается. Мы должны быть дома раньше, чем отгремят последние раскаты.

— Да, мы подзадержались, — согласился Свенельд. — Для буртасов наш приход был как буря, а болгары нас ждали.

— Я посылал к буртасам сказать, что иду на них, — возразил Святослав, — посылал и к болгарам.

— Буртасы не поверили твоему гонцу. — Свенельд опустил на стол кулак левой руки, а правую ладонь растопырил. — Теперь встречи с нами ждут не дождутся хазары, чтоб наказать за дерзость. Войско ведет каган-бек Арпад. Он собирался устроить нам западню возле Булгара, теперь он оседлал дороги и загородил кораблями Итиль.

— И что ты думаешь? — спросил князь.

— Я думаю, нам следует переправиться через Каму, пройти левым берегом Итиля за спину Арпаду, снова переправиться и уйти.

— Мы вернемся к Булгару, — возразил Святослав.

— А Куря?! — в один голос воскликнули Юнус, Свенельд и даже молчаливый Икмор.

— Курю мы пошлем на Арпада. Пока они будут притворяться, что воюют друг с другом, мы свое дело сделаем.

План был рискованный. Воеводы думали, думали и согласились.

Удар был стремителен и беспощаден. Защитники Булгара полегли, Святослав зажег деревянные стены, но огонь перекинулся и на дома.

Куря шел бок о бок с войском Арпада, который спешил на выручку Булгара, да опоздал.

Святослав и теперь остался верен себе, прислал гонца к хазарскому беку:

— Иду на вы!

А чтобы Куря не смог отработать хазарское золото, заслонился гузской конницей верного Юнуса.

Сражение с Арпадом получилось коротким. Святослав избил передовой отряд карахазар. Икмор и Свенельд ударили во фланги, и Арпад бежал на корабли. Уплыл, оставив булгар на милость Святослава.

Печенеги во время сражения так и не тронулись с места.

Когда все кончилось, Святослав позвал Курю в свой стан. Куря медлил, не зная, как ему быть. Князь спросит, почему смотрел за битвой со стороны.

Оставалось свалить вину на Тенгри: день бога не позволил печенегам омочить оружие кровью.

Святослав пождал-пождал и явился в шатер Кури, неожиданный, как радуга среди ясного неба.

Куря пировал с Усладой, заставляя наложницу менять наряды. Богатых домов ограблено без числа: было из чего выбрать и платьев, и драгоценных уборов, хоть на голову, хоть на грудь, на руки, на ноги...

Святослав, увидевши Усладу, изумился, но ничего не сказал. Не снимая сапог, сел на ковер, лицом к лицу с Курей.

— Я тебя за язык тянул, когда ты говорил, что пойдешь со мною искать славы и вечности? — спросил Святослав.

У Кури от недоброго предчувствия подбородок онемел.

— Сколько тебе дал Иоанн Ашин? — спросил Святослав.

Куря забегал глазами, ища своих, но у выхода из шатра стояли варяги. Признался:

— Сто монет.

— На сто монет ты променял славу и вечность? Куря, ты продешевил!

— Мне обещали пятьсот! — наливаясь злобой, возразил печенег.

— Ну, если пятьсот! — Святослав сделал серьезное лицо.

Вдруг протянул руку, схватил Курю за серьгу.

— Такие носят войны, а ты не воевал, ты предавал.
Не по тебе серьга!

Рванул, разорвал ухо.

Улада ойкнула.

Куря молчал как рыба. Кровь крупными каплями падала на нежно-розовый халат, с драконом на груди.

— Не впрок тебе колдовство! — Святослав подкидывал и ловил золотую серьгу. — Еще не раз возропщит кровь убиенных тобою детей! За все совершенное злодейство пусть спросят с тебя твой отец и твой род. Но я тоже буду ответчиком перед Сварогом и Волосом, если оставлю у тебя полон.

Святослав еще раз подбросил вверх серьгу, поймал, посмотрел Куре в глаза и быстро пошел из шатра вон.

Войско было уже на конях, добыча и полон отправлены вперед с вечера, под охраной Юнуса и гузов.

Ни Арпад, ни болгары, ни буртасы не посмели погнаться за Святославом.

Проходя через земли вятичей, князь руссов и славян задал им тот же вопрос, что и в начале похода:

— Кому дань платите?

Ему ответили, как и прежде:

— Хазарам, по шлягу от рала даем.

Усмехнулся Святослав. Вятичи призадумались. Они знали: русь побила буртасов, побила болгар, а каган-бек Арпад бегством спасся.

Удивил вятичей и сам Святослав. В поход шел, одет был как воин, из похода — такой же. Ни шелка на нем, ни золота! Если чего прибавилось: серьга в ухе. А убавилось — волос на голове. Обрил, одну чупрыну оставил. Усики над губой едва золотятся. Уж такой молодой князек, но ранний.

Молчание Киева

Снежинки являлись ниоткуда, кружились и улетали за Днепр в чистое поле.

Ни птичьего голоса, ни горластых переключек веселых людей на торжище.

Город примолк, сидел на своих горах нахохлясь, объятый то ли дремой, то ли думой.

Великая княгиня Ольга покидала белый свет. Искусные врачи не могли понять, что с нею. Сходились в одном: нить жизни истончилась.

Ярополк просиживал у постели бабушки часами. Сделает сторожевой объезд и опять тут как тут. Иной раз, притомясь, засыпал, положи голову на край бабушкиной подушки. Бывало, что и крепко, но чаще по-воробыному: закрыл глаза — открыл и уже выспался.

Лицо у бабушки было очень белое, величавое. Она не ласкала внука ни словом, ни взглядом, занятая мыслями о вечном.

Ей становилось все хуже и хуже, но она не прикусывала верхнюю губу, не было старушечьих морщинок в уголках рта. Значит, думала о хорошем.

Ярополк верил: бабушка знает тайну тайн, она умеет, чтоб все в княжестве делалось по ее. Но не за тайной приходил. Ему хотелось быть с бабушкой. Боялся, что забудет о нем и оставит, уйдет к пращурам.

— Что в поле? — спросила однажды Ольга, улыбнувшись глазами.

— В поле спокойно, — ответил Ярополк. — Чужих не видно, разбойники шалить не смеют.

— Ты молодец! — похвалила Ольга. — Ты с отроческих лет привил татям страх. За таким князем и сеятелям покойно, и пастухам...

Вдруг лицо у нее стало очень строгим.

— Ты молишься Господу?

Ярополк опустил глаза.

— Не молюсь, бабушка. Утром в поле спешу, а перед сном забываю.

Ольга вздохнула, перекрестилась.

— Пока жива, я молюсь за всех вас, но что будет... потом?

— Мы сегодня пили с дружиной воду из криницы. Я перекрестил воду, а гридни смеялись, — признался Ярополк.

— Тебе будет трудно после отца, — сказала Ольга печально. — Господи! Пошли мне долгих лет, чтоб убе-

речь святую правую веру на Русской земле. Господи, не оставь!

Прошло несколько дней, и однажды великая княгиня почувствовала: сердце бьется с переборами. Приказала привести всех трех внуков. Волю княгини исполнили.

Стояли перед нею, вещей, мудрой, великой, три мальчика: Ярополку семь лет, Олегу шесть и почти столько же Владимиру.

У старшего лицо осунулось в тревоге за бабушку, за отца, за Киев. Олег глазами хлопает — ему страшно в затемненных покоях, его пугают иконы: святые глядят строго, куда ни отойди — видят. Ладаном пахнет. Запах сладкий, да уж очень тревожный. Владимир от братьев чуть в стороне, независимый, недоверчивый. Губы сложены плотно, глаза глядят в упор, ни перед кем не отведет взора, не уступит ни старому, ни малому.

«Вот кто — князь! — Сердце вознегодовало у вещей Ольги, как в былое время.— Ах ты, рабская кровь, а туда же!»

Заходила у княгини грудь, но врачей к себе не подпустила:

— Недосуг!

Подозвала отроков подойти ближе, к самой постели. Сказала:

— Ваш отец — великий князь стольного Киева Святослав — любит войну, а война не знает ни пощады, ни родства... Хочу, чтобы вы, братья, дали мне, своей бабке, крепкую клятву жить друг с другом в мире и в братском согласии. Готовы ли исполнить мою единственную волю?

— Готовы! — первым откликнулся Ярополк, но Ольга ждала.

— Готовы! — закивал головою, замертвел глазами Олег.

Владимир молчал.

— А ты? Желает ли ты мира и дружбы себе и братьям? — спросила Ольга, задохнувшись от раздражения.

— Я? Желаю.— Владимир смотрел в угол.

Священник Хрисогон дал знак немым слугам Ольги Киндею и Ларии. Поднесли к постели болящей большую икону «Спаса в Силах».

— Целуйте! — приказал Хрисогон.

Ярополк потянулся на носках и поцеловал Всевышнего в благословляющую руку.

— Перекрестись! — прошептал священник, поднося крест.

Ярополк торопливо перекрестился.

— Целуй! Целуй!

Поцеловал крест, поцеловал руку Хрисогона.

Олег тыкался выпяченными губками в икону, в крест, в руку священника, тараща синие глазки и, видимо, не очень-то понимая, зачем все это.

— Поцелуйтесь! — прошептал Хрисогон, подталкивая Ярополка и Олега друг к другу.

Поцеловались. Олег чмокал старшего брата так же старательно, с удовольствием, как и святых.

Ольга перевела глаза на Владимира.

— А ты?! На мече, что ли, будешь клясться?

Принесли меч.

— Ну, говори! — потребовала Ольга.

— Они ничего не говорили. — Владимир ткнул рукою в сторону братьев.

— Они говорили душой, говорили с Богом... Впрочем, пусть скажут, поклянутся.

Ярополк откликнулся тотчас:

— Клянусь!

— Клянусь! — повторил за братом Олег.

Владимир стоял, глядя перед собой. Сделал шаг к мечу, дотронулся ладонью до лезвия:

— Клянусь!

Ольга смотрела на него пристально, и он терпел, сжимал зубы и терпел, хотя глаза от напряжения слезились.

Княгиня вздохнула, осенила отроков крестным знаменем:

— Благословляю вас всех!

Плакальщицы, приглашенные Вышатай, собирались уж зарыдать во всю свою преданность и любовь, но врач сказал:

— Она спит. Это добрый знак.

В тонком быстром сне вещей Ольге приснилась ее родная речка. Волны по песку перекатываются, змейки

по дну вьются золотые. Она заводит корзину, чтоб наловить этих змеек. И корзина приходит тяжелая, полная золота. Сколько раз норовила в детстве поймать этих змеек, и вот попались-таки.

Люди еще не успели покинуть опочивальни, а на встречу им бежал радостный воевода Претич.

— Княгиня! Святослав за три поприща от Киева. Жив-здоров! Враг — бит, в прах развеян!

Наутро поднялась княгиня Ольга с одра, удивляя бодростью слуг и врачей.

Принялась встречу готовить.

Славили победителя Святослава по законам древнего времени. Вышата с боярами подносил князю хлеб-соль за десять верст от города. Воевода Претич за три версты, а под стенами Киева отца приветствовал Ярополк с боярином Блудом, со всей сторожевой дружиной.

— Ай да сын у меня! — возликовал Святослав, разглядывая броню на Ярополке. — Ай да витязь!

Отец был в короткой волчьей шубе, в шапке из черной лисы, с тремя хвостами за спиной. Ни доспехов, ни меча, ни щита. Серьга в ухе да усы.

— Мне рассказали, ты славно оберегал город. — Князь обнял сына. — Всех разбойников распугал!

Ярополк отстранился от отца, слезы блеснули на его глазах.

— Мы ездили каждый день и никого не нашли... Вот только богатыря встретили, Илью Муромца. Он побил хана Басурмана и полон привел.

— Слава Сварогу и слава Перуну! — воскликнул Святослав. — Это они стояли за твоими плечами, устранив неприятеля и творя добро! Слава Сварогу! Слава Перуну! Слава Волосу!

Ярополк повернулся, но за спиной у него стояли не Сварог, не Перун, не Волос, а боярин Блуд.

Конь о конь со старшим сыном въехал Святослав в стольный Киев.

Вещая Ольга смотрела на князя и княжича, на войско с городской стены.

Все в мехах по случаю мороза, но ничего лишнего. Никто не обременен награбленным добром. Зато сила

Великого кагана Хазарии убыла если не вполовину, так на треть.

Побуждая память, воскресила в себе образ Константина Багрянородного. Искала для Святослава невесту из дома василенов. Бог не попустил. Святославу ли в пурпуре ходить? С серьгой в ухе... И видела: царственного в Святославе сколько угодно. Только иного. Не царьградского. Прежде не виданного.

А Киев, взирая на Ольгу, на Святослава, ликовал.

Красные звезды по черному полю

Каган Иосиф размышлял о величии Хазарии: чем была в веках, чего достигла во дни его царствия, что наследует неведомый преемник?

Ничего больше не оставалось, как мудрствовать, заораживать себя вечными истинами.

Иосиф завидовал основателю священного царственного древа каганов, великому воину Булану. Булан — это олень. Могучий, неумолимый водитель стада. Имя — судьба. Булан был храбрец из храбрецов, иудей из колена Иссахарова. Он увидел, как ничтожны старые каганы, наследники великих тюркютов. Воевал как бешеный, прославил имя свое, и хазары были рады подчиниться ему, иудею. И он стал каганом, поменяв имя Булан на Сабриель. Его сын Обадия, возведенный в каганы, добыл священные книги, хранимые в великой тайне в пещерах долины Тизул.

Обадия построил синагоги и дома учения. Он дал серебро и золото мудрецам израильским, и те посвятили его в тайну двадцати четырех книг Священного Писания. Истолковали Мишну, Талмуд, научили порядку молитв.

Но не в том была мудрость Обадии, которая так восхищала Иосифа. Основатель новой династии, династии иудеев, — не ругался над именем хазар, а сохранил, прославил, привив на молодом диком дереве ветвь благородного Израиля. Обадия был согласен носить имя Хазара, хотя Хазар происходил из скифов, впрочем, Хазар, основатель Хазарии, дикарем не был: отведал духовных

яств со стола разграбленного Рима. Хазар пришел на родину предков из пределов Греции, куда скифов завели их кочевки и войны. Свое царство Хазар основал в Берсалии, на берегах Каспийского моря.

Увы! Хазары не умели жить покойно, да и не могли. Жизнь скотоводов — движение, а на новых землях непрошенных гостей ждет война.

Не раз и не два проходили хазары воротами Джора, врываясь в Закавказье и в само сердце Персии. С хазарами воевал и шах Шапур I и шах Кавад. Во времена правления Кавада хазарские каганы захватили Джурзан и Арран (Грузию и Албанию).

Города Берд, Дербент, Кабала поставлены персами, дабы обуздать хазар. Затворить их в степях Итиля (Волги) и Бузана (Дона).

Иосиф перечитал свое письмо к иудеям далекой благословенной Испании. Воодушевленный столь удивительным распространением двенадцати колен Израилевых по всей земле, он составил для испанского гостя таблицу династии Обадиа: да ведают иудеи вселенной о Хазарии, ибо потомкам Булана-Сабриеля и его жены, премудрой Серах, было чем погордиться перед единокровными. В Испании иудеям принадлежит золото, а в Хазарии — земля и сама жизнь.

Иосиф перечитал свою таблицу: Обадия, Езекия, Манассия...

Брат Обадиа Ханука, а дальше сын Манассии Исаак, сын Исаака Завулон, и по прямой линии: Моисей, Манассия II, Нисан, Аарон, Менахем, Вениамин, Аарон II...

Иосиф обмакнул изумительно красивое перышко изумрудно-голубого зимородка и приписал вслед за Аароном II свое имя.

Он вдруг обнаружил, что пропустил еще одного кагана — Захарию, но тотчас вспомнил: пропуск был сделан умышленно. Захария, обольщенный праведностью миссионера Кирилла и особенно его познаниями — Кирилл владел, как родным, еврейским языком и даже самаритским, — дозволил хазарам креститься. Это было бы мудро — хазары, владыки стран и народов, не могли более оставаться во тьме невежественного идолопоклон-

ства, — но Христос — проклятье иудейству. Еще одно разъединение народа, не столь уж и многочисленного...

Иосиф подумал-подумал и вписал Захарию в свою таблицу. Ему пришло на ум: патриарх Византии Фотий, один из самых именитых патриархов, был из хазар. Василевс Михаил, гневаясь, называл их святейшество — «хазарская рожа». Свой человек в чуждой религии — великое благо. Может быть, Захария был все-таки прав.

Иосиф перечитал имена каганов. Пред ними падали ниц, замешкавшихся убивали. Но кто ты есть, Монахем, кто ты есть, Завулон? И тот и другой — звук. Да, может быть, даже и звука-то не осталось бы в мире, не прояви любопытство испанские каббалисты.

Иосиф повел глазами по тронной палате, но не палату видел — все сорок лет своего духовного владычества.

— Арпад — глупец! — сказал Иосиф вслух.

Он думал о поражении каган-бека от князя Святослава. Он, Иосиф, некогда пропустил через свои земли отца Святослава князя Игоря на Итиль, на Каспий, а потом получил половину награбленного руссами. Огромные богатства! Правда, в те времена каган еще хоть как-то влиял на дела царства.

Арпад, если его не убьют во благо родины, непременно ввергнет Хазарию в непоправимую беду. Карахазары смотрят на алхазар с большей ненавистью, чем на печенегов. Печенеги — волки, белые хазары — червь, пожирающий чрево.

Обадия, утверждая превосходство иудеев, уже доводил Хазарию до междоусобной войны. Враги Обадии называли себя кабарам. Они проиграли войну, но не покорились, ушли к мадьярам.

Царь мадьяр Леведия был женат на хазарке. Соединив войска с кабарам, он воевал с королем франков Арнульфом, а потом, уже в союзе с ним — с моравским князем Святоплуком.

После смерти Обадии мудрые люди, желая воссоединения с кабарам и с мадьярами, предложили Леведии титул каган-бека. Но великий воитель был стар. Он указал на Арпада, сына своего воеводы Алмуция. Воины подняли Арпада на щит, и он получил титул кендер-бека.

Это все произошло сто сорок лет тому назад. Новый Арпад потому и мирился с титулом кендер-кагана, что хотел походить на своего славного тезку.

Иосиф никак не мог сосредоточиться, чтобы среди своих деяний назвать одно — истинно великое...

Принесли примерить новую рубашку, новый кафтан...

Рубашка была из влатии, из самого нежного шелка, цвета полыни. Кафтан Иосифу показался сначала черным, но он сразу понял, что ошибся. Кафтан был удивительно глубокого синего цвета.

— Какие будут пуговицы? — спросил Иосиф.

Ему ответили:

— Темные рубины.

Призадумался, но не возразил.

Открыл наугад книгу «Екклесиаст», прочитал с огорчением: «Мертвые мухи портят и делают зловонной масть мироварника: то же делает небольшая глупость уважаемого человека с его мудростью и честью».

Опять открыл книгу: «...Не проворным достается успешный бег, не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у разумных — богатство, и не искусным — благорасположение, но время и случай для всех. Ибо человек не знает своего времени».

Иосиф не хотел более гадать. И все-таки открыл книгу в третий раз. Прочитал: «Сладок свет, и приятно для глаз видеть солнце».

— А для чего мне рубашка и кафтан?! — крикнул Иосиф, но ему не ответили: портные ушли. И он сказал себе: — Для смерти.

Приказал позвать Баяна.

Баян явился не скоро. Он был в городе, у матери. Иосиф не рассердился. Его глаза смотрели кротко и покорно. Сказал псалмопевцу:

— Я хочу, чтобы ты сочинил песнь по случаю моей кончины.

— Но ты жив! — вырвалось у Баяна.

— Это я нынче жив, — возразил Иосиф. — Смелее, смелее! И побыстрее!

Снова Баян очутился в звериной палате. Он смотрел на огромную башку медведя и думал о медведе и о себе.

— Каган! О каган! Кааааган! Кагаан! — на разные лады выкрикивал, выпевал Баян, но в груди было пусто.

Он взял псалтирь... Пальцы трогали тонкие пронзительные струны, бушевали на толстых, рокочущих, но звуки жили сами по себе, не складываясь в песню.

— Каган великий, каган — священный. Каган — душа Хазарии, каган — это благословение дивным кочевкам, это свирепые войны, сметающие со своего пути иноплеменные дружины...

Баян говорил, говорил, но слова не ластились друг к другу, не становились музыкой.

Заснул с псалтирью на груди. Спал долго, а сон увидел короткий.

Из клубящейся тьмы вышел к нему светлый Благомир. Благомир вел под уздцы белого коня. Баян разглядел розовую звездочку на лбу. Конь был тот самый, что вбласкал его, увезенного от матушки. Благомир стоял и смотрел на Баяна. В глазах старца была печаль.

Псалтирь съехала, давила на горло. Баян пошевелился, видение всколебнулось, как колеблется отражение на воде, на волнах. Растаяло.

Баяна тормозили.

— Каган ждет тебя!

Тронный зал был золотой от множества светильников. Иосиф сидел на троне в черном кафтане с пылающими рубинами вместо пуговиц.

— Пой!

Баян побежал перстами по псалтири, все забористее, заводя себя, да и прихлопнул ладонью звоны с переливами.

— Песня не пришла...

Каган поднялся с трона, черный от одеяния, от теней на лице.

— Ты посмел пренебречь волей кагана?

— Нет! — крикнул Баян. — Я старался! Песня не пришла.

— Высечь! — вынес приговор каган. — Высечь! Лозой! Самой тонкой! Самой жгучей! А потом!.. А потом...

Баян не расслышал, что его ожидает потом. Схватили, тащили...

Лоза была самой тонкой, самой жгучей. Он кричал от боли, но не плакал. Ни единой слезы не скатилось с его глаз.

Очнулся в каменном мешке. На дне этого мешка был он да клубок желтых змей. Почувствовал: змеи и по нему ползают...

Вдруг вспомнил Бога великой княгини Ольги, Бога Ярополка, взмолился:

— Боже! Боже! Спаси меня! — и снова заснул.

Пробудился: под ним что-то мягкое, чистое, спина сладко ноет. Комната совсем крошечная, но очень светлая.

— Пробудился наш агнец, — сказал старец с бородой, вьющейся кольцами. — И, наверное, проголодался.

Поднес к губам Баяна чашу с детскую ладошку. Питье было теплое и очень вкусное.

— А теперь выпей горькое. — На этот раз старец подал чашечку с наперсток.

Баян выпил. Питье и впрямь горчило, но ему стало так хорошо, как бывало на теплой печи рядом с матушкой

Вдруг объявилась Синеглазка, поманила:

— Скорее, скорее!

— Да куда же?

— По облакам бегать!

И они бегали по облакам. Да все выше, выше.

— Куда же мы?! — Баян немножко струсил, ведь с неба до земли как от земли до неба.

— В гости! — засмеялась Синеглазка.

— Да к кому же?

— К солнышку!

Солнце и впрямь хлынуло в глаза, и он пробудился

— Ну вот, — сказал старец, у которого борода вилась кольцами. — Теперь мы и живы, и здоровы.

Последний день кагана

Вольно льющуюся, глубокую, полноводную реку, по которой плавали ладьи, перегородили, отвели в тесное, в наспех прокопанное русло.

На дне реки строители возвели дом-селение из двадцати соединенных между собой палат.

Каган Иосиф снова не расставался со своим псалмопевцем. Вместе с Баяном приехал осмотреть свои будущие покои.

— Вот она, моя вечная Хазария! — Каган захлебнулся слезами, не стыдясь своей слабости. — Ты, владеющий Божественным даром, не смог сочинить песнь о смерти. Но, может быть, мастера тоже не были бы так искусны, знай они, что строят дивный дворец не для жизни, а для смерти.

— Для смерти?! — удивился Баян.

— Это и есть сокровеннейшая из тайн. Когда предре-шенное законом свершится, все это забросят землей, а поверх пустят реку. Пройдут тысячи лет, царства сменят царства, родятся и канут великие племена, а тайна останется тайной, покуда река не высохнет, покуда не развеют ветры земного праха...

Баян слушал и ничего не понимал.

— У тебя сегодня странное лицо, — сказал Иосиф и улыбнулся. — Спрашивай. Я отвечу тебе. Я верю, ты сочинишь обо мне псалом.

Баян поклонился.

— Великий, превосходный, но где найдут смерть, чтоб поселить ее здесь?

— Ты вон о чем?! — изумился Иосиф наивности отрока.

Смеясь, сел в крытую повозку, и они поехали вниз, на дно реки. Каган все смеялся и наконец сказал:

— Как же ты чист, псалмопевец! Знай: смерть сама находит избранного ею. Этот дворец печали для меня. Я хоть и очень велик, но и мне не дано перебивать сразу в двадцати палатах. Укажи мне лучшую, и я приму твой совет.

И побледнел.

— Нет! Нет! Упаси тебя Боже! Смерть должна миновать того, кто сложит песнь о кагане Иосифе. — Наклонился к Баяну, шепнул на ухо: — Они — безумцы. Они хотят верное, но старое поменять на новое, не зная, что оно сулит. Поменять насильственно. Я одному тебе от-

крою заповеданное мне великим каббалистом во дни моего восшествия на престол. Было сказано: пока жив каган Иосиф — Хазария не умрет. Вот и подумай, быть ли ей, если меня не будет? Меня убьют по закону древних, но это ловушка сатаны. Закон никогда еще не исполнялся, жизнь большинства каганов была короткой... Это ловушка сатаны. Власть от Бога. Бог забирает властелина, если же сами люди — жди смерти царства.

Каган приказал остановиться.

Они вдвоем, без охраны, без слуг, пошли к последнему дому кагана, сверху похожему на зубчатое колесо. Теперь дом выглядел иначе. Он походил на огромную белую юрту с двадцатью парадными, украшенными ковровым орнаментом входами.

Вошли в первый, что оказался ближе.

Их лица, их одежда озарились сиянием: просторная круглая палата была сплошь затянута золотой парчой. Стены, потолок, пол... В центре палаты в полу зияла оранжево-красная круглая яма.

— Это очаг? — спросил Баян.

— Очаг!! — вырвалось у кагана, и в этом возгласе был ужас.

В другие помещения они не зашли. Вернулись к лошадям и весь день мчались по степи, в Итиль, да так, словно за ними была погоня.

А в Итиле каган-бек Арпад раскидывал сеть новой интриги — весь груз своего поражения от совсем еще молодого князя руссов переложил на Иосифа: «Талисман счастья Хазарии едва тлеет, нужен новый светоч, новое счастье!»

И было на то похоже. Беды обрушились не только на войско, но и на скот. Зима стояла бесснежная, ветры дули сумасшедшие. Трава смерзлась с землей, ее разве что топором вырубишь. Гибнет скот. Сады гибнут...

Арпад явился к Иосифу, как и подобает рабу — босым, распоясанным. Очищался огнем, лепетал унижительные обязательные речи, но, воссев на трон, по правую от кагана руку, спросил почти злобно:

— Ну что? По тебе твое будущее жилище?

— Оно достойно меня, — ответил Иосиф.

— Тогда что же ты медлишь? Назначай день, когда твоя брeнная земная слава станет небесной, вечной.

— День? По закону я могу сначала назначить неделю — для завершения великих дел государства — да взять три дня на устроение души. Потом объявить день поминовения предков. Этот день тоже принадлежит мне. Сполна. До крика петухов. А далее я могу жить без будущего... Когда придут, тогда и настанет последний мой час...

— Чем больше ты проживешь, тем больше ненависти падет на твою голову.

— Я не убавлю отпущенное мне, кагану, Богом и небом время ни на единое мгновение.

— Когда же пойдет счет? — спросил Арпад.

Глаза у него готовы были выстрелить.

Иосиф улыбнулся:

— За что ты меня ненавидишь? Знай, я последнее счастье Хазарии. Меня надо беречь как зеницу ока, дорожить каждым моим дыханием... Но ты упрям, Арпад. Ты живешь — ненавистью. Я назначаю мою неделю на третью неделю месяца шеват. Я исхожу из того...

— На первую! — оборвал Арпад Иосифа. — На первую неделю! Нам надо закопать твой город до прихода пловодья... Итак, первая неделя шевата — твоя.

Иосиф грустно покачал головой.

— Ты на две недели убавил свою жизнь, Арпад. — Вдруг положил руку ему на плечо. — Простим друг другу недоброе, осквернявшее наши сердца.

— Простим, — согласился каган-бек.

— У меня к тебе просьба, — сказал Иосиф. — Когда будут убивать близких ко мне людей, сохрани жизнь псалмопевцу.

— Сохраню, — пообещал Арпад, но своему дворецкому, исполнявшему тайные повеления каган-бека, приказал: — Голосистого щенка, любимца Иосифа, кончишь вместе с могильщиками. И брось ты его в одну могилу с каганом. В ноги ему.

Не ведал Баян: с утекающим временем его господина тают и его последние деньки.

Первая неделя месяца шевата все приближалась, приближалась да и наступила.

Иосиф преобразился. Его взоры стали медленными, слова он произносил торжественно, обязав писцов записывать его речи слово в слово.

— Вселенная, — изрекал каган, запрокидывая голову. — Вселенная есть дыхание Бога Творца. Бог сотворил мир за шесть дней. Человеку нужна вся его жизнь, чтобы исполнить свое человеческое дело.

— Жизнь, — продолжал каган, распахивая руки, и потом, соединяя пустые ладони, разглядывал их, как младенца. — Жизнь есть миг предстания перед очами Всевышнего. Для человека смерть — седьмой день, вечный день отдохновения.

— Волк, убивающий овцу, греха перед Богом не совершает. Человек, только пожелавший худа другому человеку, — отдает себя во власть ангела погибели Аввадона.

— В нем превосходство иудеев над другими племенами. Таких превосходств двенадцать. Иудеи — избранный народ Бога Яхве. Бог никогда не оставляет иудеев. Даже гневаясь на Израиль за отступничество, Он вновь и вновь дарит его Своими неизреченными милостями и непреходящей любовью. Бог расселил иудеев по всему лону земли, чтобы показать им все дивные страны и получить опеку над множеством племен. Бог дал человеку животных, рыб и землю для кормления, а для кормления иудеев дадены все племена человеческие. Бог дважды отсекал воды, соленые и пресные, чтобы иудеи могли достигнуть земли обетованной посуху. Из этого следует: воды страшны Израилю, но Бог хранит Свой народ. Одни только иудеи кормлены небесной манной, одни только иудеи познали пищу небесную на земле.

Каган приходил в возбуждение, слезы катились из его глаз, круглые и прозрачные, как дождевые капли.

— Господи! Один Ты ведаешь, как я люблю мой народ, бывший от века Твоим. Господи! Одному Тебе известна вся полнота моего служения иудеям и Хазарии... Эй, пишите! Пишите, чтоб потомки повторяли из рода в род. Бог единственное во Вселенной племя очистил от немочи

рабства. Одних иудеев Бог учил великим гневом и великими дарами. Иудеям дарован псалмопевец царь Давид, и нет в мире мудреца, превзошедшего мудростью царя Соломона. Никому Бог Яхве не позволял бороться с Собою, но одному только иудею Израилю. Никто из смертных, но один Моисей получил от Бога скрижали Торы. И как бы ни проклинали иудеев иноплеменные, но Христа, почитаемого в Византии и в Риме за Бога, родила иудейка Мария.

Двое суток Иосиф глаголил истины, не отпуская от себя писцов. Разражался мудростью со спального ложа, принимая пищу и даже опражняясь. Видно, что-то плохо прожевал или, увлекшись словесами, переел не в меру, вдруг запоносил, и это его образумило.

Врач унял болезнь очень быстро, и повеселевший Иосиф говорил Баяну, похохатывая:

— Я все о Боге да о Боге, а Он меня и вернул с Небес.

Дни таяли, каган притих, но проводил время как всегда.

— Мудрость не у мудрецов, — шепнул он Баяну. — Мудрость жизни в простоте дней.

Иосифу передали ларец от купечества. В ларце были собраны монеты, какие довелось купцам Хазарии принимать, странствуя с товарами по белому свету.

— Вот самое великое деяние мое! — объявил каган. — Эти монеты — свидетели мирных устремлений Хазарии. Хазария могла бы процветать, торгуя, а не избивая людей. Да благословит Господь всякого, кто взошел на корабль или сел на верблюда, чтобы привезти из дальних стран неведомые товары!

Неделя иссякала, и пришла пора трехдневному сосредоточению, но Иосиф задал пиры. Первый день для купечества, второй — для воинов, третий — для священства.

И вот грянул день последний.

Утром каган позвал Баяна спеть семьдесят девятый псалом:

— «Пастырь Израиля! внемли; водящий, как овец, Иосифа, восседающий на Херувимах, яви Себя. Пред Ефремом и Вениамином и Монассиею...»

— И Иссахаром! — добавил каган.

— «...воздвигни силу Твою, и приди спасти нас. Боже! восстанови нас; да воссияет лице Твое, и спасемся...»

Когда Баян закончил псалом, Иосиф сидел неподвижный, отрешенный от всего, от всех.

Баяна вывели из тронного зала, приказали одеться в теплое.

Слуги все были другие и на вопросы не отвечали.

Баяна посадили в крытую повозку, повезли очень быстро, но ехали долго, не останавливаясь.

Возок был темный, без щелей. Баян испугался, принялся молиться Богу княгини Ольги:

— Я знаю, Ты — Спаситель. Спаси меня. Спаси!

Но Бог не явился, не остановил резвых лошадей. Баян ощупал стены кибитки: не сбежишь. Наконец остановились: кобылам пришла пора помочиться. Дверца отворилась, и мрачный карахазарин подал Баяну лепешку да кусок овечьего сыра.

Молочная мать

Снова ехали, но медленно: лошади устали.

Вдруг послышался топот, движение. Крики. Дверца опять распахнулась. Баяна схватили, подняли, и он очутился... на верблюде! Начались такие бега, такая тряска, что Баян думал об одном: не оторвется ли у него печенка, не выскочит ли сердце.

Наступил вечер. На каком-то стойбище пересели на коней. Скакали ночь напролет. Баян ехал на коне молчаливого всадника. Ни единого слова за всю дорогу не проронил.

Сна Баян не переборол. Пробудился в юрте. Его пробуждению обрадовались.

Позвали сесть с мужами. Хозяин юрты угощал гостей молодым жеребенком.

Баян не успел понять, где он, что это за люди вокруг. Прискакал из степи человек в малахае, и пришлось снова садиться на коня и скакать, скакать...

В степи его трижды передавали из рук в руки, с коня на коня и привезли наконец на большую реку. Здесь его поджидал неведомо кем и как оповещенный лодочник. Год парусом прошли вверх по течению, в старицу. На берегу этой старицы стоял сложенный из тесаного камня дом, а в степи виднелись две юрты. Лодочник был греком. За стеной камыша в потаенных заводях он держал наготове полдюжины быстроходных многовесельных лодок для купцов.

У себя лодочник Баяна не оставил, отвел к гузам.

Глава семейства был средних лет. Он имел трех жен и много детей.

— Этот отрок до прибытия купеческого каравана — твой сын, — сказал грек-лодочник и поднес суровому гузу богатый кафтан, а трем женщинам по куску ткани.

Глава семейства тотчас снял шубу, содрал с себя лохмотья истлевшей рубахи и надел кафтан на голое тело. Женщины последовали примеру своего повелителя. Нисколько не смущаясь лодочника, Баяна, детей, сбросили старые платья и, совершенно обнаженные, принялись примерять материи, радуясь яркому цвету, узорам, длине и ширине кусков.

— Я его усыновлю! — объявил глава семейства, разглядывая то новый кафтан, то Баяна... Женщины, накинув на плечи свои будущие платья, принесли из другой юрты сундук. Застелили сундук небольшим ковриком с узором из бараньих витых рогов. Узор кучкорак был священным оберегом семьи, баран — животное магическое, гроза злых духов.

Старшая из жен, открыв груди, села на сундук, и Баяну было сказано:

— Трижды сожми зубами сосок твоей молочной матери.

— Исполни, что хотят от тебя, — сказал Баяну лодочник.

Баян повиновался.

В честь нового сына глава семейства устроил пир.

Женщины привели белую овцу, тщательно вымыли горячей водой. После этого хозяин связал ей ноги, зата-

шил на крышу юрты и, пропев заклинание, перерезал животному горло.

— Теперь даже всемогущее зло не посмеет приблизиться к моим юртам, к моим детям, к моему скоту, — объявил новый отец Баяна, угощая соседа-лодочника пьянящим напитком из молока кобылиц.

Так у Баяна нежданно-негаданно появилось полдюжины братьев и полдюжины сестер.

Дни потекли за днями. Недели две Баяна из юрты не выпускали. Потом ему позволили с малыми ребятами пастись коз. Стадо было небольшое, голов тридцать, но козами дорожили, из их пуха женщины вязали платки на продажу греческим купцам.

Кормилось семейство скудно. Дети получали две лепешки на день, одну мальчикам, одну девочкам. Мальчики съедали свою долю тотчас и тоскливо ожидали вечера. Вечером отец резал барана, и семейство наедалось до отвала.

Хлебали жирный суп в очередь из одного котла. Из того же котла хватали руками мясо. Радовались костям и мослам, дробили, высасывая сладкий мозг.

Баяну давали лепешку на одного. Половину он тотчас отдавал братьям. Вторую половину тоже делил надвое: одну часть съедал, другую дарил молочной матери.

Однажды грянул снегопад. Семейство сбилось в юрте, у круглого очага.

В очаге сжигали несколько кизяков, накрывали очаг кожухом. Ноги под кожух, в теплынь — на весь день, на всю ночь благодать.

Начиналось общее битье вшей. Рубахи и платья долой — и зубами по швам.

Тепло размаривало. Женщины рассказывали сказки, глава семейства мастерил из ремней сбрую или шил обувь.

А снегопад не унимался, северный ветер пригнал буран.

Жизнь в юрте поскутнела. Теперь на день выдавали четыре лепешки: одну детям, одну женщинам, одну хозяину и одну Баяну. Лепешка стала единственной едой. Буран угнал овец в степь. Их теперь не скоро найдешь.

На лепешку Баяна дети смотрели, сглатывая голодную люну.

Баян, как всегда, переломил свою лепешку, протянул половину братьям, но отец отнял и съел сам. Показывая Баяну, каким твердым должен быть мужчина.

Долго было тихо в юрте. На разные голоса урчали голодные детские животы, женщины притворялись дремлющими.

— Э-э! — хлопнул по козуху глава семейства.

Встал, оделся, обулся. Ушел в козий загон.

Вернулся, волоча освежеванную тушу. В юрту словно стая ласточек ворвалась: радостный писк, суета.

И вот уже братцы и сестры Баяна валялись на кошмах с раздутыми от сытости животами, хвастали друг перед дружкой громкостью отрыжки.

Женщины устроили себе мытье волос, а подобревший глава семейства взял кобыз, играл и пел.

Баяна поразил сказ про белую лебедь.

Славный храбрец увидел однажды, как опустились на берегу озера три белые лебеди. Сбросили с себя перья, обернулись девами и принялись купаться.

Украл юноша перья младшей, самой прекрасной девицы. Стала она ему женой.

Жил счастливец двадцать и один год. Родила дева лебедь своему ненаглядному храбрецу девять сыновей да девять дочерей.

Вот в один из дней спрашивает мужа: «А где у тебя спрятаны мои перья?»

«Да в переметной суме», — показал и забыл о разговоре по простоте.

Поехал он вскоре с соколом на охоту. Вернулся: нет жены. Смотрит, а переметная сума, где хранились лебяжьих перья, пустая. Улетела вольная птица.

Младшая жена, растроганная горькой песней, заплакала. Утирала слезы концом подола, обнажая срам.

Баян отвернулся, и его новый отец увидел это.

— Не стыдись сего места у женщины! — сказал он строго. — Из него вышли твои отец и мать и твой народ. Женщины гузов не прячут это от чужих глаз. Но кто

посмеет, кроме мужа, тронуть фарадж, тогда — страшная смерть.

Слушал Баян и удивлялся: дикий народ гузы, уж такой дикий, но песни-то какие поет!

А все-таки конец лебединого сказа не пришелся Баяну по сердцу. Уж до того безнадежно, как головой в омут.

Бой барабанов

Пришла пора зимобора. Солнце согрело бесснежную землю, но трава вымерзла до корней, и земля была пустая, бесцветная. Люди молили богов о дожде, а грянули снегопады. Зима спохватилась, вытряхивала одну перину за другой, погребая под ледяным пухом веси и даже города.

Но как ни был могуч дых Севера, весна своим сильным месяцем не поступилась, принесла тучи, да такие тяжелые, что между небом и землею уж не сосна, не дуб, а вишня едва помещалась. Потоки небесные сливались с потоками земными: нежданные снега не устояли, растеклись. Впрочем, и нашествие туч промчалось за единые сутки. Напоенная водами земля закуталась в непроглядные туманы, и когда однажды поутру люди пробудились, то все долгое серое безобразие исчезло, и земля сплошь была золотая от одуванчиков, от края до края.

Хазары двинулись на кочевку. Белая Вежа преобразилась, наполнилась народом. Выборы нового кагана были назначены на ияр, во дни второй Пасхи.

Каган-бек Арпад от нового кагана желал благословения на небывалый по размаху истребительный набег на Русь. Вот почему в Белую Вежу были собраны все подвластные Хазарии князья, ханы, ябгу, ильки и прочая, прочая власть с войсками, с запасными лошадьми.

Множество людей и лошадей нужно было прокормить, разместить на пастбищах. Всем угодить, всех приветить. Но известие, которое освобождало Арпада от этих хлопот, все-таки потрясло: князь Святослав шел на Белую Вежу.

Самое страшное — то был не слух, не весточка лазутчика: прискакал гонец киевского князя и, вежливо поклонясь, сказал грубо:

— Тебе, кагану, от князя. Князь повелел молвить: «Идут на вы».

От тех слов мурашки забегали по крутой, как у зубра, спине каган-бека. Не нашелся что и ответить дерзновенному безумцу, промолчал, зато перед своими вассалами говорил пространно:

— Бог посылает нам русичей на заклятие. Уже скоро, очень скоро мы прольем много крови! Се будет жертва Ведущему нас путями неизреченными. От моих тайных людей я знаю: Святослав взял с собой своего старшего сына. Ребенка. Кровью сего отрока будет наполнена священная чаша. Да благословит Хазарию на Небесах каган Иосиф.

Смотр войску Арпад устроил перед свежей, но невидимой могилой кагана.

Сам начал величавое бесконечное шествие. Где могила, точно никто теперь уже не знал. Река, возвращенная в свое истинное русло, сокрыла тайну на все времена человеческие.

Каган-бек подъехал на коне к излучине, спешился и повел коня в поводу и шел вдоль реки и по степи, покуда излучина стала невидима. И проехали за Арпадом, и прошли пешком витязи — дворцовая стража Иосифа. Богатырь к богатырю, все в иссиня-черных кольчугах, в иссиня-черных шлемах. Будто саму тьму пронесли. Еще чернее, туча тучей, проследовали арсы, отборная наемная рать. Прошли белые хазары, в посеребренных кольчугах, за белыми — карахазары, одетые в панцири. А далее потоком — болгары, буртасы, гузы, дагестанцы и совсем дикие: в рысьих малахаях, в волчьих шубах, безумно отважное племя поклоняющихся журавлям, лесные люди, где каждый воин носил на груди своего верховного бога — вырезанный из дерева мужской детородный член; отряды безбровых и безбородых, отряды бритоголовых бородастых, а также безбородых с женскими косицами на затылке.

Арпад прошел мимо могилы кагана, когда солнце только-только поднималось из-за края земли, а последние воины встретили солнце уже другого дня.

— И он собирается ударить на нас?! — изумился Арпад с брезгливой ненавистью. — Избивать безумцев необходимо, но это все равно что охотиться на крыс.

— Где мы встретим его? — спросил Арпад вождей племен. — За рекою, чтоб по трупам русичей и славян дойти до Киева? Или пустим за реку, чтоб никто из них не ушел от нашего гнева, чтоб утолили мы жажду мести сполна?

И все сказали:

— Перейдем реку, поспешим утолить жажду мщенья, приблизим день и час, когда уьемся кровью русской. Перейдем реку, поспешим к вожделенному Киеву.

Пастбища за рекою были обильны травами. Вся великая разноплеменная, разноязыкая орда пришла на берега, и от множества скота и людей не стало земли, а только тела да лица, все равно что многоглазая саранча.

Били барабаны, удары редкие, грозные. От этих ударов душа дрожала нетерпением.

Полая могучая вода степняков не смутила. Положили на берегу огромные кожаные мешки, загоняли в мешки молодых верблюдиц, на верблюдицах мешки растянулись и стали велики. В мешках переправились воины, перевозили оружие, шатры, котлы. Скот, лошади переплыли реку сами.

Каган-бек Арпад, явившийся посмотреть переправу, повелел часть скота оставить на левобережье, а при отарах и табунах женщин, детей, стариков. С Итиля волоком на Бузан перетаскили корабли. На кораблях переправились тяжелые от доспехов полки арсов, белых хазар, их кони и сам Арпад со двором. Переправили большую часть арб.

Хорошая война — быстрая война. После победы нужно было сразу же выступить на Киев.

Барабаны били, били, и ни единая птица не посмела в те дни пролететь над переправой.

Поклонение тьме

Великое движение великого войска повергло Арпада в черную меланхолию. Перед глазами лежала вытоптанная, помертвевшая земля. Орда, пройдя по золотым да по зеленым просторам, оставит в степи за собой пыль, прах, столбы смерчей. Скоту гибель, глазам — тоска.

Арпаду привели его новую наложницу, подарок хорезмийского эмира Мамуна. Каган-бек даже не взглянул на юную красавицу.

Хранители тайн каббалы лишили его радости. Словесные пирамиды, составленные из пророчеств Торы, не нашли будущего Хазарии: ни великого будущего, ни ужасного — никакого!

Арпад ждал ябгу зайтильских гузов Ынала. Ынал обещал привести знаменитого шамана пустыни Амула, живого вратника ужасного Замхарира.

Ынал приехал на вечерней заре.

— Шаман Баглыз поставил юрту и ждет повелителя.

Удивился Арпад, что он должен идти. Однако смолчал. С дюжиной телохранителей отправился вслед за Ыналом.

Юрта стояла одиноко на размытом дождями древнем кургане. Крыта шкурами диких зверей, с продушиной.

В юрте было темно. Бренькал-тренькал кабыз. Сели на шкуры. Арпад пощупал мех: грубый, густой — должно быть, волчий.

Когда глаза привыкли к полумраку, разглядел скуластого человека. Не старого, пожалуй, даже очень еще молодого. Безбородый, безусый... Может, просто без возраста.

Шаман все тренькал да бренькал, а потом потихоньку запел. Пел долго, голос с хрипотцой, а тьма все сгущалась. Арпаду хотелось встать и уйти, но стоит ли ябгу обижать: гузы хорошие воины.

И вдруг показалось — голос шамана звучит где-то в продухе, под крышей. Арпад невольно поднял голову. Звуки кабыза раздались за спиной, а голос шамана — с противоположной стороны юрты. Арпад заерзал, но ябгу Ынал положил свою руку на его руку и пожал, призывая к спокойствию.

Кабыз и голос шамана плавали теперь по юрте отдельно друг от друга и, казалось, были колеблемы струями теплого воздуха. Нежданно звуки втянуло в продых, как в трубу, и они унеслись уж так высоко, что стали едва уловимыми. Оттуда, издалека, вместо игры и пения, понеслись клики кукушки. Ближе, ближе, и вот уже кукушка сидела на плече у помертвевшего от страха Арпада и куковала.

«Я проживу долгую жизнь», — подумал Арпад, и тотчас, откликнувшись на его мысли, в прорехе юрты захотала зловещим смехом сова.

Что-то тяжелое, большое — никак не птица, скорее уж медведь — рухнуло на крышу юрты. Воздух ударил по лицу волной, и в наступившей тишине закричал угод:
— Ху-до! Худо!

Теперь в юрте порхало какое-то сонмище: то ли бес-телесных духов, то ли крошечных летучих мышей. И так же нечаянно, невероятно, как все происходящее, возникло неведомо где, не понятно, близко ли, далеко ли, дивное пение девы. Слова звучали ясно. Это были еврейские слова:

Забывает ли девица украшение свое,
И невеста — наряд свой?
А народ Мой забыл Меня,—
Нет числа дням.
Как искусно направляешь ты пути твои,
Чтобы снискать любовь!
И для того даже к преступлениям
Приспособляла ты пути твои.
Даже на полях одежды твоей
Находится кровь людей бедных, невинных.

Сильным порывом ветра голос унесло, и по юрте с трубными кликами пролетел журавель.

Под крышей возникло слабое сияние. Свет с каждым мгновением набирал силу, и Арпад увидел огромный яростный глаз.

В центре юрты со сверкающим мечом в руке возник шаман. Он подошел к Ыналу. Единым взмахом срубил с плеч голову и... отдал в руки бедного ябги.

— Скажи им! — приказал шаман.

Ябгу, подняв руками свою голову, поднес ее к голове Арпада, и отрубленная голова заговорила:

— Ничему не удивляйся, повелитель. Мы улетаем в страну, где живут мирагды, племя безголовых. Они не должны опознать в нас чужих.

Свистнул меч, и в следующее мгновение Арпад держал свою голову... за уши... своими руками.

— Ты положи ее под мышку, — посоветовал Ынал.

И Арпад, как и ябгу, сунул свою собственную голову под мышку. Шаман срубил головы всем двенадцати телохранителям каган-бека.

— Кря! Кря! Кря! — весело заорала утка.

Глаз, светивший шаману, устремился вверх, и в открывшееся отверстие улетел сначала шаман, за ним Ынал, за Ыналом Арпад и его двенадцать безголовых телохранителей.

Сначала все задохнулись от ветра, а когда пришли в себя, то увидели: под каждым из них не шкура зверя, но сам зверь. Шаман летел на большой рыбе, ябгу — на кабане, Арпад на волке, телохранители — кто на чем. Арпад, чуть обернувшись, разглядел рысь, шакала, лису, выдру. Летели долго, и каган-бек, любопытствуя, высмотрел оседланных удава, крысу, летучую мышь, крота...

Светящийся глаз потерялся между звездами, но впереди заиграли сполохи, взгромозили небесные снопы, где вместо колосьев сияли радуги.

Безголовые мирагды, огромные, как смерчи, преградили путь. Шаман не растерялся, срубил головы зверям, и стражи расступились.

Стоярусное сияние небес опиралось на черную бездну. Сердце у Арпада застонало предчувствием беды, но исполинские руки с тигриными, обгагранными кровью когтями выдвинули из океана огромную белую льдину, и на эту льдину из вечного мрака выполз, как аспид, кроваво-черный язык.

На этот язык они и сели.

И увидел Арпад: столбы сияния — это зубы чудовища. Длинные, рыбы, а может быть, и змеинные. Посреди языка клокотала, пенилась багровая жидкость. Шаман, опустившись на колени, принялся лакать ее, словно со-

бака. И все лакали. И он, Арпад, тоже лакал, руками держа голову над мерзостным питьем.

— Это яд! Это яд бездны! — восторженно шепнул ему Ынал, и глаза ябги крутились юлой.

Арпада обожгло ядом, как не обжигало ни огнем, ни болью, ни ненавистью. Каждая жилочка, каждая кровинка пламенела неистойвой, непередаваемой словами злобой.

И стали являться из зева тьмы, приплывая по ядовитому потоку, исчадья преисподни.

— Поклонись! — закричал шаман на Арпада, и Арпад кланялся каждой мерзости и слышал рык и рев чудовищных глоток:

— Мы с тобой, Хазария!

Вдруг закричал петух.

В единое мгновение тьма, свет сполохов, багровый язык, сочащийся ядом, звери, люди — все стало черным крутящимся вихрем.

Очнулся Арпад в степи, в седле. Рядом с ним ехал дремлющий Ынал, позади дюжина телохранителей. Увидел юрту. Над продухом юрты курился дымок...

Ябгу Ынал тоже оглянулся и, поворота к каган-беку плоское, как блин, лицо, сказал, преклоня голову:

— Такой силы, как у тебя, великий бек, ни у кого нет и не бывало.

Илья Муромец и Баян

Трудная зима осталась позади, степь, напоенная невиданно обильным дождем, бушевала зеленью. Скот, колеблемый от бескормицы даже легким ветерком, выправлялся, люди повеселели...

Баян тоже нашел утеху для души своей. В земной морщинке увидел островок леса. В степь деревья не смели показаться, и всего этого счастья было шагов на триста вдоль да на сорок вширь. Но здесь поместилось и птичье соловьиное царство, и зверье друг с другом уживалось: лиса и зайцы, ежи и змеи, хорь и фазаны.

Часть леса прошлым летом сгорела, защитила своей влажной стеной другой берег степи от неистового травяного пожара. Откуда занесло в неоглядные степные просторы семена кипрея, одному ветру было ведомо. Но на черном огневище, врачуя рощу, поднялся добрый вестник жизни — родовой цветок Баяна.

Природа, смущенная прошлогодней невиданно ранней весной, изнемогли под гнетом жестокой бесснежной зимы, пришла в замешательство. Кипрей, которому полагалось цвести в разгар лета, пыхнул вслед за одуванниками.

Однажды поутру Баян нашел сломанный стебель кипрея. Под птицей ли надломился, скотина ли наступила?

Отрок так и этак приподнимал, пристраивал цветок — не держался. Лепестки увядали на глазах.

Поклонился Баян кипрею, как человеку:

— Прости меня, Божье творенье! Не ведаю, как помочь тебе.

Стебель вдруг начал гнуться, гнуться к земле, словно изнемог и покорился злой судьбине. Тогда Баян поднес ладони к его погасающим цветам и принял пламенную душу кипрея.

С огоньком в руках выбрался из впадины в степь, чтоб пустить огонек по вольному ветру, в просторы. И увидел, как съезжаются в поле два поединщика, два могучих богатыря на богатырских конях. То были Илья Муромец и поляница, дочь воеводы Свенельда.

Илья наехал на девку-негодницу ненароком, торопился под Белую Вежу. Не для того, чтобы вместо князя Святослава сразиться с хазарами, а встретить грудь в грудь невидимую людям черную силу, рыцарей кромешной тьмы.

Свечечка она, свечечка, мрака ночи не рассеет, но видна в поле от одного края до другого. Просил Святогор Илью задержать нечисть, хоть на три вздоха, а уж больно тяжело придется, так и на один вздох, пока соберется воедино светлое воинство.

Незавидная доля ожидала Илью Муромца, но богатырское дело — не кафтан снять с плеча, изволь жизнь положить.

А у тьмущей тьмы тоже сыскался поединщик, баба глупая. Наехала на Илью Муромца, не ведая, кому службу служит.

Увидал богатырь, что Свенельдова дочка копьё выставила, щитом заслонилась, ногами коня по бокам хлопает, закричал издали:

— Ах ты, лепая нелепица! Уступи мне дорогу, Господом Богом тебя прошу! Недосуг игры играть. Если честь твоя от прошлой встречи покорибилась, так я поклонюсь тебе, боярышне.

Где там! Заложило ненавистью девичьи уши. Мчится, да так, что искры из-под копыт сыплются.

Тронул Илья Сивку, перескочил поляницу. У кого верх, тот и царь. Пролетая, наклонился, ухватил за броню, порвались ремешки — застёжки рассыпались. На резвом скаку не до нежностей. Растворил Илья створки железные, содрал кафтан с рубашкой шелковой — явил белому свету ярый жемчуг. Воротился Илья к деве одёжонку отдать, отворачивается, чтоб не смутить гордую боярышню, укоры придумывает вежливые, мысли туго ворочаются, мнет Илья, жмет доспехи заморские, как яичную скорлупу.

— Ах ты, дурь мужицкая! — закричала Свенельдова дочь, схватила палицу литую, к седлу притороченную, да как трахнет богатыря по башке. Уж такой гуд пошел под шапкой железной, будто в сорок колоколов ударили. Зашатался Илья былиночкой. В одну его сторону клонит, в другую, а поляница, наготы не стыдясь, душу завернув в злодейство, вытащила из саадака острый нож, норовит богатыря насмерть ударить, насквозь сердце проткнуть. Примерится, а Сивка ступит в сторону, Илья и поехал с седла на бок.

Завизжала боярышня от ярости, размахнулась палицей хребет коню сломать, тут Сивка возьми да лягни задними копытами. Полетела Свенельдова дочь вместе с конем уж таким кубарем — посреди Киева грохнулась себе на позор. Илья же от Сивкиного скачка выпал из седла.

Вот и пришла пора отроку Баяну сослужить первую службу для милой Родины, для народа русского.

Подбежал к богатырю. Лежит Илья Муромец, бел как мел. Земля ему — перина, небо — одеяло, вечность сны навеивает беспмятные.

Что делать? К юрте бежать? Да пастухи от смерти не лекари. Сел Баян возле Ильи, заплакал. Впервой видел торжество подлости.

Пожалел, что ни гуслей нет, ни псалтири. Сыграл бы богатырю. И увидел вдруг на ладони у себя — душу кипрея. Другого-то и не было ничего. Поднес розовый огонек к губам богатыря, дунул. Затрепетало крошечное пламя, перешло на Илью, он и открыл глаза. Спросил:

— Долго ли я спал, отрок?

— Твой конь траву щипнул, а сжевать не успел.

— Ну слава Богу! — сказал Илья, поднимаясь. — Горячо что-то в груди у меня. Будто сердца прибавилось. Чем это ты меня подлечил?

— Да что в руках было, — ответил Баян. — Цветком.

— Хорошие ты цветы собираешь. Как зовут-то тебя?

— Баян.

— А меня Илья. Скажи, Баян, в глазах ли у меня кровавые пятна или впрямь на небе нечисто?

Посмотрел Баян на небо, удивился:

— Облака кровью напитаны.

Подтянул Илья сапоги, поправил железную шапку, сел на Сивку.

— Проводи меня взглядом, отрок, подгони! Подзадержался ненароком. — И погладил Сивку по гриве. — Ну, конек, сужено нам отведать богатырского лиха.

Баян на кровавые облака показал:

— Этого?

Илья только глаза прикрыл. Поглядел на все четыре стороны в рукавицу, вздохнул. Наклонился с седла:

— Поехал я, браток!

— С Богом! — сказал Баян.

Улыбнулся Илья, тронул Сивку. Пошел конь с места наметом, да что ни скок — шире, шире, и вот уж не касались боле конские копыта матушки земли.

А небо среди дня темнело, багровело, облака на облака уж и не походили: на зверье, на гадов ползучих.

Кинулся Баян со всех ног к юрте, к пристанищу. Молодец, что кинулся. Перестало небо быть небом, прибежищем птиц. Обернулось полем побоища. Не сыскать уж было в нем, в просторном, ни высоты, ни глубины, широта тоже вся куда-то подевалась, а когда в небе тесно, все живое на земле умолкает.

Сражение на небесах

И увидел Илья Муромец: разошлись небеса на стороны, будто кто заслонку снял с печи. А печь давным-давно потухшая! Ни огня, ни золы — хлад и ветер. Да только не тот ветер, что над землей летает, — вселенский, неуютный.

Скосил Илья глаза на правый ус, а ус в инее. Да и нос вроде прихватывает. Пригнулся к Сивке — потеплело. Пышет Сивка не хуже каравая. Тут и в воздухе потеплело. Но зато потянуло уж таким смрадом, хоть ноздри зажимай. Небо куда-то подевалось. Внизу огненная река, кругом черные утесы. И понял Илья — в пасть с Сивкой въехали.

— Ах ты, тьма-тьмущая! Величество вонючее! — закричал богатырь да и вонзил в огненную реку доброе свое копьё.

Река-то — язык змеиный. Заплясал, вскорезился. Илья же не унимается, колет, крутит... Хлюпнуло, будто болото провалилось в промоину.

Увидел Илья: один он как перст, как мизинец. А Вселенная перед ним хуже старушечьего сундука, уж так набита, что и размахнуться как следует нельзя.

— Боже ты мой! — ахнул Илья. — Сколько мерзости наплодил сатана!

Пристегнул щит на спину, чтоб какая-либо тварь под лопатку не пырнула, а Сивка вдруг и говорит человеческим голосом:

— Садись, Илья, задом наперед. Так нам сподручнее будет.

Перевернулся богатырь в седле. Приторочил пику так, чтоб Сивка, вперед скакнув, поражал нечисть не одними

зубами да копытами. Меч взял левой рукой — отмахиваться, а правой — надежу свою мужицкую, дубину кленовую с комлем на конце.

Изготавливается Илья, а сам дивуется, отчего это страсть да жуть все еще не кинулась на него со всех сторон разом. Куда ни погляди — жаждущие человеческой крови глаза. Крупный бес над головой — каруселью, бесенята как пурга по ногам коню. Но пока что вся дрянь мимо проносится.

— Эх,— сказал Илья,— не я вас выдумал!

Крутанул над головой палицей, и полилась на них с Сивкой такая дрянь, такая слизь, завывло, и уж так истошно, как только в бездне звездной воют, на земле от такого кошачьего гласодранья все обручи бы на кадушках полопались.

Стал тут Сивка скакать, ногами бить, зубами рвать — к Северной звезде ломиться.

Усмотрел Илья: где они проскакали — свет стрелой, будто от кометы небесной.

Добрались до звезды. Совсем невидная, с баньку. Лег Сивка на брюхо, заполз в звезду чрез дверь теснехонькую вместе с Ильей. Внутри звезды — и впрямь баня. А отмывать было чего: Сивка будто из отхожего места вылез.

Взял Илья ушат, окатил конька с головы до копыт. Мать моя родная! Заблестал Сивка каждой шерстинкою.

Черпнул Илья из котла другой ушат, а в котле вода пресветлая, звездная, бурлит-кипит.

— Не робей,— советует Сивка,— али ты не мурома пополам с русью, али не зовут себя поселяне на родимой твоей стороне — славными людьми?

— Не больно ли кипяток-то крутой? — спрашивает Илья.

— Сей миг! Попробую! — Тут Сивка и окунул левое копыто-то в ушат.— В самый раз!

Жахнул Илья на себя дивную воду — и как с гуся.

— Тебя вместо месяца можно на небо пускать! — говорит Сивка.— Пора нам, Илюша. Дело только начинается.

Вышли они из звездной баньки — и сами не хуже звезд. Да только тьмы, пока они от сражения передых

себе взяли — прибыло вдвое. Но уже ни бесов не видно, ни бесенят — крошечная тьма.

Сел Илья на Сивку не по-дурачки, по-богатырски. Поглядел в рукавицу.

— Ах ты, сукин сын!

Рыцарь на коне. Оба черным-черны.

— Посветить бы чем? — говорит Илья.

— А ты запусти над собой палицу, — советует Сивка.

Оружие надежное, да нечего делать. Пуганул Илья палицу вверх, и, верно, посветлей стало.

Черный рыцарь опустил черное забрало на черное лицо и помчался на Илью, черным копьём метя в богатырскую грудь.

— Ну, Илья! Держи свое-то копыце покрепче да мозгами пошевеливай! — крикнул Сивка да и кинулся со всех ног навстречу черному поединщику.

Оскалил черный конь звериную пасть, да так, что стало видно его утробу — геенну кипящую.

Илья смекает: черный рыцарь глаза отводит от черного копыя.

Пригнул голову, нырнул под щит, а своим копьём ударил между черными конскими ушами. И уж так тут сверзилось, такой грохот по Вселенной прокатился, словно все горы на земле рассыпались на мелкие камешки.

Развернул Илья Сивку, смотрит, а вместо одного рыцаря — стоит полк. Сколько в полку — не сосчитать, будто зеркала того рыцаря умножили.

И услышал Илья конский топ. Ладно бы земля под копытами гудела, а то ведь Вселенная. Видно, все бесы, соединясь, выродили кобылицу, мчащуюся на богатыря. Грива — ураган, глаза — аспиды. Не отвернуться от этих глаз, не зажмуриться. А в седле — скелет.

— Вон ты какая, смерть сатанинская! — вскричал Илья Муромец и достал меч из ножен.

Тут Сивка скакнул, Илья махнул, и покатились, о миры стучаясь, голова ужасного богатыря.

Развернулся Сивка, и увидели конь да богатырь, что вместо одной смерти объявился полк смертей.

А на Илью выступил черный лучник. Лук был до того велик, что одним концом опирался на землю, а другим

на звезду Сириус. Пока лучник стрелу на тетиву накладывал, пока тетиву исполинскую тужился, натягивал, Илья из своего немудреного лука пустил стрелку не на чудище — на человека приготовленную. В лоб угодил адскому воину.

Опять то же самое: был один лучник — объявился полк. В ту самую пору как раз вернулась палица из-под купола Вселенной. Поймал Илья дубинушку. Обрадовался. Хоть и многому научили крестьянского сына Святогоровы богатыри, а с дубиной все поспокойнее.

Не стал ждать Илья сатанинских происков. Погнал Сивку в бой и крушил палицею мечников и лучников, копьеметателей и всякое зверье. А ведь гигант на гиганте, мышь со льва, крыса слону под стать... Крови пролилось — море. Черное. Стал Сивка вязнуть, спотыкаться, а кровища все прибывает — Илье по грудь. И понял он: утопит его мерзость, а то и в плен возьмет.

Совсем потерялся... Убивать — свою же погибель близить. Защищаться от стольких стрел, мечей, копий — не надолго хватит щита, шлема, доспехов.

И когда остановился Илья, смирясь с неодолимостью зла и тьмы, понеслась вдруг по небу багряно-ярая колесница, а в колеснице сам Илья Пророк. Затрубил Ангел в трубу. Пересекли Вселенную молнии святого грома-вержца. Подкатила колесница, выдернул Илья Пророк русского богатыря из кровавой трясины, поставил рядом с собой, а Сивку в колесницу, в постромки.

— Да где же они, богатыри-то святорусские?! — в сердцах воскликнул Илья Муромец.

Тут Илья Пророк и показал ему на край небес. Светали небеса. То шел на конях богатырский полк.

Петушиная кровь

— Хазары на правом берегу! — Весть была получена от дальнего дозора, и Святослав был доволен: есть время подготовиться к сражению.

Совет, решавший судьбу Руси и Хазарии, получился скифским. Вожди племен, воеводы полков, предводители

легких конных отрядов съехались в степи и говорили, не сходя с коней.

— Ждать или нападать? — спросил князь Святослав.

— У них сто тысяч воинов! — Свенельд был мрачен, его покоробил столь несерьезный воеводский съезд.

Грозный воевода привык говорить последним, зная все доводы, умея ловко поправить самого князя, но теперь он не сдержался.

— У них сто тысяч воинов,— повторил Свенельд.— И больше! Иные все еще переправляются через реку. Нам не поздно отойти... Если Арпад задумал идти на Киев, мы станем изматывать хазарское войско короткими ударами.

Свенельду не перечили, и Святополк сказал:

— Я не знаю, чего хочет каган-бек, но я пришел к Белой Веже не для того, чтобы показать хазарам, какая у меня спина.

— Но у нас даже телег мало! — воскликнул, сердясь, Свенельд.— Мы могли бы огородить себя табором и отбиваться от хазарской конницы, пока силы нападающих не иссякнут.

— Я пришел к Белой Веже не для того, чтоб спрятаться за телеги и уморить лучшее в мире войско голодом.— Святослав встал на стремянах, оглядывая воевод.— В этих краях, готовясь к будущему сражению, я был трижды. Первый раз отроком с Асмудом, моим учителем. Был я здесь и в прошлом году, когда возвращались из похода. Осматривал эти места и вчера. Нет! Мы не станем ждать Арпада, отдавая его коням степь. Для себя хазары, может, и привезли еду, но коней кормить им нечем. Позади река. Тревожить осиное гнездо, трогая его издали, мы тоже не будем. Если хазары ждут нас у реки, хуже для них.

— Хуже для нас,— возразил Свенельд.— Рекой Арпад отгородился от сомнений, а может быть, и от милосердия.

— Зачем нам милосердие врага? У них жажда новых просторов и новых дев для поругания. В нас же пылает жажда мщения за всех убитых, за всех униженных, за не успевших родиться... Дозоры вперед! Войско вперед!

Когда большинство воевод разъехались и остались только ближние люди, Святослав сказал:

— Хазары привыкли побивать тех, кто защищается. Отчаянье храбрецов только веселит их. Они ловят каждую промашку и наказывают смертью. Первыми нападём мы. Сразу всей громадой войска. Большой полк поведу я сам. Мои воины привыкли видеть меня рядом.

— Арпад без хитростей не воюет, — сказал Свенельд.

— Вся его хитрость — два полка про запас. Когда Арпад пустит на нас полк арсов, отборных воинов, наниятых в Хорезме, настанет твоя очередь, Юнус. Ты позволишь арсам войти в соприкосновение с моими воинами и ударишь им во фланг. Арсам придется перестраиваться в сумятице сражения. Убивай не щадя, ведь арсы тоже не берут в плен.

— А если Арпад еще прибережет полк? — спросил воевода Икмор.

— Вот тогда твои варяги пойдут и рассекут хазар надвое. Полторы тысячи самых грозных воинов на белом свете, когда оба войска будут на пределе сил, — хорошая подмога.

— А что будет делать старый упрямый Свенельд под Белой Вежей? — спросил воевода с обидой в голосе.

— Ждать, — ответил Святослав. — Ты, Свенельд, будешь как сама судьба. Я даю тебе пять тысяч пеших воинов и две тысячи конных. У Арпада останется про запас полк белых хазар, но тебе не надобно дожидаться, когда они вступят в битву. Твое дело — победа. А чтобы ты совсем не изнемог, глядя на сражение, я даю тебе тысячу пеших древлян. Посылай по сотне, по две, по три туда, где будет худо.

Теперь все посмотрели на Ярополка и на Претича с Блудом.

— Для вас Перун избрал самую трудную долю. У тебя, Блуд, только семь сотен. Но это самые быстрые кони и самые бесстрашные конники. Если увидишь, что я с моей сотней телохранителей окружен, иди на помощь. Не случится беды — оставайся на месте. Ну а если подниму красный прапор — мчись в поле скорехонько! А тебе, Ярополк, стоять со своими тремя тысячами до кон-

ца, не вступая в битву. Что бы ни произошло — стойте. Уйдете только в том случае, если хазары пройдут по нашим телам. Уйдете в Киев. Я надеюсь на тебя, Претич.

— Стоять и стоять! — вырвалось у Ярополка.

— Стоять, сын. Хазары будут видеть вас. Это тоже участие в бою. И немалое.

— А если хазары зайдут нашему войску за спину? — спросил Претич.

— Се — дело Свенельда, ну а если Свенельд будет в бою, две тысячи твои. Останови. Тысяча Ярополка должна оставаться на месте. Все слова, други мои, сказаны. Пора принести жертвы.

— А печенег? — спросил Свенельд. — Куда ты поставишь печенегов?

Вопрос не был праздным. После предательства Кури печенег разделились. Большая часть осталась на службе князя, но Куря перешел к хазарам.

— Печенег ударят первыми и отойдут. Они будут биться, как привычны. Нападать и отходить. Они очень пригодятся в битве с арсами... Всё! Поклонимся богам, други!

И прошли перед войском жрецы. Резали петухов, кропили кровью мечи, копья, стрелы, копыта коней.

На обед было много мяса. После обеда все войско погрузилось в сон. Вечером совершили скорый пеший бросок. Ночевали, не зажигая костров, не ставя палаток, спали на голой земле. Ужинали холодным мясом и луком с хлебом.

Поднялось войско князя Святослава по крику третьих петухов.

Сражение

В лагере хазар петухов слышали. И удивлялись: откуда бы взяться курятнику в степи? Удивились еще больше, когда увидели прямо перед собою шагающий лес копий.

О том, что русь где-то близко, знали. Не думали, что посмеет прийти и напасть в открытом поле.

Пока хазарские полководцы спешно строили войско, наметив охватить двумя полумесяцами пешие ряды наступающих, налетела конница печенегов, служащих Святославу. Каждый всадник пустил полдюжины стрел. У хазар появились первые убитые и раненые. Печенеги же умчались, скрыв наступающих пеших ратников облаками пыли.

Привыкшие побеждать, хазары не смутились, не пятились, но двинулись всею массою вперед, пешие и конные.

И оказалось — русь стоит лучше. Войско Святослава на гребне долгой земной волны. Первые ряды хазар полегли после скорой кровавой работы пришлых жнецов, но Арпад успел-таки выстроить огромное свое войско в боевые порядки и на пеших копейщиков пустил болгарскую конницу. Прикрывшись черными щитами, с дротиками над головами, мчалась на русь Волжская Булгария, мчалась поразить своих прошлогодних обидчиков.

Хазарские пешие полки дружно расступились, пропуская грозный десятитысячный отряд. Арпад пустил сразу всех болгар, чтоб одним ударом кончить несчастливо начавшуюся битву.

Пока конница одолевала мертвое пространство, из рядов русского войска выбежали с корзинами самые быстрые и проворные, рассыпали шагах в сорока от боевых порядков железные ежи — трехрожковые колючки, а само войско ошетинилось длинными пиками, наглухо закрылось щитами.

Дротики болгары пустили шагов на шестьдесят. Русские копья тотчас поднялись, как поднимает свои огромные иглы дикобраз.

Редкий снаряд пролетел через эту изгородь, а пролетевшие падали на щиты, которыми воины прикрывались сверху.

Второй удар дротиками у болгар не получился единым и сколько-нибудь опасным. Иные кони, попадая копытами на ежи, взмывали на дыбы или падали со всего маха наземь, сшибая других коней. Боевой порядок сломался. Вторым ударом дротиков нужно было наверняка поразить щиты, чтоб стали тяжелы и непригодны для обороны.

Но не все всадники успели метнуть свое оружие, слишком коротким было расстояние, другие не метали умышленно, надеясь отвести от себя, от коня русские копыя.

Все же конница проломила бреши в рядах, сражение пошло накоротке. Булгары облепили стоявшее как вкопанное войско Святослава.

Арпад торжествовал. Он перестроил потрепанную свою пехоту в боевые порядки, поставил в центре свежий отряд — витязей кагана Иосифа, славян и русь, против славян и руси. Ударить по измученному сражением с конницей войску — принудить даже самых яростных и могучих к безысходной обороне. Арпад послал вестников с приказом булгарам отойти. Вестники уехали, и тут же из степи в спину булгарам ударила конница гузов. Булгары попали в тиски, искали спасения бегством и гибли сотнями. Гузы, настигая конных, поражая на скаку пеших, врезались в войско Арпада. Строй хазар снова сломался, а вся масса Святославовой дружины распрямилась, как отпущенная после страшного сжатия пружина, и ужасным ударом поразила сразу две линии.

Холм, с которого Арпад следил за сражением, был очень невысок, но у хитрого хазарина имелось особое кресло, поднимаемое на шестах на четыре человеческих роста.

Сверху Арпад видел много больше, чем стоявшие у подножия его кресла. А видел каган-бек страшное.

Войско Святослава, копошась по-муравьиному, уничтожало ряд за рядом, теряя своих бойцов, но нисколько не умаляя напора.

— Муравьи! — шептал Арпад побелевшими губами. — Муравьи!

Он видел, как упрямо стоят витязи кагана Иосифа. Если бы не их мужество, все побежали бы.

Русь, служившая Хазарии, служила верно. Витязи, чтобы не попасть в окружение, время от времени отходили, не ломая строя, не позволяя наступающим разделить отряд надвое.

У Арпада были его арсы. Три тысячи собранных в отдельный полк и тысяча его личной охраны. У него были в запасе пешие вятичи, тысячи две, да тысяча

прикаспийских гузов-конников, у него было три с половиной тысячи белых хазар. На конях, закрытых броней, в непробиваемых панцирях. Наконец, он мог бросить в бой полторы тысячи вооруженных мечами и пиками гребцов с лодок.

Муравьи, истребляя хазарское войско, все копошились, копошились, с каждым мгновением приближаясь на шаг, на полшага.

Арпад боялся, как бы вятичи в бою не перешли на сторону Святослава, но держать их в запасе тоже становилось опасно.

Была еще одна надежда: в тыл Святославу был отправлен Куря и полтысячи арсов. Но ему, каган-беку, был хорошо виден большой конный спешившийся полк славян. Для этого полка словно бы не существовало битвы. Правда, когда болгарская конница вторглась в ряды копейщиков, конный отряд отделился от полка и был готов пойти в бой, но ждал до последнего и в дело не вступил.

— Свенельд мудрит! Свенельд! — Арпад обкусывал ногти, все еще медля принять хоть какое-то решение.

А в это самое мгновение сошлись грудь в грудь богатырь Чудина и витязь Позвизд. Оба, изнемогая от напряжения, заругались по-русски. Чудина изумился и взревел медведем:

— За кого же ты бьешься, славянин безмозглый? Со мной, со славянином?

— Кому служу, за того и бьюсь! — ответил Позвизд, обрушивая страшный удар булавы на щит земляка.

— Будь ты проклят пращурами! Да расклюют твое мерзкое тело орлы, разорвут, растащат подлые шакалы.

Ударил Позвизд Чудину вторым ударом по голове, а Чудина успел насадить Позвизда на копье. И упали они друг на друга, ни мертвые, ни живые.

За поединком наблюдал Ярополк. Он с Претичем и Блудом с тремя тысячами славян стоял на холме для устрашения Арпада.

— У хазар много войск в запасе, — говорил с тревогой Ярополк, показывая воеводе Претичу на неподвижные полки иудеев, стоявшие у самой реки.

— У тебя глаза молодые, далеко видят, — отвечал Претич. — Я вижу, что поближе. Да уж лучше бы вовсе глаза не глядели, коль сказано нам: стоять.

— Стоять! — горестно вздохнул Ярополк и тотчас встрепенулся: — Вон еще пошли! Пошли! Пошли!.. Скачут.

— Наши?

— Хазары! Много! Целая тысяча!

— А что за конница? Какие доспехи? Не белые ли?

— Не белые... На гузов похожи.

— Хазарские гузы — дикари, но бьются люто.

Ярополк окинул долгим взглядом поле сражения, и глаза его заблестали:

— Отец красный прапор поднял!

— Вовремя! — Претич перекрестился и крикнул, краснея от натуги: — Воевода Блуд! Хазарские гузы — твои!

Блуд и его семь сотен, настегивая коней, помчались отрезать хазарских гузов от гузов Юнуса.

— Что там еще, в поле-то? — шуря глаза до слез, спрашивал Претич у Ярополка.

— Вятичи пошли.

— Вижу! Се — вятичи. Не шибко, однако, торопятся. Вот уж и встали. Стоят?

— Стоят.

— Ну и слава Богу! Княгиня Ольга, знать, молится о нас.

Претич был христианином. Святославу это не больно нравилось...

Ярополк смотрел туда и сюда, готовый сообщить старику воеводе еще какую-нибудь новость, но Претича, видно, только одно заботило.

— Белых-то видишь?

— Вижу... Ух ты, как резво взяли с места. Резвей Блуда.

— Белые?!

— Черные, Претич! Черные!

— Теперь и сам вижу — черные. Арсы. Хорезмийцы. Ударная сила кагана.

— А что же отец? Неужто не видит? — Ярополк от волнения вытянул свой короткий меч из ножен, свой

рубящий сталь «Светоносец». — А Свенельд?! Он-то почему стоит как вкопанный? Претич, может, нам ударить на арсов?

— Птенец! — грозно рявкнул воевода. — Спрячь меч, говорю!

Ярополк едва ножны нашел.

— Прости, Претич!.. Но где же отец? — И увидел мчащихся печенегов, грозную колонну варягов.

— Вот и печенеги, и варяги. Как князь и думал. — Претич скинул рукавицу, скреб бороду. — Жаль, на размен пошли.

— Кто? — не понял Ярополк.

— Варяги. Варягов на арсов князь разменял.

Ярополк опять не понял, о чем говорит Претич, а тут еще раздались возгласы:

— Куря за спиной! Куря! Арсы!

Печенеги Кури и полтысячи черных арсов выскакивали из лога, готовые поразить войско Святослава в спину.

Арпад рассчитал точно: вятичи, арсы, хазарские гузы, печенеги Кури пошли в бой почти в одно и то же время.

Теперь каган-бек смотрел на сражение затаив дыхание. Ждал смятения в рядах русичей.

Полки Святослава и впрямь словно бы откатнулись, а все же не побежали!

— Святославу конец! — крикнул Арпаду его сын Авесса. — Наши проломили его ряды!

— Сразу в трех местах! — возрадовался тархан Ифамар, предводитель белых хазар.

То было правдой, но расстояние предательски скрыло от глаз жаждущих победы только одно: ударные отряды хазар были пропущены в утробу войска Святослава. Здесь, окруженные со всех сторон, эти отряды истреблялись на глазах Арпада и его полководцев.

— Отец! Дозволь мне! Я разрублю русов пополам, как змею.

Арпад не слушал Авессу.

— Куря! Что медлит Куря?

А сам видел, Куря не медлит, в тылу войска Святослава вовсю уже пошла круговерть смертельной схватки.

Налет Кури был остановлен табором из сцепленных друг с другом телег. И тотчас на печенегов навалилась конница Свенельда. Печенеги подались в сторону полка воеводы Претича. И Претич выставил на них три сотни с Варяжкой во главе.

Печенеги, зажатые с двух сторон, заметались, и отряд Варяжки посек Курину дружину, как худую крапиву.

Волк Куря и его вечно голодные волчата, спасая шкуры, скакали прочь от поля битвы, не чая, как унести ноги подобру-поздорову.

— Куря! Куря! — стонал Арпад.

— Отец,пусти меня! Не то будет поздно! — молил, чуть не рыдая, Авесса.

— Вон куда смотри! То ли идут, то ли стоят! — указал Арпад на полк вятичей.

Перед вятичами маячила конница гузов илька Юнуса. Гузы не нападали, но и вятичи, щетинясь копьями, то подолгу стояли, то делали несколько шагов вперед и снова замирали.

Арпад в отчаянье и ярости взмахнул руками:

— Трусливые шакалы! Их надо кнутами настегать!

Авесса, приняв жест каган-бека как дозволение взбодрить вятичей, ринулся на правый фланг с полутысячей арсов, самых могучих и грозных, испытанных во многих сражениях.

— Стой! Стой! — завопил Арпад, но было поздно.

Арсы взвыли, это был их боевой клич, и, сотрясая землю копытами коней, мчались поразить гузов Юнуса и одновременно увлечь за собой чересчур осторожных вятичей.

В это же самое время вернулся из боя с печенегами Кури Варяжко. Ярополк посмотрел на своего любимца, и ужас поднял ему волосы под шлемом.

Конь Варяжки храпел, бил копытами, и было отчего. Под грудью коня на крючьях висело пять окровавленных голов.

— Смотри! Свою береги! — сурово сказал Претич и направил десницу на поле боя, на черных арсов, теснящих гузов Юнуса. — Твои!

— Вятичи-то опять пошли! — забеспокоился Ярополк.

— Вижу! — сказал Претич, взглядывая в сторону полка Свенельда.

Свенельд тоже все видел, но стоял.

— Отец! Отец! — привскочил на стременах Ярополк, указывая в поле.

Святослав, выйдя из рядов сражающихся, поменял доспехи простого воина на свои, княжеские. Оставаясь в кольчуге, снял куяк с железными пластинами, надел другой, с позлащенными. Шлем тоже поменял на вызолоченный да еще вырядился в багряный, как пламя, плащ.

С двумя сотнями гридней Святослав скакал на помощь Юнусу, но Варяжка успел раньше. Сын Арпада Авесса, боясь окружения, начал отступать и напоролся на копья вятичей, которые двигались за арсами. Вятичи то ли по дури, то ли боясь быть смятыми своими, то ли из коварства, но копий и теперь не опустили.

Варяжко добрался-таки до предводителя арсов.

— Я — сын Арпада! — закричал варягу Авесса, отбивая бешеные удары огромного меча.

— А по мне, будь ты самим Арпадом! — крикнул в ответ Варяжко и, грохнув по щиту хазарина железной палицей, снес мечом вражью голову.

Когда подскакал Святослав, его гридни добивали последних арсов.

Князь выехал к строю остановившихся вятичей. Спросил:

— Кому дань платите?

— Платим кагану, да каган на тот свет отправился счастья искать для хазар, — ответил воевода вятичей.

— Выходит, некому платить?

— Да вроде бы и некому.

— Ну так домой ступайте! — Князь показал на горы и гряды замерших навеки тел. — Тут и без вас много.

— Ахти как много! — согласился воевода.

Помолчали.

— Ну так мы пошли? — спросил вятич.

Святослав не ответил. Он смотрел в небо, на орла. Огромный орел медленно-медленно летел в сторону хазар.

— Ну так мы пошли,— снова сказал воевода, и вятичи, повернувшись всем строем, двинулись к реке.

А Святослав все смотрел и смотрел на орла.

— Еще летят! Полдюжины! — углядел высоко летящих птиц Варяжко.

— Знак Перуна. Пора кончать хазар! Ты, Варяжко, возьми у меня сотню гридней и помоги варягам. Насмерть бьются! — Подозвал к себе гонцов: — Скачите, скажите войску. Пора отходить!

Ярополк тоже видел орлов, летящих в сторону хазар.

— Что же Свенельд? — волновался княжич. — Неужто не видит орлов? Вот теперь уж надо идти всем сразу и победить!

Претич улыбался и молчал.

Не молчал Арпад. Он скулил, как раненый волк. Видел, как погибает сын, кидал огненные взоры на полк белых хазар, но так и не отдал приказа — вступить в сражение. Всякий раз, когда приказ выступить был готов сорваться с губ, поднимал Арпад глаза на полк Претича и сжимал челюсти, да так, что зубы скрипели.

— Стоят! Стоят!!

К высокому месту каган-бека прибывали вестники, прося помощи. Прибежал посланец Догоды:

— Каган! Твой полк русичей изнемог. Пришли белых хазар, или будет поздно.

Каган-бек не отвечал. Никому не отвечал.

И вдруг он увидел: войско Святослава отхлынуло от его войска. Одолевая завалы из трупов, отходит...

— Наконец-то! — закричал Арпад. — Вперед! Вперед! Сила хазар — натиск.

Подозвал сотника личной охраны.

— Видишь золотой шлем? Иди со своими львами и сожри его! Голову вместе со шлемом — мне! Принеси, только принеси — и будешь моей правой рукой. Голову! Голову!

Арпад вновь сыпал приказами, но великое войско хазар стояло без сил. Каган-бек закипел яростью:

— Нас же больше! Вдвое больше! Втрое! Пусть идут и победят.

Послал гонца к лодкам, взять тысячу гребцов. Пусть ударят на русичей, пусть увлекут за собой войско! Послал гонца к вятичам с угрозами и милостями. Обещал не брать дани три года.

— Орлы! Орлы! — указали каган-беку на птиц. — В нашу сторону летят.

— Что орлы? Или перевелись меткие стрелки? Убейте!

В этом затишьи все обратили наконец взоры на клубящуюся змеей схватку арсов и варягов. Арсов было больше, но яростные варяги впились в тело непобедимого полка хорезмийцев мертвой хваткой. Так бьется с гадюкою насмерть еж. Арсы пытались охватить варягов с флангов, зайти им в тыл, но теряли и теряли воинов. Все попытки оторваться, отойти не удавались. Варяги тоже не были бессмертными, падали с коней, но, умирая, наносили разящие прощальные удары.

Пятясь, арсы грозили врезаться в полки белых хазар.

— Почему Арпад держит своих иудеев?! — теряя голову от гнева, кричал Догода. — Нашей крови ему не жалко. Вон сколько пролили. Но ему и арсов не жалко.

Кровь струилась по истерзанной земле медленными ручейками, ручейки сливались, стекали в низину, в багряно-черное озеро.

Отряд гребцов успел выдвинуться перед строем хазарского войска, когда, под пение рожков, под грохот мечей о щиты, со стороны русичей грянул полк Свенельда. Справа его удар поддерживали печенеги, слева гузы.

— Вперед! Вперед! — надрывался Арпад, но на его войско уже летела туча стрел, за первой тучей еще одна. И вот уже взмыли в небо тяжелые копыта славян и руссов.

Ярополк видел: сражение идет иначе, чем задумывал отец. Свенельд не добивает хазар, а только ломит их силу. Печенеги налетали коршунами, терзали хазар и снова отходили, чтоб напасть еще и еще.

Гузы Юнуса рубились упорно, стремясь расчленить ряды врага.

Удар Свенельда был страшен. Хазары побежали к реке, и быть бы смятению всеобщим, но устояла дворцовая дружина кагана Иосифа, русичи и славяне.

Хазары опаматовались, построились, сдержали натиск. Свенельд, мудрый, как змей, помнил: отряд у него невелик. Ввязаться в истребительную схватку — нанести урон всему делу. Приказал трубить отбой. Увел дружину за ряды войска Святослава.

Всего полчаса передышки получили князьи витязи.

Водоносы, возницы обоза успели напоить бойцов, дать каждому по куску говядины. Забрали тяжелораненых, кого увели, кого унесли. Но многие, хоть и роняли кровь, — оставались в строю.

Когда Свенельд отошел, ратники Святослава поднялись с земли, загородились червлеными щитами, оцетинились копьями, пошли на хазар.

— Господь мой! Всемогущий Яхве! — вскричал Арпад. — Ты удержал на небе солнце для Иисуса Навина, прибавил дня... Молю тебя! Ниспошли ночь и мрак, чтоб уберечь народ твой от истребления.

С востока и впрямь медленно двигалась иссиня-черная туча. Уже тянуло предгрозовым сквозняком, но ветер не мешал русскому войску, скорее помогал, высушивая испарину. Работа снова предстояла тяжкая, кровавая.

Войско Святослава надвигалось неотвратимей небесной тучи.

Догода приподнял забрало, чтоб отереть лицо от выступившего пота, и вдруг увидел на небе, над русским войском, еще одно, светоярое. Сияли белые щиты и шлемы, сияли белые кольчуги. Белые кони исполинов-воевод выступали впереди пеших исполинов. А еще выше, запряженная в дюжину коней, мчалась алая колесница, а в колеснице был сам Илья Пророк.

— Господи! Что это? — воскликнул Догода и невольно повернул голову и посмотрел, что за спиной, что над ними.

А над ними клубилась тьма и стояла черная рать. Не на лошадях, на драконах, на дивах, на гадах.

— С кем же мы бьемся?! — закричал Догода, указывая своим товарищам на небесную белую рать над русичами и тотчас вверх, над собой.— За кого бьемся? За тьму? Поглядите на Арпада. Бережет иудеев, нашими головами платит за свою поганую жизнь.

Заворчали избитые, израненные бойцы. От тысячи их осталась треть.

— Братья! — крикнул Догода.— Мы кагану службой заплатили сполна. Постойм теперь за нашу кровь, за славян, за Русь! На хазар!

И повернули бойцы копья в сторону Хазарии, и ударили на хазар.

Воины Святослава, как на ученье, будто только начинали дело, метнули тяжелые дротики, метнули другой раз. И хазары вдруг побежали.

— На лодки! — отдал приказ Арпад, свёрзился со своего высокого места, прыгнул в седло, помчался к ладьям.

Как только белые хазары погрузились, ладьи тотчас отчалили. Остатки войска спасались вплавь.

Воды могучего Бузана, зарясь на доспехи, на оружие, тянули хазар на дно. Одни тонули, другие гибли от стрел, которые тучами сыпались на головы.

За рекой гремела гроза, пронзали небо молнии, а на правом берегу реки было светло.

Святослав выехал на холм, где совсем недавно правил кровавым побоищем каган-бек Арпад, поглядел на бегущих хазар, не поразился, не посожалел, что кто-то все-таки спасся, ушел.

Повернул коня, поехал на другое взгорье. Туда, где все так же недвижимо стоял полк воеводы Претича.

— Кланяюсь вам,— сказал князь, подъехав к воинам.

Сошел с коня, встал на колени, коснулся лбом земли.

— За что? — спросил Претич.

— За то, что стояли хорошо. Арпад так и не решился пустить белых хазар. Кланяюсь! Кланяюсь и тебе, сын!

— Но мы никого не убили! — вырвалось простодушное слово у Ярополка.

— Убитых и так сверх всякой меры,— горько сказал Святослав и поглядел на поле побоища.

Косые лучи наполовину закрытого тучами солнца озарили кровавое озеро и алые лучи, все еще стекающие с багряно-черной земли.

— Жаль, что ушли белые хазары,— сказал Претич.— Это большая сила.

— Сила Хазарии здесь осталась,— показал князь на поле.— Хазария отныне звук, не более того.

О Баяне, об Илье Муромце, о Ярополке

Большая купеческая ладья, несомая сильной водой, ветром, ходко бежала в Меотидское озеро, чтобы одолеть его простор, зайти на денек в Босфор, отдохнуть на твердой земле среди просвещенного народа от потрясений на землях диковинных народов Руси и Хазарии, и снова устремиться в синие ослепительные просторы Понта Эвксинского.

Баян сидел на корме, смотрел, как весело гонятся волны за кораблем и отстают, уступая право погони новой чреде волн.

Земля тоже уплывала вспять, и только облака догоняли ладью, обгоняли...

Баян думал о странной встрече с богатырем Ильей. О поединнице, которая чуть было не погубила могучего витязя.

И чудо чудное! Он вдруг увидел Илью Муромца на облаке. Облако вытянулось мостом с небес на землю, и по белому этому мосту шел богатырь, ведя в поводу своего Сивку. Богатыря пошатывало от усталости, но шел он неторопко, как человек, много и хорошо потрудившийся. Так возвращаются с поля жнецы и жницы, упившись допьяна работой.

Баян хотел окликнуть Илью, но — далеко, не услышит.

Пригляделся к громаде облаков, встающих за спиной богатыря, и увидел, что это тоже витязи. Огромные, как горы. Исполины светлых сил. Впереди, должно быть,

Святогор. Его тяжелый конь, увязающий ногами в тверди земной, проваливался в облака по грудь.

«Славяне победили хазар», — подумал Баян.

Он знал от купцов о движении многотысячных дружин по степи к Бузану, который купцы-греки называли Танаисом, а славяне Доном.

Баян вспомнил Ярополка. Если победил Святослав, то княжич, верно, будет искать своего товарища.

Перед глазами встала Власта. Что с матушкой? Где она? Обошла ли стороной ее дом в Итиле злая госпожа война? Баян потихоньку запел, что в голову шло:

Не орел кружит в поднебесье,
То судьба парит.
Коль падет с небес, так на голову,
Коли клюнет железным клювом,
Так в темечко.
Дышит темечко у младенца,
А глаза у судьбы да ведь круглые,
А перышки-то у судьбы все ведь пестрые.

Купец услышал пение странного своего спутника. Сокровенный отрок. От кого сокровенный? Про то ничего не сказано. Сказано: нужно доставить в Царьград ко двору василевса.

...В это самое время Ярополк, которого поминал Баян, был снова огорчен приказом отца. Великий князь отсылал княжича в Киев. Одно льстило: Святослав возлагал на сыновние плечи два важных дела. Одно дело — сообщить о битве, о победе и другое дело — довести до Киева живыми раненых воинов. Обоз составлялся очень большой. Раненых было много.

Поход не обещал быть легким: в степи метался побитый Куря. С ним бежало с поля битвы не меньше семи-восьми сотен. А для защиты обоза Святослав смог выделить Ярополку всего две сотни легкораненых конников, да полторы сотни было у самого княжича, его охрана.

Решили ехать в Киев еще тридцать витязей Догоды. Приглядеть за своими ранеными товарищами, поберечь в пути молодого князя, поискать, повидать своих родичей.

Остальные витязи кагана Иосифа шли на Белую Вежу, на Итиль вместе со Святославом.

Обоз отправлялся на другое утро после сражения. В ряд поставили по три телеги, по три арбы (арбы остались от хазар), но все равно змея получилась длинная, на полверсты.

Прощаясь с сыном, Святослав сказал:

— Передай бабушке, великой княгине Ольге: отныне хазары будут Киеву давать дань. И не с дыма, а с каждого мужчины. Великой прибыли пусть все-таки не ожидает: пройду Хазарию из конца в конец. Городов не оставлю...

Обнял Ярополка:

— Ну, сын! Чего тебе в походе добыть? Жену, коня, самоцветы?

Ярополк жарко вспыхнул щеками:

— Найди Баяна, друга моего!

— Княжич! Княжич! — раздался вдруг слабый голос из телеги.

Ярополка звал Позвизд. Он лежал вместе с Чудиной. Раны, слившаяся кровь породнили суровых противников.

— Княжич! — шептал Позвизд белыми губами. — Баяна украли... Он был при кагане Иосифе. Кагана убили, и Баяна должны были убить... но спасен... Украли его, увезли...

— Но куда? Куда?

— Не ведаю, княжич. Может, он теперь уж в самом Царьграде.

— Найдем и в Царьграде, — сказал Святослав и еще раз обнял Ярополка. — Да хранит тебя Сварог! Да осенит в пути крыльями громовержец Перун!

Заиграл рожок. Обоз тронулся. Конь Ярополка переступил ногами на месте, а потом пошел, пошел.

Князь Святослав долго провожал сына глазами, но тот так и не обернулся.

О восточном походе Святослава и о судьбе Хазарии

В дивной летописи святого инокa Нестора, называемой нами «Повестью временных лет», читаем: «В лето 6473. Иде Святослав на хазары. Слышав же хазары изидоша противу с князем своим Каганом и сошлись биться,

и в брани одолел Святослав хазар и город их Белую Вежу взял. И победил ясов и касогов».

Скупо писали предки. Без громких слов. Себя не похваляли, врагов не унижали, не корили. О подробностях Восточного похода князя Святослава поведали нам арабы, посещавшие в те времена Булгарию, Хазарию, Русь.

Оставшись хозяевами поля битвы, воины Святослава добились врагов, сожгли тела погибших своих товарищей на великом костре, справили по ним тризну и поспешили, ведомые князем, в глубь Хазарии.

Летнюю столицу каганов Саркел, называемую славянами Белой Вежей, взяли и разрушили до основания. Слишком близок и ненавистен был этот город Киеву, да и стоял он на утерянной славянами земле.

Поспешая, без шатров, без обоза двинулся Святослав на Итиль. Одолел легко, хазары уже трепетали перед русичами, разбегались, бросая дома, уходили за Волгу.

Когда-то князь Игорь, осаждая город Бердаа, говорил хазарам: «Единственно, чего мы желаем,— это власти».

Вера хазар не беспокоила прежнего киевского князя, он не громил города, желая получить как можно больше дани. Святослав пришел в Хазарию не ради наживы. Он пришел уничтожить царство, где славяне и руссы жили в рабстве.

Итиль не был превращен в руины. Святослав спешил воспользоваться паникой и взять большой богатый Семендер.

Арабский историк ибн Хаукаль сообщает: Семендер был сожжен русскими дотла. И не только город — погибли все виноградники, главное богатство края.

Покончив с Хазарией, князь Святослав обратил свой взор на южных союзников кагана, на племена ясов и касогов.

Новгородский летописец обронил фразу, которая дорого стоит. Он написал, что Святослав побежденных ясов и касогов «приведе Киеву».

Ясы и касоги — народы конные. У них лошадь не столько работник, сколько воин. Славянам-пахарям всегда недоставало именно конного войска. Славяне чувство-

вали себя тверже, стоя ногами на земле. Прирожденные пехотинцы.

Когда-то переселял в Киев князь Кий черкас, чтоб славяне переняли у них конное боевое искусство.

Святослав в ясах и касогах тоже хотел не врагов видеть, но ближайших союзников и соратников.

Молод был князь, очень молод, двадцати двух лет от рождения, а о будущем Киевского княжества не только задумывался, но и творил это будущее.

А что же Хазария?

Огромное пепелище еще дышало жаром жизни, и все же рана, нанесенная государству русским князем Святославом, оказалась смертельной.

Хазария не исчезла в 965 году только потому, что оставался народ, называвший себя хазарами. Сохранилась власть. Власть, почитаемая две сотни лет непогрешимой и всемогущей, все еще соединяла людей в одно целое. Самое же важное — оставалась земля, носившая имя — Хазария, оставалась родина.

Волжская Булгария и Хазария существовали теперь как части Руси.

Ибн Хаукаль видел беженцев из Хазарии в 968 году в Грузии. Множество хазар перебралось на берега Каспия, под покровительство ширваншаха Мухаммеда ибн Ахмета ал-Азари.

Еще через десять лет араб Мукаддаси писал: хазары вернулись с побережья в Итиль. Они теперь не иудеи, а мусульмане.

Возвращаясь в Хазарию, верховная ее каста надеялась заключить со Святославом мир и, платя дань, восстановить разрушенное государство. Но переговоры вести было уже не с кем: Святослав ушел за Дунай и создавал царство русских на древней земле, щедрой солнцем и благами, а главное, богатой городами.

Нашли себе хазары союзника в далеком Хорезме. То был эмир Мамун — ревностный мусульманин, готовый распространить ислам во все концы земли и на все народы. Эмир Мамун обещал хазарам помощь при одном непременно условии: проклясть иудаизм и перейти в ислам.

Сметливые белые хазары решили, что перемена религии вернет им в конце концов полноту власти. Булгары давно уже поклонялись Аллаху и его пророку Мухаммеду. Единое царство с единой верой — крепость с двойными стенами.

Должно быть, эмиру Мамуну переход иудеев в ислам показался неискренним. Он явился в Хазарию с войском, но с руссами не воевал, и не воевал даже с гузами, а ведь слыл ярым врагом язычества. Воевал Мамун с хазарами. Победил и принудил всех иудеев исповедовать ислам.

Через двадцать лет после похода Святослава его сын князь Владимир вернул Хазарию под власть Киева. Пришел Владимир к Итилю на ладьях, его союзники гузы двигались берегом на конях. Сражения, однако, не случилось. Мудрые хазары, не имея сил отразить нашествие, признали Владимира своим духовным правителем и дали дань. Это было в 985 году. В 994 и 997 годах киевский князь побил восставших хазар и лишил их всякой надежды на былую самостоятельность.

Впервые о хазарах в 193 году написал армянин Моисей Хоренский: «...Прошли через ворота Джора под водительством своего царя Внасепа Сурхана, перешли Куру. Царь армян Вахаршак разбил их, прошел через ущелье Джора и был убит от стрелы арабов».

Одно из последних известий о хазарах принадлежит Фахр ад-Дину. Он сообщал в 1206 году: «У хазар тоже есть письмо, которое происходит от русского. Они пишут слева направо, буквы не соединяются между собой. Всего букв двадцать одна. Большая часть этих хазар, которые употребляют это письмо, — евреи».

Народом хазары оставались, но государством — нет. Святослав и Владимир научили властелинов царств смирению и покорности. Но ведь всякая покорность — всего лишь юродство, а смирение искренним бывает только перед Богом.

ВИЗАНТИЯ И РУСЬ

Василевс Никифор Фока

В куполе храма Софии Божьей Премудрости, огромного, как небо земли, золотого, сияющего, как небо Рая, летал белый голубь, и молящиеся невольно тянулись взорами к святой птице, и в сердце каждого трепетала радость чуда.

Служба была торжественная, во славу дивного праздника Сретенья Господня. Серебряный хор альтов восторженно выводил проймюн кондака преподобного Романа Сладкопевца:

*Лик ангельский да удивляется чуду,
Мы же, смертные, немолчно воспоем песнь,
Видя неизреченное нисхождение Божие:
Того, перед Которым трепещут Небесные силы,
Ныне объемлют старческие руки,—
Единого Человеколюбца.*

Второй проймюн исполнил отроческий голос красоты воистину райской, неслыханной даже в Константинополе:

*Плоть от Девы нас ради понесший
Ты, как Младенец, был носим во объятиях старца,
Род вознеси верных василевсов наших,*

Их укрепи силою Твоею, Слове,
Возвесели их благочестивое царство,
Единый Человеколюбец.

Все взоры обратились к василевсу Никифору. В памяти народа еще свежа была его очередная громкая победа в Сирии. После долгой осады он взял город Тарс. Эта грозная крепость во времена василевса Романа I нанесла войскам Византии сокрушительное поражение. В той битве тарсийцам достались трофеи знаменательные — большие золотые кресты, изукрашенные дивными драгоценными камнями. Теперь эти кресты вновь стояли перед алтарем Софийского храма. Ликующие взоры царьградцев переходили с василевса на кресты и обратно. Мало кто видел в своем самодержце человека уродливого. Он был для них пригож, ибо любовь — слепа.

Последний поход Никифора обогатил не только казну, но и каждого воина. Василевс, заключая мирный договор с тарсийцами, позволил им покинуть город, имея на себе одежду, и только! Победенные не силой ромеев, но голодом, получили за свое имущество ослов, чтоб добраться до Антиохии — своих съели — да немного продовольствия. А город был очень большой и чрезмерно богатый, на море стоит, торговлей живет.

Никифор ростом был невелик. Голова огромная, какая-то мятая, пухлая, а шея, как палец. Странно видеть эту шею, невольно является вопрос: как не сломится? Лицо у василевса темное, эфиопское. Борода широченная, безобразная. Волосы растут буйно, за ушами, на ушах. Глаза крошечные, будто у крота, утиный живот торчком, а ягодицы сухие. Бедра чрезмерно длинные, голени, наоборот, неприятно коротки. Фигура тоже короткая. Сам бесцветен и одет бесцветно. Вроде бы богаче материи нет — виссон, но выцветший, дряхлый. И более того — дурнопахнущий от заношенности, никогда, видимо, не стиранный.

Никифор — аскет. Богатые царьградские монастыри не любит, лепится душой к подвижникам, к постникам, к столпникам. Его душа на Афоне. Поклялся святому афонскому старцу Афанасию принять монашество... Еще в самом начале своего высокого полета, взявши после

тяжелых сражений на Крите триста кораблей добычи, самое ценное — двери эмирского дворца — отправил на Афон, в лавру Афанасия.

Третий проймион пел то хор, то дивный голос — по строке:

Утробу Девственную освятивший Рождеством Твоим
И руки Симеона благословивший, как подобало,
Предварив и ныне, спас нас, Христе Боже;
Но умири во бранех государство
И укрепи василевсов, которых Ты возлюбил,
Единый Человеколюбец.

Александра, дочь дуки Константина Парсакутина, бывшего в дальнем родстве с василевсом, просмотрела все глаза, ища певца. Хор мальчиков был поставлен в правом приделе на другом этаже. Высоко, далеко. Александра молилась в гинекее левого придела.

Многие исстрадались на той службе, желая видеть певца. Пение даже василевса тронуло — плакал.

— Я хочу, чтобы этот певчий был у меня! — шепнула Александра своей служанке. — Пойдешь нынче же к Калокиру и скажешь о моем желании. Мой дядюшка вхож к патриарху, и патриарх его любит.

Хор и певец уже исполняли сам сретенский канон:

К Богородице поспешим, желая
Видеть Сына Ее, к Симеону принесенного;
Его с Небес Бесплотные видя,
Удивлялись, говоря:
«Чудесное созерцаем мы ныне и страшное,
непостижимое, неизреченное;
Ибо создавший Адама носится на руках,
как Младенец;
Невместимый вмещается во объятиях старца;
Пребывающий в неизреченных недрах Отца Своего
Волею описуется плотию, не Божеством.
Единый Человеколюбец».

— Что за певец такой объявился? — спросил василевс патриарха Полиевкта, одарившего Никифора просфорой из алтаря.

— Из Хазарии привезен, — ответил патриарх. — Славянского рода отрок.

— Ах, славянского! Из Хазарии! — Василевс улыбнулся, но в глазах его сверкнул огонек затаенной мысли.— Покажи, святейший, мне это чудо.

А чудо само было в трепете восторга: храм Софии необъятный, прекрасный, как Рай, как драгоценный кристалл, и прекрасный каждой своей малостью, совершенный каждым камнем в стенах, каждым кусочком смальты в мозаиках. Прямо перед собой Баян видел Иоанна Крестителя. Смотрел то на строгое лицо Предтечи, то на его одежды — Ангела пустыни. Иоанн был прост, и в простоте его была недоступная святость. А вот от Серафима, на которого все время устремлялись глаза отрока,— веяло тайной и ужасом. Лик без тела, сплетение крыл, и на этих совсем невеликих, немогучих крыльях покоился золотой свод Неба. Сплошь золото и свет — Небо было сонмом Бесплотных сил, Престолом Господа и Господом.

Пел Баян, потрясенный откровениями, исходящими от храма, от икон, от канона святого Романа Сладкопевца:

...Ибо явился доступным для земных
Неприступный для Ангелов,
Ибо носящий и содержащий все как Создатель,
Созидающий младенцев в материнских утробах,
Не изменяясь, стал Младенцем...

Баян не мог себе даже представить, что могут быть такие огромные дома, вмещающие тысячи людей, с куполом, как сама Вселенная. Золотое небо, золотые, люющие огни кресты, иконы величиной с окна... Золотые ризы священников, полыхающие драгоценными камнями; шелковые, парчовые платья высшего сословия; красота одежд простого народа... Молитвы священников, хор, его собственный голос улетали в золотую бездну купола.

Баяна крестили еще на корабле, в бурю. Корабельщикам показалось, что Бог вздыбил волны, гневаясь на корабль, несший на себе язычника.

Стоя теперь среди дивногласых детей, в золотом свете храма, в просверках алмазов, Баян не верил, что он на земле. Это Рай, Рай!

Когда долгая служба наконец окончилась, за Баяном пришли, повели вниз и поставили перед василевсом.

Никифор с любопытством разглядывал отрока, потом спросил:

— Каким образом ты, славянин, оказался в Хазарии?

Баян поклонился, коснувшись рукой пола.

— Меня увели в плен. И матушку мою увели.

— А где твой отец?

— В Царьград ушел...

Никифор удивился чистоте греческого языка славянина из Хазарии.

— В Царьград, говоришь... Так, значит, скоро увидишь. Но скажи, когда ты успел научиться нашей речи?

— Я учился у вещего Благомира.

— В своей земле?! — поднял брови Никифор.

— В своей.

— Славяне, оказывается, не только храбрые, но и мудрые. Знание греческого языка есть путь к свету. Я рад, что славяне любят греков.

— Греков любит княгиня Ольга, — уточнил Баян.

— Мы знаем архонтессу Ольгу, — сказал Никифор и отвел глаза.

Баяну шепнули, чтоб откланялся, но Никифор снова посмотрел на отрока.

— Будет жалко потерять такой голос. Береги себя!

— Василевс вдруг снял перстень с руки и, поманив к себе Баяна, сам положил перстень в его ладонь. — Когда поешь святое, помни о василевсе. Молись о василевсе... Грехи василевсов тяжкие...

Баян поднял глаза на повелителя Византии и почему-то пожалел этого счастливого на славу человека, до того пожалел, что сердце защемило.

Баяна тронули за плечо, он поклонился, попятился, и тут, задев его линиялой рясой, к василевсу подошел монах. От рясы пахло солнцем, морем и шалфеем. Монах поклонился, подал Никифору письмо и тотчас ушел.

Василевс развернул послание, прочитал:

«Богохранимый, пресветлый, любящий Бога! Знай: Провидение открыло мне, червю, что ты, великий госу-

дарь, переселишься из этой жизни на третий месяц по прошествии сентября...»

Никифор окинул взором огромное пространство церкви: монаха не видно было. Усмехнулся:

— Слава Богу! До сентября дано дожить, да и там даровано два с лишним месяца...

И нахмурился: вспомнил, прибыли посланцы болгарского царя Петра. Предстояли трудные переговоры.

Тайна василиссы Феофано

Александра по дороге домой не одолела искушения. Остановилась со служанкою у лавки хазарского купца, торговавшего в портике колоннадной улицы Мессы.

Эта лавка славилась диковинными товарами и драгоценностями из далеких земель. Хазары в Константинополе перестали быть редким народом. Без разговоров о киевском архонте Сфендославе не обходилось ни одно застолье. О гибели Хазарии, страны великой, населенной воинами мужественными и грозными, рассуждали не только на мужской половине двора, но и на женской. Женщины нарочно приходили в хазарские ряды поглядеть, кого побил юный летами русский князь, и потом торопились ко дворцу василевса посмотреть стражу из руссов и славян, сравнить, кто достойнее, кто более пригож.

Хазары-юноши из племени иудеев были прекрасны белизной лица, яркостью блеска выразительных глаз, осанкою, но в простоватых на вид славянах, в грозных руссах чудилась непознанная мощь, необъятность души.

Но Александра была еще очень юной, и ей белые хазары казались небожителями.

Ее тянуло в лавку, где продавалась дивная чаша из темно-синего, до черноты, лазурита. Продавец просил очень дорого, и Александра навевывалась сюда, чтобы полюбоваться чашей и глянуть украдкою на самого торговца.

Это был не юноша с мраморным челом, с нежными губами и горящим взглядом. У иудея голова уже сереб-

рилась удивительно благородно, глаза были огромные, черные, без блеска. В кудрявой бороде седая прядь, а усы и брови без единой искорки.

Александра показала торговцу на серебряный пояс в крупных круглых сердоликах, на позлащенную пластину серебра с такими же камнями — на грудь, на браслеты в виде серебряных змей с плоскими камнями, неяркими, но необычными.

— Это украшения йомудов,— сказал торговец, улыбувшись.— Неброская, но истинная красота.

— Я покупаю это.

— Благодарю, госпожа. Но думаю, вы пришли к чаше. Вам ее поставить ближе?

— Поставьте! — согласилась Александра.— Цена... не упала?

— О нет! Я решил даже немного поднять стоимость. Такая чаша должна попасть великому человеку.

— Ах, если бы мой отец был дома! — вырвалось у Александры.

— Где же ваш отец?

Дева вспыхнула:

— Он... в плену. В Сицилии.

Иудей сочувственно склонил голову:

— Я слышал об этом несчастье, постигшем Византию... Вот вам чаша. Любуйтесь. Лазурит прекрасен, но очень редок. Говорят, хотя этому я не верю, камни лазурита падают с неба на высокие недоступные горы... Я потом покажу вам одну небольшую изящную вещицу. Может быть, она утешит вас.

— О, никогда! — искренне воскликнула Александра, разглядывая чашу.

Чаша была квадратная, с узкими полями, оправленными тонкой полоской золота. Квадратное навершие, сужаясь, переходило в круглый, безупречной формы, сосуд, поставленный на высокую, в виде ребристой колонны, ножку. Колонна покоилась на квадратном массивном основании.

В этой чаше было столько оттенков синего, что Александра согласилась с небесным происхождением лазурита.

Зоркие глаза девы улавливали среди синей круговерти звезды — вкрапления чистого золота. Александре казалось, что она смотрит на какое-то надзвездное, на запредельное небо.

Пока Александра любовалась чашей, торговец наслаждался красотой своей покупательницы.

О прекрасной дочери дуки Константина Парсакутина стольный град еще не заговорил, он только приглядывался, изумленный новым своим чудом, и пока помалкивал, чтобы не сглазить.

Девственная красота Александры для высшего сословия и дворца была неожиданностью: упрямый дука Константин растил дочь амазонкой.

Первая жена дуки — в ту пору он еще не имел столь высокого чина, — подобно жене василевса Льва VI, родила пять девочек кряду. Желая наследника, Константин постриг супругу в монахини и женился другой раз. Вторая жена родила ему еще пятерых дочерей. В отчаянье дука завел себе двадцать наложниц, все они понесли и подарили господину... дочерей.

Смеялся весь Константинополь, и смех этот поразил не горемыку, а его жену, сердце разорвалось.

Третья супруга, подарив Константину Парсакутину Александру, отошла ко Господу сразу после родов — но вот что удивительно: младшая дочь дуки не желала носить девичьих платьев, отвергала кукол и нянюшек. Научившись ходить, говорить, требовать, она играла оружием, одевалась воином. И бедный отец нашел в ней утешение. Он учил Александру ратному искусству с младенчества — стрельбе из лука, владению мечом и копьем, езде на лошади, бегу, плаванию. Юная дева уже теперь, в свои четырнадцать лет, могла построить фалангу, осадить крепость и вести искусную оборону.

И вот — горе! Отец в плену, и дочь, страдая от одиночества, ходит разглядывать хазарские украшения... Чаша была похожа и на море, а отца и дочь разделяло море. Горюя об отце, Александра занялась постижением науки флотоводцев.

Не выручит отца василевс, выручит — она. Пусть не скоро, но выручит!

Александра вглядывалась в чашу, словно на дне ее могли явиться знаки, пророчествующие судьбу. Вдруг торговец потянул чашу к себе. Александра невольно схватилась за колонну-ножку, не позволила убрать свою синюю отраду.

— Но, госпожа, госпожа! — пролепетал величавый иудей, превращаясь в существо покладистое, жалкое...

Быстро подошла служанка и шепнула:

— Феофано!

Александра смерила торговца презрительным взглядом, потянула чашу к себе еще настойчивее, но тотчас отпустила, отошла к другой лавке.

Василисса Феофано экипажа не покинула. Краем глаза Александра видела: чашу из небесного лазурита забрали.

— Так вот кто великий человек! — усмехнулась дочь дуки Константина.

Но что это? Жирный евнух нес чашу обратно, василисса только осмотрела ее. Значит, цена несносна и для великих...

Александра злорадствовала. Желая еще больше досадить торговцу, она вернулась к лавке и говорила с торговцем теперь только через служанку.

— Пусть подаст мне чашу из лазурита! — приказала гордая Александра.

Служанка повторила слова хозяйки, но иудей смотрел поверх своих покупательниц. Служанка, негодуя, повторила вопрос и услышала в ответ:

— Сия чаша не продается.

Александра, никогда ни в чем не знавшая отказа, вспыхнула как факел. Схватив с прилавка тяжелый окамыш яшмы, она протянула его в сторону торговца.

— Заплати за это, Агапия! А потом я разможду ему голову.

Служанка подала оторопевшему иудею деньги. Он смотрел то на деньги, то на камень в руке юной девы. И вдруг преобразился.

— Ах, как я жду вас! — воскликнул он, подавая чашу быстро подошедшему человеку.

Александра тотчас повернулась и пошла прочь, пылая щеками от гнева и от стыда.

— Скорее, Агапия! Скорее! Да не оглядывайся! — сердилась она на служанку.

— Но этот покупатель тоже оставил чашу! — обрадовалась Агапия. — Мне показалось... Мне показалось, он что-то из нее взял...

— Тогда пошли еще скорее! — яростно сверкнула глазами Александра, прибавляя шагу. — Здесь какая-то интрига. Ох, не хотела бы я стать нечаянной участницей интриг василиссы Феофано.

Молва приписывала василиссе немало деяний, сатанински коварных, и если не кровавых, так все равно смертоносных.

Прекрасную августу, дважды василиссу, боялись, как Медузу Горгону, хотя не было в империи нежнее женщины, чем она, прекрасноголазая, прекраснокудрая, женственная, как Афродита, с повадками невинной девочки и со страстями ада.

Про Феофано Александра сказала досадливо, не подумав. Знала бы, что все ее слова — истинная правда. Синяя чаша небесного лазурита таила в себе черную тайну, яд этой тайны мог убить каждого непосвященного, прикоснувшегося к ней чайно или нечаянно, но Господь был милостив к дочери дуки Константина.

Нежданное приглашение

Печенег Куря наслаждался диковинной жизнью великого города. Был первый месяц весны, греки называли этот месяц мартом. В теплой стране стоял Царьград. Цвели деревья миндаля. Синее небо, синий Босфор, зеленые холмы, золотые кресты церквей...

Всего с полусотней ближних ушел Куря из-под Белой Вежи к ромеям. Наследник илька, Куря надеялся на хороший прием в Константинополе.

Его и впрямь пригрели, дали большой дом на берегу Босфора, с двором, с садом, положили нескучное жалованье, давали корм ему, его людям, его коням. По боль-

шим праздникам звали к василевсу. Такова была цена воинственности печенегов.

Василевс Константин Багрянородный в наставлении юному соправителю Роману писал: «Мудрый сын радует отца, и нежнолюбящий отец восхищается разумом сына, ибо Господь дарует ум, когда настанет пора говорить, и добавляет слух, чтобы слышать». Мудрого сына василевс в первом же наставлении призывал желать мира с народом пачинакитов (так ромеи называли печенегов), «заключать с ними дружественные соглашения и договоры, посылать к ним каждый год апокрисиария (посла) с подобающими и подходящими дарами для народа и забирать оттуда омиров», то есть заложников.

Куря сам явился в заложники и был очень доволен. Святослав не достанет, и свои не достанут, а придет время, ромеи помогут занять место илька. Ильк — первый у печенегов, первым может быть только избранник бога Тенгри.

Изумленный великолепием жизни ромеев, Куря не успел затосковать по степи. Какое-то неведомое ранее чувство посасывало сердце, но слабо и пока что редко. Начал сниться один и тот же сон. Скачет Куря на коне, скачет, скачет... И больше ничего. Призадуматься бы, но тут приехали послы из Болгарии. Ожидая приема у василевса, послы времени не теряли. Разыскали Курю, явились к нему с подарками. Поднесли шелковый халат, черного коня с белыми чулками на всех четырех ногах да перламутровый ларец, полный золотых монет. Подарок показался Куре царским. Отдарить посла ему было особенно нечем. Отдал свою шапку да саблю. Подарок небогат, но с намеком: предан головой, моя сабля — ваша сабля. Болгары остались довольны.

Устроившись на широкой крыше своего дома, на просторном пуфе, Куря пил вино и наслаждался удивительным зрелищем.

В соседней бухточке, отгороженной от построек высоким холмом и садами, но доступной для его взоров, происходило странное. Две большие лодки, построенные точно так же, как боевые дромоны, кружили по бухте, пока судно, выкрашенное в красный цвет, не достигло

белое. Красные взяли белых на abordаж, обе стороны отчаянно рубились саблями, но крови не было. Значит, игра: сабли не боевые.

Наконец красные одолели белых и подняли на белом судне свой алый стяг. Побежденные, покорясь, сняли шлемы и, к великому изумлению Кури, оказались длинноволосыми...

— Немудрено одолеть женщин! — захохотал Куря, дивясь странным утехам ромеев.

Вскоре миниатюрные дромоны причалили, и на берег с обоих кораблей сошли одни только девы.

— Великий Тенгри! Ты это видишь! — воскликнул Куря и упал навзничь, на пух, вдруг затосковав по своему степному гарему.

Главу морских воительниц Александру на берегу ожидал евнух из дворца августы Феофано. Государыня приглашала юную деву без промедления явиться в Вуколеон.

Быстрая разумом Александра стала думать о злосчастной лазуритовой чаше и сыскала решение самое простое...

Василисса приняла юную деву в своих покоях и позволила лицезреть багрянородных василевсов Василия и Константина. Старшему сыну Феофано шел восьмой год, и ему, будь жив отец, пора было бы покинуть женскую половину. Но родной отец умер вот уже как три года, а отчим, василевс Никифор, все время пребывал в походах и пока что не вспомнил о повзрослевшем пасынке. Для всех. Для себя помнил, да так помнил, что у Феофано, когда она смотрела на своих детей, сердце останавливалось.

Патриарху Полиевкту стало известно: Никифор в кругу самых преданных ему людей говорил: «У Романовых кобельков открываются глаза, коль их не утопили щенками, значит, надо оскопить теперь, чтоб даже и не помышляли о продолжении рода и о венцах».

Феофано трепетала: Никифор слишком быстр на действие — прирожденный воин. Значит, нужно было найти другого воина, еще более могучего. Взоры василиссы устремились к Иоанну Цимисхию.

Никифор был обязан Иоанну восхождением на престол.

Известие о скоропостижной кончине Романа застало Никифора в походе. Войско поспешило провозгласить своего командующего василевсом, но Никифор не решался надеть багряные сапоги и указывал войску на Цимисхия.

И вот Иоанн, первый, кто указал войску на Никифора Фоку, — в ссылке, в Халкедоне. А всей вины — перешел дорогу брату василевса куролапату Льву, предавшемуся самой бессовестной наживе. В неурожайный год куролапат скупил хлеб и стал продавать, взвинтив цену в несколько раз.

Феофано знала: сластолюбец Цимисхий безнадежно в нее влюблен, и предлагала устранить безнадежность.

Письма в Халкедон шли через лавку иудея-хазарина, где их забирал близкий к Цимисхию человек. Заговор только-только возник и требовал безупречной подготовки.

Юная Александра, исполняя церемониал приветствий перед василиссой, смотрела на нее со скрытым страхом и восхищением. Феофано прежде всего углядела восхищение. Ей захотелось приблизить юную деву. Видела Феофано и страх Александры, но кто ее не боялся? Ведь и любили ее не без ужаса. Даже сам Никифор.

О неистовой любви Никифора к Феофано и его столь же беспредельной лживости в Константинополе складывали легенды. Он разыграл беспомощность и нерешительность перед Цимисхием и перед войском, когда его умоляли принять венец. Чего добился? Еще большей любви. Войско умилилось нежданной слабости своего стратега и одарило Никифора еще большей преданностью.

Но что войско, что Цимисхий! Никифор обманул самого Иосифа Врингу. Паракимомен, иначе спальник — высший титул евнухов, — Иосиф был непревзойденным интриганом и знатоком человеческого злонамерия. Он правил империей за вечно пьяненького Константина Багрянородного и за погрязшего в разврате Романа. Теперь,

будучи вторым лицом после патриарха Полиевкта в регентском совете при Феофано и малолетних Василии и Константине, а по существу первым, он обязан был стать еще осторожнее и прозорливее.

Никифор поймал искушеннейшего лжеца в капкан лженскренности и лжепростодушия.

Явился в дом Вринги спозаранок всего с одним щитоносцем, показал правителю власяницу под платьем и со слезами на глазах поведал о своем нестерпимом желании как можно скорее удалиться от мира в монастырь, чтобы принять не только монашество, но схиму.

Вринга поверил, что Никифора и впрямь от давно задуманного удерживают только клятвы на верность василевсам Константину Багрянородному, Роману...

Вринга знал, как тяжело пережил Никифор гибель сына, убитого ровесником, двоюродным братом, в тренировочном бою. Всему Константинополю было известно: Никифор, несмотря на церковный запрет постоянного вегетарианства, отвергает мясную пищу.

Растроганный словесами стратига, Иосиф пал к ногам будущего схимника и просил прощения за все свои подозрения — и вскоре жестоко поплатился за доверчивость.

Не прошло и полгода, вся власть перешла к Никифору. Он венчался с Феофано и тотчас забыл не только о схиме, но и зарок на мясную пищу.

Феофано понимала: для незримой борьбы с Никифоров ей пригодятся самые разные люди. Если хитренькая дева Александра будет служить своей василиссе не на жизнь, а на смерть, то можно «простить» ей нечаянное прикосновение к тайне лазуритовой чаши. Разве она ведаёт о сути сокровенной переписки?

И вдруг Феофано превратилась в слух и в нерв. Так оседает на все четыре лапы тигрица перед разящим прыжком.

— Что это ты звенишь?! — спросила Феофано Александру глухим, севшим от напряжения голосом. — У тебя под платьем — кольчуга? Ты что это вообразила себе?

Александра упала на колени и, плача, рассказала, чем она занималась все утро и что вестник василиссы застал ее врасплох. Пришлось, торопясь, натянуть парадное платье на кольчугу.

— Покажи.

Александра вспыхнула, но принялась снимать платье. Служанки василиссы ей помогли.

Кольчуга на дочери дуки Константина была работы самой тонкой, самой изящной, но железные кольца при каждом движении... позванивали.

Феофано вдруг рассмеялась и призадумалась.

— Эти евнухи — разносчики самых нелепых слухов — совершенно нетерпимы,— сказала она, сдвигая брови.— Как бы я хотела иметь при себе и для защиты моих детей безупречно преданных воительниц. Иначе говоря — амазонок.

— Амазонок! — воскликнула Александра.— Государыня! Это моя мечта... Государыня, я и теперь сумею победить любого из моих ровесников. Это мне говорил отец, а он мне никогда не льстит. Так заведено между нами.

Тигрица, сидевшая в августе Феофано, спрятала когти. Смерть прошла мимо Александры.

Прощаясь, василисса сказала загадочные слова:

— Скоро! Совсем скоро в твой дом, воительница, придет великая радость. Совсем уже скоро.

И в знак особой милости показала Александре комнату своих детей. Посреди мозаичного пола был устроен бассейн с голубой водой. Впрочем, очень мелкий, воды в нем было с ладонь, но в бассейне шло сражение. Василий и Константин играли парусными кораблями. Им помогали евнухи. Корабли были совсем как настоящие, многие несли на себе крошечные сифоны с «греческим огнем» и, приблизившись к кораблям варваров, пускали разящие струйки. Корабли пылали.

У Александры от такой игрушки загорелись глаза, Феофано искренне порадовалась за деву и вдруг поднесла ей в дар чашу из небесно-синего до черноты лазурита.

Из чего рождается зло?

Из чего? Легко спросить, ответ, как ключи от Кашеева сундука, на дне океана жизни.

...Василевс Константин Багрянородный был венчан на царство 15 мая 908 года, имея от рождения два года восемь месяцев. Его отец, василевс Лев VI, получив в соправители долгожданного сына, был так счастлив, словно достиг всех своих желаний.

Первые две жены наградили Льва VI восемью дочерьми и умерли. Третья разрешилась сыном, но родов не перенесла и взяла с собою своего слабенького младенца. Если третий брак почитался за незаконный, то что же говорить о четвертом. О немыслимом.

Сын Зои Карвонопсиды, что значит Огнеокая, целый год жил с клеймом «плода прелюбодеяния». Василевс, нарушая запрет патриарха Николая Мистика, венчался так во дворцовой церкви у простого священника в совершенной тайне. Льву удалось свести непоколебимого патриарха с престола. Патриарх Евфимий был сговорчивее. Исполнив неременное условие Евфимия издать новеллу, запрещающую признавать четвертый брак не только церковному, но и светскому законодательству, василевс получил прощение. Ради закона святейший Евфимий благословил Льва VI, василиссу Зою и их сына, отныне василевса Константина VII.

Но у василевса-младенца, кроме отца, был еще один соправитель, дядя Александр. Константину было семь лет, когда Лев VI умер и на престоле оказались отрок и престарелый дядюшка.

Огнеокая Зоя, все преданные Льву VI придворные были отправлены в ссылки. Царственного отрока ждали оскпление, ослепление, а то и смерть от яда. Но черное дело не свершилось, Господь Бог не допустил. Василевс Александр скоростижно скончался 6 мая 913 года.

Регентский совет при автократоре, которому шел восьмой год, возглавил патриарх Николай Мистик — он возвратил себе утраченный престол. Вторым в совете был командующий флотом друнгарий Роман Лакапин, полу-

чила место регентши и возвращенная из ссылки василисса Зоя.

Положение Константина было очень шаткое: патриарх Николай не терпел василиссу, а ее сын оставался для него самозванцем на престоле — незаконнорожденный.

Власть постепенно перешла к Роману. Это был солдат, победы над болгарами прославили его имя.

Едва Константину исполнилось четырнадцать лет, Роман женил василевса на своей дочери Елене и получил в подарок от зятя титул василеопатора — царственного отца.

Уже на другой год василеопатор потребовал от зятя титул кесаря, а еще через полгода приказал возвести себя в соправители. Вскоре Константин совсем лишился престола. На престоле-то, впрочем, сживал, но двадцать шесть лет управлял страной самовластно один Роман.

Получив титул соправителя, Роман год спустя поименовал себя автократом, а на второе место поставил своего сына Христофора и только на третье Константина Багрянородного. В 924 году соправителями Романа стали два других его сына, Стефан и Константин.

Еще через девять лет вся власть в империи принадлежала Роману и его семейству. Своего младшего сына Феофилакта, которому было всего шестнадцать лет, автократ возвел в патриархи Константинополя.

Багрянородный остался жив только благодаря Елене, своей супруге. Ей помог в борьбе за жизнь мужа, а чуть позже за власть внебрачный сын Романа Лакапина евнух Василий Ноф.

В 938 году Елена родила сына, названного в честь ее отца Романом. Этот младенец был угрозой для династии Лакапинов, но братья Стефан и Константин, борясь за власть, начали с отца. В 944 году Роман I был арестован и сослан на остров Прот. Очередь была за Константином Багрянородным, но на сорок первый день переворота восторжествовала правда. Стефан и Константин Лакапины были свергнуты и отправлены вон из столицы.

Пятнадцать лет правил Константин VII Багрянородный единолично. Правил мудро, то есть не пытался «улуч-

шать» жизнь крутыми законами. Враг перемен, он дал людям покой. Но покойная жизнь новому поколению представляется ничтожной. Роман II, соправитель отца, негодовал на такую власть. Она казалась ему безвластием, безволием. Не терпелось стать первой женщиной и красавице Феофано. Уж такая судьба была дана дочери харчевника Анастасии, ставшей василиссой Феофано.

Изумив и огорчив отца, восемнадцатилетний Роман II в 956 году заключил этот неравный брак. Зато Феофано порадовала Константина Багрянородного. Через полтора года после замужества произвела на свет багрянородного Василия. Будущего великого государя, прозванного: Болгаробойца.

А между тем зло в удобном гнездышке василевсов высиживало свое потомство.

Василевс-дедушка стал мешать многим. Интриговали Лакапины. Наускали на отца дружки Романа по разгульной жизни, и особенно его воспитатель, хитроумный евнух Иосиф Вринга. А у Феофано был свой высокий наставник, враг Константина Багрянородного патриарх Полиевкт.

Заговорщики: сын, невестка, патриарх и стольник Никита дали яд автократору в чаше со слабительным лекарством. Константин молился, он принял чашу перед иконами, и Господь спас его от смерти. Неожиданно поскользнувшись, василевс опрокинул чашу, но остатки все-таки принял. И стал прибаливать.

В сентябре 959 года Константин отправился в монастырь на Олимп (был свой Олимп и в Малой Азии), хотел получить благословение святых отцов и вместе с ними выступить в поход на сарацин, захвативших Сирию. Это был предлог, на самом деле василевс отправился за советами проедра Кизикийского монастыря Феодосия о низложении с патриаршего престола святейшего Полиевкта. В этом походе Роман и Феофано поднесли Константину Багрянородному еще одну чашу с отравой. Вернувшись в Константинополь, автократор умер 9 ноября 959 года, прожив пятьдесят четыре года и два месяца, пронесив венец василевса пятьдесят один год с половиною.

У зла свои законы и обычаи. Многие из убийц умирают той же смертью, что и жертвы.

Василевс Роман II переселился в иной мир 15 марта 963 года. Возведенный отцом в соправители 6 апреля 945 года, на седьмом году жизни, Роман II царствовал почти восемнадцать и не дожил до двадцати пяти лет. Погиб Роман от питья, приготовленного на женской половине дворца. Великим постом со своей сворой извращенцев Роман отправился в горы охотиться на оленей. В это время Феофано ждала родов. Второму ее сыну Константину еще не было двух лет. Теперь родилась девочка, принцесса Анна, будущая жена киевского князя Владимира, мать святых мучеников Бориса и Глеба. Вон куда протянулись ростки злой судьбы. Милость Господа неизреченная покрыла тьму белым безупречным платом святости. До сознания Романа, возможно, так и не дошло известие о том, что у него появилась дочь. Изнемогающий от неожиданного изнурительного недуга, он умер по дороге с охоты. Его дочери было только два дня.

Августа Феофано отомстила мужу за его безобразное беспутство. Но если Роман умер Великим постом, то на Пасху преставился василевс Стефан, живший в изгнании. Причастился Святых Даров и отошел ко Господу. Его врагами были и патриарх Полиевкт, и Феофано, и Иосиф Вринга.

Что поделаешь! Пауки — лакомое блюдо для самок. Феофано снова выплетала сеть на великого воина и столь же великого хитреца Никифора Фоку. Василевс, чуявший опасность, как летучая мышь — кожей, вдруг понял: он живет в коконе, из которого не выпутаться. Кокон следовало разрезать и спастись, но все нити были невидимые, неосязаемые.

...Мы спрашиваем себя, почему погибла Византия, поставившая самые великолепные храмы Господу, одарившая православие всей полнотой и красотой богослужения, заветами святых отцов, истинами святых Вселенских соборов, великими подвижниками, благословенными монастырями,— что сказать на это? Создавшая иконы, истребляла иконы и защитила иконы. Разгадав-

шая самую непостижимую тайну Творца о Троице, увенчавшая свое благочестие радостными откровениями о Богородице, о Заступнице... Но разве не плакал Господь, когда василисса Ирина, ради самовластья, выкалывала глаза сыну Константину? Не в крови ли была выкупана с самого начала династия Василия Македонского: сначала Василий убил своего соперника Варду, а потом и благодетеля василевса Михаила III? Не содрогались ли святые гробы преподобных и блаженных во времена гонений и убийств святейших патриархов? Не вздыхало ли Небо, созерцая, как святейшие патриархи предаются утонченному чревоугодию и благословляют василисс на убийство их багрянородных мужей и детей?

Разве не для каждого из нас сказал Господь: «Всякий, кто слушает Мои слова и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот, и он упал, и было падение его великое».

Разве не для василевсов сказано было это? Где их дома? Где их багряные сапоги?

Все, что из песка, стало песком. Лжеслава, лжемогущество... и само золото их тоже стали песком. Их царства — только звук. И для большинства людей эти звуки все равно что треск кузнечиков в траве.

Разве не нам и разве не для василевсов сказано Господом: «Я есмь хлеб жизни». А что мы вкушаем? Что вкушали василевсы? Обернитесь, где их великие царства? — песком засыпало. Где изумившие мир дворцы? — травой поросли.

Не нам ли сказано Господом, — и не есть ли василевсы и правители одни из нас? — «Да възыщется от рода сего кровь всех пророков, пролитая от создания мира... Ей, говорю вам, възыщется от рода сего!»

Где прекраснлюбивые греки, где поклонявшиеся плоти римляне, где византийцы, давшие миру святых отцов Церкви, столпников и творцов божественных песнопений?

Знаем, знаем уроки Господа Творца. Еще как знаем, а живем, словно неведающие, ходящие во тьме... А иные же из нас поклонились тьме и злу. От тьмы, от зла ждут земных наград. Но ведь свет от Света, а от тьмы тьма. Слово от Слова, а от безмолвия скрежет зубов.

Никифор и болгары

Поиски монаха, передавшего письмо об откровении ему скорого конца василевса, ничего не дали. Тогда Никифор уединился в своей излюбленной резиденции на берегу Босфора. Новый дворец был выстроен рядом с Вуколеоном. Название жилище василевсов получило от мраморной скульптурной группы: огромный лев терзает огромного быка.

Никифор целый день провел в молитве, в затворничестве, ждал, когда привезут монаха Прокла, единственного обитателя скалистого острова.

Проклу дали новую рясу, прежняя на нем истлела, и аскет радовался обнове, как дитя.

Никифор пал на колени перед подвижником.

— Прости меня, грешника! Смилуйся, открой, какая смерть меня ждет? Неужто я, воин, паду от руки женщины?

— Нет,— сказал Прокл, улыбаясь и поглаживая свою рясу.— Ты умрешь от руки соотечественников, но от мужских рук! От мужских!

Ничего более не добившись, василевс отправил аскета на его скалу, снабдив шубой из черно-бурых лис да новой сетью для ловли рыбы.

Прокл, прощаясь, одарил Никифора пригоршней камешков, обыкновенной галькой, но сказал серьезно:

— Вот твоя стена.

Василевса осенило:

— Стена? Надо огородить дворец стеной! А камешки — в стену.

Тотчас пригласил архитектора, которому наказал обнести дворец каменным поясом на случай осады, а чтобы громоздкое сооружение не было вовсе бесполезным, пред-

должил разместить в стене конюшни, пекарни и всяческие кладовые, хранилища, погребя.

Успокоенный Проклом, отведшим подозрение от Феофано, Никифор вздохнул с великим облегчением. Но теперь он думал о том, кто желал опорочить василиссу. Врагов множество, но мысли Никифора упрямо возвращались к святейшему Полиевкту. Полиевкт монах с отроческих лет, но Никифор не мог забыть звенящего не-навистью взора святейшего, когда тот, являя свою власть, загородил ему вход в алтарь на глазах всего синклита, на глазах народа в торжественный час венчания с Феофано.

Грех второго брака, разумеется, должно смыть епитимьей. Сугубой епитимьей. Полиевкт был прав: ведь вдовец Никифор венчался с вдовицей Феофано, которая даже положенного траура не соблюла. Впрочем, не по своей охоте, а по воле опять-таки василевса. Но Богу Богово, а кесарю кесарево. Кому как не святейшему следует принимать на себя чужие грехи, тем более грехи василевса.

— Полиевкт! — размышлял Никифор вслух. — Полиевкт!

У самого рыло в пушку. Смерть Константина Багрянородного, смерть василевса Стефана подлая молва увязывала с именем Полиевкта. Никифор верил: подлая. Монахи и церковные власти ценили Полиевкта за жизнь скромную и даже скудную для столь высокого иерарха, за мудрость в делах.

Держа все это в голове, в великом раздражении принял Никифор посла «василевса болгар» Петра. Сей титул Петру пожаловал Роман I. А вот отец Петра Симеон, бывший Византию в сражениях и словом дипломата, сам себя увенчал регалиями и титулами. Именовался «василевсом ромеев и болгар», и гордый Константин терпел поношение, терпел до самой смерти Симеона. И Лев VI терпел, и Роман I. О Романе-то чего говорить — женил сына Симеона Петра на порфирородной принцессе. Царь Симеон отнял многие владения ромеев, даже Адрианополь. Осаждал и Царьград, но, не имея кораблей, не смог сломить силы венценосного города. А другой раз был

побежден величием древности, великолепием смертной жизни ромеев, но еще более духовным бессмертием империи святого Константина.

Болгары прибыли востребовать задержанную дань, какую со времен Симеона стольный Константинополь платил стольной Преславе.

Выведенный из себя пророчествами и собственными подозрениями, Никифор, приучивший себя к речам размеренным, дабы не проронить нечаянного слова, вдруг побагровел и заорал на послов хуже взъяренного солдата:

— Горе ромеям! Горе! Горе! Если они, силой оружия обратившие в бегство всех неприятелей, должны, как рабы, платить подати грязному и во всех иных отношениях низкому скифскому племени!

Рядом с Никифором сидел в пурпуре и в венце девяностолетний старец Варда, отец василевса. Варда испуганно вскинул глаза на разгневанного сына, а посол болгар заметил это и сказал Никифору:

— Дети, увы, редко помнят наставления отцов. Вижу, в этом доме забыли, с чего началась война в восемьсот восемьдесят девятом году, приведшая к тому, что ромеи платят дань. А началась война с оскорбления: василевс Лев Шестой повелел перенести склады болгарских купцов в Фессалонику.

Никифор сделал вид, что глубоко задумался. А потом резко повернулся чуть не со всем тронем к отцу и воскликнул:

— Неужели ты породил меня рабом и скрывал это от меня? Неужели я, автократор ромеев, покорюсь грязному, нищему племени и буду платить ему дань?

Вскочил на ноги, обеими руками позвал слуг:

— Эй, сюда! Отхлещите этих глупцов по щекам! Бейте их в шею! А вы, невежды, называющие себя послами, мчитесь стремглав к своему вождю, покрытому шкурами и грызущему сырую кожу, и передайте ему: великий и могучий государь ромеев в скором времени придет в твою страну и сполна отдаст тебе дань, чтобы ты, трижды раб от рождения, научился именовать повелителей ромеев своими господами, а не требовал с них податей, как с невольников!

Итак, война была объявлена. Оставалось найти деньги на войну. Константинополь неодобрительно притих, примолк. Никифор Фока все свои походы устраивал за счет народа, ни разу не потревожив казну. Перед каждой новой войной придумывались новые налоги, иногда совершенно неожиданные: могли отменить льготы кому бы то ни было. Однажды сенат, по приказу Никифора, даже ущемил синклит: одни награды отменил вовсе, а другие уменьшил до ничтожности.

Долго ждать скрытых, как всегда, поборов народу не пришлось. Василевс издал новеллу о тетартероне, о двойном весе номисмы. Легкой монетой расплачивалось государство, налоги же взимались только старой, тяжелой.

Но прежде всего Никифор Фока опустошил казну константинопольских богатых монастырей. Патриарх Полиевкт негодовал. Приставленные к нему шпионы тщательно записывали все сказанное святейшим вгорячах, чтобы найти улики заговора.

Улик не сыскали. А поход Никифора на Болгарию закончился конфузом. Потеряв в пограничных стычках несколько отрядов, причем один тетриарх погиб вместе со своей тысячей, василевс не решился углубиться в горы со всем войском, а почел за благо вернуться домой.

Царю болгар было послано грозное предупреждение: впредь не пропускать через свои границы турков, так в Византии называли венгров.

Ответа василевс не получил, но ничего поспешного предпринимать не стал.

Вернулся в Константинополь и объявил, что болгары наказаны: все их порубежные крепости понесли урон, а иные разорены. Чтобы заткнуть рты насмешникам, чтобы развлечь народ, было приказано устраивать грандиозные представления на ипподроме.

Пошатнувшийся военный авторитет Никифор собирался вернуть стремительным победоносным походом на Сирию. Не забыл и о болгарях. Он наблюдал за русскими кораблями, которые причаливали к пристани, и его осенило. Почему бы не натравить молодого Сфендослава на

царя Петра? Сфендослав обратил в прах Хазарию! Его войско становится опасным. Так пусть бьет болгар, а болгары пусть бьют русских. Сильные сильных. Пусть бьются до изнеможения и превратят друг друга — в ничто.

Стрела в стрелу

Дочь дуки Константина прекрасная Александра принимала вместе с тетушкой Христодулой двоюродного брата Калокира, о котором теперь было много разговоров. Василевс Никифор пожаловал не очень-то известному молодому еще человеку сан патрикия, приравняв к самым почитаемым людям Византии.

Калокир приехал в белоснежных одеждах с клавами — с пурпурными полосами по краям.

— Калокир! — радостно воскликнула Александра, разглядывая на брате знаки патрикия. И вдруг ехидно сощурила глаза, засмеялась, приложив пальчик к губам: — Калокир, тебе более к лицу пурпур. Что это за полоски — золотые ромбы смотрятся лучше.

— Александра! — изумился Калокир. — Представляю, какую судьбу ты себе намечтала, если клады патрикия тебя, как я вижу, только смешат.

— Мне нравятся пурпурные полосы! — возразила Александра. — Но пурпур более подходящ... к твоей осанке, к твоим глазам!

— Александра, уймись! Багрянородные таких речей не терпят, — сказал Калокир, огорченный легкомыслием сестры.

— Что ты скис? Я достигла возраста невесты! — Александра подняла носик. — Все, что я говорю, — серьезно.

— И опасно, — добавил Калокир.

— Опасно?! Но почему? — Александра раскрыла руки и повела по сторонам. — У белого света четыре стороны, ступай в любую! Варвары, слава Богу, еще не перевелись. Победи и будь основателем своего собственного царства. Посмотри, как ходит по белу свету скиф Сфендослав. Устремился на буртасов — и нет буртасов, на Хазарию — и Хазария отныне только часть Руси.

Калокир замахал руками:

— Александра! Я все понял. В тебе живет дух Александра Великого!.. Но ты, как всегда, угадала: белый свет ждет меня, и именно та его сторона, где живет неистовый Сфендослав.

Невеста превратилась в девочку, а у девочки глаза стали испуганные.

— Ты уезжаешь?! К Сфендославу?! К скифам?!

— Ты плачешь? Александра! — растерялся Калокир.

Девочка отерла рукой слезы. Вспомнила о приличиях, платочком дотронулась до носа, промокнула щеки. Подняла суровые глаза на брата:

— Ты правду говоришь?

Калокир вздохнул:

— Правду... Меня посылает к Сфендославу василевс...

— Вот почему ты вдруг стал патриkiem.

— Да, это так... Руссы, как и все другие, любят почет.— Калокир улыбнулся:— Александра, что же ты не спрашиваешь о голосистом отроке?

— До пения ли тебе теперь?

— Еще как! Из-за этого Баяна откладывается день моего отъезда.

— Баяна?

— Так зовут отрока... История, достойная пера Геродота. Сей отрок, обладатель серебряного голоса, был пленником хазар, пел самому кагану!

— Ну что ж! Теперь поет патриарху и василевсу.

— Нет, Александра, не в этом необычайное. Еще раньше Баян пел Сфендославу и жрецам языческих богов. Божий дар! В Хазарии, в Итиле — разве это не чудо? — отрок встретил уведенную в рабство мать, а в Константинополе, куда его увезли, спасая от слуг кагана, — своего отца.

— Значит, отец его раб?

— Его отец — воин. Рабом он был на Крите. Его освободил и принял на службу Никифор.

— Все равно ничего не понимаю! — вздернула плечи Александра.— Певчий и твой отъезд? Что здесь общего?

— В том-то и дело! Оказалось, отрок то ли рос вместе с сыном Сфендослава, то ли был при главном жреце, но

руссы его ищут. О нем спрашивали купцы, прибывшие недавно из Киева. Я должен отвезти Баяна Сфендославу и его сыну.

— Ну так отвези!

— Не могу. Баян бежал.

— Бежал?!

— Евнухи хотели сохранить голос.

Александра гневно стукнула ножкой об пол.

— Ах, это отвратительное племя! Им мало, что сами они полулюди.

— Вот я и пришел тебе сказать, Александра: твое желание будет исполнено. Прежде чем отправиться за море, Баян споет тебе свои скифские песни.

— Что ж, я подожду подарка, — серьезно поклонилась брату Александра. — Прими и от меня подношение.

Сняла со стены маленький колчан с маленьким луком.

— Твоя детская забава?! — удивился Калокир.

— Ты плохо разбираешься в оружии, мой брат. Это древний лук скифов. Смотри, он склеен из разных пород дерева. Впрочем, пойдём-ка на стрельбище. Я прощаюсь с моим любимцем и покажу, сколь он великолепен.

Калокир повиновался.

Они вышли в сад. Возле стены стояли три деревянных болвана с круглыми щитами на груди.

— Целься в эти щиты, — предложила Александра, подавая брату маленький лук и небольшие, но тяжелые стрелы.

Калокир попал одному болвану в плечо, другому ниже пояса, и только третья стрела впиалась в край щита.

— Смотри, как учил меня целиться и как спускать тетиву мой отец.

Александра одну за другой пустила три стрелы, и ошеломленный Калокир увидел: все они попали в его стрелы.

— Так стреляет дука Константин! — с гордостью сказала Александра. — Это не лук! Это чудо!

— По-моему, стреляла все-таки ты сама, — засмеялся Калокир. — Но я бы хотел взять несколько уроков у твоего учителя.

— В чем же дело?! — раздался веселый густой голос.

В тени портика стоял дука Константин.

— Отец! — кинулась к нему Александра.

Дука поцеловал дочь в голову, в глаза, шепнул:

— Слезы не лить! Я уже дома!

Взял лук, потянулся за стрелами.

— Вот тебе первый урок, мой Калокир.

Трижды прозвенела тетива, и три стрелы попали в стрелы Александры.

— Знай, племянник, так стреляют руссы. Я их науку перенял в молодости.

Потом был пир, на пиру среди домашних людей дука поведал о свих злоключениях.

Посланный василевсом в Сицилию, он был вторым стра-тигом после командующего войсками патрикия Мануила Фоки. Мануил, сын Льва Фоки, племянник василевса, после быстрых побед под Сиракузами, Гимерой, Тавромением, Леонтиной потерял бдительность и, вместо того чтобы удерживать занятые города, стал гоняться за отрядами сицилийцев, пытаясь поскорее сломить всякое сопротивление.

— А на острове горы! — рассказывал Константин. — Фаланга была увлечена отступающим врагом в теснину. Мы разбрелись, ища малые группы агарян, и когда перестали быть единым целым, получили множество ударов со всех сторон... Я бывал во многих тяжелых сражениях, но такого не видывал. Нас резали, как скот для жертвоприношения. Многие, получив удары камнями сверху, не могли держать в руках оружия. Раненых неистовые сицилийцы тоже не щадили. Они перестали нас убивать только потому, что обессилили. Патрикий Мануил погиб, я получил ранение в спину, но Бог даровал мне жизнь. Флот друнгария Никиты тоже был разгромлен в Мессинском проливе. Нас, наиболее титулованных, собрали, посадили на корабль и отправили к правителю Египта эмиру Аль-Муизу. Сколько бы нас держали невольниками, одному Аллаху известно, но христианнейший наш государь не потерпел, чтоб мы долго томились в рабстве. Никифор пригрозил Аль-Муизу войною и не пожалел денег на выкуп. Вот я перед вами, знавший многие победы, а теперь видевший своими глазами, что это такое — безумная пляска смерти. Такого никогда уже не забыть.

— Мой дорогой дядя! — возразил Калокир. — Мы все будем молить Господа, чтоб тяжелые воспоминания оставили тебя... Государь, радуя народ, устраивает теперь великие игрища. Я приглашаю тебя и... некоего Александра завтра на ипподром. То, что готовит Никифор, — грандиозно.

— Колесницы! Кони! Возничие! — Дука Константин улыбнулся. — А возгласы партий?! Я всегда был красным.

— А я — белый, — сказал Калокир заносчиво.

— Я, увы, не бывала на ипподроме, — потупилась Александра, — но мой цвет — зеленый.

Отец přátельски подмигнул дочери: это была их давняя тайна. Александра хаживала на ипподром. Правда, в окружении многих слуг, одетая юношей.

— Бедный Мануил всегда стоял за голубого возничего, — помянул погибшего командира дука. — Возничих почитал за посланцев Небес. Дарил огромные деньги за победы.

— Может быть, и нашему семейству стоило бы увековечить героя ипподрома? — предложил Калокир.

— Поставим статую из золота? Для того чтобы показать Никифору нищету его духа? Он ведь духом не эллин. Ему бы и впрямь черную рясу носить. Но ведь не простит золота возничему!

— Юстиниан терпел! Возничему Уранию была поставлена статуя как раз из чистого золота! — воскликнул Калокир.

— Да... Уранию из золота, а василевсам — из бронзы, Азастасию — подавно из железа. — Дука усмехнулся. — Ромеи — это ромеи. Их приговор на века... Нет, племянник, не станем тратить достояние на пустое. Лучше дом построить для солдат, потерявших в походах здоровье... А на ипподром я вместе с неким Александром съезжу. Тем более что обещают грандиозное.

На улицах Константинополя

Баян пробудился от жара: кирпичи жгли, пахло хлебом, горячим тестом и — морем. Баян отодвинулся от печи.

В сердце было сухо и пусто: даже сна не приснилось о родной стороне.

Подумал о ромеях: почитают себя самыми умными, а доброй печки не умеют сложить. Всю зиму от холода трясутся.

Зима, впрочем, уже миновала, но весенние ночи — сквозняк и сырость. Пожалуй, еще похуже зимы.

Баян выбрался из своего уголка. Его увидел пекарь, пустивший вчера обогреться. Улыбнулся:

— Сны видел?

— Не видел.

— Хлеб нынче румяный, на тебя похож. Вот тебе монеты. Сбегай на Босфор, купи у рыбаков рыбы.

Улицы были еще сумрачные, не проснувшиеся. Рыбаки жарили рыбу прямо на лодках, на огромных жаровнях.

Когда Баян вернулся, у пекарни уже толпились дети бедноты. Пекарня готовила хлеб из муки самого грубого помола. Часть этого бедняцкого хлеба пропекали еще раз, превращая почти в сухари — для солдат в их походной жизни, для дальних монастырей...

Дети стояли в нерешительности. Они принесли самые дешевые монетки, но хлеб снова вздорожал. Пекарям приходилось покупать муку из житниц куролапата Льва Фоки. Видя, что год засушливый и урожай будет самый жалкий, куролапат заранее скупил запасы зерна и муки и теперь богател, заставляя платить богатых и бедных шестикратную цену.

Пекарь увидел Баяна, взял у него рыбу, а детям сказал:

— На ваши деньги я могу отпустить малую толику хлеба... Но у хлеба, слава Богу, есть припек, и я дам каждому из вас по ломтю. Немного, но голод утолить хватит.

К пекарне подошли солдаты.

— Стойте! — приказали они детям, стали выводить каждого к печи, на свет, и внимательно рассматривать.

Баян успел проскользнуть за хлебы, приготовленные для двора патриарха. Святейший Полиевкт брал для себя и служителей своего патриаршего дома самый дешевый, подражая в этом праведном деле монофизиту Северу, который сместил Александрийского патриарха за неумеренность в жизни и за изощренное чревоугодие.

— Что-то ты нынче скупо кормишь! — сказали солдаты пекарю, не найдя того, кто им был нужен.

— Каков василевс, таковы и гулы в животе, — дерзко ответил пекарь. — Пусть дети перейдут улицу и попросят хлеба у моего соседа. Он вдесятеро богаче меня, печет самый лучший хлеб.

— А ну, кыш! — погнали солдаты детей к богатому пекарю. — Поглядим, прав ли ты, бедняцкий да солдатский хлебопек.

— А кого вы ищите? — спросил тот.

— Славянина. Певчего... Его кормили лучшим хлебом, а вот — сбежал.

На другой стороне улицы раздались веселые крики. Дети бежали россыпью, а за ними с метлами гнались служители богатой пекарни.

— Видели? — спросил бедняцкий хлебопек.

— Видели, — сказали солдаты, купили хлеба, посокрушались дороговизне и ушли.

Баян выбрался из укрытия. Пекарь посмотрел на него серьезно и спокойно. Дал целый хлеб из монастырского.

Надо было уходить, но Баян увидел, что подъехали на осликах продавцы дров. Подождал, пока они сгрузят хворост, и ушел с ними.

Продавцы дров везли свой все еще очень нужный товар на Босфор, в дом какого-то патрикия... Одна повозка была нагружена углем из дорогих пород дерева для жаровен.

Дворецкий показал взглядом на Баяна, чтобы он, чистый, в нарядном платье, занес корзину во внутренние покои.

Владелец дома, человек в годах, был в шубе из черно-бурых лисиц, накинутой на плечи, укрыт пологом из голубых песцов. Сидел на ложе из кости слона, с ободками из чистого золота, в руке он держал перо, кончик которого покусывал.

Баян зашумел углями, пересыпая в серебряные тазы, стоявшие возле двух жаровен.

— Тише! — зло зашипел комнатный слуга. — Господин сочиняет послание.

Патрикий вскинул глаза на Баяна и тотчас ушел мыслями в себя, провел левой рукой, длиннопалой, ослепительно белой, по мраморному своему челу и снова посмотрел на Баяна, но уже глазами, в которых был вопрос и какое-то воспоминание...

Торговец дровами остался доволен платой и дал своему нечаянному помощнику монетку за труды. Баян оглянулся, заметил движение среди дворни и кинулся бегом обратно в город.

Ему снова повезло. По дороге двигалась толпа людей. Люди были сердитые. Они шли на центральную площадь выразить недовольство дороговизной хлеба.

И снова Баян очутился на колоннадной улице. Здесь толпа сливалась с другой толпой, и все устремились на площадь к Большому дворцу. Баян не пошел. В толпе много соглядатаев, могут схватить, а ему надо было, изловчась, увидеть солдат из охраны василевса, варягов, славян. Эти не выдадут, отведут к отцу.

Ведь именно его товарищи увидели Баяна в храме Софии и на другой день привели отца и спросили:

— Что это за чудо, Знич? Это же второй ты!

Славяне называли друг друга старыми языческими именами, хотя все они были крещены по настоянию василевса и получили заступников на Небесах. Отцу досталось имя не такое звонкое, как прежде, но тоже выразительное: Уриил, что означает «свет Божий». Уриил был велик у Бога, архангел.

...Баян, набравшись духу, перебежал к лавке с книгами. Место шумное. Сюда приходили поспорить и послушать не только любители книг, но и сочинители и философы.

Громче и жарче других спорили два монаха против седого старца и пятерых его то ли сыновей, то ли учеников.

— Зачем искать место Рая?! — сердился молодой монах с оттопыренными ушами. — Господь, изгнав Адама и Еву, покрыл сие священнейшее место покровом Своей Божественной тайны. Ведь в Раю растет древо жизни! Потому и поставлен на тех путях Херувим с огненным мечом.

— Где ты видел на земле Херувимов?! — горестно всплеснул руками спорщик-старец. — Библия — книга священных символов, книга, дающая тот или иной образ для вразумления человека, для поиска своего места под солнцем, — под Богом, если тебе угодно, — и среди подобных себе. Вспомните Гесиода! Великий наставник и поэт так говорил: после сотворения человека наступил золотой век, бесценный дар бессмертных...

— Гесиод не знал Бога! — возразил монах, сверкая глазами.

— Да, он не знал Саваофа. Он называл создателем мира Крона... Но Гесиод говорит о том же, что и Господь. Мы в Библии читаем: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал бы жить вечно». Это об утерянной простоте жизни, о золотом веке. Гесиод говорит несколько иначе: «Человеческий род вел тогда жизнь богов, свободную от мучительных забот, чуждую труда и печалей».

— Вон они, мучительные заботы и печали! — показал один юноша на толпу.

До книжной лавки с площади долетали крики:

— Хлеба! Хотим хлеба!

— Василевс, твой брат ограбил нас!

— Они сначала забыли Бога, а теперь им василевс стал как ровня, — мрачно, басом пророкотал второй монах. — Я, грешный, верую каждому слову Святого Писания, а там начертано для всех народов и на все времена: «И насадил Господь Бог Рай в Едеме на Востоке и поместил там человека, которого создал. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди Рая, и дерево познания добра и зла...» Много потрудились мои ноженьки в поисках Херувима с огненным мечом. Хотя бы на Херувима хотел поглядеть... Обошел я моими ногами реку Евфрат и реку Тигр, зовоую в Писании рекой Хиддекеель... Но где река Гихон, где Фисон? Без них как сыскать поток, омывающий Рай?

— Рая пешком не выходишь! — снова рассердился молодой монах. — Святой отец наш Ефрем Сирийский указал место Рая в океане, на дивном острове.

Старец возразил:

— Рай — слово персидское. Оно означает не остров, не обширную землю, а сад. Река Геон или Гихон — это египетский Нил, который берет свое начало в Индии. Фисон, стало быть, надо искать в Индии. И это не что иное, как Ганг... Мой учитель, Царство ему Небесное, полагал, что место Рая на острове Цейлон.

— Река Фисон — это Истр, иначе Дунай! — быстро возразил один из юношей.

— И спор снова стал бессмысленным! — засмеялся монах с оттопыренными ушами. — Прежнего Рая уже не будет! Верующие во Христе обретут свой Рай. Не на Востоке, не на Юге или Севере, а в будущем, которое последует сразу же за Страшным Судом. Тот будущий Рай есть наследие нетленное, непорочное и вовеки не отпадающее.

Баян слушал спор затаив дыхание. Но рев и шум толпы стал заглушать слова.

— На ипподром все ринулись! — кричал юноша старцу на ухо. — Да, да! О хлебе забыли! Побежали вкушать зрелища!

Баян окинул взглядом улицу, колоннаду и что было сил помчался к ипподрому, поскорее слиться с толпой. На ипподроме будет василевс, а значит, и его охрана.

Ипподром занимал центр города. Одним крылом он примыкал к Большому дворцу, а южная его часть, не уместившаяся на холме, была сложена из огромных тесаных камней.

Построил ипподром император Септимий Север еще в III веке. Это была копия великого римского цирка. Несколько уменьшенная, но ненамного, в длину ипподром простирался более чем на четыреста метров. Каменные ярусы возвышались громадой. Их было сорок.

Прежде всего Баян увидел обелиск египетского владыки Тутмоса III. Этот розоватый гранит был поставлен на огромные каменные блоки, украшенные множеством сцен: поклонение послов, состязание колесниц, танцы...

Обелиск вывез из Египта василевс Феодосий Великий, но украшен ипподром был святым Константином Августом.

Вокруг ипподрома, лицом к зрителям, стояли солдаты. Баян шел в толпе, разглядывая солдат.

— Простен! — узнал он. — Простен!

Простен увидел Баяна, но строя не покинул.

— Садись где-нибудь здесь, чтоб я видел тебя. Твой отец Знич сегодня в Вуколеоне. Отсюда пойдем вместе.

— Я буду смотреть на тебя, чтоб не потерять.

Солдаты улыбались.

— Ты погляди на арену, потешься. Мы сами за тобой присмотрим, — пообещал варяг Шихберн.

Баян поднялся сначала на второй ярус, а потом выше, на пятый. Увидел арену, пересеченную каменным постаментом, невысоким, но довольно широким. По всему этому постаменту стояли статуи: императоров, возничих, древних богов и богинь. Здесь была римская волчица и другие звери, птицы и даже змеи.

Над ареной, над центральными дверями, откуда пукали колесницы, застыла четверка бронзовых коней. Кони мчались, оставаясь на месте.

У Баяна даже голова закружилась. Облака текли под копыта, и казалось, кони уже пересилили свою тяжкую неподвижность и мчатся над ареной прямо на ярусы.

Появился василевс, представление началось под вопль и рев шестидесяти тысяч глоток. Столько народу, собравшегося воедино, Баян еще не видел.

— Жирафы! Жирафы! — кричали соседи ипподромного новичка, указывая на арену.

Баян увидел невероятных зверей. Высоко над землю уши, рожки, огромные глаза, все это на бесконечно длинной пятнистой шее, а сам зверь тоже очень высокий, пятнистый, на ножках-ходулях.

Прогнали по клеткам медведей: матерых, пестунов и совсем еще медвежат.

Сотрясая воздух ревом, прошествовал, негодуя на людей, огромный лев с черно-рыжей гривой. Крадучись прошли, скаля розовые пасти, черные пантеры.

И вот клетки быстро собрали, глашатаи объявили:

— Русский зверь с Хазарского моря!

На арену выкатили две бочки с водой, соединили бочки помостом, и хозяин выгнал из одной бочки темное чудище.

Это был тюлень, доставленный в подарок василевсу на русском корабле. Тюлень прошлепал ластами по помосту, повернул усатую морду к зрителям, взревел и ухнул в другую бочку.

— Х л е - е - е - б а! — взлетел над трибунами истошный крик.

— Хлеба! Хлеба! Хлеба! — подхватила вопль голубая, а потом и зеленая трибуны.

На арену выскочила двухголовая корова, она была на веревке, а веревка в руках женщины ростом с двух мужчин. Женщина по пояс была обнажена, для того, видно, чтобы удивить зрителей пудовыми шарами груди.

— Х л е - е - е - б а! — снова пронзил небо мучительный, надсадный крик.

Василевс гневно взмахнул рукой: арену очистили и пустили четыре колесницы — красную, белую, зеленую и голубую.

Был второй заезд, третий, но народ вопил: «Хлеба!», нисколько не интересуясь лошадьми и мастерством возничих.

Тогда василевс снова подал условный сигнал. И вот на арену выехали два отряда. Один был одет варварами, другой в тяжелую сверкающую броню: ромеи катафракты. Отряды стали по сторонам арены, а на середину выехали печенег. Мчась по кругу, они ныряли под брюхо лошадей, скакали стоя, прыгивали, бежали рядом с конями и вдруг втроем разом оказывались на одной лошади.

Печенегов сменили руссы и болгары. Показывали дикий бой на палицах.

Кто-то на зеленой трибуне крикнул, может быть, только из озорства:

— Хлеба!

— Хлеба! — завопили трибуны, но их крик утонул в топоте копыт.

Варвары и ромеи сошлись в показательном конном сражении. Иные из воинов мчались по краю арены, по-

трясая дротиками, словно бы угрожая зеленой и голубой трибунам.

— Я вас все-таки уйму! — сказал Никифор и послал на арену сидящих на его трибуне солдат, чтоб показали учебный бой на настоящих мечах.

Блеск и звон мечей сначала ошеломили трибуны, но потом поднялись крики ужаса и протеста, и тогда стоявшие вдоль ипподрома славяне, руссы и варяги тоже обнажили мечи.

Народ побежал с трибун прочь, сбивая и топча слабых и замешкавшихся. Люди гибли от тесноты, а наемники-армяне, охранявшие выходы с ипподрома, пытаясь остановить толпу, навести порядок, только усугубили несчастье.

Зато теперь было на ком выместить гнев и боль. Родственники погибших на ипподроме, вооружась чем попало, кинулись бить армян. На защиту семей пришли армяне-воины, составлявшие гарнизон Константинополя.

Баян спасся, но толпа увлекла его к Босфору, и он вместе с другими переплыл в лодке на азиатский берег.

На следующий день было Вознесение Господне. Праздник пришелся на 9 мая. Василевс Никифор совершил, по обычаю, как пишет в своей «Истории» его современник Лев Диакон, «шествие за стены, к так называемой Пиги (там был построен храм удивительной красоты в честь Богородицы)... А к вечеру, когда государь возвращался во дворец, жители Византии открыто поносили его. И одна женщина со своей дочерью дошла до такого безумия, что, наклонившись с крыши дома, бросала в повелителя камни... Я видел, как василевс Никифор шагом проезжал на коне по городу, невозмутимо снося жестокие оскорбления и соблюдая присутствие духа, как будто не происходит ничего необычайного... Удивляло спокойствие этого человека, сохранившего бесстрашие и благородство при самых ужасных обстоятельствах».

Спокойствие Никифора было еще одной его ложью. Он никого не простил, но, не имея возможности убить всех, указал на женщину и на ее дочь, кидавших в него камни. Несчастных схватили. Повели не на площадь Быка, где преступников сжигали в металлической поло-

сти огромной статуи быка, а переправили на азиатский берег Босфора, в пригород Анарату, и сожгли на костре.

Среди солдат, смотревших за порядком, Баян увидел варяга Шихберна. Шихберн и доставил отрока к его отцу.

Песня о лебеди

Калокир сдержал перед Александрой слово. За день до отплытия в далекий Киев он привел в дом дуки Константина сладкоголосого Баяна и его отца, сурового воина Уриила.

Василевс ушел в поход в Сирию, а Калокир должен был отплыть еще неделю назад, но на Понт Эвксинский обрушились восточные ветры, и буря на море была столь опасной, что корабли не выпускали из гавани.

Баян пришел с гусями. Он сидел возле отца — точная его копия — и быстрыми умными глазами разглядывал убранство зала: вазы, статуи, и было видно — запоминает.

Собравшиеся гости пожелали слушать отрока еще до пира. Баян спел кондак преподобного Романа Сладкопевца на Воскресение Господа — последнее, что он успел разучить:

Услышав прятчу Христа из Евангелия, о которой Лука повествует,
Не будем считать ее чем-то незначимым, но с верою исследуем,
Кто эта женщина, и что суть драхмы,
И что есть та драхма, которую она потеряла
И прилежно ищет, зажегши в светильнике свет
И подметя весь свой дом. Найдя же ее, созывает соседок:
«Придите, со мною порадуйтесь, я нашла то, что потеряла».
Ныне же мы помолимся Христу, глаголя:
«Господи, Ты освяти наши души, ибо Ты —
Свет, Жизнь и Воскресение».

Выслушав кондак, гости просили Баяна исполнить песнопения, какие он пел кагану Хазарии, а потом и языческие гимны.

Дуку Константина эти гимны взволновали. Говорил со страстью и гневом:

— Император Гонорий был прав, когда запретил римлянам носить штаны! Он не хотел, чтобы его соотечественники превращались в варваров, перенимая варварские обычаи, варварскую одежду и варварскую музыку.. И все-таки... Я, кажется, знаю, почему князь Сфендослав развеял в прах Хазарию. Вы только что слышали музыку славян. Она у них молодая. Она напрягает мышцы и наполняет сердца мужеством и отвагой.

— Дядя, ты противоречишь сам себе! — заметил с улыбкой превосходства Калокир.— Гонорий запретил штаны, но в его время музыка была самая разная: древнегреческая, утонченная эллинская, собственно римская, музыка германских племен, музыка фракийцев, гуннов, скифов...

Спор увлек гостей. Вспомнили Платона. Великий философ полагал: для государства весьма опасно отказаться от музыки стыдливой и скромной.

Тотчас всплыло имя Аристотеля. Учитель Александра Македонского укорил Платона за допущение фригийского строя, изнеженного и сладкозвучного. Аристотель стоял на том, что для воспитания юношества всего полезнее дорийский строй, воинственный, суровый.

Радуюсь возможности показать ученость перед сановными своими прихожанами, приходской священник процитировал по памяти Василия Кесарийского:

— «Есть молва, что Пифагор, когда ему случилось быть среди пьяных гуляк, приказал флейтисту, предводителю пира, изменить напев и заиграть в дорийском ладе. Пирующих так отрезвила эта музыка, что они сбросили венки и со стыдом разошлись».

— Святые слова! — воскликнул дука.— Святые! Рим погубили не варвары, но всеобщая расслабленность. Чужая музыка задолго до падения столицы мира подменила нутро солдат и полководцев. Кожа у них оставалась римская, а нутро было чужое. Они не могли сжаться, как их прадеды. В них не гремела музыка походов и побед, по их жилам кровь пульсировала, повторяя сладкозвучия флейт, мешалась с множеством чужих музык, и все это было только шум. В хаос превратилась некогда грозная

фаланга. Фалангой она была только с виду, а по сути своей — хаос. Ничто.

Спор затянулся. Наконец снова вспомнили о Баяне, спросили певца, знает ли он музыку каких-либо диких народов?

— А какие народы дикие?! — изумился отрок.

Все засмеялись, а Калокир сказал:

— Все остальные, кроме ромеев. Так думал Рим, и так теперь думает Византий... А скиф, который перед нами, как своим родным, владеет греческим и хазарским, успел уже латынь выучить. Ты можешь еще на каком-либо языке усладить наш просвещенный ромейский слух?

— Я знаю песню гузов. Они дикие?

— Несомненно! — воскликнул ехидный Калокир.

Баян запел песню о деве-лебеди, какую слышал в юрте приемного отца и молочной своей матери. Пел сначала на гузском языке, а потом по-гречески. Концовку песни он изменил.

Лебедь, получив свои перья, улетела неведомо куда, а несчастный супруг, не зная, как излечиться от тоски, отправился на поиски супруги. И взошел он на высокую гору, на белую вершину, засмотрелся на облака и на птиц, летавших далеко внизу, и закричал голосом боли и любви: «Где же ты, белая лебедь, жизнь моя?! Как эта высокая гора да заледенела от одиночества, так и я стыну на ветрах без тебя. Кровь перестает бежать по жилам, и быть мне ледяным столбом, и я благословляю смерть, ибо она избавит меня от тоски». И тогда среди облаков появилась вдруг огромная белая лебедь. Посадила своего суженого на спину, укрыла ласковыми перышками и полетела к солнцу. Дети лебеди и героя видели этот полет и смотрели, смотрели на отца и мать, пока они не слились с белым светом...

Слушатели растрогались. Насмешник Калокир вдруг пустился в рассуждения:

— У просвещенных ромеев таких песен нет, а вот у гузов, которых мы почитаем дикими, есть. Я чувствую, любви в сердцах у этих дикарей много больше, чем у нас, любящих пурпур и ладан.

Многие согласились с Калокиром, а вот Александра вдруг рассмеялась:

— Ты родом из Айкумены, из Тавриды. Твой Херсонес наполовину скифский, а наполовину хазарский. Ты ведь, я знаю, по-скифски говоришь, как Баян.

— А я этого и не отрицаю. Тем более что среди василевсов Византия были и скифы, и хазары.

Дука Константин, прекращая стычку между дочерью и племянником, торжественно подарил певцу шубу из выдры, чтоб не простудился в плаванье по холодному весеннему Понту, а его отцу меч.

Александра в порыве благодарности и девичьей строптивости нежданно для себя сняла с груди ладанку и надела на Баяна. Остолбеневшему отцу сказала, не скрывая раздражения:

— Поведай, что это за ладанка.

Дука Константин пересилил огорчение:

— Вещица и впрямь не богатая. Серебряная цепочка, серебряный сосудец, в котором хранятся ладан да самый обыкновенный камешек. Камешек — частица священной земли с того места, где стоит Сиднайская обитель. Ладан из ковчежца, в котором хранят чудотворную икону Богородицы, писанную евангелистом Лукой.

Баян взял в ладонь талисман. Он был еще теплый от тепла Александры.

— Вглядись! — попросил дука. — Это — скала. На скале монастырь... Более четырех веков тому назад василевс Юстиниан был в Сирии, в походе. Однажды войско втянулось в пустынную, иссушенную зноем долину между голых безжизненных гор. Вода кончилась, солдаты и лошади падали от усталости и жажды. Тогда Юстиниан отправился на охоту, надеясь по следам зверей найти водопой. Он увидел газель, погнался за ней. Газель привела охотников в горы. Она забежала на скалу и остановилась. Василевс Юстиниан наложил стрелу на тетиву и увидел — чудесное! На том месте, где стояла газель, был свет, и в свету — Богоматерь. Когда видение исчезло, Юстиниан и его спутники поднялись на скалу и нашли обильный источник. Войско было спасено. Юстиниан же по обету на месте чуда поставил монастырь... Мой предок

был с Юстинианом, он принес из похода камешек со спасительной скалы, а потом оправил его в серебро... Другой наш предок ходил поклониться Сиднайской святыне, получил исцеление. Он узнал, что в монастыре хранится икона Божьей Матери, написанная при ее жизни евангелистом Лукой. Драгоценность эту держат в ковчежце, наполненном ладаном, чтоб святыня осталась с людьми на века. Он поместил камешек своего пращура в ладан, взятый из ковчежца...

Баян хотел вернуть драгоценную ладанку, но дука Константин удержал его:

— Теперь — это твое. В мире ничто не совершается случайно. Неси эту реликвию в свой мир, и да будет Господь с тобой, да хранит тебя Богородица.

Сколько стоит дружба

Господь и Богородица хранили Баяна в пути, и светлым июньским днем корабли Калокира пристали к зеленым горам стольного Киева.

Гонец предупредил князя Святослава о прибытии великого посольства, и потому патрикия Калокира встречали с особой пышностью. От пристани до дворца были постланы меха. Тримя рядами с каждой стороны стояли одетые в броню солдаты. Приветствия послам говорили по пути трижды: на пристани воевода и боярин Вышата, возле городских ворот великий Свенельд, перед входом во дворец старший сын Святослава десятилетний княжич Ярополк.

Ярополк не Калокира увидел первым, не священника в золотых ризах, но Баяна. Он бы кинулся к нему, да нельзя: послу обида, через посла всей Византии.

Вместе с Ярополком на третьей встрече были илькгузов Юнус, воевода стольного Киева боярин Претич, боярин Блуд.

Сказав заученное приветствие, Ярополк речь Калокира пропустил мимо ушей: разглядывал Баяна. Друг подрос, вид заморский. Плечи развернуты, спина прямая. На лице улыбка, а глаза сами по себе живут. И в них

радость пополам со страхом: неужто все это явь, неужто долгий сон кончился? Вот он я, милая родина! Вот он я, пришелец из пучин иных миров.

Посольство двинулось дальше, и Ярополк, забыв о строгой росписи церемонии, встал рядом с Баяном.

— Эй! — сказал он ему.

— Чего? — улыбнулся Баян.

— Приехал?

— Приехал.

— А это я тебя искал.

— Я знаю.

Им пришлось умолкнуть. Посольство Калокира во дворе благословляло киевское священство, а на крыльце ждал князь Святослав, грозный язычник с румяными щеками.

Патрикий Калокир тоже удивил русского князя, не великолепием одежд, не саном, столь высоким для молодого человека, а славянской речью.

— Как хорошо, что для бесед наедине нам не нужен переводчик! — простодушно обрадовался Святослав. Глянул на Ярополка и Баяна, улыбнулся: — Встретились... Идемте с нами на поклон великой княгине, а потом — гуляйте!

Перед русской архонтессой вальяжной раскованности в патрикии убыло. Поразила великая княгиня Ольга Калокира. Лицом белым-бела, а брови черные, без единой сединки. Волосы убраны под княжеский венец. Одежды тоже белые, расшитые жемчугом. Все просто, а над головою чудится пресветлый нимб, венчающий дивную жизнь и мудрость, о которой по всему миру то ли были складывают, то ли сказки.

Князь Святослав сел рядом с царствующей матерью, и они выслушали посольскую речь Калокира о неизменной дружбе василевса Никифора Фоки к архонту Святославу и архонтессе Ольге. Были представлены многочисленные подарки князю, княгине и княжичам.

Святославу от василевса — позлащенный круглый щит, узорчатые доспехи и длинный, узкий акуфий — обоюдоострый клевец, похожий на цаплю, с рукояткой в виде двуглавого орла, в алмазах.

Ольге — большую, в человеческий рост, икону святых Константина и Елены, в окладе из серебра, с крупными камнями. Евангелие в золоте. Иконы Богородицы, «Спаса в Силах», Николая Мирликийского. Сверх того, парчу, шелк, ладан, миро.

Ярополку Калокир поднес золотой пояс с небольшим кинжалом.

Младших княжичей на приеме не было, но Олегу досталось седло, украшенное серебром и драгоценными камнями, а Владимиру серебряная чаша, тарелка, ложка, нож и вилка.

Подарки несли и несли: финики, плоды смоквы, тисненые религиозными сценами золоченые кожи для обивки комнат, стекло для окон, подсвечники, свечи, оливки, оливковое масло, грецкие орехи, фисташки, краски — расписывать стены храмов, книги с яркими миниатюрами, ароматические мази, курения, благовония...

— Есть у меня еще один подарок, — сказал Калокир, когда показ подношений закончился. — Августа Феофано, посылая архонтессе Ольге свои подарки, просила сказать, что она помнит и благословляет день, когда Бог даровал ей быть за одним столом с мудрой и прекрасной правительницей Руси.

— Я тоже помню василиссу. Она в ту пору была еще совсем в юных годах, — улыбнулась Ольга. — Феофано сидела рядом со мною и порадовала меня искренностью своей беседы.

— Августа посылает мудрейшей из мудрейших архонтесс две иконы. Елизаветы и Захарии — родителей Иоанна Предтечи. И Анны и Иокима — родителей Пресвятой Богородицы. У Августы трое детей: багрянородные Василий и Константин и принцесса Анна. Их величество просит помолиться о ее детях. У царствующих все в достатке, кроме счастья, а иные из багрянородных счастьем бывают обделены.

— Я помолюсь, — сказала Ольга. — Сколько лет багрянородной Анне?

— Она еще очень молода. Ей четвертое лето.

— Четвертое лето, — повторила Ольга и глянула на Ярополка.

Калокир понял, о чем подумала архонтесса, и ужаснулся. Если русские поднимут брачный вопрос, требуя для княжича Анну, договориться с ними будет непросто.

Ольга прочитала этот ужас в глазах молодого посла и сказала, не улыбнувшись:

— Мне, грешнице, Бог не дал в невестки багрянородную принцессу. Но я молюсь, и Господь смилостивится и пошлет просимое моим правнукам, а может быть, и внукам.

Калокир поклонился, перекрестился вслед за Ольгой и поспешил переменить разговор. Перед княгиней поставил три ларца: с мелким жемчугом, с бисером и с золотой нитью.

— Василисса Феофано до сих пор в восторге от шитья русских рукодельниц. Она посылает бисер, жемчуг и золото. Пусть мастерицы архонтессы Ольги порадуют Господа и Богородицу новыми дивными вышивками.

После приема был долгий пир в гридне великого князя. Тайную встречу с послом Святослав тоже не стал затягивать и позвал Калокира, соблюдая свое достоинство, уже через три дня.

А вот Ярополк и трех часов ждать не захотел. Высидел на пиру здравицы и отправился к Баяну, нашел его в доме, где жили гридни.

Повел княжич друга в свою собственную конюшню показать, какие у него кони. Кони были высокие, красно-золотые, гривы — чистое золото.

Конюхи оседлали для княжича одного коня, и Ярополк показал Баяну, как умеет он теперь скакать. Поднимал коня на дыбы, бросал узду и правил ногами. Конь был послушен.

— Я теперь скачу так, что Олегу за мной и не угнаться, — сказал с гордостью, а Баян не помнил про эту слабину своего друга, про боязнь верховой езды.

Отдал Ярополк коня конюхам, повел Баяна в свои покои, а потом передумал.

— Хочешь, тайное место покажу?

— Покажи, — согласился Баян.

Вышли они из дворца и за стены города, побежали тропой по лесу и оказались перед крошечной деревянной церковкой.

Двери в храм были открыты, но людей они не увидели. Два узких оконца, затянутых бычьими пузырями, света давали мало.

Горели три лампы: перед иконою Спаса на убрусе, перед Богородицею, перед Николаем Угодником.

Ярополк подвел Баяна к каменной плите в полу.

— Это могила. Видишь крест?

— Вижу, — сказал Баян и невольно перекрестился.

Ярополк подумал, взглянул на друга и тоже перекрестился.

— А знаешь, кто здесь похоронен?

— Не знаю.

— Аскольд. А крестное имя его Николай. Церковь тоже во имя Николая Чудотворца.

Постояли перед иконами. Баян сказал:

— Я в соборе Святой Софии пел. Этот храм величиной с Киев!

— В церквах нельзя врать, — укорил друга Ярополк.

— Ну, если не с Киев, так с княжеский дворец. Там такой купол — небеса! — Баян размахнул руки.

Ярополк смотрел недоверчиво.

— Это правда. Спроси у Калокира. Он — посол. Посол врать не будет.

— Хе! — Ярополк показал на Баяна пальцем. — Послы, наоборот, правды не говорят. Что ни скажут, то и соврут.

Они вышли из церковки.

— А где тайное место? — спросил Баян.

— Это и есть.

Баян посмотрел кругом: внизу под горой Днепр, лес, дубы да липы.

— Здесь и кровь пролилась: князь Олег убил Аскольда. Позвал товары показать, а сам убил.

Баян вздрогнул.

— Тут тень. Холодно.

— Страшное было место, — сказал Ярополк, — а теперь бояться не надо. Теперь здесь дом Бога. Теперь здесь Ангелы.

— А ты видел Ангелов? — спросил Баян.

— Их даже бабушка не видела! А она каждый день молится.

— Пошли к реке, — предложил Баян.

— Пошли, — согласился княжич, и они побежали по тропе вниз.

С Днепра полыхнуло на отроков светом. От простора закружились головы. Ярополк кинулся на траву.

— Повалеемся-покатаемся! — перевалился с бока на бок, посмотрел на Баяна. — Чего стоишь?! Я в детстве уж так любил повалиться-покататься.

Баян сел наземь, скрестив и подобрав под себя ноги, так гузы сживают.

— Рассказать тебе, что я видел в Хазарии и Византии?

— Расскажи, — разрешил Ярополк, — а если хочешь, спой, у тебя слова складные.

— Мы пока в Херсонесе стояли, я в море купался, простыл. У меня горло и теперь еще сипит, я лучше расскажу.

Ярополк перевернулся на спину, закинул руки за голову и прикрыл глаза, чтобы видеть, о чем ему будут рассказывать.

— Был я в Хазарии у кагана Иосифа. Был псалмопевцем... — начал Баян.

Калокир и Святослав

Дни ожидания тайного приема посол провел только с виду праздно. Он шел на встречу с архонтом, зная о многом, что произошло в Киевском княжестве за последние два года.

Расширив владения до Волги и Хазарского моря, Святослав обратил свои взоры на Запад. Некогда скифы ограничивали свое царство Истром, который теперь зовется Дунаем. Архонт еще в прошлом году собрал войско для похода на Дунай и взял в союзники венгров, но ходил к великой реке один только Икмор с небольшой дружиной. На разведку. Сам же Святослав набежал на вятичей.

Почитали себя свободными, дани князю не хотели платить.

Святослав послал на Оку гонца сказать непокорным: «Иду на вы. На поле боя ваши полки с моими полками не бились, но стояли на стороне хазар. Не побил я вас потому, что не хотел проливать славянской крови. Давайте дань мне, и я буду оберегать вас от невзгод и нашествий».

Смиранных князьков помиловал, упрямых научил покорности мечом.

Калокир явился к Святославу с золотом василевса. Никифор послал в дар русскому архонту пятнадцать кентинариев. (По современным меркам — четыреста пятьдесят пять килограммов.)

Напомнив о союзническом договоре, который заключил с Византией в 944 году князь Игорь, Калокир, не сводя с лица Святослава восторженных глаз, стал говорить как бы заветное, прорвавшееся вдруг:

— Великий архонт! Господь Бог благословляет правителей, которые стремятся соединить мир в одно целое. Нынче земля поделена на множество царств, княжеств, владений, мир подобен разбитому зеркалу. Господу Богу нельзя посмотреть на Себя и увидеть Себя. Тебе же, князь, дана воля и сила. Расширяя Русь, ты совершаешь богоугодное дело, хотя и не знаешь Христа.

— Что желает от меня василевс Никифор? — Святослав показал на сундуки с золотом.

— Мысли василевса совпадают с твоими. Ты хочешь на Дунай, но там царство Петра, василевса болгар. Побей болгар. Они досадили василевсу, требуя с него дани, как с раба.

— Пойти на Дунай и побить болгар? — переспросил Святослав.

— Часть земель по левую сторону Дуная ты сможешь присоединить к Руси, — сказал Калокир весело и тотчас нахмурился. — Но у василевса и у меня лично есть просьба.

Патрикий умолк со значением.

— Какая же? — спросил Святослав нетерпеливо.

— Не нарушать дружбы и статей старого договора.

— Да кто же их нарушает?!

— Твои воеводы. Может быть, нечаянно, по незнанию...

— Где? Когда?

— В Тавриде... Совсем недавно.

Святослав наморщил лоб.

— Мы не нападали на города ромеев. Мы добивали хазар. Мы разоряли хазарские города.

— Это верно, — согласился Калокир. — Мой отец в Херсонесе занимает должность протевона. По дороге в Киев я заезжал повидать моих родителей, и отец мне рассказывал, что некоторые города и климаты, принадлежащие Херсонесу, подверглись нападению...

— Было... Мои войны много не разбирались. Города и города. Где владения хазар, где херсонесцев? У меня был топарх, и мы с ним обо всем договорились и заключили союз.

— Иные порубежные климаты и поселения, принадлежащие Херсонесу, теперь платят дань тебе, князь.

— Разберемся. Договоримся. Потом. — Святослав глянул на Калокира исподлобья. Оселедец русский, над блестящим бритым черепом, как поднявшийся хвост коня. В левом ухе золотая серьга. Ловец удачи, а не владыка огромного государства. Спросил: — Ты скажи мне, сколько василевс платит наемникам? Тем же руссам, славянам, варягам?

— Тридцать номисм в год.

— Так это золото не для войска?

— Это подарок друга другу. Это тебе.

— Хорошо, — согласился Святослав. — Но ты должен дать золото и подарки моим воеводам, боярам. Свенельду, Икмору, Претичу, ильку Юнусу, боярину Блуду, боярину Добрыне.

— Им будет дадено, — сказал Калокир, пораженный безразличием Святослава к такому количеству золота. Спыхватился: — Архонт! У меня есть для тебя еще один подарок. Правда, для этого нам нужно поехать на Днепр.

Князь тотчас поднялся, снова изумив патрикия: легок на подъем русский барс.

Когда садились на коней, к Святославу подошел отец Баяна Знич, поклонился:

— Дозволь, князь, слово молвить.
— Говори! — разрешил Святослав.
— Я привезен патриkiem Калокиром с моим сыном Баяном из Царьграда.
— Знаю.
— Где мне службу служить?
— В гридне. Пока! Скоро ляжет нам в ноги дальняя дорога.

Знич снова поклонился:

— Благодарю, князь! Но дозволю мне на три дня съездить в родную весь. Мою жену Власту хазары уводили в Итиль. Да Бог дал тебе побить поганых... Вот и думка у меня: может, Власта дома теперь... Уж очень долгой была наша разлука.

— Гридни! — тотчас приказал князь дворцовым людям. — Соберите доброго человека в путь. Коня ему дайте из моей конюшни.

— Да я бы хоть теперь поехал, — сказал Знич.

— Так поезжай! Пусть Сварог побережет тебя в пути и Волос с Лелем будут к тебе благосклонны.

На Днепре ничего нового для себя Святослав не увидел.

— Ты на мои корабли смотри, князь.

— Вижу твои корабли.

— И тот, что стоит последним?

— Вижу. Знаю, что это такое. «Жидкий огонь» мечет.

— Отныне это твой корабль, князь.

Святослав призадумался: ромей берегут свои огненосные корабли пуще глаза.

— Калокир, с чего такая щедрость?

— Хочу друга в тебе иметь. Тайну «огня» я не знаю, но пусть этот корабль послужит тебе, сифоны его полны и к бою готовы.

— Для дружбы добрый залог, — согласился Святослав.

Княжеский наказ

Травы блестели, словно у земли был праздник. Пахло нагретой солнцем водой, мокрым песком, мать-и-мачехой. Знич остановил коня у крошечного озера, вспугнул ля-

гушек. Сначала звонко шмякнулась в воду одна, за ней другая, и пошло, и пошло, пошло. Озерцо было круглое, открытое. Знич наклонился, опустил руки в воду, набрал пригоршню. Вода пахла детством.

Слезы закипели в горле и кинулись вверх, к глазам, и он, удивляясь себе, заплакал. Положил голову на траву, затих. Какая-то прошлогодняя былинка колола щеку, но он только сильнее прижимался к земле, желая боли за столь долгое отсутствие. А душа, как подставленный под струю источника кувшин, наполнялась и переполнялась благословенной сладостью любви. Куда бы он ни посмотрел — всюду его встречало родное. Родные ветлы кланялись ему. Издали строго, но одобрительно смотрела на него дубрава. Тропки, как мальчишки, бежали впереди, чтоб оповестить о прибытии канувшего, а все-такижданного.

Чтоб не растревлять нежностью душу, он ударил коня плетью и полетел через луга к веси, боясь глаз своих. Они ведь могут увидеть дом и двор, а могут и на пустырь наткнуться, на бугры в бурьяне.

Его дом был с краю, и это было теперь особенно кстати. Не надо ехать к пустырю среди жалеющих, припоминающих взоров.

Он нахлестывал коня и смотрел, смотрел, словно хотел пронзить глазами саму судьбу свою. И увидел дом, хлев, баньку, а банька-то... была живой. Он уловил запах дыма и пара, поднявшегося с раскаленных камней.

Двор тоже дышал жизнью: в хлеву, на соломе, лежала совсем свежая коровья лепеха. Значит, корова ночевала и ушла в стадо. Он дал коню овса из своей дорожной сумы. Отворил дверь в избу. Никого.

Пахло женщиной. Гнездышко было прибрано, в малой корчажке на столе синели незабудки.

Знич сел за стол, откинулся спиной на бревна, чтобы ощутить лопатками привет своего дома, и вдруг почувствовал сильный голод. Наверное, на печь поглядел, на зев, прикрытый заслонкой. Не поленился, встал, заглянул. С краю печи стояла кринка варенца, поближе к углям горшки с кашей, со щами. Хозяйничать не решился,

взял варенец. Уж очень вкусна на вид была пленочка, по краям коричневая, в середине золотая.

Хлеб он достал свой, с княжеского стола. Коль чужие люди живут, будет, что оставить вместо варенца.

Подумал о чужих людях, и сердце задохнулось в тесной клетке тоски.

— Терпи! — сказал себе Знич, пальцем поддевая пленку с варенца.

И только он отправил вкуснятину в рот, как дверь распахнулась и в избу вошла простоволосая женщина. Да что там простоволосая! Это вкатился золотой поток.

Женщина, встретившись с глазами незнакомого мужчины, обмерла. А в дверях уже стояла — Власта.

Знич проглотил пенку, поднялся, отирая руку о платье. Власта подошла к нему, положила голову на грудь и слушала, как стучит сердце, и этот стук сливался с ударами крови в ее висках. Голова закружилась, и она осела бы, но могучие руки не позволили.

Прошептала, встрепенувшись:

— Наглядеться хочу.

Усадила за стол, подала еду и глядела, глядела, изумляя Золотую Косу.

Золотая Коса вежливо побыла за столом малое время, а потом пошла баньку подтопить для хозяина.

Намылся Знич до того, что кожа заскрипела, налюбился с ненаглядюю, а утром — в путь.

Узнала Власта, что Баян в Киеве, не усидела дома у печи.

— Хозяйствуй! — только и сказала Золотой Косе.

Лошадку им селяне выделили, и лошадку оставила, на одном коне с мужем поехала — такая езда слаще.

Уже по дороге узнал Знич историю Золотой Косы. Власта повстречала ее, уходя из Хазарии. Вместе долгий путь мыкали. Сначала зашли в родное селение Золотой Косы, а там вместо изб пепел, прибитый дождями, вместо людей — черные трубы.

Быстро порастает быльем худое прежнее житье.

Вернулась в пути к Власте и к Зничу их молодость. Ехали на коне, хмельные от любви, любящие не только птиц и потатчиков любовных — кузнечиков, но и змей,

и всяких иных гадов. Живите! Хорошо жить! Ненаглядный он, Белый Свет.

Князь Святослав, увидав счастливое семейство, собранное воедино самой судьбой, решил их участь скоро, по-хозяйски:

— Я с моим войском ухожу в поход. Ты, Знич, коль служил у василевса, — пригодился бы мне, но не смею взять тебя у жены и у Баяна. Жить тебе в Киеве, будешь город беречь от непрошенных гостей в дружине воеводы Претича. Сын твой будет при моем Ярополке. Они с малых лет знают друг друга. А тебе, Власта, такой наказ: пока буду в походе, народи мне сыновей от твоего витязя. Буду год — с тебя сын, буду два — два сына. Се не шутка, а княжеская просьба, самая нижайшая.

Власта опустила перед князем на колени, землю поцеловала.

— За мудрость тебе мой поклон, а уж с бабьим делом управлюсь как-нибудь... Только где нам жить в Киеве? Наш дом в селении, у священной дубравы.

— На дом деньги твоему хозяину будут дадены, — сказал Святослав и вдруг озорно блеснул глазами: — Коль родишь сына — конем пожалую, двух сыновей — двумя.

Так вот, чудом, Промыслом Божиим оказались Знич, Власта и Баян под одной крышей, одной семьей.

И когда пришла пора и загорелся кипрей на лесных полянах, отправились они втроем в священную дубовую рощу и вошли в кипрей, как в пламя. Сняли с трех цветов три розовых огня, соединили руки, и слились огни, и поднялся тот огонь в небо.

— Се — знак! — сказала Власта. — Быть нам вместе, пока живы. И да хранит нашу землю само Небо.

— И мой меч, — сказал Знич.

Баян посмотрел на отца, на мать и только головой покачал:

— Какие вы у меня!

— Да какие же? — спросила Власта.

— Дивные. Семья.

— Вот погоди, народит тебе мать братцев, хоть с полдюжины,— сказал Знич,— тогда и впрямь будет и диво, и семья. Семья как семья. Истинная, славянская.

Жених для Александры

Августа Феофано, увидевши Александру, даже прикрикнула:

— Да что же ты! Тебя, как черепаху, ждать!

— Помилуйте! — несправедливость обидела деву.— Вестник нашел меня в храме Божьем. Я ожидала Святого причастия и поехала к вам, не причастившись.

— Ну, это я от нетерпения, сгоряча! — замахала руками василисса.— Вот, смотри,— это все тебе.

Александре поднесли ларец, а в нем диадема в изумрудах, серьги, перстни, запона.

— Мне?! — Дева смотрела на государыню, не скрывая тревоги и страха.— Но я не заслужила даже серебряного, с волосок колечка! А ведь это — сокровище.

— Ты — мое сокровище,— сказала василисса.— Я нашла тебе жениха.

— Жениха?!

— Что же ты удивляешься? Тебе пятнадцатый год! По закону василевса Юстиниана еще три года назад могли бы выдать замуж.

Александра не нашлась, что сказать, поклонилась.

— Я не увидела на твоём лице счастья,— покровительственно улыбнулась Феофано.— А между тем будущий твой муж — человек высоких достоинств. Он и теперь велик!

— Кто же это? — совсем испугалась Александра: уж коль великий — значит, старый.

— Дука Иоанн Цимисхий, бывший domestик схол Востока.

— Но!.. Государыня! — У Александры навернулись на глаза слезы.— Государыня... Как я понимаю, дука Иоанн знать обо мне не знает.

— Ах ты, душа моя белоснежная! Знали бы мы, женщины! Мы знаем, значит, и мужчины, избранники наши, узнают... Со временем. Вот его портрет.

На Александру смотрел голубыми глазами белолицый, с румянцем, зрелых лет мужчина. Глаза вперяются зорко, нос тонкий, борода рыжая, на щеках не топорщится и потому удлиняет лицо, на груди же лежит не без великолепия. Волосы на голове белокурые, надо лбом редкие.

— Он одного роста с василевсом, — сказала Феофано. — Невысок, но удивительно могуч и ловок. Ему нет равных в стрельбе из лука, в метании копья. А прыгает он преудивительно. Я сама видела, как, поставив седло к седлу четырех коней, он перепрыгивал трех и садился как раз на четвертого. Показывая свое умение скакать и поражать цели, Иоанн Цимисхий кладет мяч в стеклянную чашу и на полном скаку ударяет по нему древком копья, да так, что мяч подпрыгивает вверх, а чаша остается целой. Страху Цимисхий не ведает. Он один нападает на отряды врагов, поражает многих насмерть, а остальные спасаются от него бегством. Но свирепый в бою, он в обычной жизни щедр и нежен.

— Достояна ли я столь великого стратига? — сказала Александра, опуская голову. — Столь совершенного воина и человека?

— Достояна! — легко ответила Феофано. — Кроме совершенств у него, как у всякого человека, есть и недостатки. На пирах Цимисхий бывает пьян, в любви — неистов, неразборчив, но так говорят о нем константинопольские свахи... Теперь в его жизни не лучшая полоса. Он овдовел, василевс сослал его в деревню, и, признаюсь, я этим обеспокоена. Когда Никифор воюет на юге, на севере на наши границы нападают жестокие венгры. Вот-вот поднимутся болгары. Такому стратигу, как Иоанн, надо быть на коне, во главе войска... Ты понимаешь это?

— Понимаю, государыня. Но ведь не я — Господь решит мою судьбу.

— Прекрасный ответ. Господь Бог и — твоя василисса... Но пусть этот разговор останется до поры тайной. Твоей и моей.

Александра поклонилась.

— Надень эти камешки! — приказала Феофано. — Мне не терпится посмотреть, как они засверкают на тебе.

Вернулась из Большого дворца дочь дуки Константина в великом смятении. Иоанн Цимисхий был завидный жених, но Александра поняла, что отныне она и ее жизнь стали частью наитайнейшего и, должно быть, недоброго замысла августи Феофано... И никому сказать про то нельзя! Даже отцу.

Истово молилась Александра в ту ночь: Господу, Богородице, Иоанну Предтече, Ангелу Хранителю, мученице царице Александре и Георгию Победоносцу, прославляемому в один день с Александрой. Молилась и плакала.

А наплакавшись, думала об Иоанне Цимисхие, который садится в седло, перепрыгнув трех коней. Она так ясно представила себе Цимисхия, что сердце застучало.

Время шло, а тайна Феофано и Александры лежала под камнем судьбы недвижимо. И вдруг камень отвалился сам собою! Умер кесарь Варда, отец василевса Никифора. Старцу было далеко за девяносто лет, но Никифор любил отца, некогда великого воина, победителя многих славных сражений.

Василевс проводил гроб кесаря от Святой Софии, где было отпевание, до другой Софии. До гавани, названной в честь жены василевса Юстина II, племянника великого Юстиниана. Здесь на берегу Босфора в родовой усыпальнице и упокоил кесаря Варду Фоку сын василевс.

Был пост, Никифор спал отдельно от Феофано. Помня пророческое письмо монаха, предсказание святого аскета, василевс берегся. Он никогда теперь не почивал на своем ложе, а стелил себе сам, в соседней со спальней комнате, на полу. На пурпурный войлок бросал шкуру барса — вот и постель. Укрывался не одеялом — плащом своего дяди монаха Михаила Малейна. Малейн был игуменом Киминской лавры в Пафлагонии. О молитвенных подвигах Малейна, о его аскезе ходили легенды.

Когда пост кончился и августа Феофано во всей нежной трогательной красоте своей предстала перед Никифором, тот, чувствуя свое сиротство, поддался ласкам, и василисса своего не упустила.

В «Истории» Льва Дякона приведены такие ее слова, обращенные к супругу:

«Во всех своих решениях ты, государь, соблюдаешь меру и достоинство, тебя считают воплощением справедливости и непревзойденным образцом целомудрия; почему же ты оставляешь без внимания столь благородного и доблестного мужа (как дука Иоанн Цимисхий), отличающегося славными подвигами и непобедимостью в битвах? Почему ты допускаешь, чтобы он валялся в грязи наслаждений и вел жизнь изгнанника и бездельника? Ведь он в расцвете лет и полон сил, к тому же он — двоюродный брат твоего величия и ведет свое происхождение от блистательного рода. Вели ему, если тебе угодно, как можно скорее приехать к нам из деревни.. и вступить в супружескую связь с девицей из благородных. Ведь ту, с которой он был соединен брачным законом, сразила, как ты знаешь, жестокая, разлагающая члены смерть. Послушай же меня, государь, последуй моему верному совету. Не допускай, чтобы дерзкие языки насмехались и издевались над мужем, происходящим из твоего рода и восхваляемым всеми за его ратные подвиги!»

Как тут было устоять? Такой напор! Такие высокие слова!

Пообещав августу вернуть из деревни Цимисхия, василевс скоро огорчился своему простодушию и приказал тайным слугам исследовать рвение василиссы. Ничего подозрительного обнаружено не было, кроме женской страсти к устройению судеб приятных василиссе девиц. Но Никифор, сам умевший плести интриги из тончайших нитей человеческих привязанностей, встревожился. Желание Феофано соединить брачными узами грозного удачливого стратига с семейством еще одного полководца не могло быть случайным. Правда, Александра, дочь дуки Константина, красоты удивительной, да еще и амазонка. Пристроить такую деву для Феофано дело чести. Но дука Константин в родстве с ним, с василевсом! Владелец великолепных поместий в родовом гнезде Фоков, он завещал львиную часть своего достояния любимой Александре. Выходило, что Иоанн Цимисхий, двоюродный брат Никифора по матери, женившись на Александре, становился хозяином земель самого корня Фоков.

За свои пурпурные сапоги василевс, впрочем, не опасался. Победы в Сирии, огромная добыча вернула ему славу великого стратига. На севере дела тоже шли как нельзя хорошо. Русский князь Святослав, находившийся под неусыпным наблюдением патрикия Калокира, сокрушил силу союзников Болгарии в Придунавье, взял у царя Петра десятки городов. «Василевс болгар» не только присмирел, но кинулся искать защиты у василевса ромеев, уже не требовал дани, а просил, чтоб у него взяли.

После недолгих переговоров прислал двух своих дочерей, болгарских василисс, в жены сыновьям августы Феофано, десятилетнему Василию и семилетнему Константину.

Просчитывая последствия брака Иоанна Цимисхия и Александры, Никифор однажды понял: все его сомнения развеиваются удивительно просто.

В ответ на добрую волю царя Петра Византия обязана сделать такой же широкий жест. Почему не отправить в Болгарию нескольких женщин из самых достойных родов? В качестве кого? Да хотя бы монахинь и послушниц, в качестве паломниц по святым местам дружественной христианской страны!

Патриарх Полиевкт нежданное предложение василевса благословил благодарно и радостно.

Дука Константин был первым удостоен чести отправить в Болгарию свою ненаглядную дочь. Дука сначала воспротивился, но Никифор поглядел ему в глаза и сказал, как солдату, без обиняков:

— Друг мой, воин мой, выслушай меня и постарайся понять. Августа, охваченная страстью женить и выдавать замуж, нашла для твоей дочери дуку Иоанна Цимисхия. Он вдовец, не стар, и это хорошо. Но он развратен. Мне доносят о бесстыдных, о чудовищных оргиях, которые Иоанн устраивает у себя в поместье. Велика ли радость отдать невинное христоролюбивое дитя в руки утонченного сластолюбца? Я знаю Цимисхия. Навряд ли он когда-либо излечится от своей подлой страсти. Я хочу уберечь твою дочь. Она поедет ненадолго в богатый, безопасный монастырь! Поедет послушницей, а когда вернется, августа забудет о ней и оставит в покое.

Дука Константин согласился с василевсом, но мысль о предстоящей долгой нежданной разлуке с дочерью подкосила старого воина. Дука Константин слег. У него отказали рука и нога, но Бог оставил ему речь, и он благословил и, более того, приказал Александре быть послушной воле василевса, святейшего патриарха и Господа Бога.

Прощаясь, дука подарил дочери молитвенник в простом потертом кожаном окладе, но в окладе этом был тайник, а в тайнике тонкий, острый как бритва кинжал.

— На всякий случай, — сказал отец дочери.

Августа Феофано, узнав об отъезде Александры, вознегодовала, но Никифор ее успокоил:

— Они едут выказать почет царю Петру. Это паломничество будет недолгим.

Августа посмотрела на василевса, как кошка на собаку, и только что спинку не выгнула, когтями по полу не зацарапала.

Судьба Александры

Монахинь в Болгарию отправилось пятеро, с ними две послушницы: Александра и дьяконисса собора Святой Софии Нунехия. Имя Нунехия означает — ум имеющая. Нунехия и впрямь была умна, ее советы игуменьи мать Пиома принимала к исполнению.

Дорога радовала Александру, да недолго. На границе с Болгарией паломниц догнал вестник: дука Константин, благословив дочь свою, отошел в мир пращуров.

Монахини молились, Нунехия вела с Александрой добрые, полные сочувствия беседы, но слезы лились из глаз юной послушницы сами собой.

Наконец прибыли в болгарский монастырь Великомученицы Перепетуи. Война перерезала дорогу к стольной Преславе, и надо было потерпеть, подождать.

Красота вокруг была дивная. Монастырь, белый, как первый снег, сиял на склоне горы, среди зеленого кудрявого леса и был отрадой глаз для всей просторной долины. Это было хорошо, когда Господь хранил покой и мир, у

войны же иные погляды. От ее взоров — в землю бы зарыться по маковку.

Александрю не беспокоили тревожные разговоры мо-нахинь о приближении русского князя Сфендослава. Ей полюбилось стоять перед иконами, вглядываться в мир Божественной тайны. Добрая Пиама много беседовала о Слове, о Любви, и Александра искала в иконах Слово и Любовь — Бога. Глазами не находила, но душой к Вышшему Таинству прикасалась.

По ночам, положив перед «Спасом в Силах», своей келейной иконой, полтысячи поклонов, юная послушница ложилась спать. Думы устремлялись к почившему отцу, но зрительный образ почему-то не являлся. Все заслоняли собою письма — имя Константин. Константин — значит твердый, постоянный. Дука и впрямь был постоянным в любви к василевсу и твердым в жизни. Он жил правильно.

— Константин,— произнесла Александра и, раздумавшись о слове, старалась угадать и в своем имени судьбу, а потом пускалась в странные мечтания.

Ей хотелось представить Слово, из которого родился весь мир: небо, земля, звезды, солнце, луна... Люди!

Александрю ужасало открытие: ей чудилось, что злые слова — частица... Слова?! А ведь этого не могло быть. Злые слова совсем чужды Слову, Богу, ибо зло от сатаны.

Александра не хотела запутывать себя сложностями, старалась наполнить душу любовью и светом. И опять пыталась, чувствуя, что грешит, представить Слово, то самое первое Слово, из которого, как из почки, родился мир. С душой, напоенной Любовью, она, не познавшая земной любви, искала в себе иную Любовь, Высшую, Чистую, Пресветлую. И находила. Эта иная Любовь, от которой детей не рождается, соединяла ее с отцом, с матерью, со Словом.

Мерещилась дорога, приведшая ее в обитель Велико-мученицы Перепетуи. Ромеи, болгары, русичи. Сфендослав, который где-то там в ночи строит новые напасти на болгар, а шепчет-то ему на ухо злые советы братец Калокир. Веселый, радостный Калокир! Веселый и радостный, а советы подает злые.

Сон не шел. Александра прочитала «Отче наш», совершила перед иконой три сотни поклонов, но тело не утомилось, в голове было ясно. И тут, на радость ей, в дверь постучали.

Александра открыла келью: на пороге стояла Нунехия.

— Я пришла поговорить с тобой. Мать игуменья в отчаянии...

Оказалось, русские уже в долине. Какой-то городок, видимо, оказал сопротивление и теперь пылает. Мать Пиамы боялась за Александру. Юная, прекрасная да еще белица! Русские красивых женщин забирают себе в наложницы.

Александра выслушала дьякониссу и сказала легко и просто:

— Я согласна постричься. Я люблю Слово, Бога моего, Пресветлого Иисуса Христа. Добрая Нунехия, пойдя к матери Пиаме и скажи: Александра приготовила себя в невесты.

Обряд пострижения совершили в ту же ночь, а утром в монастырь явился сам князь Святослав.

Монастырской казны не тронул, хлеб забрал. Ночевал со своими приближенными в трапезной. Никого из монахинь люди Святослава не беспокоили, и насельницы воспряли духом.

Игуменья монастыря, посовещавшись с игуменьей Пиамой, решила поднести князю для его христолюбивой матери, великой княгини Ольги, серебряное распятие и прекрасную икону Великомученицы Параскевы. Умная Нунехия тотчас подала совет:

— Подношение пусть сделает инокиня Апфия. Она сможет спросить князя о своем родственнике Калокире. Он устроит нашу судьбу.

Игуменьям совет показался разумным. Инокиня Апфия, так теперь звали Александру, тоже была рада послужить божескому делу и сестрам монахиням.

Святослав уже собирался уезжать. Он принял икону и распятие и, зорко глянув на юную инокиню, сказал стремянному:

— Поддай и для нее коня!

Бедная Пиамы рухнула князю в ноги:

— Нельзя забирать монахиню в мир! Это святотатство! Она — невеста Бога Иисуса Христа!

Святославу перевели слова игуменьи.

— Его невеста? — показал Святослав на распятие. — Ему невест уже не надобно.

— Не ругайся над нашим Богом! — гневно сказала Пиама. — Не ругайся над юной девственницей!

— Это вы ругаетесь над юностью! — сдвинул брови Святослав и стал грозным. — Такая красота — для жизни!

Апфию, которая снова превратилась в Александру, посадили на коня, и Святослав уехал. Тут только и очнулась от ужаса дьяконисса Нунехия.

— Она не сказала о Калокире! Ей надо было сказать о Калокире!

Игуменья Пиама уж так глянула на припоздавшую с советом разумницу.

— Но она увидит Калокира, и нам ее привезут! — не сдавалась Нунехия.

Дьяконисса не знала: Калокир отъехал от Святослава к царю Петру. Русский князь предлагал побежденным мир.

Волка выпускают в степь

О Куре вспомнили. Куря стал нужен и даже необходим василевсу Никифору.

Никифор пригласил царственного печенега в свою ложу на ипподроме, Куря знал толк в верховых скачках, но, желая угодить василевсу, он начал шумно переживать и подбадривать криками возничих. Никифор был поклонником красной партии, и Куря тоже тотчас стал красным. А побеждали то зеленый возничий, то белый. Наконец в пятом заезде на красной колеснице вел гонку Агапий, и Никифор сказал через переводчика:

— Теперь победим мы.

— Но у белого возничего лошадь сильнее, — точным глазом определил Куря.

— Это ничего не значит, — сказал Никифор, предвкусывая захватывающую дух борьбу и победу. — В беге колесниц человек важнее коня. Побеждают не ноги — воля. Воля Агапия — беспредельна. И так было всегда. Рас-

сказывают, что во времена Юстиниана возничий Константин в утренних состязаниях выиграл двадцать пять заездов из двадцати пяти. А вечером на проигравших лошадях он победил двадцать один раз!

Куря посмотрел на василевса с уважением: знаток!

Заезд состоял из семи кругов. В первых двух Агапий победил. Сначала обогнал соперников с просветом в три колесницы, а потом и подавно — к победной черте ехал шагом. Однако когда начался третий заезд, Никифор заволновался:

— Теперь против Агапия они будут действовать едино.

Василевс угадал: Агапий, по своему обычаю, первый круг шел последним, а когда пустил коня в обгон, синий и зеленый возничие загородили дорогу, отпуская белого.

До четвертого круга Агапий терпел.

— Смотри, что будет! — сказал Никифор, потирая ладонь о ладонь.

На пятом кругу перед ложей василевса Агапий ринулся в просвет между синим и зеленым возничими и сбил, завалил сразу обе колесницы. На шестом кругу он догнал белого, на седьмом обошел.

Агапий победил в девяти заездах, а проиграв десятый, больше не вышел.

Никифор тотчас заскучал, а заскучав, пустился в разговоры с Курей.

— Мне говорили, что орда печенегов состоит из сорока равных между собой родов.

— Из сорока, — согласился Куря, — но равными их назвать нельзя. Ордами мы называем союзы пяти родов. Среди этих пяти один или два рода главенствующие. Из них выбирают ильков, а ябгу чаще всего только из одного рода — для Великой Орды.

— Куря, или правильнее Куркутэ, так мне говорили, в переводе означает — волк?

— Волк. Для степи хорошее имя. В степи нет зверя сильнее волка. Волк хозяин степи.

— А почему у печенегов власть переходит не к сыну, а к племяннику, разве это не странно?

— Так ведется с той поры, как печенеги помнят себя.

— В мире много удивительного и поучительного, — согласился Никифор и осторожно приступил к делу: —

Теперь в Скифии гремит, как гроза, имя русского князя Сфендослава.

У Кури губы подобрались, узкие глаза сверкнули ненавистью.

— Нас беспокоит чрезмерное усиление Руси, — сказал василевс, доверительно склоняя голову к печенегу. — Ромеи были бы благодарны тому племени, тому катархонту, который смог бы обуздать Сфендослава. Сфендослав — архонт Киева, так пусть будет в Киеве.

— Ему и Киева много!

— Да, я слышал, это очень молодой, очень грубый и невежественный человек, — согласился Никифор.

— Варвар! — выпалил Курия ромейское словцо.

— Но ведь силен! — развел руками василевс. — Побил буртасов и волжских булгар, разгромил Хазарию, а теперь бесчинствует, подобно гунну Аттиле, в Подунавье. Кто его сможет остановить?

— Я остановлю! Я! — свистящим шепотом сказал Курия и так оскалил зубы, что и впрямь стал похож на волка.

Василевс внимательным, долгим, оценивающим взглядом посмотрел на печенега.

— Верно! Ты можешь остановить Сфендослава. Я в это верю. Я это вижу!

— Дело совсем простое! — пожал плечами Курия. — Пока этот «иду на вы» далеко от Киева, надо осадить Киев, взять и сжечь.

— Действительно, просто! — изумился василевс. — Тогда что же? Мы дадим тебе золото, и с Богом! Пойди и возьми Киев, чтоб Сфендославу было чем заняться у себя дома.

И тут объявили последний, двадцать четвертый заезд, в котором снова ехал блистательный и превосходный Агапий.

Дукака служит Киеву

Судьба! Сотник черных хазар Дукака не погиб в сечах, не сгорел в пожарищах, не унес его ветер в заитильские степи в небытие. Любовь, как Вифлеемская звезда, вела его и привела к ненаглядной Золотой Косе.

Золотая Коса осталась хозяйкой дома и двора Власты. Зажить бы им тихо и безмятежно, радуясь каждому новому дню, проведенному вместе... Не дал Бог!

Потянуло из степи гарью, побежали люди, спасая детей и самих себя, крича страшное:

— Печенеги!

Сколько таких слов-пугал знала наша земля, страдалец-народ?

Хазары, печенеги, половцы, татары, ляхи, шведы, французы, немцы... От одного страха душа оттает, а в дверь ломится уж новый.

Сел Дукака на коня, Золотая Коса своего запрягла в телегу. Взяла хлеб, кур, привязала к телеге корову, и поехали они в Киев. Вовремя спохватились. Уже на другой день под стенами города маячили разъезды печенегов, а ночью был уже первый приступ. Неумелый, воровской, потому и отраженный легко.

Степные люди не градоимцы. Лезть на стены, головы подставлять — не на конях скакать. Но Куря знал: Святослав далеко, зачем губить своих, пусть Киев поголодает да и отворит ворота: жить в рабстве — все-таки жить.

Великая княгиня Ольга отправила к Святославу трех гонцов. Хоть один из трех доберется, но печенеги вскоре поставили перед главными воротами Киева три пики с тремя головами.

Тогда пришли к Ольге Знич и хазарин Дукака. Уверяли, что обманут печенегов, пройдут через их посты.

Княгиня Ольга сидела вместе с Ярополком, примером учила внука править княжеством и когда оно в покое, и теперь, когда в беде.

Посмотрела Ольга на Знича, на Дукаку и спросила:

— Почему вы хотите вдвоем идти?

Отвечать взялся Знич:

— Потому просимся вдвоем, что хазарину у тебя, княгиня, и у тебя, княжич, веры не будет. А так бы ему было сподручней! Оденется по-ихнему, за своего сойдет.

— Но почему хазарин хочет сослужить службу Киеву?

— У Дукаки жена здесь. Золотая Коса.

— Ах, Золотая Коса! — Ольга слышала об этой истории.

- Мы пройдем с Дукакой,— снова сказал Знич.
- Какой веры хазарин Дукака?
- Моя вера — Тенгри-хан,— сам ответил хазарин.
- Поклянись Тенгри-ханом, что не предашь Золотую

Косу и Киев.

— Клянусь! — Дукака прочитал заклинание на своем языке.

— Иди один,— сказала ему Ольга.— Я тебе верю. За жену свою будь покоен. Возьму к себе во дворец. Устоит Киев, значит, и жена твоя не достанется Куре.

Ночью главные ворота открылись, и воевода Претич ударил на печенегов. Бой был яростный, печенеги отступили. В это же время со стены были спущены два коня и Дукака. С запасным конем легче от погони уходить, езда скорее. Копыта коней были обернуты.

Прошел хазарин, как барс, через печенежские орды.

Воевода Претич, взяв с собою сотню воинов, не вернулся в Киев, переплыл Днепр и ушел собирать силы в Заречье. Знал, что не много наберет: князь Святослав увел с собою всех молодых, всех сильных мужей, но что-то же надо было делать! Посланный в Переяславец хазарин Дукака если и не перебежит к печенегам, но путь у него неблизкий, а войско Святослава, даже пешая, не скоро явится к Киеву...

Осада

Сначала было сытно и весело. Народу в Киеве собралось много. Время летнее. Беженцы жили на улицах, в шатрах, в шалашах.

Иногда печенеги мчались всею массою к городу, пускали за стены горящие стрелы. Для ребят не страх, а потеха. Сидели, как воробьи, на крышах, гасили огонь, собирали стрелы, чтобы передать своим лучникам: пусть печенежское железо убивает самих печенегов, ранит их коней.

Пригнанных в город коров, овец, лошадей, гусей съели за полтора месяца. Старого хлеба, прошлогоднего, и до осады было мало, осталось же — крохи. Начался голод,

и немощные люди, привыкшие терпеть, держались, а здоровые начали падать, иные же помирали.

Великая княгиня Ольга теперь каждый день поднималась с внуками на стену и обходила город. У Ольги всегда была с собой корзина с сухарями, и у каждого ее внука была корзина с сухарями.

Все защитники получали по сухарю, а лучники, поражавшие печенегов стрелами, — по два. Княгиня приходила не подкармливать — много ли в сухаре еды? — ободрить улыбкой, подкрепить словом, а то и молитвой.

— Терпите! — говорила она поникшим пасмурным мужам. — Печенегов тьмы, а город взять им Бог не дает. Придет князь Святослав — прыснет от Киева печенежская сила по-мышинному.

— Дождемся ли? — спрашивали Ольгу воины.

— Коли сегодня Бог все еще гневен на нас, грешников, так завтра смилостивится. У Господа есть завтра. Пождем, будет и нам солнышко, улыбка Господняя.

С княгиней и княжичами приходил Баян с гусельками. Если печенеги не подступали, не грозили, он играл и сказывал защитникам города старины о хоробрых поединщиках, о грозном царе Аттиле, о князе Кии, основателе Киева, о весте Олеге... Мальчишеский голос у Баяна пропал, мужской не устоялся, и потому слова Баян не распевал, а выговаривал под переливы звончатых струн.

Однажды Ярополк видел со стены Курю.

— Смотри! Смотри! — подозвал он Баяна. — Вот он — волк! Я его узнал. Смотри, какой черный конь у него! А как он смотрит на стены!

— Так бы и сожрал.

Воевода Блуд, бывший при Ярополке неотлучно, встретился:

— Не собирается ли он пойти приступом?

— Чего ему приступать?! — горько усмехались воины. — Он ждет, когда мы друг на друга кинемся от голода.

Узнавши о таких разговорах, великая княгиня Ольга обошла вечером город крестным ходом. С иконами, с хоругвями, со свечами. Священники кропили святой водой стены и защитников.

Куря на приступ не решился. Но стоять под Киевом всей печенежской ордой было не просто: коней нужно кормить. А тут еще пошли разговоры, будто князь Святослав узнал об осаде Киева и поспешает со всей силой.

Не захотел Куря испытывать судьбу. Оставил под Киевом сына прежнего ябги Илдея, а сам, якобы для защиты кочевий, ушел на Днестр, взял с собою три тысячи воинов.

В Киеве убыли в войске печенегов не увидели, не почувствовали. Печенежская орда, обложившая город, была многолюдной.

Совсем невоюет стало даже защитникам, а о народе что и говорить: поймать крысу — пиршество. Люди больше лежали, чем ходили.

Ну а где же была дочь Свенельда, грозная поленица? В поле. Не было от нее помощи родному городу. Увидела печенежские тьмы и поехала куда глаза глядят, сказав себе: «Обуха кнутом не перешибешь». Успокоила совесть.

Мудрая Ольга, не ведая, добрался ли хазарин Дукака до князя Святослава, осмотрела пустые амбары и кладовые, собрала вече и поклонилась народу:

— Житницы мои пусты, я отдала вам и воинам весь хлеб. Мои внуки получают на день по сухарю. Знаю, терпеть далее сил нет. Давайте же сыщем среди нас человека, который умеет говорить печенежской речью, чтоб сошел у осаждающих за своего. Пусть переплывет он Днепр и позовет на помощь воеводу Претича. Скажем воеводе правду: «Если завтра не придешь, горожане сдадут печенегам Киев — дом наш, счастье наше и слезу нашу».

И народ сказал:

— То — правда. Завтра потерпим, а на большее жизни не хватит, ибо мало в нас соков и сил.

Стали искать, кто бы смог выйти за стены и обмануть печенегов. И назвали только двух мужей, но оба не умели плавать. Тогда Ярополк указал матери и народу на старшего сына илька Юнуса. Юнус, как всегда, был со Святославом, а семейство его оставалось в Киеве. Старшая жена предводителя гузов была из рода печенежского, а сыну ее Батану было от роду десять лет.

Подумали, как одеть Батана, что в руки ему дать, подсказали, о чем он должен говорить печенегам, а главное, отняли от себя последние крохи и накормили, чтоб не утонул от бессилья в могучих водах Днепра.

Глубокой ночью спустили Батана со стены в корзине, и прополз он ужом к печенегам, и спозаранок стал ходить по стоянке и спрашивать:

— Не видел ли кто моего коня с белой меткой на груди?

Над отроком посмеивались и посылали искать ветра в поле. Закинув узду за спину, бродил Батан среди печенегов, приближаясь к реке. И когда вышел на берег, вдруг сбросил с себя кожаную обувь и бросился в Днепр.

Тут только печенеги спохватились, прибежали к воде с луками и пускали стрелы в пловца. Батан нырял уткою и выныривал не скоро. Сильное течение несло все дальше от берега и все ближе к середине реки. Выбился Батан из сил и не стал нырять. Повернулся на спину, чтоб хоть немного перевести дух.

На другом берегу заметили переполох в стане печенегов и послали на помощь пловцу ладью. Вытащили из воды едва живого, и сказал Батан, с трудом разлепляя синие губы:

— Если не подойдете завтра к городу, люди предадутся печенегам.

Привезли Батана на другой берег, переодели в сухое, привели к воеводе Претичу. Повторил Батан то же самое, что гребцам говорил. Расспросил воевода отважного отрока и поверил ему, а больше торчащим ребрам да вплому животу. Задумался Претич, повздыхал, руками развел:

— Делать-то нечего! Надо собраться всем, сколько нас есть, плыть к городу и хоть вывести оттуда княгиню с внуками. Погибели их, пленения Святослав нам вовек не простит. Коли такое случится, короток будет наш век.

Ратники тоже вздыхали, поглядывая на героя отрока, на воеводу и на другой, на высокий берег Днепра, где Киев, где печенеги и страшное, смертное завтра.

Стрела и сабля на кольчугу и щит

Как стемнело, Претич и его дружина собрали в одно место все лады, какие у них были, и получилось много. И приготовили на берегу костерки, несколько сотен. И потом спали, набираясь сил, а за час до рассвета зажгли все эти костерки, ударили в барабаны, загудели в трубы, и пошли лады, освещенные факелами, через Днепр. Свет отражался в воде, и столько огня было на темной земле и на темной воде, и столько трубных звуков, что пробудился Киев и сам затрубил и заиграл во все трубы и во все гусли. Ворота Киева отворились, и вышла дружина из ворот, а воины Претича прыгивали с ладей и бежали к городу.

От такого сильного движения, от пугающего света, от радостного грома барабанов, от вопля труб — печенегам спросонья почудилось, что явился сам Святослав, и кинулись прочь от города.

Вещая Ольга с Ярополком, с Олегом, с Владимиром, под охраной дружины, с хлебом и солью, явилась на берег встречать воеводу Претича.

Видя такую смелость великой княгини, печенеги напасть не посмели, но и среди них нашелся отважный. Это был хан Ильдей. Он подъехал к Днепру и спросил Претича:

— Кто пришел?

Претич ответил:

— Людые оная страны.

— Не ты ли, князь?

— Аз есмь муж его, — ответил Претич с достоинством и с гордостью. — Пришел же я со сторожевым полком. Князь Святослав с великою дружиной за нами следом поспешает.

Хан Ильдей был молод, суровый видом воевода ему понравился.

— Будь мне другом, — сказал хан Ильдей Претичу.

— Сотворим же сие, — согласился тот и первым подал руку хану.

— Вот тебе мой дар.— Хан Ильдей спешился, и передал повод своего коня новому другу, и снял с себя колчан со стрелами и свою саблю.

Воевода Претич принял подарки и, разоблачася, подал Ильдею свою броню и не пожалел щита со львиной головой.

Прискакавшие телохранители Ильдея подвели своему повелителю коня, и хан простился с воеводой дружески, да только недалеко отошли печенеги, стали на Лыбеди.

Все же город вздохнул посвободнее, на ладьях подвезли хлеб, мясо, пшено, гречу, мед. Дружинники стали варить кашу в больших котлах на улицах, чтоб накормить всех киевлян.

И снова собрался народ на вече, и выбрал вестников к Святославу с наказом. В том наказе все слова были суровые: «Ты, княже, чужой земли ищешь, чужую землю блюдешь, а свою кинул, и нас чуть было не взяли печенеги, и мать твою, и детей твоих. Аще не придешь, не оборонишь нас, паки возьмут нас. Или не жаль тебе своей отчины, старой матери, детей своих?»

Сей укор Святослав получил скоро, ибо и впрямь был уже недалеко от Киева, шел на подмогу одной конницей, оставив пехоту в болгарских городах.

Дары Святослава

Среди печенегов, осаждавших Киев, многие ходили со Святославом на Хазарию, потому и не были свирепы, нападая на веси, к городу приступали без рвения.

Князь все не шел, и родня Кури сговорилась захватить людей на переправе. Не успели. Святослав ударил, как мороз среди лета. Не одну тысячу посек. Выдуло печенегов с Русской земли кровавым сквозняком за единую ночь: ночью напал князь-барс с невеликой дружиной на огромное полчище. Уцелевшие благодарили бога Тенгри за спасение, а Тенгри-хан опалил их жаждой мести князю Святославу. Затаенная месть самая лютая: про нее молчат, но молчат едино.

А Киев оживал.

Дукака нашел Золотую Косу исхудавшей, но живой, здоровой. Принялся откармливать, как редкостную птицу. Привел Золотую Косу в дом Власты и Знича и поклонился богом Тенгри, что не разлучится с милой женой, покуда жив, а Золотую Косу просил поскорее обзавестись большим животом, как у Власты, чтоб было кого ждать.

Власта жила за двоих, и было ей очень худо. Силы возвращались после голода медленно.

Князь Святослав, побивши печенегов, первые недели ездил по городам и весям, собирая для Киева хлеб и скот, чтоб и молоко было, и говядина. Все у князя делалось быстро и добром, за продовольствие платил, а за поспешание — вдвойне.

Вернувшись наконец в стольный город, Святослав задал пир на весь мир и осыпал наградами всех достойных. Самым же достойным признал Батана, сына илька гузов Юнуса.

Подарил Батану город. Дукака тоже не был забыт. Стал у князя хранителем саадака, получил землю и смердоз и табун лошадей.

Больше всего Киев удивился подарку княжичу Ярополку.

— Спрашивал я тебя, сын, чего твоя душа желает, что тебе привезти из дальних мест! — сияя улыбкой, говорил на пиру великий князь. — А ты молчал. Потому не бранись... Через полгода тебе стукнет двенадцать лет, об эту пору мудрые царьградцы своих дочерей замуж отдают. А мы, слава Сварогу да Волосу, своим умом живем! Вот тебе мой дар!

И вывели и поставили перед взорами пирующих инокиню Апфию, Александру, дочь дуки Константина.

Черную одежду у нее отобрали и сожгли, нарядили в самое дорогое, что сыскалось.

Сказать: василисса ромейская в гридню явилась — так то будет истинная правда. Красота — закрывай глаза, пока не ослеп! Осанка, юность...

Ярополк побагровел да и стал пень пнем.

Княжич Владимир помоложе брата, а, глядя на гречанку, задохнулся от ее красоты.

— Бери свой подарок, веди в палату да, гляди, будь молодцом! — веселился Святослав под озорные улыбки гридней, под завистливые Блуда и иных бояр.

Владимир, держа между коленей меч в серебряных ножнах, — подарок отца, — шлепнул ладонью по рукоятке. Подосадовал. Шумела кровь в голове, сердце будто конь в груди — топотало.

А вот княжич Олег пожалел Ярополка. Экий дар — баба! Ему отец привез белоснежную кобылицу да такого же белоснежного сокола. Вот это дары!

Ярополк тоже посчитал себя бедным и несчастным. Он привел гречанку в свою опочивальню, сел на кровать и, не глядя на деву, сказал на греческом языке:

— Куда мне тебя девать?

Александра обрадовалась детскому страху княжича, родной речи. Она пожалела себя и этого мальчика.

— Я постараюсь не быть тебе в тягость, постараюсь не мешать тебе.

Он быстро поднял на нее глаза, увидел высокую грудь, высокую белую шею, а в лицо поглядеть не посмел.

— Господь меня не оставил, — сказала Александра. — Я боялась, меня отдадут гридням на поругание. Но твой царственный отец хранил мою девственность для сына.

Щеки Ярополка сделались пунцовыми, закричал:

— Ты будешь греть мою постель! А потом уходить. Поняла?

— Поняла, — сказала Александра.

Мальчика ей стало жаль больше, чем себя. Ярополк дрожал.

— Хочешь, я уже теперь погрею?

— Нет! Нет!

Княжич вскочил, бросился к двери, но на пороге остановился: за дверями слуги. Вернулся к постели, сорвал покрывало, одеяло, подбитое белками:

— Грей! — и заплакал от стыда, от обиды.

Они лежали далеко друг от друга, но его трясло, а от гречанки веяло теплом и хорошо пахло. Ярополк не шевелился, и она тоже лежала неподвижно, боясь помешать своему повелителю. А он вдруг согрелся и заснул. И ему приснилась мама.

Побратимы

Великая княгиня Ольга, измученная осадой, хворала, но лежать ей было недосуг. Князь Святослав рвался в Болгарию, приходилось занимать его все новыми и новыми делами. Нужно было взять дань у Новгорода, у Ладоги. Обвести стены Киева рвом, приструнить ясов и касогов. Внуки тоже доставляли беспокойство. Страшно было за Ярополка: отроку-христианину отец-идолопоклонник подарил в наложницы христианку. Как можно было терпеть такое? И княгиня Ольга однажды ночью пригласила в свои покои Ярополка и Александру, и священник отец Хрисогон венчал удивительную эту пару: отрока, похожего на зеленый стебель пшеницы без колоса, и деву, расцветшую, как маковое поле. Лыдышечку и пламень.

На княжеском дворе завелась еще одна тайна.

А через неделю после венчания из Болгарии неожиданно приехал патрикий Калокир. Привез известие: василевс Никифор Фока убит, престол Византия захвачен убийцей Иоанном Цимисхием.

Подробности злодейства Калокир рассказывал Святославу наедине.

— Даже природа в ту чудовищную ночь была мерзкая, — говорил патрикий, и на его опущенных веках бились набрякшие жилочки. — Это случилось одиннадцатого декабря. Пронизывающий северный ветер принес снег. Через снег, по черному от мрака морю Цимисхий и его кровавые дружки подплыли к Вуколиону. Этот дворец Никифор себе на голову соединил с Большим дворцом. Все совершалось с согласия августы Феофано. Ее служанки, услышав условный свист Цимисхия, опустили корзину и по одному втащили наверх всех заговорщиков. Мне известно, что среди них были Михаил Вурца, таксиарх Лев Педиасима, негр Феодор. На черное дело пригодился черный!.. О Святослав! Как же мне тяжело. Никифор тоже узурпатор, но, вступая на престол, он не проливал крови. Василевс был невзрачен лицом, только кто это видел?! Его все любили за великие победы на

поле брани. Я был с ним в походе на Крит. Я знаю, сколь высока цена стратига Никифора.

Святослав кивал головой. Лицо у него было мрачное. Он ненавидел подлость, от дворцовых интриг, даже чужих, его бросало в жар и в холод.

— Святослав, мне даже рассказывать страшно, как это совершалось, но ты должен знать всю правду ромейской низости. Низость правит нашим царством! Низость! Никифор ведь тоже переступил через клятву не посягать на престол юных Василия и Константина. Христом Богом клялся!

— Рассказывай, что было дальше, — обронил Святослав, сжимая от напряжения губы.

— В день убийства на вечерне Никифору передали записку: «Да будет тебе известно, государь, этой ночью тебя ожидает жестокая смерть. Прикажи осмотреть женские покои». Василевс тотчас послал в Большой дворец своего протовестиария евнуха Михаила.

— Что это — протовестиарий?

— Высшая должность для евнухов. Михаил явился в покои августы и никого не нашел, хотя заговорщики сидели в чулане для белья. Ночью Иоанн и его негодяи крадучись вошли в спальню василевса и, увидев кровать пустой, поняли, что заговор раскрыт. Они хотели броситься в холодное море, но служка указал им ложе несчастного повелителя ромеев. Ложе на полу. Тогда заговорщики кинулись на спящего, как звери. Таксиарх Лев поспешил ударить Никифора мечом по голове и рассек лобную кость до бровей. В это время другие заговорщики пинали василевса. Обливаясь кровью, бедный призывал Богородицу, просил спасти его. Но Иоанн Цимисхий, усевшись на царскую постель, приказал убийцам тащить раненого к нему. Обозвал злобным тираном, таскал за бороду, а заговорщики, наслаждаясь властью, били Никифора рукоятками мечей по лицу и вышибли зубы. Только пресытившись мучениями двоюродного брата, Иоанн рассек василевсу череп и, повязывая заговорщиков кровью, повелел, чтоб каждый нанес умирающему удар мечом. Никифор был могуч духом и телом, он умер, когда сердце проткнули акуфием...

Калокир замолчал. Молчал и Святослав. Думал о богах: кто из них мог бы предать, кто прячет под личиной любви ненависть, кто был бы счастлив насладиться его мучениями?

Вызвал образ Свенельда и отверг. Лицо Блуда само всплыло, но Блуд — щенок, он крутится возле Ярополка. Вспомнил: сестра Блуда за Юнусом. За верным из верных. Улыбнулся. Сказал Калокиру:

— Я перебирал мысленно своих...

— О нет! — воскликнул патрикий. — Твои люди, может, и грубы, но у них чистые души... Тебя боги твои любят. А вот мне — увь! — дорога в Константинополь заказана... покуда там кроваворукий Цимисхий.

— А что будет с договором? — спросил Святослав. — Я заключал договор с Никифором.

— Никифор желал видеть тебя и царя Петра обесиленными войной. Не вышло. Твои удивительные победы поразили не столько болгар, сколько василевса. Он даже вспомнил о детях Феофано, которых собирался оскопить, а потом решил женить на дочерях Петра. И переженит бы, если бы Петр не умер от ужаса перед твоими полками.

— Я из Переяславца не уйду, — набычил голову Святослав.

— И слава Богу! Князь! Я горю желанием посвятить тебя в тайные свои думы, а такие думы можно доверить только другу. Близкому другу.

Святослав чуть приподнял правую бровь, глянул на Калокира быстро, но так, что успел в сердце заглянуть. Сей погляд был унаследован от матушки, от вещи Ольги, а может, и от деда — от вещи Олега. У Калокира и впрямь колодой лежала на душе тайна, однако недоброго Святослав не почувствовал.

— Давай побратаемся! — предложил он вдруг. — Ближе побратима не бывает.

Калокир даже вспыхнул, как юноша, от радости: он знал, сколь высоко ценят на Руси побратимство.

«Корабль с «жидким огнем» открыл для меня его сердце», — подумал патрикий о Святославе и возблагодарил самого себя за прозорливость.

Святослав же, по своему обычаю не откладывая никакого дела, поставил серебряную чашу на стол, плеснул в чашу вина, вынул кинжал из ножен и засучил левую руку по локоть.

— Соединимся в пожатии, — предложил он Калокиру, — сделаем надрезы и смешаем нашу кровь.

Кровь пролилась в чашу. Чашу пили в очередь, по глотку, до дна. Потом обнялись, трикратно поцеловались.

— Теперь мы более родственники, чем братья, — сказал Святослав. — Теперь мы — друзья. Говори о своей тайне.

Глаза у Калокира затуманило.

— Позволь начать издалека.

— Говори. Я тебя люблю слушать, — признался Святослав.

Калокир оттянул край своего плаща, разглядывая багряные полосы.

— Это знаки патрикия. Меня возвысил покойный василевс Никифор, сам я мало чего достиг, хотя знаю — мир, как пес, ложится к ногам жаждущих власти или чего-то иного, но великого. Я назову тебе несколько имен живших до нас... Был некий Валья Вестгот. Основатель царства вестготов в Испании. Был Теодорих Великий. В детстве заложник Константинополя, он в зрелые годы взял Равенну и на месте Римской империи устроил свое собственное царство. Был Гейзерих, вождь аланов и вандалов. Этот жил в Африке, но завоевал юг Испании, разорил Рим, а стольным градом нового неведомого дотоле царства назвал Карфаген. Могуществу Гейзериха, его власти покорились само море. Он овладел Балеарскими островами, Сардинией, Корсикой... Для чего я это говорю тебе?

— Для того, чтоб я тоже создал свое царство. — На лице Святослава запечатлелось величие.

— Что ж, это правда! — воскликнул Калокир. — У тебя есть княжество, полученное от предков, но разве не по твоей силе, не по твоей могучей воле создать великое царство на века? Ты совсем еще юный, но тобою совершены подвиги, достойные славы Александра Македонского! Ты уничтожил Хазарию и раздвинул пределы

Руси на восток, на север, на юг, а теперь и на запад. Ты был архонт, но сей титул нынче умаляет твое достоинство. Тебе пора именоваться кесарем, василевсом.

— Я князь! — сказал Святослав. — Зачем мне чуждые титулы? Я русский князь. Но ты-то чего желаешь? Ведь неспроста потратил столько слов на мое восхваление.

Простота Святослава восхищала патрикия.

— Ты опять прав! Но я не сказал ничего пустого. Все мои слова — истина. Твое имя достойно статуй, гимнов, городов. Если Бог пошлет мне пурпур василевсов, я назову большой ромейский город твоим именем: Святославополь!

— Ты хочешь быть василевсом?

— Я хочу справедливости. Я хочу покарать узурпатора Иоанна Цимисхия. Его место в преисподней, не на троне.

— А что же августа Феофано? — вспомнил Святослав.

Калокир засмеялся:

— Цимисхий отблагодарил сообщницу по злодейству — это ведь она подала ему багряные сапоги — на свой лад. Сослал на Принцезы острова, но она бежала, нашла убежище в храме Святой Софии. Да только с августой не церемонились. Евнух паракимомен Василий приказал вытащить ее и выкинуть вон. Говорят, августа царапалась хуже кошки и всячески поносила Цимисхия. А знаешь, что такое «Цимисхий»? Это по-армянски — «туфелька», а по-гречески — «человечек». Он ведь тебе по пояс... Теперь Феофано далеко от Царьграда, ее заточили в монастырь Дмидию, в дальней феме Армениаки... У злодея все злодейское. Как он ругался над трупом Никифора! Растерзанного, обезглавленного выбросили из дворца на снег. Голову василевсу отрубил негр Феодор, чтобы показать прибежавшим ко дворцу телохранителям и взбунтовавшимся воинам... Похоронен Никифор хоть и в храме Святых Апостолов, но подло, в грубо сколоченном ящике. Сам же Цимисхий, еще весь в крови, пришел в Хрисотриклин, в золотую палату василевсов, и уселся на троне. Я ненавижу этого получеловека, этот позор ромеев! Цимисхий — солдат. Он всю жизнь будет воевать, истощая дух моего великого народа. Я хочу,

чтобы в Византий вернулась жизнь высокая, чтобы город был достоин святого Константина, святых отцов. Я желаю моему народу духовного величия.

— Дух-дух! Дух-дух! Говори, что ты хочешь.— Святослав посмотрел Калокиру в самые зрачки.

— Я хочу, чтобы ты помог овладеть престолом... Но позволь объяснить, почему я этого желаю!

— Желает побратим, значит, и я этого желаю.

— Но ты должен знать, что мои устремления выгодны и твоему государству. Я буду верным союзником Руси. Как ты для меня Византий, так я для тебя добуду новое царство — Великую Русь.

— Сварог водил меня в Хазарию. Я не захотел жить ни в Итиле, ни в Семендере. Тогда Сварог показал мне Дунай, Переяславец, и я не хочу теперь даже Киева. Переяславец будет серединой моей земли. И повезут ко мне из Греции — золото, паволоки, вина, оружие, удивительные плоды. Из Чехии и Моравии — серебро, из Семиградья и от моих друзей-венгров — золотогривых коней. Из Руси, из Хазарии пойдут меха, воск, мед, рабы...

— Так ты мне поможешь?! — Калокир взял Святослава за руку и прижал к своей груди.

— Я бы уже был в пути, если бы не моя матушка. Боюсь огорчить. Да и народа боюсь, как бы не осерчал. Но ты знай: я уже потихоньку скликаю в Киев молодых и сильных. Уведу в Переяславец. Так что торопись, приготавливай свое дело, оно само собой не свершится.

Калокир распахнул грудь, взял в руки крест, поцеловал.

— Благодарю! Когда я буду в Византии, четвертую часть города заселю русскими. Вуколеон — твой! Мы удивим мир дружбой, и мир смирится перед нашей волей. Спрятал крест. Опустил голову.

— Пока это мечты. Далекie мечты.

— По воле Сварога морок оборачивается явью. Завтра мои воины принесут жертвы Перуну. Это приблизит желанные дни... Завтра я посвящу Ярополка в князья. Ему сидеть в Киеве.

— Святослав! Я давно хотел сказать тебе о гречанке-монахине, которую ты отдал в наложницы своему сыну. Эта женщина мне родственница...

— Что же ты молчал! — изумился Святослав. — Если она твоя родственница, значит, убиенному василевсу она тоже родня.

— Воистину так!

— Отныне не быть твоей родне княжеской наложницей, но быть ей княгиней. По милости Сварога Ярополк получил в жены багрянородную.

Калокир смутился:

— Александра не багрянородная. Она из того же рода, что Никифор Фока, это верно... Никифор носил красную обувь не по рождению. Солдаты сделали его василевсом.

— Василевс есть василевс. Василевс от бога, и завтра быть празднику! — решил Святослав.

— Не позволишь ли ты мне повидаться с Александрой? — осторожно спросил Калокир.

— Успеешь, свидишься. Ты ступай к великой княгине, расскажи ей о своем родстве с женой Ярополка, о ее родстве с василевсом. Княгиня и тебя наградит, и меня заодно пожалует.

Трудные дни Святослава

Александра и Калокир ожидали выхода княгини Ольги. В тронном зале были только немые стражи.

На Александре ферязь на драгоценных соболях, на голове убрус в жемчуге и расшитая бирюзой шапочка.

— Одежда скифов не умалила твоей красоты, — сказал Калокир. — Боже мой! Вот уж истинно: пути Господни неисповедимы!

— Калокир! — только и сказала Александра.

— Я нашел тебя. И, сколько есть сил, помогу.

— Калокир! Ты из моей, но из другой, из давно минувшей жизни.

— Александра, давно минувшему — год!

— Нет, Калокир. Между нынешней моей жизнью и жизнью в Константинополе — еще одна жизнь: в мона-

стыре. Августа Феофано, даже не помышляя о том, все же погубила амазонку с Босфора. В монастыре я отреклась от мира, но пришел Святослав и взял меня в мир, в жизнь... Это другой мир, это совсем другая жизнь. Ты прав, я теперь женщина скифа.

— Александра! Если Бог дал тебе три жизни, даст и четвертую. Ты вернешься в Константинополь в сиянии славы.

Тайная жена Ярополка сдвинула брови.

— Почему ты думаешь, что я несчастна?.. Мой муж, правда, мальчик, но он — чистый и светлый. Феофано уготовляла мне жизнь второй жены. Я ведь знаю, она сама мечтала о тайной связи с Цимисхием, с этим убийцей.

— Августа, дорогая Александра, заключена в монастырь. Цимисхий женился на Феодоре, дочери Константина Багрянородного. Кстати, великая княгиня Ольга некогда умоляла василевса выдать Феодору за своего сына, за князя Святослава. Бог не попустил того. Знай, впереди у тебя великое будущее! Ты станешь государыней необъятного царства.

— Калокир, я довольна моей жизнью. Меня греют пушистые меха, я вышиваю золотом и жемчугом. А с моим мужем, — она понизила голос, — мы бьемся на деревянных мечах... У меня даже подруга появилась, дочь боярина Свенельда...

И тут они оба увидели: княгиня Ольга уже в палате. С нею один только Хрисогон, священник.

Княгиня ответила поклоном на поклоны Калокира и Александры.

Она была бледна, но глаза смотрели строго, ясно.

— Я всю ночь молилась, — сказала Ольга Александре. — Господи! Мой грех совершен по неведению, но это нечистый дал ему свершиться: я венчала монахиню с внуком. Почему, почему ты молчала!

Александра опустилась на колени, коснулась головой пола.

— Прости меня, великую грешницу! Я посчитала себя умершей. Мне было все равно, как поступают с моим телом. Ведь я — добыча войны.

Великая княгиня перекрестилась.

— Отец Хрисогон обещает послать прошение святейшему Полиевкту.

— Святейший умер! — вырвалось у Калокира. — Он умер через сорок дней после убийства Никифора.

— Боже мой! — Ольга снова перекрестилась. — Хрисогон отправит свое и мое послание преемнику усопшего. Нельзя жить под проклятием. Тем более проклятые на престоле — погибель народу.

Великая княгиня прикрыла глаза, закружилась голова, и она быстро села на лавку у стены.

— Я — страшусь, — сказала она, не открывая глаз. — Я страшусь за мое потомство. Господи! Прощаешь ли Ты такие безумства падшему роду человеческому?

— Милости Господа неизреченны, — утешил Ольгу добрый Хрисогон.

— Каков крест несу! — прошептала княгиня. — Дни мои истекают, а река грехов все полнится... Ведь на день грядущий приготовлены сыном моим новые безумства. Это грех матери, если сын знает о Христе, но поклоняется дереву.

...Безумства, о которых печаловалась Ольга, совершились. Жрецы резали петухов, кормили кровью Перуна. Великий князь Святослав объявил перед истуканом сына своего княжича Ярополка — князем стольного города Киева.

Исполнив кровавый обряд, Святослав и жрецы повезли Ярополка и Александру в поле, к священной роще. Трижды обвели вокруг ракитова куста, и стала Александра законной женой Ярополка. Законной у язычников, а вот кем была она у христиан, венчанная монахиня?

Еще через день снова лилась кровь петухов — Святослав назвал древлянским князем своего второго сына Олега.

Всполошилась княгиня Ольга, пожелала говорить со Святославом.

— Что ты задумал? — спросила она его без церемоний.

Святослав тоже ответил не лукавя:

— Матушка, благослови! Мне скучно и тесно в дедовском Киеве. Далекий от жизни город. Я хочу идти за Дунай. Переяславцу быть серединой моей земли. Туда стекаются все блага: из греческой земли — золото, паволоки, вина, разные плоды, из Чехии и Венгрии — серебро и кони, из Руси же пойдут меха и воск, мед и рабы.

— Своими ли словами говоришь? Видишь, я — больна. Куда ты все стремишься, ища не центра земли, но края своей жизни? Не молчи. Отвечай.

Святослав не хотел говорить. Он сам видел: мать не жилец на белом свете. Но ведь и сыновья не грудные младенцы. У Ярополка жена... Ничего не сказал вслух.

Высохли влажные глаза вещей Ольги. Молвила, отведя лицо от Святослава:

— Погребви меня и ступай себе на все четыре стороны.

Горько стало великому князю. Пришел на свой двор, сел на коня и ездил по кругу, словно умом тронулся. Не пошел к делам, не захотел утолить голод. Кружил, не давая передышки ни себе, ни коню.

В тот день пришла к Святославу Власта. Явилась она с даром великому князю. Гривни не посмели остановить женщину. Принесла Власта в пеленах только что родившегося младенца. Встала перед князем, развернула свивалки снизу:

— Видишь, князь, — сын. За сына ты обещал мне коня.

— Помню, — признал Святослав.

— А теперь дальше смотри! — Развернула свивалки сверху и показала мертвое тельце. — Я свой долг исполнила, а ты бросил Киев и народ. Задушили нас голодом печенег. Не я одна, многие женщины родили мертвых. На тебе вина, князь.

Сошел Святослав с коня, поклонился Власте:

— Я хоть и побил печенегов, но виноват. Возьми коня.

— А ты сына моего держи.

И взяла Власта повод, а в руки князю положила младенца.

— Не ради корысти сей обмен, а ради правды. Дома сиди, князь, если хочешь дать покой людям, если хочешь, чтобы женщины рожали живых сынов, для жизни, не для смерти.

И ушла, увела княжеского коня.

Кончина вещей Ольги

Киев узнал: великая княгиня вещая Ольга занемогла, лежит. Притих город. Даже на базарах люди осаждали крикунов, а балагуров могли и побить. Прошел день. На другой мудрые приметили: птицы не поют. Обезголосели. Печаль объяла город. Молились о здравии княгини христиане, кормили истуканов хлебом, поили молоком и кровью язычники.

На второй день болезни священник отец Хрисогон нособоровал Ольгу. Дворцовые слуги ждали, что будет завтра. И пришло завтра. И увидели киевляне: стоят облака. Стоят на одном месте, а ветер землю метет.

Почувствовала вещая Ольга — близок ее последний час. Позвала сына и внуков. Первым благословила она Владимира.

— Будь народу светлым пастырем. Да назовут тебя Солнышком, но не позволяй называть себя ясным месяцем. У месяца свет обманный, не греет.

Молча поклонился отрок бабушке.

Древлянскому князю Олегу, внучку своему, вещая Ольга заповедала:

— Вот ты с юных лет князь, правитель отческого удела, родины моей. Не торопись быть судьей людям. Слушай, как мудрые решают дела. И не скачи ты день-деньской за зайцами, как заяц, по полям, не рыскай по лесам за волками, волку уподобясь. Князю тешиться недосуг, князь людям надобен, а не собакам, не соколам. Охота — кровавая потеха. Помни, всякая пролитая кровь жаждет отмщения. Захочется тебе на охоту — в церковь сходи.

Кланялся Олег упрямой головой, соглашаясь, и пошел скорым шагом из бабушкиной спальни, пропахшей лада-

ном, лампадами, свечами. Ярополк не сумел спрятать слез, упал перед кроватью бабушки на колени, взмолился:

— Я буду класть поклоны весь день и всю ночь, только не умирай!

Улыбнулась Ольга:

— Я люблю тебя, внук мой, князь мой Киевский, но меня Бог зовет. Господа Бога не ослушаешься. Видно, все, что было записано в Книге Судеб, я совершила.

Княгиня протянула руку к Библии, и отец Хрисогон подал ей фолиант, написанный по-гречески. Указала Ольга страницу и строку, и отец Хрисогон прочитал:

— «...Да взыщется от рода сего кровь всех пророков, пролитая от создания мира».

И сказала Ольга Ярополку:

— Помни это и страшись нынче, пока в силе и здорье, ибо завтра будет поздно.

И снова была открыта книга, и прочитал Хрисогон:

— «Путь грешников вымощен камнями, но на конце его — пропасть ада».

— Не забывай! Ты — христианин, — заповедала Ольга. — Заклубит перед тобой бесовство язычества, а ты сумей устоять, не предать Христа и самого себя. Твоя бабушка устояла.

Третий раз открыли святую книгу, и указала Ольга строку, и отец Хрисогон прочитал:

— «Вот муж на рыжем коне стоит между миртами».

— Слава Богу! — прошептала умирающая. — Твое княжение будет для народа покойным и мирным.

И осенила Ярополка крестом, и закрыла глаза, набираясь сил для последнего разговора с сыном своим, с князем Святославом.

Сказала Святославу с великой печалью:

— Если попрошу тебя сидеть в Киеве, радоваться миру и покою, ты ослушаешься. Мне — скорбь, тебе — грех. Живи как хочешь, но дай мне слово, что не будет от тебя гонения христианам.

— Да пусть живут! — весело откликнулся Святослав.

— Взрастил бы ты сыновей, внуков моих, тогда и шел бы искать неведомо что! — вырвалось у Ольги в отчаянье.

Святослав только голову наклонил, чтоб не смотреть матери в глаза. И сказала великая княгиня, теряя силы:

— Тризны по мне не совершай. Отец Хрисогон меня похоронит. Да не оставит тебя Господь, хоть ты бежишь от Него.

Перекрестила. И выкатились слезы из глаз ее. Не по себе, по сыну.

Ушел Святослав, а Ольга была в недоумении: много хотелось сказать, приготовила слова пронзительные, но Бог иначе устроил.

И скончалась великая княгиня Ольга, и похоронил ее по христианскому обычаю отец Хрисогон.

Преподобный Нестор-летописец так написал о блаженной Ольге в «Повести временных лет»: «Была она предвозвестницей христианской земле, как денница перед солнцем, как заря перед светом. Она ведь сияла: как луна в ночи, так и она светилась среди язычников, как жемчуг в грязи; были тогда люди загрязнены грехами, не омыты святым крещением. Эта же омылась в святой купели, и сбросила с себя греховные одежды первого человека Адама, и облеклась в нового Адама, то есть в Христа. Мы же взываем к ней: «Радуйся русское познание Бога, начало нашего с ним примирения». Она первая из русских вошла в Царство Небесное, ее и восхваляют сыны русские — свою начинательницу, ибо и по смерти молится она Богу за Русь».

Княжение Ярополка

Князь Святослав поджидал дружину молодых вятичей, позвал с собой в Переяславец. Даром времени не терял, учил строю, владению оружием новобранцев, горевших желанием идти за птицей Славой да по иноземные чудеса.

А Киев жил беспокойно.

Ночами дважды загоралась церковь Николая Угодника, но Бог не попустил истребить храм, святую свечечку среди языческих просторов. Христиане спали чутко, тушили пожар вместе с Ангелами.

Осмелевшие язычники не унимались. Повалили крест на горе, откуда озирали скифские дали апостол Андрей Первозванный.

В ближайшем от Киева погосте рассыпали по бревнышку часовню. Бревна в речку спустили, крест закопали в лесной чаще у медвежьей берлоги.

Из гридней Святослава тоже язычество поперло, будто дрожжами их окормили. Брали по второй и по третьей жене. Вламывались в дома христиан, забирали иконы, ругались над образами. Толпа язычников, с дубьем, с огнем, подступила к хоромам бояр-христиан.

Рассердился великий князь, вывел на улицы дружину в броне, с оружием. На площади приказал стегать плетми дубовую плаху, да так, словно желал выбить из нее слезы. И прошел по ближайшим весям, настегивая плаху. Язычники намек поняли. Притихли.

В эти дни, когда Киев стал тих и трезв, приехало из Новгорода большое посольство — просить себе князя, ибо смерть вещей Ольги придала храбрости многим порубежным завистникам на чужое добро.

У самих новгородцев смиренности тоже как не бывало. Говорили со Святославом напористо:

— Не пойдете к нам, сами добудем себе князя!

Недосуг было Святославу ссориться с гордыми посланцами купчишек, притворился смиренным, просил:

— Извольте подождать ответа. Спрошу княжичей, детей моих, ибо сам я вскоре иду в Переяславец.

Позвал Ярополка.

— Идешь ли княжить в Новгород?

— Не иду, — ответил Ярополк. — Я князь Киевский.

— Идешь ли в Новгород? — обратился Святослав к Олегу.

— Но ты послал меня к древлянам. Мой стол в Овруче! — возразил Олег.

Боярин Добрыня шепнул новгородцам:

— Просите Владимира!

Новгородцы знали: Владимир от Малуши, от ключницы вещей Ольги, от рабыни, но дед по матери у него — Малк Любечанин, князь древлян. Подумав, сказали:

— Святослав, дай нам Владимира.

— Вот он вам, — ответил великий князь с радостью, ибо обошел Владимира, теперь же справедливость была восстановлена, все дети получили столы со многими городами, сам же он освобождался от цепей дедовских обетов, от старого мира славян и скифов. Иной мир ждал его, иные земли, где мало зимы, много солнца, где плоды источают мед, а люди прекрасны телом и ликом.

И все же Святослав медлил: уйти из Киева — кинуть детей-отроков на произвол судьбы.

Но вот новгородцы собрались и отъехали в свою землю, а с ними Владимир и его наставник Добрыня. Добрыня — брат Ольги, — великий мудрец. Владимир в Новгороде крепко сядет. Вот в Киеве без Добрыни пустовато сделалось.

Но походный стяг уже зазвенел на ветрах, на ветробоях. А тут еще прискакал от воеводы Переяславца, от боярина Волка, гонец: новый болгарский царь Борис ополчился на русских. Переяславец пал.

Святослав заторопился выступить, не дождавшись вятичей, но умер витязь, славный Асмуд. Не оставил великий князь своего воспитателя без тризны.

В ладье с высокими бортами по огненным волнам многоярусного костра отправился Асмуд из дольного суетного мира в мир огненных коней, огненных колесниц.

Схоронили прах Асмуда в зеве древнего кургана, насыпали курган вдвое. Отправили с витязем дюжину коней и верного слугу, сам пожелал поспешить за господином.

Были конные ристалища, круговые чаши, обильное пиршество.

Пел Асмуду славу древний годами сказитель Коростень. Сорок гуслиаров рокотали струнами, наполняя сердца отвагой. Но перехватило горло на ветру у Коростеня. Замолчал. Указал на Баяна, потому что говорить не мог.

Запел Баян хвалу пращурам. И хоть не стало в его горле прежнего серебра, хоть ломало неустоявшийся голос, как буря ломит молодой дубок, пронял сердца юных гордым напевом, а сердца старых мудростью слов.

Сказал Святослав, послушав Баяна:

— Со мной пойдешь. Твои песни — стоят целого полка.

Не успел Баян испросить благословения в дальнюю дорогу у батюшки, у матушки.

Прямо с тризны, под звоны гуслей, под трубы, пронзительные, как журавлиные клики, отправился скорый князь Святослав в поход добывать солнечное царство да вечное имя.

Ушел с подоспевшими вятичами, но без лишних напутствий и сам никого не наставляя.

Сварог дал княжества княжатам, а ума сами наберутся.

Испугался Ярополк, оставшись один на один с Киевом.

За отцовской спиной княжить как мед попивать на пиру. Без отца — сладкий княжеский кус показался горьким.

На Купалу язычники устроили великие игрища. Не ждали ночи, как прежде, при великой княгине Ольге. Ясным днем начали свои бесстыдные обряды.

На реке Лыбеди выбрали Красаву да Силу.

Выходили перед сборищем юные девы простоволосы и наги, поднимались на высокий берег, на дубовый пень пращуров. Показывали себя. Юноши поднимали камни. Начинали с самого большого, а какой по силе, такова и сила. Поднявшему самый тяжкий девы возложили на голову венки из дубовых листьев, а старцы поднесли громадную палицу. Красаве, избранной по всеобщему приговору, — венки из белых лилий надевали юноши, потом брали Красаву на руки, несли к воде. И она первая начинала всеобщее купание и плескание в чистых водах.

Воды были чистые, и обряд был чист. Взоры не туманились похотью, но христиане пришли с крестом, хотели устыдить, разогнать беснование.

Снова началась в Киеве смута. Оградил Ярополк от погромов дома верующих во Христа гриднями, тогда народ возмутился и кинулся к его двору.

Боярин Вышата был христианин. К народу вышли сам Ярополк да боярин Блуд. Спросили люди князя:

— Ты наш князь или князь пришлых греков?

Ответил Ярополк:

— Я ваш князь.

— Тогда иди с нами и принеси жертвы Сварогу да Волосу. Нынче Купала, приходи с женой через костры прыгать. Твой отец, славный князь Святослав, хоть и надевал простое платье, а был всегда с нами в ярую купальскую ночь. Оттого зовем его, любя, Ярилою.

Повернулся Ярополк к Блуду и сказал твердо:

— Пусть будет так, как они хотят.

Пошел Ярополк на гору к истуканам и кормил их вместе со жрецами.

Стыдно было юному князю перед памятью бабушки, перед святой Ольгою, но не знал, как можно укротить народ.

Показаться же на глаза Александре вовсе не хотел. Осмеет. Не он повелел толпе, толпа ему приказала, а он и возразить не посмел, согласился привести жену через огонь скакать.

Александра в те поры вышивала плащаницу для храма. Вздыхал Ярополк, а набраться храбрости начать разговор не мог.

Александра усадила его, потрогала голову: не горяча ли... Рассердился на себя Ярополк. Вскочил на ноги:

— Чернь проклятая! Лаптем на меня, на князя, наступила да еще и давит!

— У тебя — княжество, а у василевсов — империя, но сама я видела, как льстил и угождал простолудью могучий Никифор. Видела, как бушевала человеческая стихия и как мал был перед нею хозяин Вуколеона и Большого дворца.

Слова умной жены ободрили Ярополка. Признался:

— Кричали мне киевляне, чтоб я с тобою шел на купальские ночные игрища, через костры прыгать. Мойто отец ходил на Днепр к кострам. Как равный являлся, без GRIDНЕЙ, в простом платье.

— Ай как славно! — обрадовалась Александра. — Не горюй, я в костер не упаду.

— Так и я не упаду! — расцвел улыбкой Ярополк.

Ходил молодой князь со своею гречанкой на игрища.

Молодцом сиганул через костерок. Александра же вознамерилась одолеть большой огонь. Через большой огонь не прыгали, его зажигали во славу Купалы и для света.

Сняла Александра сапожки, низанные жемчугом, сбросила тяжелую от сверкающих камней ферязь, разбежалась, порхнула, пролетела сквозь пламя, сама, как пламя, алая — перепрыгнула!

Спели Александре славу! А дочь Свенельда поднесла ей купальский венок из лучших, из белых лилий.

И ходили хороводы вокруг огня, играли песни стар и млад, а когда от костров остался один розовый пепел и тот пепел перекинулся на небо, слился с зарею, утомленная Александра сказала своему суженому:

— Славный Купала! Славные люди!

— Так ведь славяне же! — согласился Ярополк и чуть не лопнул от гордости.

Хорошо ему было.

Но любовь народа как осеннее тепло. Солнце за облако, и вот он, ветер, хлад, и вместо улыбок — сдвинутые брови.

За грехи, за отступничество от Христа поразила киевлян маета — понос кровавый.

Ярополк приказал затворить ворота княжеского дворца, никого не пускать, ибо народ клял молодого князя, уж очень много смертей случалось. Тогда Александра сказала супругу:

— Болезнь от нечистоты. Вели колодцы чистить, запрети настрого пить воду из озер, из прудов.

Вышел Ярополк из затвора, копал с гриднями новые колодцы, старые засыпал. Проследил, чтоб все улицы были подметены, базары очищены от свалок. Заодно велел сжечь старые, дурно пахнущие амбары и лавки, поставил новые, из звонкого сухого дерева.

Болезнь кончилась, город помолодел, похорошел. Такие пошли разговоры:

— Молодой у нас князь, а хозяин. Не с птицами в поле тешится — о народе печется, о городе. В бабушку.

Посольства и битвы

Пока Ярополк хозяйствовал, великий князь Святослав воевал. Осадил Переяславец, взял за единый день. На расправу тоже был скор: казнил смертью изменников, болгарских бояр. Когда видели силу Святослава, заключили с ним союз против Византии, но стоило князю уйти — побили воеводу Волка.

Калокир, презирая страх болгар и нерешительность ромеев, распалил Святослава, и тот послал гонца сказать василевсу Цимисхию:

«Хочу идти на вас, взять столицу вашу, как и этот город».

Греки сами поймут, о каком городе речь, о любезном Святославу Переяславце.

«Многими тревогами был волнуем дух василевса Иоанна Цимисхия, — пишет в своей «Истории» Лев Диякон. — Перед ним лежало три пути, и он не знал, какой из них избрать, чтобы не уклониться от верного направления. Недостаток съестных припасов и повсюду распространявшийся голод уже третий год пожирали ромейскую державу; угрожало ничего хорошего не предвещавшее нашествие росов; карфагеняне и арабы намеревались напасть на только что покоренную ромеями сирийскую Антиохию. Что касается непреодолимого зла — голода, то Цимисхий быстрым подвозом припасов из всех гаваней предусмотрительно пресек влияние этого бедствия. Нашествие агарян (арабов) он остановил при помощи восточного войска под начальством патрикия Николая, который, будучи придворным евнухом государя, приобрел многими стараниями опытность в военном деле. А с катархонтом войска росов, Сфендославом, он решил вести переговоры».

В летописи Нестора записаны слова послов Цимисхия: «Мы недужны стоять против вас, возьми с нас дань на всю свою дружину. Скажи, сколько вас, чтобы разочлись мы по числу голов». И далее Нестор прибавляет от себя: «Так говорили греки, обманывая русских, ибо греки лживы и до наших дней».

Дни святого Нестора истекли в 1111 году.

Слова летописи близки к истине: Иоанн Цимисхий предложил Святославу взять обещанную василевсом Никифором награду за набег на болгар и возвратиться в свои пределы. Святослава послы надеялись ублажить золотом, драгоценными камнями, богатыми одеждами.

Видно, не в добрый час явились, ибо нашли Сфендослава возле Филиппополя, некогда построенного отцом Александра Македонского. Когда князь ходил в Киев, в этом городе небольшой отряд русских был истреблен. Жители, гордые победой, поотрубали воям головы и поставили на пиках кругом стены, чтобы устрашить незваных гостей.

Но страх рождает страх, а жестокость разверзает черную бездну.

Святослав овладел Филиппополем и все население города, двадцать тысяч человек, посадил на колы. После такой расправы болгарские порубежные с Византией города покорностью добывали себе жизнь. Ужас стоял за плечами послов, когда они слушали гордый ответ князя-победителя.

С презрением осмотрев золото и паволоки, Святослав потребовал:

— Заплатите за всех пленных, которых я взял, трудясь мечом и копьем. Дайте выкупы за города, в которых я нынче хозяин. Одарите всех моих воев богатой данью. Тогда уйдем. Нас много, но привезите золота хотя бы на двадцать тысяч голов. Если же василевс и все его греки не дадут золота, заработанного моими воями кровью, то пусть бегут из Европы, на которую никто из вас не имеет права, пусть убираются в Азию!

Василевс Иоанн, получив столь дерзкий ответ, стерпел обиду. Выигрывая время, отправил к Сфендославу новое посольство. Слова василевса были таковы: «Мы верим: провидение управляет Вселенной. Исповедуя христианские законы, мы считаем, что не должны сами разрушать доставшийся нам от отцов неоскверненным и благодаря споспешествованию Бога непоколебимый мир. Вот почему мы настоятельно убеждаем и советуем вам, как друзья, тотчас же, без промедления и отговорок, покинуть страну, которая вам отнюдь не принадлежит. Знайте, если

вы не последуете сему доброму совету, то не мы, а вы окажетесь нарушителями заключенного в давние времена мира. Пусть наш ответ не покажется вам дерзким; мы уповаем на бессмертного Бога Христа: если вы сами не уйдете из страны, то мы изгоним вас из нее против вашей воли. Полагаю, что ты не забыл о поражении отца твоего Ингоря, который, презрев клятвенный договор, приплыл к столице нашей с огромным войском на десяти тысячах судов, а к Киммерийскому Боспору прибыл едва лишь с десятком лодок... Если ты вынудишь ромейскую силу выступить против тебя — ты найдешь здесь погибель со всем своим войском, и ни один факелonosец не прибудет в Скифию, чтобы известить о постигшей вас страшной участи». Вестники-факелonosцы неприкосновенны на войне, но у славян их не было.

К грозному письму Цимисхия послы присовокупили его подарки: броню и оружие византийских стратигов.

Ответ Святослава грекам мы находим опять-таки в книге Льва Диакона. В его передаче речь князя приглаженная и длинная, хотя и сказано, что скиф был «охвачен варварским бешенством и безумием».

«Я не вижу никакой необходимости для василевса ромеев спешить к нам. Пусть он не изнуряет свои силы на путешествие в сию страну — мы сами разобьем свои шатры у ворот Византия и возведем вокруг города крепкие заслоны, а если он выйдет к нам, если решится противостоять такой беде, мы храбро встретим его и покажем ему на деле, что мы не какие-нибудь ремесленники, добывающие средства к жизни трудами рук своих, а мужи крови, которые оружием побеждают врага. Зря он по неразумению своему принимает росов за изнеженных баб и тщится запугать нас подобными угрозами, как грудных младенцев, которых страшат всякими пугалами».

Ромейские оружие и броня Святославу, однако, понравились, и он принял их и похвалил Цимисхия за подарок.

Слов на ветер русский князь не бросал. С небольшой дружиной в десять тысяч воев перешел границу Византии, но в глубь страны не спешил, дождал союзных

войск. А союзниками Святослава были болгары, венгры и печенеги.

Чуя большую добычу, печенежские орды послали князю конницу, не спрашивая на то позволения у Кури — друга василевсов.

В Константинополе началась паника. Иные уезжали в города, иные молились. На площади Тавра, на цоколе конной статуи появилось пророчество: «Пришли последние времена святого города, ибо росам суждено разрушить его».

Митрополит Иоанн Милитинский в эти смутные дни приказал высечь на надгробье Никифора Фоки, мученика-василевса, молитву: «Ныне восстань, о владыка, и построй пеших, конных, лучников, свое войско, фаланги, полки: на нас устремляется росское всеоружие. Скифские племена рвутся к убийствам. Все те народы, которые раньше трепетали от одного твоего образа... ныне грабят твой город... Если же ты не сделаешь этого, тогда прими нас всех в свою могилу».

Иоанна Цимисхия паника соотечественников рассердила, хотя положение в стране и впрямь было тяжким, ибо против василевса-убийцы поднял восстание сын куролапата Льва дука Варда Фока. Цимисхий, показывая народу мужество, собрал вокруг себя отряд «бессмертных». «Бессмертными» называли детей погибших воинов. Это были хорошо обученные строю, преданные василевсу мужи. В бой они шли в панцирях.

В Болгарию, где юный царь Борис, заключив союз дружбы с Калокиром и со Святославом, отложился от Византии, Цимисхий послал евнуха патрикия Петра и магистра Варду Склира, брата своей первой жены.

Патрикий Петр воевал с переменным успехом, но в конце концов потерпел жестокое поражение. Войско Святослава, усиленное дружинами болгар, ордами венгров и печенегов, потекло на Константинополь. Греки отступали до Аркадиополя, где полчище варваров ожидал Варда Склир, приготовив многие западни. Варда хорошо знал численность и расположение союзных отрядов, — разведал Иоанн Алакас, вельможный ромей из печенегов.

Битва вышла горячая. Сам Варда получил удар по голове — шлем спас, но войско Святослава понесло очень тяжелые потери, было остановлено и отброшено.

В тяжкую для ромеев минуту, когда русские смяли вражеские фланги, их союзникам в тыл ударила свежая фаланга. Удар пришелся по печенегам, почти все они были истреблены.

Вскоре Варду Склира Цимисхий отозвал на войну с Вардой Фокой, а со Святославом начал переговоры.

Летописец Нестор назвал греков лживыми, но в греках ли дело?

Война лжива. Один из византийских стратигов так писал: «Если враг ускользает от тебя день ото дня, обещая либо мир заключить, либо дань уплатить, знай, что он ждет откуда-то помощи или хочет одурачить тебя. Если неприятель пошлет тебе дары и приношения, коли хочешь, возьми их, но знай, что он делает это не из любви к тебе, а желая за это купить твою кровь».

Цимисхий обманул Святослава, но еще более царя Бориса — напал на Болгарию в Страстную неделю перед Пасхой, когда христиане молятся, думают о душе.

Войско ромеев состояло из фаланги «бессмертных», из пятнадцати тысяч отборных гоплитов и тринадцати тысяч всадников. Явилось оно под стенами Преславы неожиданно, как гроза среди ясного неба. В городе находился царь Борис, патрикий Калокир, а командовал русским отрядом Сфенкел. Калокир ночью бежал на Дунай, в Дористол, где находилась ставка князя Святослава. Сфенкел же начал сражение с войском Цимисхия, хотя в его отряде бойцов было только восемь тысяч с половиною.

Ромеи поставили камнеметные и стенобитные орудия, начали правильную осаду и вдруг пошли на приступ, и Преслава пала. Царь Борис попал в плен.

Василевс Иоанн Цимисхий принял его с почестями, назвал владыкой болгар и объявил, что явился отомстить скифам за многие обиды.

Сфенкел и его отряд укрылись во дворце. Греки потеряли полторы сотни гоплитов, но дворца не взяли. Цимисхий пустил на руссов сначала своих «бессмертных»,

а когда увидел, что лучшая часть его войска несет большие потери, приказал зажечь дворец. Сфенкел построил свой отряд и вывел в город. Русских окружила фаланга Варды Склира, но остановить не смогла. Теряя воинов, но и разя врага, русские ушли из Преславы и соединились с дружиной Святослава.

Смерть Икмора

23 апреля, в день Георгия Победоносца, гордое успехами войско Иоанна Цимисхия явилось под стены Дориста. Василевс прислал сказать князю:

— Выбирай одно из двух: либо сложи оружие, испроси прощение за дерзость и ступай вон из чужой для тебя страны, либо, если не сделаешь этого по врожденному варварскому своеволию, защищайся всеми своими силами — и погибни!

Святослав видел: союзников у него теперь нет. Оставшиеся в живых под Аркадиополем печенеги ушли, ушли венгры, болгары превратились в союзников Византии.

Только отряд Сфенкела усилил войско. Теперь в Дористе было двадцать пять тысяч отважных мужей.

И вышел князь к дружине и сказал:

— Нам некуда уже деться. Волею и неволею станем против врага. Да не посраим земли Русской, но ляжем костью. Мертвые сраму не имут. Не побежим, но станем крепко. Я же перед вами пойду: если моя голова ляжет, сами о себе промыслите.

Ответила дружина Святославу:

— Где твоя глава, тут и наши головы.

Выступили русские из-за стен, сомкнули щиты и копья, встретили панцирных всадников не дрогнув.

Цимисхий просчитался: конная фаланга не развеяла русскую силу, но ударилась о нее, как о стену, и зашиблась больно. Вперед мчались всадники, пришпоривая коней, и вспять тоже пришпоривали...

За конницей тотчас ударила на русь пешая фаланга.

Закипела рукопашная. Ромеев гнал к победе стыд, за их плечами слава Рима, слава святого Константина и Юстиниана, сам Георгий Победоносец. У руси в сердце был Перун и жажда победы, ибо где князь Святослав, там победа.

Бешеная ярость схлестнулась с мужеством и зоркостью опыта. Но кровавый бой затянулся, мужество онемело от невероятных усилий, а русская ярость перешла в остервенение.

Цимисхий снова пустил конницу, но русь успела сомкнуть ряды и, щетинясь копьями, ушла за стены Дористола.

Ромеи запели победные гимны, заиграли в трубы, слава святого Георгия и своего василевса.

Баян смотрел на эту битву со стены. Он видел: греки ни в чем не преуспели, а кого больше осталось лежать — не разберешь: кони, гоплиты, всадники, «бессмертные» и витязи, красные щиты...

Досадно было юному слагателю песен слушать греческие гимны. Смерть справила кровавый пир. Одна только смерть торжествовала. Жуткая смерть. На ночь глядя даже птицы не слетелись клевать мертвые глаза.

Утром русь увидела, что Цимисхий не о скорой победе думал, а о спасении своего воинства. Вся его многотысячная рать, уподобясь муравьям, таскала землю. Строили вокруг лагеря мощный вал, обводили глубоким рвом. Холм обставили копьями, на копья положили щиты, спасаясь от грозных лучников Святослава.

Только через несколько дней, построив лагерь, послал Цимисхий фалангу под стены Дористола, чтоб установить стенобитные орудия. Русь осыпала врага стрелами да камнями. В ответ пращеметатели и лучники греков метали камни да стрелы. Вдруг ворота открылись, и на пешую фалангу ударила конница гузов илька Юнуса. Пехотинцы попятились, побежали, но вовремя подоспела конница василевса. У греков были очень длинные копья, и гузы поспешили уйти за стены.

«Чья взяла? — думал Баян. — Пехота бежала от конницы, а легкая конница от конницы тяжелой?»

Но в стане василевса снова трубили трубы и раздавались победные гимны. Да все громче, забористой. И тут русь увидела на Дунае огненосные триеры и множество судов с продовольствием. Всем стало ясно: река принадлежит грекам. Жидкий огонь посеял в русских душах ужас еще со времен князя Игоря, но храбрились.

Наутро в бой с ромеями дружину повел воевода Сфенкел. Отряд был в длинных кольчугах, с длинными щитами.

Сражение получилось упорным. Русские отбили и сожгли стенобитные орудия, хотя они не были страшны трехсаженным стенам Дористола.

У греков выказал кровавое молодечество Федор Лалакон. Его оружием была огромная железная булава. Удары расплющивали шлемы вместе с головами.

Сфенкел тоже сражался вдохновенно, пробивал копьем сразу двух гоплитов, но Сфенкела сразила стрела.

Русь отбила у врага тело своего предводителя и тотчас ушла за стены.

Василевс, торжествуя еще одну победу, велел трубить сбор и устроил для всего войска великий пир.

Войску и впрямь нужна была передышка.

Осада затягивалась. Миновал май, июнь был на исходе. Усиливая натиск, греки подвезли камнеметательные орудия. Свистящие глыбы летели через стену, разрушали дома, убивали жителей города и воинов. Боевыми метательными машинами командовал магистр Иоанн Куркуас, близкий родственник василевса. Не одна чаша была выпита за повелителя каменного града.

Но после пира похмелья не миновать.

Вылазку на машины сделал варяг Икмор. Его отряд вышел из города, едва забрезжил рассвет. Магистр Куркуас с гудящей пьяной головой вскочил на коня и повел свой полк на дерзких варягов. Но то ли коня ранили, то ли попал ногой в колдобину, споткнулся, и бедный Куркуас, просверкав в воздухе золочеными доспехами, грохнулся наземь. Варяги думали, что это сам василевс, окружили магистра мечами, не зарясь добыть сияющие доспехи. То была кара совершившему святотатство, ибо в Преславе и в других болгарских городах Куркуас грабил церкви, похищая драгоценную утварь и священные сосу-

ды. За грех магистра поплатилось все греческое войско: камнеметательные машины были сожжены, полк истреблен.

А Божий гнев не иссяк! 28 июня, в день прославления иконы Божьей Матери «Троеручницы», воины князя Святослава совершили еще одну удивительную вылазку.

Продовольствия в Дористоле было не много. Путь от поверженной Преславы до ставки русского князя Иоанн Цимисхий проделал меньше чем за неделю, легко взяв по дороге город Динию, славную виноградом, и древнюю болгарскую столицу Плиску. И вот ночью русские напали на караван судов, забрали большую часть продовольствия, сожгли несколько огненосных триер.

Гордая добычей, русь поутру снова вышла на равнину, вызывая греков.

Баян смотрел на сражение с высокой башни вместе с князем Святославом. Святослав сам водил часть дружины на вылазку, теперь победители набирались сил, а сражаться вышла другая часть войска. Русских вел варяг Икмор. Он был огромного роста, сила в нем жила могучая. Сокрушая врагов ударами секиры, варяг вломился в фалангу и прокладывал в людях, как в лесу, широкую просеку. Глядя на своего витязя, варяги и русь преисполнились великого боевого духа. Рубили и кололи, не чувствуя своих ран.

Греки не смели уступить русской буре, стояли как могли. Икмор разорвал фалангу надвое и, повернувшись, пошел пробиваться к своим, сея смерть неслабеющей рукой.

— От этого витязя урона больше, чем от полка, — сокрушался Иоанн Цимисхий. — Господи! Кто же его остановит?

— Дозволь, государь! — попросился в бой телохранитель с глазами, как ночь.

Это был Анемас, сын и соправитель эмира критян Абд эль-Азиза. Взятый в плен Никифором Фокой, он прижился в Константинополе и верой и правдой служил василевсам.

— С Богом! — Цимисхий осенил Анемаса крестным знаменем, позабыв, что араб — правоверный мусульманин.

И воззвал Анемас к своему богу.

— Алла! — и поскакал в кровавый ад битвы.

Баян увидел сияющие доспехи, белого, будто облако, коня.

— Икмор, обернись! — закричал он что было силы, но битва грохочет громче бушующего моря: не услышал варяг.

Анемас настиг Икмора и обрушил меч с такой силой, что срубил Икмору голову вместе с рукой, державшей секиру.

Пусто стало на поле брани. Закричала русь страшным криком отчаянья. Застонали варяги, ощутив все свои раны. Хлынуло храброе воинство к спасительным воротам, будто сдуло его ледяным ветром. Бежали, закинув щиты за спину.

Обнял князь Святослав зубец стены, и крошился кирпич под этим объятием горя.

Битва славы

В сумерках, в час волка, вышла русь из-за стен Дористола и принесла трупы погибших воинов к стене, под высокую башню. Нашли мертвое тело Икмора, соединили расчлененное страшным ударом араба Анемаса.

Когда трупы были собраны, уложены во множество костров, тьма ночи иссякла.

Луна поднялась над землей светла, как младенец. Все, что сияет под солнцем, как яхонт, светилось жемчугом.

У костра, на котором возлежал Икмор, Баян заиграл на гусях, спел последнюю славу великому воину:

Небо, где твои тучи, где твои молнии?

Трепещи огнем от ярости,

Плачь слезами обильного дождя! —

Не стало витязя, равного мужеством Святогору.

Не стало варяга, бывшего ради русской славы!

Белый месяц, гляди в белое лицо бесстрашного,

Запомни его и будь грустным довеку.

Огненная колесница! Унеси сына земли
Могучего Икмора в светоярые палаты Дажбога,
На вечный мир доблестных мужей.

Запылали костры. Дикие вопли оглушили даже луну. Померкла без туч и облаков. Русь принесла в жертву сотню пленных мужчин и женщин. Несколько грудных младенцев и десятки петухов были задушены и утоплены в водах древнего Истра.

Такие вот почести воздали погибшим героям оставшиеся для новых битв витязи.

Утром князь Святослав созвал своих воевод. Одет он был ради великого совета в алое корзно, застегнутое на правом плече огромным рубином.

— Где Сфенкел? — спросил князь своих сподвижников. — Где Икмор? Зело осиротели. Хочу слушать вас, что будем делать.

Меньшим на совете оказался Варяжко. Сказал просодушно:

— Сядем ночью на ладьи да и поплывем себе домой.

— Того грекам только и надобно. В устье Дуная ждут нас не дождутся триеры с мидийским жидким огнем, — возразил Варяжке воевода Волк.

Многие согласились с Волком.

— Верно, — говорили они, — тайком от греков не ускользнуть, а наше войско убывает, Русь далеко. К грекам же подошли фаланга Варды да болгарские полки. Сражаться невозможно. Пешими бежать — тоже много не набегаешь. Печенеги стали врагами, подкараулят у порогов Днепра, вырубят до единого.

Все посмотрели на мудрого Свенельда. Сказал Свенельд:

— Я согласен с большинством. Если не заключим с василевсом мира, погибнем. Нас много меньше, чем греков и болгар, а печенеги все теперь с Курей. Покориться Иоанну Цимисхию не стыдно, ибо он обещал платить нам дань. Возьмем с него слово, что он пропустит нас, испросим хлеб на дорогу, и вот будет у нас жизнь и воля. Если греки обманут, не дадут дани, тогда на Руси соберем большое войско и пойдем на Царьград. Дорога известная.

Все воеводы обрадовались речам старейшего из воевод, но решающее слово осталось за великим князем. Сказал Святослав:

— Коли сложим оружие перед ромеями, погибла наша слава. Все страны, поклонившиеся нашему мечу, поднимутся на нас. Позор, в какие обертки его ни оборачивай,— позор. Вспомним же сами себя! Мощь руси до сего дня была несокрушимой. Ради детей наших, во имя пращуров, вооружимся мужеством. Победим — будем живы, погибнем — так со славою!

Долго не думали, согласились с князем.

Солнце клонилось к закату, когда из ворот Дористола вышла на равнину вся дружина Святослава.

Прежде чем ударить в щиты, слушали песнь Баяна. Вот что спел Баян перед той битвой:

Русь — зорче смотри вперед!
Русь, твои стрелы — сама судьба,
Твои копыта — сама стена,
Твои мечи — сама жизнь!
Русь — обопрись на мужество —
Враги с девяти сторон!
Русь, воспрянь от усталости,
Слава пращуров осеняет тебя!
Русь — ты вешее слово
И сокровенная тайна.
Русь — ты радость,
Ты пение птицы Феникс.
Русь — зорче смотри вперед!
От твоего взгляда опускаются
У врага руки, редеют полки!

Битва превзошла жестокостью все прежние, что случились под Дористолом.

Кричали пронзенные копьями кони, захлебывались своей и чужой кровью люди. Воля на волю, слава на славу, сила на силу. Князь Святослав бросался на врагов, как вепрь, убивал копьем, убивал мечом. Цимисхий послал Анемаса остановить грозного князя смертью. Сошлись Святослав с Анемасом, и птица Удача осенила крыльями араба. Ударом меча по ключице выбил Анемас Святослава из седла под копыта лошади. Рассек бы надвое, но князь успел подставить щит да добрая кольчуга

уберегла. Анемас же тотчас был окружен, конь его пал, и сам он, пробитый множеством копий, умер, призывая Аллаха.

Князя Святослава усадили в седло, и, видя, что вождь жив и меч его сверкает, ликующая русь ударила на фалангу так молодо, так бесстрашно — побежали греки. Побежали, показывая спины.

Василевс Иоанн ужаснулся, но, сильный духом, приказал трубить в трубы, бить в тимпаны и сам повел в бой «бессмертных».

Господь не дал победы русским. Не копья и мечи — буря ударила в лицо. Непроглядный вихрь запорошил глаза, пошел секущий дождь, а тут еще обрушилась, подгоняемая ветром, фаланга «бессмертных», а в тыл зашла конница Варды Склира, отсекая от города.

Святослав истекал кровью, в него попало несколько стрел, но отбой протрубили сигнальщики Свенельда.

Варду Склира русские смели со своей дороги, ушли за стены, непобежденные, но и не победившие.

Встреча государей

Тихо было в Дористоле, но не было пиров и в стане греков.

На рассвете из ворот осажденного города выехало посольство во главе с многомудрым Свенельдом. Свенельд вез василевсу Иоанну Цимисхию пункты мирного договора. Святослав, когда эти пункты составляли, гневался, но все же смирил себя. Горький мир — не горше смерти. От своего имени князь повелел передать василевсу всего одну фразу: «Хочу иметь мир с тобою тверд и любовь».

Свенельд же оговаривал пункт за пунктом. Дористол русские уступают василевсу. Пленных передают без выкупа. Уходят из страны болгар тотчас, но за все эти уступки ромей должны пропустить русские ладьи по Истру-Дунаю, не нападать огненосными кораблями, не жечь греческим огнем, от которого и камни обращаются в

пепел. Русь для Византии, как и в былые времена, остается страной друзей. Купцам свобода как в Киеве, так и Константинополе. Кроме того, василевс должен приказать своим друзьям-печенегам свободно пропустить русь через их земли, а в дорогу дать хлеба.

Свенельда приняли с почетом, переговоры он вел с синкелом Феофилом.

Василевс Иоанн Цимисхий хоть и знал, что превосходит войско Святослава числом, хоть и побеждал в сражениях, но уж очень великую цену приходилось платить за победы. К тому же в Сирии арабы отбирали город за городом, по всей Византии шли волнения...

На следующем съезде послов Феофил передал Свенельду статьи, одобренные василевсом. Русские полки уходят домой с оружием, не опасаясь огненосных триер. На дорогу каждому воину будет дано по два медимна хлеба (двадцать килограммов). Чтобы получить этот хлеб, Свенельд открыл число русского войска. двадцать две тысячи человек и передал грамоту Святослава. Ее текст сохранен святым Нестором-летописцем:

«Список с договора, заключенного при Святославе, великом князе русском, и при Свенельде, писано при Феофиле синкеле к Иоанну, называемому Цимисхием, царю греческому, в Доростеле месяца июня, 14 индикта, в год 6479. Я, Святослав, князь русский, как клялся, так и подтверждаю договором этим клятву мою: хочу вместе со всеми подданными мне русскими, с боярами и прочими иметь мир и полную любовь с каждым великим царем греческим, с Василием и Константином, и с боговдохновенными царями, и со всеми людьми вашими до конца мира. И никогда не буду замышлять на страну вашу, и не буду собирать на нее воинов, и не наведу иного народа на страну вашу, ни на то, что находится под властью греческой, ни на Корсунскую страну и все города тамошние, ни на страну Болгарскую. И если и иной кто замыслит против страны вашей, то я ему буду противником и буду воевать с ним. Как уже клялся я греческим царям, а со мною бояре и все русские, да соблюдем мы прежний договор... Если же не соблюдем мы чего-либо из сказанного раньше, пусть я и те, кто со мною и подо мною,

будем прокляты от бога, в которого веруем, — от Перуна и Волоса, бога скота, и да будем желты, как золото, и пусть посечет нас собственное наше оружие. Не сомневайтесь в правде того, что мы обещали вам ныне и написали в хартии этой и скрепили своими печатями».

Была у русских послов и еще одна просьба: пусть василевс Иоанн почтит великого князя Святослава беседою.

Феофил снесся с василевсом. Ответ был благосклонный. Личная встреча государей для дружбы все равно что масло на хлеб.

Сияя золочеными доспехами, в пурпуре багряницы, на коне, сбруя которого обжигала глаза драгоценными камнями, василевс Иоанн Цимисхий выехал на берег вечного Истра. За его спиной, как золотой нимб, как зарево, выдвинулась придворная рать. И что они все, царственные и вельможные, увидели?

Простую ладью, в ладье — гребцов. На скамье сидели старый Свенельд да отрок с гусями в руках.

Князь Святослав был с веслом в руках и греб, как все, и, как все, был в белых одеждах.

— Который же Сфендослав? — спросил василевс, поворачивая голову к свите.

— Аз Святослав, — ответил с лодки гребец, тот, что был одет почище остальных, в новое.

Ростом не богатырь, брови мохнатые, насупленные, но из-под этих грозных бровей — синие, как колокольчики, глаза. Бороды — украшения мужчины — не было, зато были длинные густые усы, торчащие в стороны. Василевс снова удивился: греки усы сбрывали. А голова — Боже ты мой! — бритая, как у опального! Только одна длинная прядь оставлена и спадала с золотой серьгой. Тоже невидаль! У греков серьгу носили матросы да малые дети. Всех драгоценностей на этом человеке — сёрга, украшенная карбункулом да двумя жемчужинами. Грудь широкая, затылок крепкий, сам могуч и очень дик.

— Приветствую тебя, архонт! — прервал затянувшееся созерцание василевс.

— Мир тебе, царь греков! — ответил Святослав. — Я хотел поглядеть в твои глаза, прежде чем плыть на моих ладьях по Истру.

— Мое слово — слово друга. Оно крепко.

Цимисхий заметил, что его речь князю переводит отрок с гусями.

— Хорошо, — сказал Святослав. — Я смотрел в твои глаза. Русь будет верна договору.

— Я рад миру, архонт. Мое царство исполнит все пункты нового договора, заключенного здесь, под стенами Дористола, и старого договора о дружбе, к которому приложил руку твой отец архонт Ингорн.

— Прощай, василевс!

— С Богом, архонт!

Святослав поднялся, махнул рукою своим, и ладьи с русью пошли вниз по Истру.

— А где Калокир?! — вспомнил вдруг василевс.

— Сбежал, — ответил Святослав.

Этим шествием ладей мимо Иоанна Цимисхия, этими дружными ударами весел по воде закончилась война между Византией и Русью.

Василевс переименовал Дористол в Феодорополь во имя Стратилата мученика Феодора. Есть сказ, что в последней битве святой мученик сражался с русью на белом коне и послан был на помощь Иоанну самой Богородицей.

Болгария превратилась в провинцию Византии, а царь Борис прошел испытание триумфом Иоанна Цимисхия в Константинополе. Храму Святой Софии василевс поднес осыпанный алмазами венец болгарских царей. С Бориса же на глазах народа на Плакотийской площади сняли тиару, багряницу и красные сапоги.

Нет царства, нет и кесаря.

Вместо величественного пурпура Борис получил от Цимисхия плащ со знаками магистра.

Последний поход Святослава

История — торжество подлости.

Огненосные триеры пропустили ладьи князя Святослава в Черное море, но к печенегам поехали послы Иоанна Цимисхия, повезли Куре золото: не зевай, скоро явит-

ся к порогам князь Святослав. Но Куря не дождался русскую дружину ни в августе, ни осенью...

Бывший князь стольного Киева великий князь Святослав зазимовал в Белобережье, неподалеку от Килийского устья Дуная. Стыд и гордыня приковали Святослава к неприветливым берегам Понта.

В Белобережье обитал народ работающий, себя кормил досыта, дома свои обогревал, не зная зимой печали. Но вот беда! Отряды Святослава, добивавшие хазар, жестоко ограбили когда-то нескучный край. Для себя у людей был запас хлеба, но скотины осталось совсем мало. И тут нагрянули еще двадцать две тысячи едоков.

Святослав сказал твердо:

— Перезимуем здесь! Весной Свенельд приведет из Киева сильную дружину, и пойдем в землю болгар. Переяславец будет нашей вотчиной.

Добычу дружина Святослава вывезла из Дористола и других городов несказанно богатую. Потому многие согласились с князем. Всех же, кто тосковал по родине, отпустили со Свенельдом в Киев.

Перед расставанием старый воевода, запершись со Святославом, долго убеждал своего выученика не испытывать судьбу, а поспешить домой степью, на конях.

Князь выслушал великого воеводу с почтением и вниманием. Все слова были верные, оставаться в разоренном Белобережье — лиха хлебнуть, что будет дальше — мрачная неизвестность, и все-таки Святослав не позволил себя уговорить, сказал напоследок:

— Что мне Киев? В Киеве свой князь, добрая душа Ярополк.

— Ярополк из отроческих лет не вышел! — вскричал Свенельд. — Ярополк, что ли, княжеством правит? Вышата. А князь Олег и того моложе. Одна охота на уме. Долго ли до беды? До большой беды. Как бы та же Хазария не воспряла, глядя, что в соседнем дому малые ребята за хозяев.

— Что же ты Владимира-то не помянул? — спросил Святослав.

— Владимир под крыльями Добрыни. Те крылья орлиные. Каждое перышко венчано львиной лапой.

— Ладно! — сказал Святослав. — Ты прав, Свенельд. Но я останусь здесь, а ты иди в Киев и будь при Ярополке, как Добрыня при Владимире. Дам я тебе пять тысяч человек — хватит от печенегов отбиться. Казну тоже с собой заberi. Пусть в Киеве знают: Святослав хоть и бит, но богат. Всеi казны не отдам, половины довольно народ удивить. И ты казну эту покажи киевлянам. Пусть знают, сколь обильна земля, за которую Святослав на смерть решил биться. Весной пришлешь мне тысяч тридцать воинов, а лучше сорок. Сорок тысяч пришлешь! У Киева, хоть ты и пугаешь меня, врагов нет. Мое имя для врагов страшнее войска.

То были гордые слова, но правдивые.

С тем и расстались.

В приморском краю тепло — последняя птица, отлетающая к югу. Поздняя осень здесь серая и зима серая, снег на земле долго не держится.

Уже в ноябре стало голодно во всем Белобережье. Посылал Святослав отряды в разные стороны, брали последнее у местных людей, но насытить себя не могли.

— Будем есть коней, — в отчаянье согласился с дружинниками великий князь.

Стал он к морю ходить. Все на волны смотрел, подумывал: не махнуть ли на ладьях через Понт в Киммерийский Боспор? Пропустят ли херсонесцы мимо Тавриды? Знают, кто у них сосед, на Перекопе войско поставили, огненосные триеры всегда наготове...

Баян тоже ходил к морю смотреть, сколь переменчив свет в небесах и на воде. Вот и повстречался со Святославом ненароком. Сказал ему князь:

— Спой мне что-нибудь.

Баян и спел:

— Куличок-ходочок ходил за море, а за морем жизнь диво дивное...

Заплакал Святослав.

— Я оставил землю пращуров, и пращуры меня покинули. Один я. Конину ем, нарушая запрет бога Волоса.

Зима трубила ветрами, выстудила степь до того, что чудилось: к белесому небу примерзнуть можно.

Коней становилось все меньше и меньше.

Летописец святой отец наш Нестор о том голоде в Белобережье так написал: «И не было у них брашна уже и был глад велик, и платили по полугривне за конскую голову».

Иные малые отряды ушли за едою и не вернулись, то ли сгнули, то ли убежали...

Весна одолела зиму за неделю.

Прошел лед по Дунаю, мир стал зеленым, а голода у людей не убыло. Птицами небесными питалась дружина. Помощи же из Киева не было. И тогда Святослав уступил воле большинства. Сели на ладьи, поплыли вверх по Днепру, чтоб, перетащась через пороги, добраться из последних сил до дома, но упрямый печенег Куря, как лед-то пронесло, уже поджидал Святослава, раскинув шатры по обоим берегам великой реки.

Напали печенеги на едва живую от голода дружину врасплох, когда, без щитов, без кольчуг, воины тащили тяжеленные ладьи, где бечевой, где посуху.

Святослав со своим кораблем первый достиг чистой воды, а вторым шел кунак Юнус со своими гузами. Тут и полетели стрелы, тут и раздался конский топ и волчий печенежский вой.

— Юнус! — закричал Святослав, отталкивая ладью от берега. — Бросай ладью! Беги!

Юнус побежал, да какой из него, прошедшего жизнь на коне, бегун. Понял Святослав — не успеет друг. Кинулся на помощь. Один на сотню.

Рожденного побеждать победа лелеет до самого смертного часа.

Уж так был страшен разящий меч русского князя — отхлынули печенеги прочь. Юнус был ранен. Святослав подхватил его на руки, понес к ладье, не отвращая жуткого лица от врагов своих. А потом повернулся к ним спиной, побежал, чтоб скорее оказаться с другом своим на спасительной воде. Тут и кинулась на него вся печенежская стая.

Святослав успел перевалить Юнуса через борт, и это было последнее дело его жизни. Смахнули голову так, что в воздух подскочила. И увидела голова: напрасны

были старания — на другом берегу Днепра печенегов как мух на ломте меда.

Радость Кури была неистова. В один день он прославил имя свое и стал богат, как василевс. Сокровища в ладьях Святослава казались печенегам казною самого Тенгри. Рабов — тысячи. И каких рабов — воины непобедимого князя! Но самой бесценной добычей была для Кури голова Святослава.

У Кури родился сын, и ему первому, совсем еще младенцу, дали испить священного кумыса из черепа русского князя. Отныне дух грозного Святослава вселялся в младенца, в детище Кури. И Куря ликовал. Как бы ты, Русь, ни береглась, теперь не убережешься: печенегам служит победа.

На пиру Куря пил вино, доставленное греками, из черепа Святослава, похваляясь боевым счастьем перед рабами-русичами, которых привели глядеть на это торжество.

Указал Куря на Баяна, на отрока:

— Ты — поедешь в Киев. Ты — расскажешь о моей славе! — Приказал своим людям: — Дайте ему коня! Дайте хурджун с едой и бурдюк с кумысом. Пусть скачет в Киев немедля. Пусть ужаснет гордую русь: печенег Куря и его сын пьют нынче из черепа Святослава.

И оказался Баян в степи. И ехал на восток, не ведая, куда принесет конь. Печенеги вооружили его луком со стрелами, дротиком да кинжалом, чтоб мог оборонить себя от нечаянного обидчика, от наглого зверя, но уж слишком широка и бесконечна степь для одинокого.

Тоскливо было на сердце Баяна. Жил Святослав — гроза мира, и вот нет его. И нет его славного войска, хотя многие остались живы. И сам он, Баян, — на печенежском коне, вестник Кури.

Молодая печаль кончается снами. Задремал в седле, да вдруг что-то будто толкнуло в бок. Пробудился: заря вечерняя на небе играет...

И увидел вдруг Святогора, а с ним Илью Муромца. Святогор двигался по небу туча тучей, Илья же перед

богатырем был невелик, хотя грива его коня ниспадала до земли.

Засмотрелся Баян на богатырскую заставу, а Илья Муромец вдруг повернул к нему суровое лицо и дланью указал в степь. Присмотрелся Баян — человек. Подскакал ближе — Варяжко!

Вот и поехали они с Варяжкой на одном коне в стольный Киев к великому князю Ярополку.

КНЯЖЕНИЕ И ГИБЕЛЬ ДОБРОГО КНЯЗЯ КИЕВСКОГО ЯРОПОЛКА

Суд над слугою Перуна

лубокой ночью в опочивальне княгини Ольги благочестивый отец Христогон с диаконом и псаломщиком, в присутствии христианина боярина Вышаты, совершил молебен и возвел на киевский престол великого князя Ярополка и супругу его гречанку Александру.

То была тайна горсточки людей, но явь перед Господом Богом, перед Богородицей, перед святым угодником чудотворцем Николаем, защитником Русской земли, перед святой Ольгой, первой русской в небесном нимбе.

Венец для Александры сделали из обычной золотой гривны, но это был венец, освященный молитвой. Слушая отца Христогона, княгиня думала о своей судьбе. Предназначалась в жены Цимисхию, убийством приобретшему царьградский пурпур, была невестой Иисуса Христа — и вот жена владыки дикой Руси, страны столь просторной, что князь не знает, где кончаются его владения.

Скашивая глаза, Александра видела, как серьезен ее супруг-отрок, страх усмотрела она в скованности плеч, во взоре, устремленном на свечи.

Ярополку и впрямь было не по себе, думал о завтрашнем действе. Придется кормить истуканов, изменяя Христу, бабушке и собственной душе.

Когда обряд закончился, Ярополк спросил:

— Скажите мне, что такое — княжить?

Старый Вышата удивился вопросу:

— Зачем такое в голове держать? Родился князем, вот и будь князем.

— Я у Бога хочу спросить.

Вышата положил руку на плечо отца Хрисогона:

— Говори же!

Священник смутился:

— Я не Бог, я — служитель.

— Всё ближе нас! Говори, князь ждет! — Вышата суровостью спешил показать Ярополку всесилие княжеского имени.

Отец Хрисогон был человеком zelo книжным. Тотчас начал припоминать писания святых отцов:

— Не о царях сказано, но и к царям приложимо. Григорий Богослов, архиепископ Константинопольский, так говорил: «Венцы даются тем, которые подвизались (иначе говоря, поборничали), а не тем, которые сидели вверху. Тем, которые напрягали все силы, а не тем, которые лишены употребления большей части сил».

— Но что такое княжить?! — воскликнул Ярополк.

— Давать людям закон, — твердо ответил священник. — О том и святитель Василий Великий сказывал: «Ежели царская власть есть законное правительство, то очевидно, что и правила, какие дает царь, истинно достойны сего наименования... Тем и отличается злой властелин от царя, что один везде имеет в виду свои выгоды, а другой помышляет о пользе подданных...»

— Но мои подданные поклоняются истуканам. Я должен с ними хитрить, а хитрость — грех.

— Отнюдь! — воскликнул отец Хрисогон, повеселев. — Святитель Василий указал нам два вида хитрости: лукавую и похвальную. Кто ведет свои дела ко вреду других, тот лукав. Злодеяние же есть упражнение во зле. Похвально хитрый, говорит святитель, ищет блага для себя и для других и счастливо избегает всякого

вреда... Тебе, князь, нечего страшиться! Господь наделил твое величество даром кротости. А кротость, по писанию святого Ефрема Сирина, есть трехкратное блаженство человека.

— Значит, я должен постоянно носить на себе две личины!

— Молись,— сказал отец Хрисогон, опуская глаза перед пристальным взглядом отрока.— Вот в подкрепление тебе слова Иоанна Златоуста: «Все, прибегающие к Спасителю, пользуются даром и спасаются благодатию. Те же, которые хотят оправдаться законом, лишаются и благодати». Не стремись спастись собственными силами. Молись, Бог не оставит ни царя, ни раба.

Ярополк подумал и сказал:

— Выходит, князю о своей душе и печаловаться... не годится. Вот оно что такое — княжить.

Отец Хрисогон и боярин Вышата промолчали. У Александры сжалось сердце: не будет счастливым княжение доброго!

Нежила ночью суженого, не помня себя от горькой и такой сладкой любви.

...Разбудили Ярополка до света. Яростные жрецы приволокли на суд десятилетнего отрока. Бедняга в ночь перед великим действием посвящения князя на стол всея Руси не сохранил, не уберег негасимый огонь перед истуканом Перуна.

— Он, избранный из многих, оказался наихудшим! — вопили жрецы.— Он поддался соблазну, позволил сну сморить себя! Священный огонь утрачен.

— Что же я должен сделать? — спросил Ярополк жрецов, но сам знал: виновника покарают смертью.

— Дабы умилосердить грозного, метящего молнии бога, мы принесем отрока в жертву,— сказал главный жрец.

— Идите все к трону на суд,— решил Ярополк, сам же пошел облачаться.

— Что они хотят? — спросила Александра: Ярополка трясло.

— Хотят, чтоб я отдал отрока на закланье Перуну.

— За что?!

— Погасли дрова... Священный огонь погас.

Александра подала супругу воды испить, думала быстро.

— Перед Перуном жгут дубовые дрова... Причина угасшего пламени в дровах...

— В дровах! — согласился Ярополк, но зубы у него стучали.

Всего через несколько минут на троне сидел спокойный, с неподвижным лицом, с глазами, устремленными на подданных, великий князь.

— Дрова сгорели в жертвеннике дотла или ты забыл их поворошить? — спросил Ярополк отрока.

— Я заснул и не поворошил дрова, — ответил обреченный.

— Значит, дрова в жертвеннике были.

— Были, — согласились жрецы. — Милостью Перуна нам удалось раздуть пламя из единого уголька.

— Значит, огонь не возобновляли?

— Перун сего не допустил, — ответил главный жрец.

— Кто, спрашиваю, приготовлял дрова для священного негасимого огня? — Ярополк обвел жрецов неумолимым взором, их было пятеро.

— Все мы, — ответили жрецы.

— Если дрова, не догорев, погасли, значит, они были сырые, — рассудил Ярополк. — Значит, в первую голову виноваты вы все. Не знаю, примет ли Перун такую жертву благосклонно...

Воцарилось молчание. Ярополк задумался и, тяжело вздохнув, сказал:

— В жертву принесите самого тучного быка из моего княжеского стада.

Жрецы попятнулись, не возражая мудрому правителю. Главный жрец прошептал:

— Весь в святошу Ольгу!

В полдень, когда народ пришел смотреть на своего князя, кормящего Перуна, Ярополк был светел лицом, и голос его звенел радостно.

Огромный, вырезанный из дуба Перун стоял на железных ногах, обхватив руками простой белый камень, в котором сияли длинными лучами большие корбункулы

и пламенели рубины. Перед идолом, как всегда, горел костер из дубовых дров.

Сказал Ярополк, когда в жертву громовержцу принесли огромного быка:

— Повелитель молний и жизни! Ты дал моему отцу, великому князю, двадцать лет и еще восемь. Теперь мне стоять, Ярополку, перед взором огненных глаз твоих. Будь милостив, пошли мне добрые дела. Отведи от меня зависть и зло, чтоб и я не сотворил злого. Даю тебе обильную пищу, и ты воздай мне обилием. Клянусь тебе, Перун, беречь людей от нашествий и напастей. Побереги и ты меня, великий и грозный.

Люди слушали слова князя и тихонько радовались: этот не убежит из родного дома на край света.

Когда обряды закончились, к великому князю подошли отец и мать отрока, избавленного по суду Ярополка от лютой смерти. Упали в ноги:

— Возьми нашего сына себе в самые последние слуги, пусть будет рабом твоим.

— Отец и мать, мне дороже, чтобы вы взрастили сына в семейной любви и радости. Об одном прошу: пусть не делает злого и бережет покой родителей своих.

Лют

Из дальних варяжских стран воротился сын Свенельда Лют. Отец посылал его на далекую свою родину к рыцарю Роару спросить, когда ждать славного да великого в Киеве, ибо сговоренная невеста заждалась своего суженого. Лют привез семейству Роара богатые подарки, а рыцарю портрет невесты. Роара покорила красота девушки, и особенно глаза, гордые и насмешливые.

Роар строил замок. Он обещал, что будет в Киеве, как только приготовит брачные покои.

Забываясь о будущем своих потомков, мудрый Свенельд прислал Люта Ярополку, надеясь, что сын станет самым близким человеком великому князю.

Из страны варягов Лют привез удивительный меч, одинаково легко рассекавший подушку с перьями и же-

лезный шлем. Люту было жалко расстаться с таким удивительным оружием, кованым самим Вёлундом, перенявшим кузнечное искусство у обитателей горы Каллёва. Свенельд уговорил Люта поднести меч Ярополку.

— Умей быть щедрым дарителем — получишь вдесятеро, — наставлял боярин и воевода своего упрямого сына.

Ярополк, принимая подарок, увидел, как дрогнуло веко у Люта. Ему все стало понятно, и он сказал:

— Я принимаю меч. Такого совершенного оружия мне еще не доводилось видеть, но храни его у себя и служи мне этим мечом. В твоих могучих руках, я надеюсь, он совершит великие подвиги.

Рыжий Лют стал совершенно красным от счастья и на радостях поднял лошадь над собою.

Узнав обо всем этом, Свенельд огорчился. Ему хотелось, чтоб его сын стал большим воеводой, а он выказывает дурную силу.

Ради Люта Свенельд назначил учения молодому, вновь набранному войску.

На одной из днепровских круч поставили деревянную крепостенку и принялись гонять молодых: нужно было взбежать на гору, прикрывая голову щитом, поставить лестницы, перебраться через тын, биться на стене.

Искусством брать город приступом и отбивать приступ могучий Лют владел с детства, бывал с отцом во многих походах. Но вот беда, учил он молодых воев бранью да палкой. Посылая дружину в сражение, никогда не шел с нею, тыркал отставших в спину, лупил робеющих, отвешивал оплеухи неудачникам.

Ярополку такое воеводство было не по душе, но терпел. Иное дело Блуд! У этого полк учен не криками да побоями, а умной беседой, толковым показом, как надо и как не надо.

— Слушай, — сказал однажды Лют Ярополку, — города брать мы завтра не собираемся, чего без толку себя и других в пот вгонять! Поехали на охоту. Такую погоду упускаем.

Покорбило Ярополка от таких слов, но не посмел обидеть Люта. Поехали с ловчими птицами лебедей добывать.

Никому не признавался великий князь, что от красной сей потехи его подташнивает, убитых птиц — пусть птицами — до слез жалко.

А Лют лебедей с небес снимает, гордясь соколами и самим собою. На земле тоже добычу готов ухватить. Высмотрел девицу в лесной веси. Приказал сокольничим схватить Ненаглядушку и в шатер доставить. Ума, однако, хватило: лишить девицы чести Ярополку предоставил.

Тут уж великий князь гнева не сдержал.

— Как ты смеешь хватать кого попадя?! Будто печенег! Будто хазарин какой! — закричал Ярополк на Люта.

— Девица не какая попадя! — возразил Свенельдов сын. — Такой красоты я и в Киеве не встречал.

— Но у девицы есть батюшка, матушка. Может, она уж и просватана.

Лют только смеялся:

— Полно, князь! Се — простолюдые глупое... Бери и лакомись!

Ярополк сдвинул брови и приказал отвезти девицу домой, а за страхи, что пережила, наполнить ее лукошко яствами со своего стола. Но Лют не сдался.

— Поехали, поглядишь, — предложил он Ярополку.

Подскакали к избушке, где жила Ненагляда. Лют, воротя нос от хлева со свиньями, вошел в избу. И тотчас почти вышел, ведя девицу за руку.

— За три гривны отдали. На месяц. В ногах лежали на радостях... Просили: прибавь еще три и навек забирай... Пользуйся, князь!

Повернул Ярополк коня и прочь уехал, ничего не сказав, а над ним еще и посмеивались.

Был на той княжеской охоте и Баян. Вспомнил он вдруг Синеглазку, задрожало сердце от суматошной тревоги. Попросился у князя:

— Отпусти! Поеду Синеглазку поищу. С Благомиром, когда за вещим словом ходили, у бортников встретил.

— Езжай, да поскорее! — согласился Ярополк, но попросил: — Только теперь не уходи!.. Расскажи, какое вы слово-то с Благомиром искали?

— Вещее.— И вдруг Баяну вспомнились слова заговора, которым они с Синеглазкой присушили друг друга: «Пойду я, внук дедушки Рода Всеведа Баян, во чистое поле в восточную сторону. На восточной стороне есть бел-белехонек шатер-шатрище...»

— Баян! — окликнул Ярополк своего друга.

Очнулся.

— Прости, князь! Так ясно увидел наше хождение с Благомиром за словом-то...

— Вы ведь тогда не сыскали?

— Не сыскали... А оно, может, и рядом совсем.

— Так ты его поищи,— сказал Ярополк, и в его голосе была надежда.— Ай, Баян! Скучные люди кругом. Мало им, что солнышко-то каждый Божий день видят!.. Да ты ведь и сам песен не поешь, как бывало...

— Не пою,— согласился Баян.— Мои песни земля да небо рождали. Солнышко, звезды... А я все под крышей жил. Под крышей кагановых палат, под золотым куполом храма Божьей Премудрости, а то и под кожами печенежских шатров...

Ярополк встрепенулся, хотел что-то спросить и не спросил. Баян заметил это странное движение князя.

— Прости, что много говорю.

— Нет, говори!..— Ярополк снова запнулся.— Куря-то так вот... из отцовского черепа и пил?

Теперь смутился Баян.

— Так и пил.

— Из кости?

— Из кости... Похвалялся, что серебром обложит, а в тот раз прямо... из кости.

— Мне, значит, тоже надо... Пойти, убить, сделать чашу...

— Печенеги верят, что дух убитого вселяется в того, кто пьет из... из кости...

— Но мы с тобой не язычники! — воскликнул Ярополк и пугливо поглядел по сторонам.— Ты, Баян, поищи Си-

неглазку. Найдешь, привози скорее. Я для вас велю построить палаты, чтоб были на заглядение.

— Лучше самые невидные, — улыбнулся Баян. — Палаты на загляденье — все равно что на завидки.

Ярополк обнял Баяна. Шепнул:

— Найди вещее слово! Найди! Уж мы бы так зажили тогда... Тихохонько. Никого не убивая, не тесня... И чтоб нас-то никому не пожелалось ни теснить, ни убивать, ни в рабство вести... Вернешься с охоты, и поезжай, поезжай за Синеглазкой. И за словом!

Дела человеческие

Проснувшись с первыми лучами солнца, Ярополк прочитал про себя утреннюю молитву: «К Тебе, Владыко человеколюбче, от сна восстав, прибегаю, и на дела Твои подвизаюсь милосердием Твоим, и молюся Тебе...» С бабушкой пели дивную сию молитву. Бабушка подойдет к его постели, перекрестит. Улыбнутся они друг другу и скажут шепотом: «К Тебе, Владыко...»

Поднявшись с постели, молился перед иконами, а ему мешал кутенок, грыз и теребил носок сапожка. И было горько: сам себе казался вот таким же кутенком. Скоро явятся слуги, потом бояре, воеводы, и будет он деньденской словом и делом предавать Господа Бога, отступать от бабушкиных заветов, от молитвенных ее наказов.

Где-то что-то гроыхнуло. Ярополку почудилось: ларь с зерном опрокинули. Но откуда взяться ларю за полотняной стеной шатра? А зерно сыпалось, да тяжелехонькое!..

— Дождь! — сообщил князю постельничий. — С охотой придется повременить.

Ярополк обрадовался.

Вместе с Баяном, с рыжим Лютом, со стремянными поехал поразвезаться.

Дождь перестал, но тяжелые капли нет-нет да и срывались с распогодившегося неба, щелкали звонко.

Ярополк еще вчера заметил хлебное поле. Ему очень хотелось взглянуть, что это за зерно такое зреет — сте-

ной стоит хлебушек. И вот ведь глупая незадача! Перед Лютом не хотелось явно проявить интерес к столь земным делам.

А Люта тянуло совсем в иную сторону, к богатырю дубу, стоявшему посреди луга. У таких дубов язычники жертвы приносят.

Лют направил коня к дубу, и все потянулись следом.

— Будь рядом со мной,— сказал Ярополк Баяну.

Тот поехал с князем конь о конь.

— Не глядели бы мои глаза на эти дубы! — шепнул Ярополк своему сердечному другу.

— Дерево не виновато, что корни сварожьей бражкой поливают.

— Дерево не виновато,— согласился князь.— Срубить его!

Проехали под сенью берез. Земля здесь была сухая, а с листьев капало.

— В Царьграде вдоль дорог нарочно деревья сажают,— сказал Баян.— Одни для тени, другие от ветра Едешь как по саду. То ореховые деревья растут с двух сторон, а то абрикосы или персики...

— А почему бы и нам не посадить деревья по обочи нам?! — Ярополк даже на стремянах привстал.— Зимой от снега защита, осенью — плоды собирай! Посадить бы яблони, груши, вишни — чего проще?

— Да у нас и дорог-то нет! — смеялись стремянные.

— Будут,— не согласился князь.— Я хочу соединить Киев с Овручем. И соединю, чтоб нам с братом Олегом жить друг от друга не за лесами за горами... Будет дорога, и самое далекое место станет близким.

— Зело мудро! — поддакнул князю боярин Блуд.

— Затея! — Лют пришпорил коня, поскакал к одинокому дубу.

На зеленом лугу рыжий конь, всадник в узорчатом платье смотрелись лепо. На мгновение из-за туч выглянуло солнце, посмотрело, поиграло лучами, как мечами, и спряталось. Тучи всклубились, потянулись за горизонт, поспешая. Вся восточная сторона неба очистилась, си нела обновленная, обещающая много света и много тепла.

Вдруг пыхнуло! Мигнуло! И гром, как молот, вдавил всадников в седла, а коней в землю.

Боярин Блуд так и кинулся к Ярополку:

— Великий князь! Жив? Здоров? Переступень от молнии надо на себе носить... Обязательно — переступень.

Дрожащими руками снял с себя кожаный мешочек на шнуре, повесил на Ярополка.

— Что за переступень такой?! — удивился князь.

— Корешок.

— Наговоренный, что ли?

— Наговоров на нем никаких нет. Его как выкопают из земли, так тотчас несут на кладбище, зарывают посреди свежей могилы. А потом тридцать дней поливают коровьим молоком, а в том молоке топят летучую мышь. На тридцать первый день корень выкапывают да сушат на печи, топленной вербеной, травкой такой. Оборачивают кусочком савана — и на грудь. Ни одна молния не коснется! Вот уж и метит в тебя, да над головой зигзаг сделает.

Промолчал Ярополк, хоть и не по сердцу пришлось подарок Блуда.

Страх уже у всех прошел. Осмотрелись и ахнули.

Дуб, к которому так прытко скакал Лют, расколот надвое, рыжий конь мчится сам по себе, а рыжий хозяин его на земле сидит, головой трясет.

Подскакали: встал, руками на уши показывает.

— До сих пор звенит. Оглушило.

Пока ловили коня, Баян и Ярополк подъехали к дубу. Рассекло могучее дерево ровнехонько.

— Как мечом, — сказал Баян.

— Где такой меч-то взять, разве что у Люта?

— Радуга! — увидел Баян.

Радуга стояла над полем, где рос сильный хлеб.

— Туда! — и Ярополк, вполне счастливый, поскакал к заветному месту.

Пшеница стояла высокая, колос длинный.

Соседнее ржаное поле показалось нищенкой на пороге богатого.

Подъехали к дому, где жил хозяин полей. Баян узнал Позвизда.

— Ты ли это?! — воскликнул, не удержавшись.

— Как видишь... Я рубил, меня рубили. Теперь хлебушек сею...

— Что за дивная у тебя пшеница? — спросил Ярополк.

— Пшеничка, князь, золотая. Заморская пшеничка. Мне шапку старый мой друг отсыпал. Из шапки — мешок, из мешка — поле.

— Таковую пшеницу по всем весям бы завести.

— Хорошее дело, князь. Бог тебе в помощь.

— Как будет урожай, ты мне шапку-то насыпь, — попросил Ярополк.

— Коль град не побьет, дождь не замочит, худая роса не вычернит — мешок твой! Доброе ты дело задумал. Человеческое.

В Ярополке было отцовское: важные дела вершил тотчас.

Позвал купцов, угостил, одарил. А провожая, наказал привезти царьградской пшеницы на семена, да всяких семян, да ростков на развод плодовых деревьев. Купцы такому княжескому желанию удивились, а промеж себя, поговорив, решили:

— Иные пришли времена на Русскую землю. Хлебным духом потянуло, духом мира и покоя.

Долговечные люди

Ни двора, ни кола, да и поляны нигде не видно. Орешник, колючий боярышник, коряжистый терновник... Словно и не было никогда селения волхвов, с конюшнями, амбарами, кузнями... Никаких следов человеческой жизни!

Баян еле-еле разыскал озерцо, где когда-то встретил умного зверька — ласку.

Вместо церкви, построенной княгиней Ольгой, невысокий холм. На вершине холма пламенеет кипрей, но к цветам не подступись — крапива.

С замирающим сердцем кинулся Баян через кустарник к скале, к Каменному коню.

Конь был на своем месте, но Баяну показалось, что и ему, каменному, невыносимо тяжело в одиночестве. Голова словно бы угнулась, копыта от напряжения потрескались. Да ведь и то! Русь на себе несет, а может, и не одну Русь, всю землю скифскую, со всеми ее ордами, городами, весями, со всеми ее напастями и чудесами.

Баян вспомнил слова праздничного гимна:

«Свет денницы явился белому коню! И окунул он морду в ясли и ел свет дней, как зерна пшеницы...»

— А съел ты, конь, с той поры всего девять лет...

Погрустил Баян о минувшем, о канувшем, о своих товарищах, о кузнецах Любиме, Лучезаре, Любомысле. Особо вздохнул о Горазде... Бог милостив, где-то они живут, делают дело, какому были научены Благомиром и волхвами.

Потянуло Баяна к тайной пещере. Разыскал.

В пещере стояла тьма. Это была тьма тишины.

Баян помнил слово, от которого явился в пещере свет. То слово — «Алатырь». Но сотворить чудо словом дивного волхва Благомира не посмел, а своего слова, столь же всесильного, всевластного, у него пока что не было.

Не один день ходил Баян по долам да по лесам, пока наконец не встал перед ним могучий бор, где жили бортники. Первое, что увидел: дуб — медовая казна. Тотчас явилась картина перед глазами. Сидят на скамье из целого струганого ствола Благомир, Добромysl, Доброслав и Радим... Орел тогда прилетел! Принес орлятам волчонка. Как же страшно было идти к этому дубу с орлиным гнездом, когда Благомир послал за благословением, а коснуться надо было не самого дуба — корней...

Все вокруг прежнее, вот только сам он другой. Повидавший хазар, ромеев, болгар, печенегов... Пошел дуб обнять да и обмер! Из-за дерева вышел... человек. Подол длинный, черевички махонькие — женщина, но вместо лица, вместо груди, рук... шевелящаяся темная короста... Баян попятился, хотя и успел сообразить: человек перед ним — человек, а короста — пчелы. Помочь ведь надо, но как? Насмерть закусает обоих.

Человек, увидев Баяна, охнул, приподнял плавно руки вверх, и пчелы потекли с рук, с груди, с головы к дуплам

дуба. Живая короста таяла, и увидел перед собою Баян — деву.

— Ты — внучка дедушки Рода Всеведа Синеглазка.

— Угадал.

— Я не угадывал, я узнал.

— Я верила, что ты придешь. Никто из злыдней нашего заговора не превозмог. Слово наше было белое, как Алатырь-камень.

— Мы ведь для крепости поцеловались.

— Верно, — сказала Синеглазка, зардевшись. — Маленькая была, глупая...

— Почему же глупая? Я пришел за твоими поцелуями.

Синеглазка потупила голову, но тотчас спохватилась:

— Путнику с дальней дороги — перво-наперво: баня!

— Нет! — сказал Баян. — Позволь мне посмотреть на тебя, побыть с тобою... Только как же это ты с пчелами-то так...

— Словечко знаю, — простодушно сказала Синеглазка.

Она повернулась и пошла, пошла не к веси, не к дому, и он поспешил за нею и никак не мог стать рядом: тропа была узкая, а кругом ветки, больно хлеставшие по лицу.

Синеглазка повернулась вдруг, и они оказались глаза в глаза. И он догадался: стоять, смотреть — мало, нельзя! Протянул руки, и Синеглазка пошла в его объятия, а губы у нее, как и в детстве, были все равно что земляника.

У Баяна голова пошла кругом, но тут затрещали кусты и на тропу выбежал медведь да и стал на дыбы. Баян отстранил Синеглазку, закрывая ее собой, но она засмеялась:

— Это наш Топтыга! Помнишь медвежонка? Он у нас пчелиный сторож. Правда, правда! — И крикнула медведю: — Пропусти нас, косматый!

Медведь тихонечко рывкнул, вроде как поздоровался, и отступил с тропы, лапами отгребая прочь ветви, чтоб не помешали хорошим людям.

Они вышли к ручью. Сели на зеленый лужок, свеся ноги над водой.

Синеглазка вдруг заморгала ресничками, слезы покапались неудержимо.

— Ты что?! — испугался Баян.

— Ты не шел! Ты все не шел, а ко мне женихов каждый день присылают.

— Я был в Царьграде, — повинился Баян. — Потом с князем Святославом на войне. Потом у печенегов.

Синеглазка обняла его, поцеловала, горько, во все свое сбывшееся счастье.

— Видишь? — показала она на древнюю, укрывшуюся длинными ветвями ракиту. — Пусть нас завтра же обведут вокруг нее.

У Баяна сердце вздрогнуло, но ничего не сказал: в лесу порядки лесные. Господь простит.

— Живы ли старики, у которых мы останавливались с Благомиром? — спросил Баян. — Добромысл, Доброслав...

— И ветхий Радим! — закончила весело Синеглазка. — Все живехоньки, все в добром здравии.

— И Радим?!

— А что ему делается? Мед — еда людей долгого доброго века... Ты меня не увозил бы отсюда. У нас хорошая жизнь. Нам дом поставят, деревья медовые дадут...

— Я попрошу великого князя отпустить меня. У Ярополка душа отзывчивая.

— Ах, Баян, я буду с тобой на земле, на воде, в небесах — только бы вместе!

День-радость получился добрым и долгим.

Гостя встречали, кормили-поили, отвели в баню, снова кормили, беседовали. Старейшины бортников Радим, Доброслав, Добромысл и другие старики водили Баяна на вечернюю зарю смотреть.

— От зорь душа зорче, — сказал Доброслав.

— Зори гонят из сердца потемки, — поучил молодого Добромысл.

Радим же только глянул на всех и устремился дивными очами своими еще к одной, к светлой, к пылкой, заре.

А утром Баяна и Синеглазку вывели к древней раките.

— Ой лю-ли! — пели девушки.

— Ой, ракита-ракита! Сколько сердец тобой пови-
то! — говорили старшие. — Сколько судеб сошлось на
твоем кругу, на неразъемном.

Весь народ был на лугу. Ждали, когда солнце
встанет над лесом, когда цветы и травы подсохнут
от росы.

Возложили невинные девы на головы Баяна и Си-
неглазки сокровенные венки, и самый крошечный
мальчик, только-только научившийся ходить, побе-
жал, посеменял, счастливый и радостный, вокруг ра-
киты, хватаясь за длинные ее косы. Баян и Сине-
глазка, соединя руки, двинулись следом за своим
шустрым водителем.

— Ничего не страшись! — шепнула Синеглазка.

И вовремя! Прилетели два роя, сели на венки ново-
брачных, и бортники радовались доброму знаку.

— Что царь, что царица — матке-пчеле любви.

На пиру молодым ни есть ни пить не полагалось, а
постелили им в амбаре. В открытых полных ларях —
зерно, в чашах — ставленные меды, в бочках — мед, в
блюдах — кушанья.

Постель была разобрана. Возле постели стояли реше-
та: одно с жемчугом, другое — с золотом.

Синеглазка опустила перед Баяном и сняла с ног
его обувь.

Тотчас подхватил Баян Синеглазку на руки, на постель
положил. И когда пришла к ним минуточка роздыха,
Синеглазка благодарно прижалась головкою к плечу су-
женого:

— Не пирование ты выбрал, не сладкий мед, не
жемчуг — слезы мои, не золото — твои умыслы. Меня
взял.

— Но теперь-то не грех и попить!

— Ой не грех! — согласилась Синеглазка, и откушали
они под крики петухов в темноте от всех яств и всякую
чашу пригубили.

Догадались, что ночью темной слаще всего, что до-
роже всего.

Свадьба кончилась, а праздники только начались.
Всею весью дружно, с песнями строили дом моло-

дым. Водили к медовым деревьям, приданому Синеглазки.

Наконец позволено было новобрачным сесть на коней, ехать к матушке, к бабушке Баяна, к светлому князю Ярополку.

Дары великого князя

В доме Знича и Власты тоже было суетно и радостно. Власта принесла сына. После родов помолодела на добрых двадцать лет. Синеглазке обрадовалась, как лучшей подруге. Синеглазке же в семье Баяна было хорошо, своего деверя нянчила с нежностью.

— Деверь невесткам друг! — смеялся Знич. — А у нас невестка деверю нянька.

Второй свадьбы не стали играть, решили иначе отметить семейные радости. Дождались приезда Дукаки и Золотой Косы, у них тоже сын родился, и отправились все вместе к великому князю.

Принял Ярополк своих подданных, принесших ему детей, не хуже чем бояр: в тронном зале, сидел в венце, рядом с ним его гречанка.

На Баяна посматривал приятельски, на Синеглазку с братской любовью.

— Судьба, Баян, к тебе милостива! Уж очень даже милостива!

Княгиня Александра после приветствий сошла с трона, попестовала обоих младенцев, а когда услышала о судьбинах Золотой Косы и Власты, растрогалась до слез. Подарила новорожденным на зубок по серебряной ложечке.

Ярополк же так сказал:

— Мой отец, великий князь Святослав, войну почитал за жизнь. Я не хочу отнимать дитятей у матерей, супругов у жен, кормильцев у стариков. Покой не шумлив, не красен пролитой кровью. Покой зелен, как трава, золотист, как хлебушек в поле. Он ведь и солон. Труд любит пот. Будем жить покойно, сколько отпустит нам благоденственного мира судьба наша. Я радуюсь рождению му-

жей, будет кому поле сеять, дома ставить. И вот вам мой дар: каждой семье по коню да по плугу, а как привезут мне семена пшеницы из-за моря, дам и семян на развод.

Гречанка перекинулась с Ярополком тихими словами и поднесла Синеглазке золотую гривну. Пригласила женщин на свою половину, а Ярополк позвал за свой стол Дукаку, Зничу и Баяна.

Потчужа гостей, поделился домашней радостью:

— Мой брат князь Новгородский Владимир письмо прислал. Народ в его краю живет не бедно, голода там испокон веку не знают. Купечеству и горожанам Владимир с Добрыней по душе пришлись. Проженили моего братца. Варяжскую княжну сосватали, свет Олову. Ждут младенца, а Владимир-то спрашивает меня об имени, коли будет сын.

— Святославом назовешь, — сказал Баян.

— Вышеславом! Великие деяния совершил мой отец, но его внуки пусть проживут свои жизни, свои судьбы. Воинственнее моего отца быть невозможно, а счастливее — сколько угодно. Пусть сынок Владимира будет счастлив и славен.

Выпили заздравные чаши Владимиру и Добрыне.

А Ярополку еще есть чем погордиться, показал огромную шкуру вепря, с аршинными клыками.

— Подарок из Овруча, от братца моего, от князя милого Олега. Ведь сам добыл такого ужасного зверя! Вот страсть-то!

Все встали из-за стола, потрогали острые клыки, подивились величине зверя. Вепрь силой и напором все равно что степной вихрь.

— Как же это князь, совсем молоденький, такую мощь переборол?! — изумился Знич.

Дукака только головой качал да языком шелкал.

— Охотник мой брат на диво! Баян, спел бы ты славу братцу Олегу.

Баян даже вздрогнул: давно не касался струн.

Ярополк ударил в ладоши, и слуги принесли украшенные дорогими камнями гусли. Наложил персты Баян на струны, и теперь вздрогнули все, кто был в гриднице, и гости, и слуги, и Ярополк. Будто гуслияр открыл каждому

грудную клетку и показал сердце. Но доля певца петь.
Начал Баян поигрывать словами, как дети играют ка-
мешками:

Скатился валун с горы в омуты бездонные,
Ой, низехонько ему лежать на самом-то дне,
Не видать со дна неба синего, света светлого,
светозарого,
Светозарого да просторного,
На всю землю распростертого,
От утра распростертого до вечера...

— Ты об Олеге, об Олеге спой! — нетерпеливо под-
сказал Ярополк.

Забурлили струночки гуслей, будто ветром по воде
ударило, а потом — затишали, загулькали по-голуби-
ному:

Как взъерошился, как ворохнулся вепрь во овражке,
А овражина — пропасть с пропадью!
Ай, взвились со дна птицы-вороны,
Там гнездо у них вороватое,
У них клады там все-то краденые.
Во овражину Олег вихрем свергнулся,
Он сомненья, опасенья не ведает,
Он про завтрашний день не подумает.
А тут свинки-то ой как пискнули,
А тут хрюкало-то вепряное ай всхрапнуло-то как!
Развалил чащобу вепрь на стороны,
Принагнул клыки и пошел-пошел,
И пошел, пошел к неприятелю.
Поразить-пронзить он идет, урча,

С резвых ног снести и дотла спалить оком яростным.
Приподнял копые Святослава сын,
Уперся в стремена цветным сапогом,
Насадил на железо саму смертушку,
Да она-то, смерть, в очи ясные ой как глянула!
Нипочем до поры погляды те,
Не смутился хозяин Овруча, ни о чем не задумался.
Волосатую шкуру ради славы взял,
А вепрятину так дружине дал,
Себе, молодцу, — одоленье с перемогою,
А устаток свой в ту же ночь заспал.

Баян перебирал струны, струны всполошно вскрикивали, умолкли наконец.

Молчали.

— Как это у тебя получается? — сказал Ярополк, поживаясь. — Ничего не было — и песня. И ведь не позабудешь сказанного. Ты чего-то напорочил, знать.

— Пел, что пелось, — сказал Баян, отставляя от себя гусли.

— Нет! Как же это у тебя получается?

— Не знаю... Ты сказал: пой, вот я и спел.

— А гусли эти — твои! — улыбнулся Ярополк.

Баян поклонился до земли:

— Благодарствую. Дивные гусли. Однако смилуйся, отпусти меня с Синеглазкою пожить у бортников. Обветшали мои слова в миру. Радости им набраться бы на вольной воле.

— Я все ищу тебя, все жду... Что ж, Баян, иди! Ты ведь не раб, чтоб сидеть привязанным к месту.

— Князь! — воскликнул Баян. — Прости меня. Не от тебя бегу... Всего и хочу, чтоб посветлело в душе.

— Ступай, Баян! Ступай! Я буду рад светлым песням. — Ярополк откровенно огорченно вздохнул: — Будет просвет в бесконечных моих делах, приеду в гости. На меды.

Прощаясь, обнял Баяна. Хранителю казны велел выдать певцу на жизнь сорок гривен. Огромные деньги.

Приключения полениц

Гречанка Александра заметила: Ярополк сажает ее рядом с собой на бабушкин трон по самым малозначительным случаям.

Заговорила о том как бы невзначай и пожалела, что заговорила. Ярополк побагровел, словно его уличили в воровстве.

Страдая, признался:

— Как бы Свенельд чего не затеял против тебя... У него затей много.

Краснеть Ярополку было отчего: Свенельд уже затеял затею. У стыдливого князя храбрости не хватало рассказать о происках всесильного воеводы. К гречанке Свенельд ластился, когда рядом со Святославом был Калокир. Но теперь Калокир прятался от Цимисхия неведомо где, а сам василевс, завершив победоносную войну в Сирии, погряз в разборе церковных дрязг и неустройств. Сместил с патриаршего престола своего же ставленника Василия, приговорил к ссылке в монастырь на реке Скамандре. В патриархи возвел Антония, монаха знаменитого Студитского монастыря, мудреца и аскета. Антоний был стар, но просветлен Божественным Духом. Как говорил о нем современник: всякий изнеженный человек покидал святого старца с чувством, что «жизнь — тень и сон».

Занимаясь устройением духовной жизни государства, предводительствуя армиями в новых походах, василевс Иоанн Цимисхий забыл о Руси.

Но о Византии помнил Свенельд. Он ощущал бремя своих лет и видел: на Люта положиться нельзя — ветер в рыжих кудрях, весь ум в силу ушел. Что выйдет из Ярополка — неизвестно, одно ясно — это не Святослав, это — не война. А для мира сил нужно вдвое и втрое, нежели для царства воюющего, для всех страшного.

Взоры Свенельда обратились к Полоцку. Полочане были сильным народом. Князь Рогволод — потомок старого Рогволода, пришедшего на земли кривичей, чуди, новгородских славян вместе с Рюриком. О красоте, об уме дочери Рогволода Рогнеде сказывали сказки, словно это была вторая Ольга.

Женить Ярополка на половецкой военной силе для Свенельда казалось все равно что добыть Киеву безопасное будущее.

Древлянин Владимир, сын Малуши, владея Новгородом, рано или поздно пожелает и киевского стола. А он его пожелает: уй Добрыня надоумит. Добрыня всегда мечтал о едином славянском царстве.

Когда Свенельд заговорил с Ярополком о дивной полочанке Рогнеде, князь отвечал сбивчивой скороговоркою:

— Зачем мне Рогнеда? У меня есть жена. У меня жена багрянородная. Она добрая, она мудрая, она...

— У русского князя может быть десять жен! — сурово возразил юнцу беспощадный Свенельд. — Жены князя не для приутехи. Жены князя — сила княжества. И ум!

Ярополк сглотнул слюну и промолчал, молчал и Свенельд до времени.

И вдруг явился к Ярополку на ночь глядя и как ножом по сердцу:

— Владимир-то, твой братец, как бы не опередил нас! Завтра же посылай сватов!

Несчастливым мальчиком предстал Ярополк перед любимой своей гречанкой.

— Что делать? Свенельд к Рогнеде, к полочанке, сватов шлет!

Александра смотрела на вытаращенные, на испуганные глаза Ярополка и засмеялась. Да пуще, пуще, без удержу.

— За кого сватает-то? — спрашивала сквозь смех и слезы.

— За меня.

И опять хохотала Александра, а насмеявшись, взгрустнула:

— Ну, коли ты ко мне пришел защиты искать, давай кудри тебе расчесу.

Достала гребень. И он, поколебавшись, положил-таки голову на ее ласковые лядвы. От сладости, от горя — прижимался к ее телу, как обиженное, но утешенное дитя.

На другой день Александра поехала в гости к дочери Свенельда.

И объявились во чистом поле, досаждая проезжему народу, поленицы.

Александре, не смирившейся с коварством судьбы, было любо пускать стрелы, изумляя точностью глаза, крепостью руки Свенельдову дочку.

Броню и оружие поленицы прятали в лесу, в потайной землянке. Забавлялись скачками, стрельбой в цель. На птиц, на зверей луков не наводили, а вот куралесы куралесили. Наезжали на обозы, приказывали возчикам на

бой выходить, многим на двух. Какое там! Мужики, громады мышц, сила немереная — на землю ложились, моля о пощаде. В сердцах поленицы заставляли мужиков переворачивать возы, драть друг друга за бороды...

Однажды Свенельдова дочка с Александрой наехали на скоморохов. А у скоморохов медведь! Александра ойкнула по-бабьи, но приключилась великая потеха. Скоморохи кинулись в лес, а медведь в село, что было поблизости. Заскочил в избу, дверь за собой закрыл. В избе женщины, дети — бревна тряслись от воплей.

Было дело, озоровали над овечьими пастухами. Как всегда, предложили молодцам силой померяться. Куда там! Кто кланяться, кто бежать. Гоняли пастухов по степи, стегали плетками. Овцы оказались поумней своих водителей. Шарахнулись всею массою, пробежали с версту и стали как солдаты, командиров дожидаясь.

Недолго глумились над людьми обиженные судьбою женщины — мужчинами не родились, — всему приходит конец.

Ясным вечером приметили поленицы вдали двух витязей.

— Ай, потешимся! — обрадовалась дочь Свенельда.

Александра же хотела остановить ее:

— Се истинные рыцари. Посмотри, какие у них кони, какие плащи. И ведь в броне.

— Вот и славно, что рыцари! Довольно медведей да баранов пугать. Ой, Александра, как же я люблю — съехаться с поединщиком. Кровь так и взывает.

Не ведала сумасбродная, на кого коня пустила, на кого копые выставила.

То был Роар, ее жених. С оруженосцем своим он вышел из лады и ехал берегом, наслаждаясь красотой ковыльной степи.

И вдруг — поединщики.

— Защищайся! — закричала дочь Свенельда, остановившись на миг и горяча уздою коня, чтоб налететь и сшибить нежданно явившегося варяга.

— С кем имею честь?! — спросил гордо Роар.

— Сшибу, тогда узнаешь! — крикнула его невеста и помчалась, неотвратимая, как судьба.

Рассердился Роар, закрылся щитом, поднял копье. Но поляница отвела его оружие и ударила. Пришелся удар поверх брони, в горло. Выпал Роар из седла, сраженный рукою своей невесты.

Александра с оруженосцем в бой не вступала, пустила издали стрелу в шишак шлема, тем и позабавила себя.

Только на другой день узнали поленицы, кто был убит во чистом поле, кто омочил кровью седые чубы ковыля.

Хоронили Роара с великими почестями. Невеста его, прекрасная дочь Свенельда, была неутешна.

Сразу после похорон крестилась и приняла самое строгое монашество — схиму.

Александра же присмирела. До того присмирела, что и со своей судьбой вполне смирилась.

Год 975-й

Мудреные тенета выплелал хитроумный Свенельд, но жизнь посрамила его простотой.

Дочь, такая своенравная, непокорная, похоронив жениха, которого никогда не видела, неделю сидела будто в столбняке, не желая глаз поднять, слова сказать. И вдруг уверовала в Христа, отреклась от мира.

Дочь ладно, отрезанный ломоть. Беда с сыном раздавила всемогущего Свенельда. А он был занят величественным делом — устройением будущего государства. Князь Рогволод принял сватов Ярополка с честью. Гордая княжна Рогнеда хоть и поморщилась, узнавши, что одна супруга у киевского князя уже есть, но предложение приняла. Условие, поставленное княжной, для Свенельда было вполне приемлемое: почитать полочанку выше гречанки.

Наставить на ум податливого, как воск, Ярополка — казалось Свенельду несложным. Князь упрявился, речей о Рогнеде слушать не хотел, и премудрый боярин отступил, полагаясь на терпеливую, не оставляющую выхода настойчивость.

И вдруг белый свет померк. Наследник рода, могучий Лют, отправился на большое веселие, на красную охоту

за оленями в дремучие древлянские леса. Нет, не привез он тучных тельцов, самого принесли, одинокого, ибо один он был мертв среди живых товарищей и слуг.

Рассказы охотников были сбивчивы. Повстречали-де в лесах князя Олега Древлянского. О худом не думали. Когда охота с охотой нечаянно сходятся, жди дружеского пиршества. Правда, и драки бывают: не трожь-де наших зверей, для нас плодятся.

Князь Олег только и спросил Люта:

— Кто се есть?

— Свенельдич, — ответил Лют.

Взъярился князь, повелел гнать Свенельдича из древлянских лесов. Гордый Лют вознегодовал и был тотчас убит.

Будто железноногий идол сошел с места, страшен был Свенельд, явившись к Ярополку. Требовал мести.

— Порази, князь, Олега, порази в само сердце. Сегодня он поднял руку на ближайшего к тебе — завтра поднимет на тебя.

В своих уделах Олег и Владимир правили самовластно, ни в чем не признавая первенства киевского стола. Ярополк понимал: княжество, разделенное на три части, втрое слабее княжества Олега и Ольги... Надеялся, время образумит братьев, не торопился навязывать им свою волю, откладывал большое дело на лучшее завтра. Одно — воевать с печенегами, а тут ведь братья! Свой народ! Как приступать к городам, где у людей та же речь, что твоя? Как можно просить победы у Христа и Богородицы, идя войной на родную кровь?

Свенельду Ярополк отказать не посмел. Согласился собрать войско, проучить Олега, древлян, возгордившийся Овруч.

Войско можно собрать за считанные часы, а можно за год не управиться. Если хочешь кого-то наказать, будь во много раз сильнее, иначе твоя наука на собственную голову рухнет.

А тут приехали послы императора Оттона II. После смерти Оттона I послы Ярополка ездили в Кведлинбург поздравлять Оттона II с восшествием на престол, привезли меха и другие подарки. Теперь Оттон воспылал

дружеством, ему нужны были союзники для войны с Византией, мечтал отобрать у Царьграда Южную Италию — приданое багрянородной жены.

Задабривая Свенельда, Ярополк ему поручил вести переговоры с посланцами императора, наказав дарить Оттона дружбой и отговаривать от войны.

Вскоре подоспели иные дела, иные новости: Свенельду стало не до Овруча.

Новгородский князь Владимир прислал сватов к Рогнеде, зная, что княжна сговорена за Ярополка!

Гонцы радостно пересказывали гордый ответ дивной полочанки сватам Владимира, стало быть, ую Добрыне: «Не хочу разуть робичича, хочу за Ярополка».

Свенельд ответу княжны обрадовался, а великий князь бегал грекине жаловаться на судьбу: придется быть двоеженцем.

Люди копошились, строили козни, загадывали наперед, а в Книге Судеб иное было написано.

Не успели в Киеве всласть посудачить о горемычном сватовстве князя Владимира, порадоваться за своего, как пришли вести злые и страшные.

Владимир с новгородской ратью, ведомой Добрыней, неожиданно напал, взял Полоцк, пленил князя Рогволода и его семейство.

И сказал Добрыня, пылая гневом, ибо его племянник был опозорен Рогнедой:

— Нарекаю тебя, княжна, робичицей. Была чересчур горда, будешь ныне в ничтожестве.

И перед князем Рогволодом, перед матерью княгиней, перед двумя братьями повалил Владимир, ободряемый Добрыней, их дочь и сестру и взял силой, насладясь мезью.

Братьев Рогнеды, чтоб некому было мстить, тотчас убили. Убили и князя с княгиней, Рогнеда же стала женой Владимира. Приданое у нее уже было собрано, готовилась в Киев ехать, а поехала в другую сторону. Поруганной, плача о гордых словах своих.

— Собирались в Овруч, а придется идти в Новгород, — сказал Ярополк Свенельду.

А тот вдруг оробел.

— Сначала, князь, надо приготовить войско. У Олега — древляне, а у Владимира — варяги. Пусть, ожидая нас, перегорят. Да ведь и денег у Владимира больше нет, чтоб держать при себе купленное войско.

Ярополку было мерзко и думать о насильничанье брата Владимира, но он был рад, что война откладывается...

Девятой

Жрецы Перуна удивились: князь Ярополк без напоминаний пришел к истукану. Зарезали петуха, князь помазал кровью потрескавшиеся губы идола. Стоял перед жертвенником, подкладывая дубовые сучья в пламя вечного огня.

Лицо у Ярополка было серьезное, и волхвы, хоть и следили за каждым его движением, не смогли обнаружить ни беспечности, ни презрения. Решили: надо ждать похода.

Прощаясь, князь щедро одарил жрецов и, спустившись с холма, поклонился Перуну. И тут перед князем палиц тонкий в кости юноша.

— Смилуйся! Дозволь слово молвить!

— Говори,— позволил Ярополк.

— Меня не берут в гвою дружину! Говорят, зачем ты нам, коли нет в тебе силы.

— Воин должен быть сильным.

— Верно, руки у меня тонкие,— согласился юноша,— но я умею такое, чего сильные не могут.

— Чего же они не могут?

— Посмотри, великий князь, как я всхожу на деревья.

Подбежал к тонкому вязу и не вскарабкался, обхватывая ствол коленями, а взшел по стволу, наступая на дерево босыми ногами и быстро перехватываясь руками.

— Могут они так? — крикнул юноша с вершины.

— Не могут,— согласился Ярополк.— Что же, приходи в полдень на мой двор. Зовут-то тебя как?

— Девятой.

— В семье, что ли, девятый?

— Ага!

— Ну, приходи! Будь у меня первым.

Льстя убитому горем Свенельду, Ярополк приказал у себя на дворе выкопать очень глубокий колодец. Три конца толстых веревок лежали на срубе. Поднявшего десятипудовую бадью брали в гридни. Поднявших бадью с половиной веса — в дружину. Третья бадья, трехпудовая, была для наращивания силы.

Смотром новобранцев занимался Варяжко.

В тот день недалеко от сруба повелением князя врыли высоченный столб. Как дело кончили, явились смотреть новых гридней и воинов Ярополк и Свенельд. Для них поставили скамью, скамью застелили ковром.

— В гридни попадают один из двадцати,— сказал Варяжко, окидывая взглядом немногих, кто еще не прошел испытания. Увидел вдруг Девятого.— А ты здесь зачем?

— Велением великого князя! — дерзко ответил юноша.

Варяжко оглянулся на Ярополка, пожал плечами:

— Ну, подходи. Какую для тебя бадью ставить? Небось наибольшую?

— Наименьшую.

Варяжко хмыкнул и прицепил к барабану трехпудовую, игровую бадью. С натугой, с передыхами, Девятой достал-таки груз из колодца.

Варяжко вопросительно смотрел на Ярополка.

Тот указал на двух парней, поднявших пятипудовые бадьи.

— Пусть вдвоем тянут самую тяжелую, да подцепи туда же еще наименьшую,— распорядился Ярополк.

Парни, обливаясь потом, начали подъем, и было видно — не сдюжат.

— Девятой, помогай! — крикнул князь.

Тонкорукий юноша кинулся на помощь, и страшная тяжесть покорилась троице.

— А теперь,— распорядился Ярополк,— залезь-ка ты, Девятой, на этот столб, да поскорее.

Девятой скинул чуни, опрометью взбежал на высоченный столб да еще и уселся на нем.

— Ну, что ж,— сказал князь.— Пусть другие сделают то же, что и Девятой.

Получился конфуз. Самая малая часть с грехом пополам, елозя по столбу, выдержала испытание.

— Берем, Варяжко, Девятого? — спросил Ярополк воеводу.

— Вроде в лесную сторону собираемся, — сказал Варяжко. — Пригодится этакий лазальщик.

Ярополк посмотрел на Свенельда. Губы у старика сложены горько, в глазах пусто, сказал, опуская голову:

— Ушло мое время.

Вздыхнул князь:

— Нечем мне тебя порадовать, великий ты мой воевода. Вот разве Баян сыщет в дремучем бору вещь слово? Может, от слова оживешь?

— Месть — моя жизнь. Доживу до дня мщения, и все мои земные дела будут кончены, — сказал Свенельд, взгляд его был мутен, тьма стояла на дне души.

Чего не ведают князя

После теплого дождя пошли расти боровики да лисички.

Баян и Синеглазка отправились по грибы. Корзину через плечо для грибов, для ягодок лукошко.

— Синеглазка! — звал радостно Баян, стоя на золотой от лисичек поляне.

Синеглазка, оставив такую же поляну, прибежала к мужу, ойкала! Он ловил ее губы, и она целовала, распахнув глаза, и в этих глазах был свет и дивное изумление.

Бор порадовал их грибами и выпустил на приволье, к воде. Солнце только-только взошло, и Синеглазка, взявши Баяна за руку, заторопилась, побежала.

Из воды всплывали золотые кувшинки, подставляя свои чаши солнцу. И вот уже на воде сверкала сокровищница. Это была сокровищница солнца, чудо из чудес. Баян кинулся искать глаза любимой, чтобы найти в них тот же восторг, а два восторга — счастье.

Вдруг услышали они тревожное криканье утки. Увидели, как, растопырив крылья, заслоняет бедная птица

своих крошечных птенцов, а над камышами лениво летит к добыче огромный сип.

— Пошел! Пошел! — сорвала с себя платок Синеглазка.

Сип сердито замахал крыльями, подался в сторону от утиноного семейства.

— Ишь кого обижать взялся! — кричала на хищника Синеглазка, и грозная птица нехотя, но отлетала-таки прочь все дальше и дальше.

— Послушался, — радостно вздохнула Синеглазка, и ее нельзя было не поцеловать.

«Где же ты, вещее слово?» — думал Баян. Ему было легко и радостно. Какие уж тут слова, когда вокруг сердца радуга.

В кустарнике на сухом бугре Синеглазка и Баян встретили семейство перевязок. Ушастые, с двойной полосой по верху голов, по ушам, над глазами, через всю мордочку, зверьки смотрели на людей из травы, пушистые хвосты играли над их спинками.

— Спрячемся! — предложила Синеглазка.

Они укрылись за бугорком.

Малыши перевязок тотчас забыли о людях, принялись тормозить друг друга, но родители остались на месте, голова к голове, смотрели, куда подевались двуногие великаны.

— У них любовь, — сказал Баян, целуя Синеглазку. — Как много в мире любви! Лю-бовь! Не оно ли?

— Что?

— Вещее слово.

— Любовь?

— Лю — бовь.

Они прошли через гудящий пчелами луг.

— Какой нынче выпас! — обрадовалась Синеглазка.

— Цветы — любовь, пчелы — любовь. — Баян увидел впереди опушку, поросшую кипреем. — Пошли!

Он помог снять корзину Синеглазке, снял свою. Поцеловал суженую, подвел к цветам.

— Дарю тебе сокровенное, семейное...

Снял розовое пламя с кипрея, передал в руки Синеглазке. Она держала огонь бережно, затаив дыхание смотрела через пламя, шепнула:

— Баян!

И вернула ему огонь, а он — цветку.

И обняла она его, и они любили, радуя любовью небо, землю, ярый кипрей.

— Любовь — вещее слово, — сказал Баян Синеглазке.

— И сама любовь — вещая.

— Чего же тогда искал Благомир?

— Он ведь для князей искал, — сказала Синеглазка. —

Для князей жизнь — война, любви не ведают.

— А зверьки ведают! А пчелы ведают! И цветы! И утка!

— И мы с тобой.

— И мы с тобою, — согласился Баян.

Братоубийство

В лето 6485-е великий Киевский князь Ярополк пошел на Олега, князя Древлянского. Мечтал построить дорогу братской дружбы, а построил полки.

Двигались на ладьях. По Днепру, Припятью, по рекам Уж и Норин. Верст за двадцать от Овруча войско покинуло корабли, опасаясь нападения с обоих берегов. Продирались сквозь лесные чащобы.

О приближении киевского войска древляне знали. Девятой с высокого дерева увидел дружину Овруча перед лесом.

Большой воевода Свенельд тотчас разделил дружину на три части. Полк князя во главе с Блудом послал обойти древлян справа, полк Варяжки — слева. Сам же вышел из лесу в лоб ненавистному Олегу.

Воевода Претич воевать с великим князем, с родными киевлянами посчитал для себя невозможным. Олег посадил его за непослушание в темницу.

Ярополк с Девятым обозревал сражение с дуба.

— Олег! Господи, Олег! — узнал он брата.

Князь древлян был в сияющем зеленом плаще, в золотом шлеме, в золоченых греческих доспехах. Показы-

вал мечом дружине на выбегающих из леса воинов Свенельда и радостно что-то кричал.

Разбить в пух и прах не успевшее построиться войско соблазнительно.

— Олег! Олег! — горевал Ярополк, прижимаясь лицом к жесткой коре. — Что же ты по сторонам-то не смотришь?

Древляне, горячо напавшие на полк Свенельда, тоже не сразу увидели, что справа и слева на них неотвратно идут, сомкнув щиты, два многолюдных полка. Уже и кони ржут на лесной опушке: готовится конная атака.

Ярополк видел, как Олег затоптал лошадью пешего воина, другого копьём ткнул, но древляне, ужаснувшись, уже хлынули толпами в бега.

— Олег! — шептал Ярополк. — Олежек! Где же глаза твои?

Олег словно услышал брата: повернул коня. Скакал, припав телом к гриве.

— Слава Богу! — перекрестился Ярополк. — Слава Богу.

И только теперь вспомнил о Девятом. Сказал, не кривя душой:

— Брат он мне. Меньшой братец.

Преследовать бегущих Свенельд пустил конницу. Недолгая дорога до стен Овруча покрылась бугорками трупов.

Вместе с отступающими древлянами в город ворвались гузы. Овруч пал.

Уже через час после начала битвы князь Ярополк въехал на мост через глубокий ров, наполненный водой.

На мосту задавленные, во рву — потонувшие, кони, люди...

У Ярополка волосы под шлемом встали дыбом. Он видел множество трупов в битве под Белой Вежей, но издали. Там сражались за самую жизнь, а чего ради погибли эти люди, единокровные?

Овручские бояре поспешили поклониться победителю. Ярополк был милостив, сказал кротко:

— Живите как жили. Не забывайте только об одном: Овруч и Киев — единая земля. Русь.

Ярополк был светел лицом и одеждami, а вот боярин его, свирепый Свенельд, явился перед древлянами с ног до головы забрызганный кровью.

Воевода молчал, но всем было холодно от его присутствия.

— Где брат мой? — спросил древлян Ярополк. — Где Олег? Я хочу видеть его.

Князя искали, но не нашли. Среди бежавших в лес его тоже не видели.

— Зачем Олегу бегать от меня? — огорчился Ярополк. — Я злого не сотворю. Хочу, чтобы и он был на пиру горчайшей тризны. Неужто обычная дань так тяжела, что есть охотники умереть, но не дать. Кому в радость пролитая нами кровь? Неужто почтение к венцу пращуров столь унижительно?

Речи князя-победителя казались странными, но в них не было зла, а только печаль. Древляне полюбили Ярополка. Всем городом искали своего князя.

На другой уже день привели свидетеля во дворец.

— Князя Олега, когда все на мосту давились, — сказал свидетель, — вместе с конем в ров спихнули. Я князю помочь не мог, на мне десятеро мертвых лежало.

Искали Олега во рву... И нашли.

— Господи, лучше бы ты, братьей, был с волками теперь! — заплакал Ярополк, не умея скрыть горя.

Пришел Свенельд посмотреть на мертвого обидчика своего. Личико у Олега было совсем детское, безусое, обиженное.

— Виждь! Ты сего хотел?! — вскрикнул Ярополк, сжимая себе горло — не расплакаться бы навзрыд. — Что тебе воздам за сию пагубу? Какую тебе награду пожалую?

Чужих и своих хоронили в одной могиле, для Олега насыпали всею киевской дружиной, всем Овручем высокий холм. Память о молодой, нелепо угасшей жизни, память человеческому безумству.

Во времена летописца Нестора холм стоял высок и надежно хранил грустные сказы о былом, о горе Русской земли, о княжеских междоусобицах. Могилу князя Олега Святославича показывали в Овруче еще при жизни первого историка нашего Карамзина...

Нынче курганы войной развеяны, тракторами перепаханы. Дома на прежних курганах, улицы — стрелами... Слава Богу, слово живо, слово помнит.

Не победителем возвращался князь Ярополк с быстрой, с легкой войны — братоубийцей.

В Овруче киевское войско подзадержалось. Свенельд послал в Новгород древлян, якобы бежавших от ярости победителей. Пусть князь Владимир узнает, что стало с Олегом. А ведь Олег невест великого князя не насильовал, не уводил в рабство.

Посланцы Свенельда догнали войско уже в обратном походе: князь Владимир с двумя женами, с Добрыней, со всеми приспешниками утек за рубеж, к варягам попался.

— Посылай своего посадника в Новгород,— сказал Свенельд Ярополку.— Отныне ты хозяин над всеми землями просторной Руси.

Свенельд был спокоен и бодр.

Но когда поплыли по Днепру, попросил вдруг князя остановиться.

Берега здесь были высокие, дали неоглядные.

— На этой круче похорони меня,— попросил Свенельд Ярополка, когда они прощались перед сном.

Князь удивился, не видя признаков слабости в старом, в могучем воеводе. Но Свенельд умер. Дождался зари. Приказал поднять себя, вывести из шатра. Ждал солнца из последних сил.

Лицо его просияло радостью, когда расцвел первый крошечный цветок великого светила.

— Оно взшло! — прошептал Свенельд, не отрывая глаз от небывало огромного румяного солнца.— Оно все-таки взшло!

Это были последние слова воина, мудреца, варяга, служившего Руси всю свою жизнь.

В Киев Ярополк вернулся всевластным правителем княжества и совершенно одиноким человеком.

Утешителю Блуду поверял раны своей души. Блуд слушал князя со вниманием, сострадавая, советы подавал искренние, разумные, и бояре поняли, кто меж ними первый.

Князь над снопами

Конец лета выдался знойным, богатые хлеба созрели рано, и, чтобы не потерять зерно, Ярополк послал на жатву всю свою дружину, всех гридней.

Смерды изумлялись неожиданной помочи, но о князе пошли разговоры вольные.

— Молодой у нас князек! — говорили высокомерные киевляне. — Ему бы нянькой быть! Не токмо слезки, сопли рабские готов утирать.

Ярополку пересуды о нем доносили. Огорчался. Однако ж наперекор злым языкам, вооружась мужеством, сам в поле вышел. Сказал на том хлебном поле при многих людях:

— Мне бы и впрямь быть князем над снопами. Вон как стоят, сердце радуя. А кому я плох, пусть знают: Ярополку хлебное поле дороже, нежели поле кровавое. Лучше снопы, чем бездыханные кочки.

Слова были горячие, но мудрые. Только жизнь тотчас посмеялась над незлобивым князем. Напали на веси печенеги. Многих людей увели в рабство.

Ярополк в погоню не кинулся, пригрозил:

— Ужо им будет на орехи!

Над этим «ужо» смеялись, будто раньше печенегов в помине не было. Поносили князя:

— Столько лет прошло, а за отца не отомстил — робкая душа!

Ярополк терпел, с ответным ударом не поспешил. Снесся сначала с венгерскими ордами, с гузами, взял на службу конницу переселенных отцом ясов и касогов, переждал зиму, распутицу и по хорошей просохшей дороге стремительно двинулся в страну печенегов.

Хан Ильдей изъявил покорность великому князю. А вот по многолюдной орде Кури мечи походили всласть.

Дважды увертливый Куря избежал плена, но два войска его были развеяны, а третья истреблена. Курю схватили в шатре Услады, среди женщин прятался.

Варяжко, приведший на веревке грозного печенега пред очи Ярополка, спросил:

— Как убить его?

— Он — волк, пусть и смерть его будет волчья, — решил участь смертного врага своего сын Святослава.

И отдал Варяжко Курю гузам.

Была большая охота. На охоте поймали матерого волка. Курю посадили волку на спину, привязали, как куклу, и пустили. Зверь кинулся в степь, и за ним погнались степняки с плетками. Зажимали волка конями с двух сторон, стегали, смертно стегали.

Первым дух испустил человек-волк, зверя добывать гузы не захотели...

Воротясь в Киев с великой победой, Ярополк напоказ горожанам принялся сажать деревья, привезенные греческими купцами из-за моря.

Удивляла киевлян и княгиня-гречанка. Александра брала в свою мастерскую, где вышивали золотом и серебром, девочек из самых бедных семейств. Не гнушалась посещать хижины, сама ходила за больными.

Народ ждал жатвы: будет ли князь трудиться, рожь да пшеницу жать?

Дождались. Вывел-таки своих гридней на поля, почтил сеятелей и жнецов.

Следующий, 979-й год выдался мирным, тихим. Печенежский хан Ильдей, рассорясь с другими ханами, пришел к Ярополку проситься на службу. Ярополк Ильдею обрадовался, дал ему на кормление города, волости.

Все было хорошо. Одно печалило князя. Из варяжских земель доносили: княгиня Рогнеда принесла Владимиру второго сына: первенец у нее Изяслав, а другой — Ярослав...

— У Владимира уже три наследника! — говорил жене Ярополк. — От варяжской княжны, от Оловы, у него тоже сын, Вышеслав... Плохой я муж, коли нет у нас детей.

Александра ласкала огорченного супруга, шептала:

— Будут и у нас ребяташки. Врач смотрел меня: я здорова. И ты здоров. Мы еще молоды.

— Так Владимир моложе меня!

— Бог дает каждому свое. Молись Иисусу Христу, а я помолюсь Богородице.

Ярополк вздыхал.

— Тяжело мне. Явно возношу жертвы Перуну, тайно молюсь Небесному Отцу. Я не даров Божьих достоин — кары.

— Не говори так! — пугалась Александра. — Не говори! Лучше о Господе вспомни. Согрешил, а потом скажи: Господи, помилуй. Помилует. Господь знает наши недуги и печали.

Молились вдвоем. Молитвы ободряли Ярополка. И Господь выказал Свою милость. Приехали в Киев послы василевса Василия с миром, с великими дарами.

Рассказали, как тяжело умирал цареубийца Иоанн Цимисхий. О его близкой смерти возвестила ужасная хвостатая звезда. Она была похожа на кипарис, всходила в полночь и сияла до зари. Целых восемьдесят ночей сие непостижимое чудо бродило по небу. Комета являлась на севере, взмывала в зенит, гасла при дневном свете на юге.

Лжетолкователи предвещали василевсу долгую жизнь, великие победы, но какой-то евнух поднес ему в питье яд. Все члены Иоанна одеревенели, могучее тело поразила слабость.

Болезнь застала Цимисхия в походе, он поспешил в Византий, исповедался у митрополита Николая Адрианопольского, поторопил мастеров дивного храма Спасителя при Халке закончить каменный гроб.

Так кончил жизнь победитель князя Святослава, убийца василевса Никифора.

Власть досталась наконец багрянородному Василию, сыну Романа. Освободившись от узурпаторов, истинный государь пожелал своей стране и своим соседям мира. Руси василевс Василий предлагал договор и ежегодную дань.

Ярополк договору обрадовался, утвердил все его справедливые статьи... У князя и в мыслях не было идти войной на болгар или на Корсунь... А помогать войском василевсу — дело доходное. Греки платят воинам щедро. Главное, договор о мире с василевсом — был радостью для Александры.

Княгиня расспрашивала послов о жизни Царьграда, узнала о судьбе Феофано: василевс вернул мать из ссылки.

Затмение луны и солнца

Три больших ветра обрушились на Киев. Первый в лютень. Поднял снега до небес, засыпал крепостные стены, издали казалось, что и нет их, стен, защиты крепкой. Второй ветер налетел ранней весной. Поднял прошлогоднюю листву, бросил на Киев. В городе долго пахло могилой. Третий ветер пришел с севера, сорвал крыши с домов, унес кур неведомо куда, людей подавил.

Хлопотно было Ярополку — всякая напасть на князе.

Многие заботы не утомляли, все делал в охотку. И Господь пожаловал великой радостью: княгиня понесла.

Приезжал из лесов Баян, пел новые свои песни. Упросил князя отпустить еще на полгода.

Ярополк не противничал: пусть так и будет.

Однажды лунной ночью позвала затейница Александра супруга в сад гулять: на полную луну смотреть.

— Ах, Ярополк! — говорила. — Как хорошо в такую ночь на родине моей, на Босфоре.

— Так у нас Днепр.

— Ярополк! Там другое. Там кипарисы, как темные свечи! Там такие запахи — голова кружится.

— Бабушка моя была в Царьграде. Бог даст, и мы...

— Ой, ой! — сказала Александра. — Знаю, как русские князья ходят на Царьград. Уж лучше здесь проживем...

— Можно и без войска в походы хаживать... — возразил Ярополк. — Бабушка насмелилась... Вот и мы с тобой для нашего сына пойдем в Царьград невесту просить.

— А если родится дочь?

— Отдавать дочь за море далеко, но для дружества ничего не жалко. За сына василевса посватаем, чтоб поглядела на Босфор всласть, как ее прекрасная матушка.

Александра нежно прислонилась к Ярополку.

— Туч нет, а что-то потемнело... Смотри!.. Луна закрывает. Лунное затмение!

— Скорее домой! — потянул жену Ярополк.

— Смотри, смотри! Это же чудо. Чего нам прятаться? От кого?

— От беды.

— От какой беды? С луной это бывает. Давай посмотрим.

И они смотрели, как белое светило медленно закрывала черная луна, как засверкали звезды во тьме, как луна освободилась от непрошенной гостьи.

— Что-то ведь будет,— сказал Ярополк.

— Затмение луны — небесное явление, и только,— не согласилась Александра.

— Хвостатая комета — тоже явление, а Цимисхия не стало.

— Не бери темного в голову, вот и будет тебе светло,— посоветовала Александра.

Всю ночь проворочался Ярополк, вздыхал, о Владимире думал, вспоминал несчастного Олега. Когда-то грели друг друга, лежа под дождем, забросанные сеном... Бывало, и соперничали. Олег ездой на коне похвалялся... Вон чем обернулось братство.

Вспомнил, как встретился с Владимиром, когда бабушка ходила на свою родину, как плыли на быстроходном струге по реке... Тоже ведь чувствовали братство. А потом ужас с Рогнедой, братоубийство, побег... От сего бегства приобретен Новгород. Что за Новгород? Никогда и не увидишь..

Горько было Ярополку. Хотелось детство вернуть, хотелось обнять Владимира.

Не знал: в эту же самую пору, когда он горюет об утраченной братской любви, в доме Блуда совершается кознь козненная.

Тайные посланцы Владимира сулят Блуду золотые горы за предательство.

Слово Блуда и теперь было в Думе самое весомое. Все в Киеве делалось, как он хотел. Боярину и золото льстило, и обещанные города для кормления, но более всего — нижайшее челобитие гордого князя. Блуд понял: от его согласия или несогласия зависит судьба династии Рюриков, всей жизни на просторах Киевского княжества, а потому думал быстро. Ярополк ни величия не обнаружил, ни особого княжеского достоинства. Не орел, не сокол: будет довольствоваться малым, что Бог даст. Вла-

димир же, как Святослав, на одном месте долго не усидит, вон как с невестой великого князя обошелся! В Святослава. Глядишь, за Дунай, как батюшка, кинется. И тогда Киев будет его, Блуда.

— Я готов служить пресветлому князю Владимиру,— сказал боярин, приосаниваясь, а сам подумал: это все затеи Добрыни.

Однако задаток будущим несметным сокровищам и милостям был истинно княжеский: ларец с иноземным серебром и золотом.

А жизнь текла себе! Солнышко каждое утро всходило и каждый вечер садилось.

Однажды к Ярополку пришли варяги-христиане, ударили челом построить церковь во имя Богородицы. Ярополк согласие дал. Тогда заволновались жрецы Перуна. Ярополк, задабривая идолопоклонников, подарил золото на усы деревянному громовержцу.

И тут произошло страшное. В полдень, в самый свет, в самый жар, солнце затмилось. Тьма покрыла город и землю, а от светила осталась одна корона. Засвистал ветер, поднял черные столбы пыли. Холодом дохнуло.

Затмение долгим не бывает, через час солнце сияло по-прежнему, но прежнего покоя в Киеве не стало.

Нашлись недовольные в дружине: князь скупко платит. Волновались горожане: войны нет, а Ярополк держит при себе большое войско. Кто-то тайно раздувал недовольство против варягов-христиан. Назревала смута.

Блуд посоветовал Ярополку распустить дружину, а христиан-варягов, чтоб не приключилось бойни, отправить хоть бы и в Родню. Там живут себе поживают со времен Ольги любящие Христа.

Ярополк спрашивал Александру, как ему быть. Она сказала.

— Князь без войска такой же горожанин, как все.

— Дружину я за неделю соберу,— возразил Ярополк.

— Что ж,— согласилась княгиня.— Может, люди и правы: войско стоит дорого, когда у него дела нет.

Дружину Ярополк распустил, но народу кротость князя не больно понравилась, хотя жизнь полегче стала, дешевле.

Всего две недели прожили в мире и тишине.

Вдруг прискакал гонец от Владимира и объявил:

— Велено сказать тебе, великому Киевскому князю: зане ты, Ярополк, убил неповинно брата Олега и меня обидел, сего ради я с войском иду на тебя.

— Опять война! Война с родным братом! — горестно воскликнул Ярополк, прикидывая, за сколько недель дойдет до Киева новгородская рать.

Всю ночь молился, собираясь утром разослать во все концы гридней, чтоб собрать поскорее дружину.

А утром прибежали дозорные:

— Под стенами войско.

Тотчас появился и боярин Блуд, в доспехах, с оружием.

— Великий князь! Мой меч «Светоносец» готов служить тебе верой и правдой.

— Ты моя крепкая надежда, — обнял Ярополк Блуда.

Пленник обмана

Князь Владимир навел на Русь варягов, новгородцев, кривичей, чудь.

Ярополк взошел на стену и осмотрел войско брата. Вернулся во дворец повеселевший.

— Когда с бабушкой сидели, печенегов были тьмы. У Владимира людей не густо. Он и на приступ пойти не осмелится.

Киевляне своего князя встречали радостно, обещали не унывать, стоять крепко.

Миновала неделя. К Блуду пробрался лазутчик. Князь Владимир Перуном заклинал боярина послужить правому делу. «Коли убью брата с твоею помощью, — передал тайный человек слова Владимира, — буду иметь тебя вместо отца. Не я начинал избивать братьев, а злой Ярополк. Боясь смерти от него, был я в варягах, а теперь пришел сюда сам».

Блуд ответил, изображая простодушие:

— Мое сердце с тобой, князь, с истинным слугой Перуна. Ярополк двулик, явно возносит жертвы богам

отцов, а по ночам молится Распятому. Послужу тебе, князь, как могу.

И принялся нашептывать Ярополку об измене. Бояре-де хотят перебежать к Владимиру. Никому в Киеве верить нельзя, ненадежны. Только и ждут, когда Владимир на приступ пойдет. А как пойдет, у горожан сговор — схватить своего князя и головой выдать.

— Что же делать? — спрашивал Ярополк, теряя волю.

— Надо бежать из города!

— Но куда?!

— Да в Родню. Там твои варяги. Твои христиане. Там ты сядешь крепко.

Родню избрал для Ярополка Добрыня. Блуд через своих людей вывез запасы хлеба из города. За хлеб заезжие купцы платили хорошую цену. Деньги у Владимира были: у новгородских гостей одолжил.

Помаялся-помаялся Ярополк, ожидая предательства от киевлян, и согласился бежать. Выждал ночь потемнее, ушел со своей дружиной, с беременной женой, с верным Блудом.

Киев принял Владимира не радостно, но принял. Владимир устроил небывалые жертвоприношения Перуну. Одарил жрецов, задал пиры горожанам. И отправил войско во главе с Добрыней под Родню.

В первую же неделю осады в городе начался голод.

— Как могли продать хлеб в такое время?! — сердился Ярополк. — До нового урожая дожить надо!

Блуд гневался ужасно:

— Безмозглые людишки! На деньги прельстились. А хлебушек-то теперь у Владимира с Добрыней. Их дружина кушает досыта.

Княгиня Александра, видя бедствие, просила Ярополка:

— Город, слава Богу, на реке. Рся многоводна. Уплывем на стругах в море, уплывем в Константинополь, у меня там огромное наследство. Василевс Василий поможет тебе, войско даст. Настродался от узурпаторов.

— Бросить княжество? Навести на своих же людей чужую рать? Да чем я тогда буду отличаться от Владимира?

А голод становился жутким. Люди опухали, мертвые лежали на улицах.

— Господи! — молился Ярополк.— Не убивай за мои грехи неповинных.

Подоспел и Блуд с советом:

— Нашей силы не хватит, чтоб одолеть силу Владимира. Смирись, великий князь, проси мира у брата. Брат он и есть брат. Родная кровь. Уж как-нибудь поладите.

И Ярополк склонился ехать в Киев на милость меньшого брата.

Варяжко в ноги кинулся Ярополку:

— Не ходи, князь! Не ходи к Владимиру. Убьют тебя. Побежим лучше к Ильдею. С печенегами воротимся и поглядим, кто кого!

— Я грешен,— не согласился Ярополк.— На мне кровь брата Олега. Чем ее смоешь, как не смирием? Позор, Варяжко, сладок, коль очистителен.

— Варяжко прав! Ты погубишь себя, и меня, и свое будущее! — Княгиня Александра показала на живот.

— Господь не оставит меня! — улыбнулся Ярополк.— Тайно, подло, но я всегда веровал в Господа. Господи, помилуй всех нас!

Короткий шум дубов

«Беда как на Родне», — будут говорить через века о городке, принявшем под свою защиту князя Ярополка.

Князь отправился в Киев с небольшой дружиной. В пути все думал, все горевал, что не так жил. Можно было столько доброго сделать! Построить дома бездомным, приголубить одиноких, накормить досыта голодных.

Можно и нужно было строить храмы Господу, как строила бабушка. Она, женщина, не боялась всесильных язычников. Перед ней трепетали.

К Киеву подъехали утром.

Ярополк долго смотрел на Днепр. В глазах стояло великое хождение с отцом на стругах. По городу ехал с озаренным лицом.

— Наш-то каков! — говорили киевляне, радостно кланясь Ярополку.

Дружину остановили перед княжеским дворцом.

— Ну уж подождите,— сказал Ярополк, смущенно улыбаясь своим верным воинам.

Во двор вошел с десятью телохранителями, с Варяжкой и с Девятым. Девятой, исполняя службу оруженосца, нес княжеские доспехи.

Двор был пуст. Сердце у Ярополка сжалось от этой тревожной пустоты.

Но на крыльце люди были. Остановили телохранителей, сказали:

— Князь Владимир ждет тебя одного.

Двери были распахнуты. В проеме темно.

— Дозволь мне пойти впереди тебя! — попросился Девятой.

— Здесь меня подожди, на солнышке,— сказал Ярополк.

— Князь, не ходи туда! — прошептал Варяжко.

— Там мой брат,— ответил Ярополк.

Взбежал по ступеням, шагнул в двери, и в тот же миг с двух сторон варяги подняли его на свои длинные мечи под пазухи.

Голова пошла кругом. Почудилось — дубы прошумели. Да так коротко, как его собственная, обрывающаяся теперь жизнь. Кто-то сказал ему: «Коли не побережешь брата, брат тебя тоже не побережет».

— Я согласен,— ответил Ярополк.— Все правильно. Так Бог судил.

Двери тотчас затворились, чтоб дружинники не увидели, что сделалось с их князем. А он уже лежал на полу, в крови, и слышал радостный крик верного Блуда:

— Великий князь кончился! Слава Владимиру!

Последнее

Варяжко с мечом в руках ушел со двора, ушел из Киева, объявился у печенегов. Много раз приводил орду под Киев и все же смирился, поступил на службу к Владимиру.

Грекиню Александру, хоть и беременную, Владимир взял в свой дом третьей женой. Она родила Святополка — боль-

шую беду для сыновей Владимира, для всей Русской земли.

Жизнь жестока. Убийца Ярополк стал светочем нашего Отечества. Утвердившись на киевском столе, Владимир сначала побил христиан, водрузив идолов, потом побил язычников, насильно крестил киевлян и Русь.

Владимиру служил Илья Муромец и вся богатырская рать. Он — равноапостольный, он — Красное Солнышко.

А Ярополк в вечной тени... Его имя чернили, его обвиняли в коварстве, забыв, что все они: Владимир, Олег, Ярополк — были в горькие годы междоусобиц совсем юные.

История, как ноты, играет по этим нотам всяк по-своему.

Мы любим говорить нынче модное слово «пассионарии». Народы-де живут-живут и вдруг — пырх! Как терева из-под снега, и вот уже мир содрогается от неожиданного нашествия.

Был вещий Олег — ходила Русь во все стороны и побеждала. Был Игорь — ходила Русь по-прежнему, но отовсюду возвращалась побитая. Святослав — уничтожил Хазарию и чуть было не завоевал для своего народа далекие теплые земли. Сын его Ярополк хотел покоя и мира...

Неспокойство от беспокойных людей. Всех особо беспокойных мы по именам знаем: Аттила, Александр Македонский, Чингисхан, Наполеон... Каждый народ помнит своих великих и страстных непосед.

Правитель, дающий народу покой и мир, — знаменитым не бывает. И покуда ценности у человечества таковы, покоя и мира ждать не приходится.

КОММЕНТАРИИ

БАХРЕВСКИЙ ВЛАДИСЛАВ АНАТОЛЬЕВИЧ (род. 1936) — современный русский писатель. Окончил Орехово-Зуевский пединститут. Печататься начал с 1959 года; первая книга «Мальчик с Веселого» вышла в 1960 году. В 1967 году стал членом Союза писателей. Многие его произведения адресованы детям и юношеству. Особенно плодотворно работает писатель в жанре исторического романа. Признание читателей получили его книги «Хождение встреч солнцу» (1967) (о Семене Дежневe), «Вспокоенный колокол» (1972), «Тишайший» (1984) (о царе Алексее Михайловиче), «Никон» (1988), «Виктор Васнецов» (1989), «Долгий путь к себе» (1991) (о Богдане Хмельницком), «Василий Иванович Шуйский, всея Руси самодержец» (1995) и другие. У В. А. Бахревского вышло более шестидесяти книг.

Роман «Ярополк» публикуется впервые.

Стр. 12. ...*старицы*... — то есть староречь, полностью или частично отделившиеся от реки участки ее прежнего русла.

Стр. 18. *Род* — в славяно-русской мифологии бог — родоначальник жизни, дух предков, покровитель семьи и дома. *Сварог* — бог неба, небесного огня, отец Дажбога и Сварожича — бога земного огня.

Стр. 27. *Велес* (Волос) — «скотий бог» в славяно-русской мифологии. *Микула Селянинович* — богатырь-пахарь, герой русских

былин «Вольга и Микула Селянинович», «Святогор и Микула Селянинович».

Стр. 37. ...*молодой князь Святослав*...— Святослав I (?—972) — князь Киевский, сын князя Игоря. До 969 г. при нем правила княгиня Ольга, поскольку жизнь его проходила в походах. В 964 и 966 гг. ходил на вятичей, в 965 г. разгромил Хазарское царство, воевал с волжско-камскими булгарами, на Северном Кавказе разбил ясов и касогов. В 968 и 971 гг. совершил походы в Болгарию, в 971 г. воевал с Византией. Погиб в бою с печенегами.

Правительница, княгиня Ольга, крестившаяся в Царьграде...— Ольга (?—969) — княгиня, жена киевского князя Игоря. Около 957 г. приняла христианство.

...*гридни*...— в Древней Руси княжеские дружинники, телохранители князя, жили в дворцовых помещениях — гридницах.

Стр. 43. ...*саадак*...— в старину так называли лук с налучником и колчан со стрелами.

Стр. 44. ...*персидский царь Дарий*.— Дарий I — царь государства Ахеменидов в 522—486 гг. до н. э.

Стр. 49. ...*весь*...— деревня, село.

...*корчага*...— большой глиняный горшок.

Стр. 55. ...*явор*...— белый клен.

Стр. 61. ...*полюдьё*...— ежегодный объезд земель, который совершали древнерусские князья, бояре-воеводы с дружинниками в X—XIII вв. с целью кормления и сбора податей.

Стр. 64. ...*ариш*...— арийцы — название народов, принадлежащих к индоевропейской языковой общности.

...*скифы*...— древние племена в Северном Причерноморье (VII—III вв. до н. э.), которые делились на «царских», «кочевников», «земледельцев», «пахарей». В IV в. до н. э. создали Скифское государство, но после разгрома готами растворились среди других племен. Скиф — легендарный потомок библейского Иафета (сына Ноя), имя Скиф — символ связи между древними славянами и скифами.

Стр. 72. ...*великой Хазарии*...— Хазарский каганат — раннефеодальное государство VII—X вв. Столица Семендер, с VIII в. Итиль. До IX в. каганат был огромной империей, обнимавшей почти всю южную половину Восточной Европы, но ко времени правления Иосифа (середина X в.) размеры его сильно сократились: обрели самостоятельность волжско-камские булгары, из славянских племен под их властью были лишь вятичи, с востока подступали гузы, вышли из-под власти Крым и Алания.

Стр. 73. ...*каган*...— структура верховной власти у хазар была такова: во главе каган, пользовавшийся величайшим почетом, но не обладавший никакой властью. Реальная власть была в руках царя — «илька» или «бека» — каган-бека. Верховный каган жил в затворничестве, царь входил к нему босой и падал ниц. Кроме царя допускались к кагану кендер-каган и чаушиар — сановники, равные по достоинству царю.

...*могуществу рода Ашинов*...— Каган избирался из одной и той же знатной фамилии, хазарский каган происходил из рода Ашина.

...*Тысяцкий*...— военный предводитель городского ополчения («тысячи») на Руси до середины XV в.

Стр. 74. ...*богоподобного кагана Иосифа*...— Хазарский каган Иосиф, правивший в середине X в. (между 954 и 964 гг.), известен еще тем, что рассказал историю Хазарского царства в письмах, отвечая на запрос испанского сановника еврея Хасдая ибн Шафрута.

...*византийские василевсы*...— Василевс — титул византийских императоров.

Стр. 75. ...*гузских племен*...— Гузы — одно из наименований уйгуров; в них произошло смешение разных племен. Как и другие тюрки, они почитали бога Тенгри.

Стр. 76. ...*сарматы*...— объединенные кочевые скотоводческие племена (аланы, роксоланы, савроматы, языги и др.). Они в III в. до н. э. вытеснили из Северного Причерноморья скифов, в IV в. до н. э. были разгромлены гуннами.

Стр. 80. ...*князь Рюрик*...— по летописям, начальник варяжского военного отряда, якобы призванный ильменскими славянами вместе с братьями княжить в Новгороде; основатель династии Рюриковичей.

...*князь Олег* (?—912) — первый исторически достоверный князь Киевской Руси. Правил в Новгороде с 879 г., в Киеве с 882 г. В 907 г. совершил поход в Византию.

Стр. 84. ...*царь Давид*...— царь Израильско-Иудейского государства в конце XI в.— ок. 950 г. до н. э. По библейской легенде, юноша Давид победил великана Голиафа.

Псалтирь (псалтырь) — щипковый музыкальный инструмент.

Стр. 87. *Мне не дадут дожить на царстве до сорокового... года*.— Кагана убивали, если в стране случались беды (пожары, засуха или наводнение) или если он правил больше сорока лет.

Стр. 88. ...*Чудь*... — они же эсты, а также другие финские племена к востоку от Онежского озера, по рекам Онеге и Северной Двине.

Стр. 90. ...*в землю буртасов*... — Буртасы — племенной союз V—XI вв. в Среднем и Нижнем Поволжье. С VII в. был под властью хазар, затем Киевской Руси, ассимилировались и слились с волжско-камскими булгарами и другими народами.

Стр. 91. ...*князь Игорь* (?—945) — великий князь Киевский с 912 г., фактический родоначальник династии Рюриковичей. Он, как и Олег, подчинял своей власти восточнославянские племена между Днестром и Дунаем. В 913 г. пошел в поход по побережью Каспия, в 941 г. совершил неудачный поход в Константинополь, в 944 г. заключил с греками мир. Был убит древлянами, когда пришел к ним за данью.

Стр. 93. *Миро*... — ароматическое деревянное масло, употребляемое в христианских обрядах (миропомазание).

Стр. 98. *Владимир I Святославич* (?—1015) — князь Новгородский с 969 г., Киевский с 980 г. Покорил вятичей, родимичей, ятвягов, воевал с печенегами. В 988—989 гг. ввел христианство как государственную религию. В русских былинах называется Владимир Красное Солнышко.

Стр. 107. ...*ромей*... — В X в. византийцы считали себя римлянами, по-гречески ромеями.

Стр. 115. ...*Аскольд* (?—882) — древнерусский князь, по преданию, правил вместе с Диром в Киеве, в 866 г. осаждал Царьград, был убит князем Олегом.

Стр. 120. ...*Кий* — легендарный основатель Киева вместе с братьями Щеком и Хоривом, первый его правитель.

Стр. 125. *Оттон I* (912—973) — германский король с 936 г., император Священной Римской империи с 962 г.

Стр. 126. ...*епископ Адальберт Пражский* (955—997) — древнего чешского рода, при крещении получил имя Войтех. В 993 г. удалился из Праги в Рим. Изгнанный позже чехами, уехал в Польшу, затем в Пруссию, где был убит.

Стр. 130. *Константин VII Багрянородный* (905—959) — соправитель отца, византийского императора Льва VI, с 911 г., византийский император с 913 г., с 920 г. — соправитель Романа I и его сыновей, с 945 г. — самодержец. Он является автором сочинений, содержащих важные сведения о русско-византийских отношениях.

Стр. 145. *Ферязь*... — женское платье, застегнутое донизу, покроя сарафана.

Стр. 149. ...*уй* (вуй) — дядя по матери.

Стр. 150. *Сечень* — январь.

Стр. 158. «*Что за юрта посреди степеней?..*» — Стихи из книги «Поэзия древних тюрков VI—XII веков». М., 1993. С. 84, 86, 91 («Гадательная книга»).

Стр. 165. ...*каймак*... — сливки, снятые с топленого молока.

Стр. 168. *Иисус Навин* — в библейской мифологии слуга и сподвижник Моисея, который не является автором Книги Иисуса Навина Ветхого Завета (V в. до н. э.)

Саваоф — Бог, в иудаизме он еще носит имена Яхве, Иегова, Ягве.

Стр. 172. *В пламени огня на терновом кусту Бог явился Моисею*... — В библейской мифологии в горящем, но не сгорающем кусту терна — неопалимая купина — бог Саваоф явился Моисею, призывая вывести соплеменников в обетованную землю.

Стр. 173. «*Пятикнижие пророка Моисея*» — первые пять книг Библии (в иудаизме называемой Тора): Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие. Основная часть создана в IX—VII вв. до н. э., окончательная редакция — в V в. до н. э.

Стр. 182. *Каин* — в библейской мифологии старший сын Адама и Евы, который из зависти убил брата Авеля и за это был проклят Богом.

Стр. 185. *Ярило* — божество славяно-русской мифологии, связанное с мужским плодородием.

Стр. 187. ...*рамень*... — лес, соседний с полем.

Стр. 193. ...*с Самсоном-богатырем, у него на голове семь власов Ангельских*... — В библейской мифологии древнееврейский богатырь Самсон обладал необыкновенной силой, которая таилась в его длинных волосах. Далила остригла Самсона и помогла филистимлянам заковать и бросить его в темницу. Но там волосы у него отросли, и, вновь обретя силу, он разрушил храм, под развалинами которого погибли филистимляне и сам Самсон.

Стр. 202. ...*сакма*... — тюркское название конных степных путей на южной границе Русского государства.

Стр. 203. ...*комель*... — нижняя, прилегающая к корню часть дерева.

Стр. 214. ...*гиперборей*... — Гиперборейцами в греческой мифологии назывались жители райской страны по ту сторону северного ветра, то есть северо-восточной оконечности Азии (Камчатка, Курильские острова) и Северо-Западной и Северной Америки.

Стр. 218. ...*куяк*... — шлем.

Стр. 223. *Аттила* (?—453) — вождь гуннов (433—453), совершал опустошительные набеги на Восточную Римскую империю и Иран, разрушил ряд городов Северной Галлии. В 452 г. близко подступил к Риму.

Стр. 224. ...Итиль... — в средние века так называли Волгу в арабской и персидской литературе.

Стр. 231. ...ревун-зоревник... — сентябрь.

Стр. 234. Апокрисиарий... — апокрициарий (*греч.*) — с IV в. представительство епископов и пап.

...паволок да прандий... — названия нарядных тканей.

Стр. 238. ...рало... — орало — плуг, соха.

Стр. 243. Мишну... — еврейский религиозно-юридический сборник.

Стр. 244. Шапур I (?—272) — царь Ирана с 239 или с 241 г. ...шах Кавад I (?—531) — царь государства Сасанидов в 488—496 гг. и с 499 г.

Стр. 245. Фотий (ок. 810 или ок. 820 — 90-е гг. IX в.) — константинопольский патриарх в 858—867 и в 877—886 гг. Способствовал распространению влияния византийской церкви в Болгарии, Моравии, на Руси; автор богословских сочинений.

...испанские каббалисты... — сторонники мистического течения в иудаизме. Возникло в IX в., развито в XIII в. в Андалусии. Каббалистика основывалась на вере в то, что при помощи специальных ритуалов и молитв человек может вмешиваться в божественно-космический процесс.

Стр. 246. «Екклесиаст» — Екклесиаст — название ветхозаветной библейской книги, которая в русской Библии помещается среди Соломоновых книг, а в еврейской Библии между «Плачем Иеремии» и книгой Есфирь. Название от греческого «когелет» — проповедник.

Стр. 249. На дне реки строители возвели дом-селение из двадцати... палат.— Кагана хоронили в сложном сооружении, будто бы даже под водой; строили дворец из двадцати комнат, в каждой была могила, в одной помещали тело кагана.

Стр. 253. Моисей получил от Бога скрижали Торы.— В библейской мифологии предводитель израильских племен Моисей был призван богом Яхве вывести израильтян из фараонового рабства сквозь расступившиеся воды Черного (Красного) моря. На горе Синай Бог дал Моисею скрижали с десятью заповедями.

Стр. 277. ...копейщики... — ратники с копьями.

Стр. 289. ...Арабский историк ибн Хаукаль... — Арабский историк Абу Исхак Истархи создал «Книгу путей и стран» в 951 г., в 977 г. ее подверг основательной обработке Абу ль Касин ибн Хаукаль, оставив без изменения название.

...ясы... — аланы, ираноязычные племена сарматского происхождения, жившие в Приазовье и Предкавказье.

...касоги... — адыги, многочисленные родственные племена на Северном Кавказе, предки адыгейцев, кабардинцев и черкесов.

Стр. 290. *Мукаддаси*.— Вместе с Истархи и ибн Хаукалем классическим представителем арабской науки был в X в. Абу Абдаллах ибн Ахмед ибн Абу Бекр ал-Мукаддаси, его труд «Наилучшее распределение для познания стран» был написан после путешествия почти по всем странам ислама (985).

Стр. 291. *Фахр-адд-Дин Мохамед ибн аль Хатыб ар Рези* (1149—1209) — арабский энциклопедист, автор «Энциклопедии» и многих сочинений по естественным наукам, истории мусульманства, философии, астрологии, исламской догматике и др.

Стр. 292. ...*праздник Сретенья Господня*...— один из двенадцатых праздников в память принесения младенца Иисуса во храм, отмечается 2 февраля.

...*Роман I Лакапин* (?—948) — византийский император с 921 г. Отвоевал у арабов многие территории, отразил нападение на Византию князя Игоря, остановил поход болгар на Константинополь. В 944 г. заключил мирный договор с Русью. Был низложен в 944 г. сыновьями.

Стр. 293. *Никифор Фока* (ок. 912—969) — византийский император с 963 г., был знатного малоазиатского происхождения. Проводил политику, враждебную столичной знати, был против роста церковно-монастырского землевладения. Провел военную реформу, сделав главной тяжелой конницу — катафракту. Отвоевал у арабов Киликию, Северную Сирию, Кипр. В 966 г. начал войну с Болгарией.

Храм Софийа...— Софии храм, Айя-София в Стамбуле (Константинополе) наиболее значительный памятник византийского зодчества. Сооружен в 532—537 гг. Анфилиеем из Тралл и Исидором из Милета.

Стр. 299. *Дука*...— должность вначале была только воинской, но с X—XI вв. дука получил помимо воинской еще и гражданскую власть в местах, где происходила война.

Стр. 302. ...*боевые дромоны*...— В византийском флоте дромон или более древнее название «триера» — это длинное весельное судно, которое вмещало 230 человек команды и 60 воинов. Дромоны снабжались специальными сифонами для выброса на вражеский корабль «греческого огня» — смеси нефти, смолы и серы.

Стр. 303. *Василий и Константин*...— Василий II и Константин VIII считались императорами наряду с Никифором Фокой, а позже Цимисхием.

Иоанн I Цимисхий (ок. 925—976) — византийский император, с 969 г., из знатного армянского рода Коркуасов. Придя к власти, роздал свое имущество бедным, занимался много устрой-

ством-внутренних дел, обратившись к внешним, воевал с сарацинами, одержал победу над русскими войсками при Доростоле, совершил две экспедиции на Восток, в результате которых возвратил власть над Сирией и Финикией. Ему удалось сделать и Болгарию на время провинцией Византии. Был отравлен.

Стр. 304. ...в ссылке...— Цимисхий был сослан в Халкедон после конфликта с братом Никифора Фоки Львом.

...куролапат...— В VI в. так назывался начальник дворцовой стражи, впоследствии это стало высокой дворцовой должностью, которую занимали в основном члены императорской фамилии.

Стр. 309. *Василий II Болгаробойца* (958—1025) — византийский император с 976 г. Подавил восстание малоазийской знати (976—979, 987—989), покорил Болгарию (1018). В 995 г. предпринял успешный поход в Сирию, захватил армянские и грузинские земли. Его сестра Анна была замужем за киевским князем Владимиром.

Стр. 311. *Василий I* (ок. 836—886) — византийский император с 867 г., основатель Македонской династии. Вел борьбу с арабами на востоке империи и в Италии.

Стр. 313. *Полиевкт* — патриарх с 956 по 970 г., один из наиболее влиятельных иерархов византийской церкви, после смерти Романа играл ведущую роль в делах страны.

Петр (?—969) — болгарский царь, сын Симеона.

Симеон (878—927) — болгарский царь с 893 г., вел упорную борьбу с Византией.

Стр. 316. ...патрикий...— придворный титул высшего ранга, введен Константином Великим.

Стр. 317. *Геродот* (между 490 и 480 гг.— ок. 425 г. до н. э.) — древнегреческий историк, прозванный «отцом истории».

Стр. 327. *Ромеи катафракты*...— всадники в византийском войске, лошади которых были защищены панцирями.

Стр. 328. *Лев Диакон* (род. ок. 930) — византийский хронист, историк, жил в Константинополе. Его хроника в десяти книгах охватывает события византийской истории от воцарения Романа II до смерти Иоанна Цимисхия (959—976), но есть свидетельства и до 992 г. По русской истории его книги важны как основные источники истории войны Святослава с греками (см. изд.: Л е в Д и а к о н. История. М.: Наука, 1988).

Стр. 330. *Василий Кесарийский* (ок. 330—379) — церковный деятель, богослов, философ, платоник, епископ г. Кесарии (Малая Азия), в «Шестодневе» изложил принципы христианской космологии.

Стр. 334. ...клевец...— оружие: молоточек с клювом на древке.

Стр. 345. *Юстиниан* (482 или 483—565) — византийский император с 527 г., провел кодификацию римского права.

Доместик схол... — в IX—X вв. главнокомандующий в византийских войсках.

Стр. 346. *Стратиг...* — полководец.

Стр. 371. *Никифор носил красную обувь не по рождению...* — Право носить пурпурную обувь принадлежало только императору. *...убрус...* — платок.

Стр. 377. *...Нестор-летописец... в «Повести временных лет»...* — «Повесть временных лет» — общерусский летописный свод, составленный в Киеве во втором десятилетии XII в. Нестором. История Руси в ней связана со всемирной историей и историей славянства. «Повесть» легла в основу большинства сохранившихся летописных сводов.

Стр. 386. *...юный царь Борис...* — Борис — болгарский царь, сын царя Петра, правил с 969 г. Тогда же князь Святослав занял его главный город Преславль, а Бориса пленил; в 971 г. его взял в плен Цимисхий. В 978 г. Борис с братом бежали, но в Болгарии он был убит.

Стр. 393. *...корзно...* — плащ.

Стр. 429. *Рогволод Всеславич* — князь Полоцкий, упоминается в летописи под 1127 г. Умер в 1127 или 1128 г.

Рогнеда (?—1000) — дочь Рогволода, после убийства отца и братьев принуждена была стать женой князя Владимира. Мать Ярослава Мудрого, родоначальница полоцкой ветви Рюриковичей.

Стр. 433. *...перевязка...* — зверек семейства хорьков.

Стр. 440. *...хвостатая комета...* — Появление кометы, упоминаемое в «Истории» Льва Диякона, относят к 3 августа 975 г.

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ И КНЯЖЕНИЯ ЯРОПОЛКА I СВЯТОСЛАВИЧА

Начало 60-х годов X века

Рождение Ярополка Святославича. Тайное крещение его бабкой княгиней Ольгой. Младенчество и детство в Киеве под опекой княгини Ольги.

965 год

Поход князя Святослава на хазар, взятие Белой Вежи, разгром Хазарского каганата.

Поход князя Святослава на волжско-камских булгар и Северный Кавказ.

966 год

Поход Святослава на вятичей.

967 год

Первый поход князя Святослава в Болгарию. Победив, он сел княжить в г. Переяславле на Дунае.

968 год

Вторжение печенегов на Русскую землю, осада ими Киева, в котором оставались княгиня Ольга с князьями Ярополком, Олегом и Владимиром.

Возвращение Святослава с войском, победа над печенегами.

969 года

11 июля — смерть княгини Ольги.

970 год

Святослав посадил на стол Ярополка в Киеве, Олега отправил к древлянам, Владимира — в Новгород, сам вновь ушел княжить в Переяславль.

971 год

Борьба Святослава с болгарами.

Святослав в союзе с болгарами и венграми начал войну с Византией. Бои у Большого Преслава и Доростола. Трехмесячная осада Цимисхием русских войск.

Лето — заключение мира.

972 год

Гибель князя Святослава в бою с печенегам. Сосредоточение всей верховной власти на Руси в руках Ярополка. Противостояние с братьями Олегом и Владимиром.

975 год

Сватовство Ярополка к Рогнеде Полоцкой.

980 год

Лето — гибель на охоте сына Свенельда Люта. Поход Ярополка в древлянскую землю. Гибель князя Олега.

Ярополк посылает своих посадников в Новгород. Владимир бежал из Новгорода.

Возвращение князя Владимира и его поход с наемными варяжскими войсками к Киеву. Взятие Полоцка. Осада Киева.

Ярополк бежит в г. Родню. Владимир призывает его на переговоры. Ярополк отправляется в Киев. Убийство князя Ярополка.